

УКРАЇНСЬКА І СЛОВ'ЯНСЬКА ЛЕКСИКОГРАФІЯ

Національна академія наук України
Інститут української мови

**УКРАЇНСЬКА І СЛОВ'ЯНСЬКА ТЛУМАЧНА
ТА ПЕРЕКЛАДНА ЛЕКСИКОГРАФІЯ**
ЛЕОНІДОВІ СИДОРОВИЧУ ПАЛАМАРЧУКОВІ

КИЇВ 2012

Не все сплива рікою часу...

Alfred Aman

ЗМІСТ

ПРОФЕСОР ЛЕОНІД СИДОРОВИЧ ПАЛАМАРЧУК – ВИДАТНИЙ ЛЕКСИКОЛОГ І ЛЕКСИКОГРАФ

І. С. Гнатюк

Наукова спадщина Леоніда Сидоровича Паламарчука
в контексті сьогодення 8

В. О. Винник

Як створювався академічний тлумачний “Словник української мови”
в 11-ти томах 16

Праці доктора філологічних наук, професора
Леоніда Сидоровича Паламарчука (***І. А. Самойлова***) 28

ТЛУМАЧНА І ПЕРЕКЛАДНА ЛЕКСИКОГРАФІЯ: ТЕОРІЯ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВИ

П. Ю. Гриценко

Авторська лексикографія: Тарас Шевченко 40

С. Я. Єрмоленко

Семантичний діапазон слова в словнику епітетів
і в тлумачному словнику 70

Н. Ф. Клименко

Словотвірна аналогія в метамові перекладних словників 80

К. Г. Городенська

Граматична інформація в словниках української мови 90

Н. О. Данилюк

Словник мови Лесі Українки (на матеріалі збірки “На крилах пісень”) 97

Рајна Драгићевић

Семантично-деривациони речник српског језика
у лексиколошким истраживањима 105

В. В. Дубічинський, Тільманн Ројтер

Теоретичні та практичні засади лексикографічного опису
українсько-німецьких лексичних паралелей 114

М. В. Жуйкова

Оптимізація зони тлумачення в модерному фразеологічному словнику ...120

В. С. Калашник

Поетична мова як об’єкт лексикографії 127

Є. А. Карпіловська

Стратифікація лексики в тлумачному словнику 134

Т. Ю. Ковалевська

Прикладні аспекти укладання асоціативних словників 140

Ж. В. Колоїз, Н. М. Малюга

Перспективи лексикографічного опрацювання паремій 146

М. П. Кочерган

Про структуру статті в словнику міжмовних омонімів 153

О. П. Левченко

Перекладна слов’янська фразеографія: теоретичні засади
та практична реалізація 158

В. П. Лемцюгова Слоўнік мовы “Нашай Нівы” ў кантэкспе беларускага нацыянальнага адраджэння пачатку ХХ ст.	164
О. І. Бондар Развиток українського діалектного словникарства на початку ХХІ століття	171
Г. І. Мартинова Специфіка реєстру й тлумачення лексем у словнику середньонаддніпрянських говірок	177
Л. М. Пелепейченко Фактор адресата у виборі принципів укладання двомовних словників	186
М. Я. Плющ Лексикографічне тлумачення дієслівної лексеми	193
О. Д. Пономарів Лексичні й акцентуаційні вади в українських словниках	198
Ю. Ф. Прадід Способи тлумачення значення прислівникових фразеологізмів	202
Л. В. Рычкова Фактологическая база для лексикографирования специальной лексики белорусского языка	210
Л. О. Симоненко Термін у загальномовних словниках	218
С. П. Бибик Іменники розмовного вживання в тлумачному словнику (формула тлумачення “те саме, що”)	225
Б. К. Галас Рукописні словники ХІХ – початку ХХ ст. як важливий резерв для підготовки нових тлумачних словників української мови	231
Н. П. Дарчук, Л. А. Алексієнко Корпус української мови як джерело для мовознавчих досліджень	238
Є. Г. Кравченко Лексикографічна інтерпретація граматичної варіантності (професійний варіант норми)	246
Н. Є. Лозова Засади укладання двомовних словників у доробку С. І. Головащука (до 90-річчя з дня народження)	254
Т. Я. Марченко Лексикографічне опрацювання словотворчих одиниць: теоретичні засади та основні здобутки	259
Л. В. Мовчун Лексикографічний опис римотвірних властивостей української мови	266
Л. М. Мялковська Синонімічний ряд із значенням ‘думати’ у словниках і в художніх текстах І. Нечуя-Левицького	274
Н. В. Сніжко Тлумачний словник як скарбниця знань про мову, світ та духовність у площині інтегрального моделювання	282

В. Ф. Старко	
Пареміографія в корпусну добу: з досвіду укладання “Електронного англійсько-українського словника прислів’їв”	291
В. І. Ярмач	
Розвиток українського лексикону в світлі концепцій Л. С. Паламарчука	298
СЛОВ’ЯНСЬКА ЛЕКСИКОГРАФІЯ: СТАН І КРИТИКА	
М. І. Чернышева	
“Словарь русского языка XI–XVII вв.” и “Материалы для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского (критический анализ).....	308
Ненад Ивановић	
Лексикографски метајезик као средство за конципирање граматичког описа (на материјалу из речника САНУ)	316
К. А. Максимович	
“Материалы для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского и современные академические словари древнерусского языка: критические заметки	331
И. А. Малышева	
О внешней критике “Словаря русского языка XVIII века”.....	338
Majda Merše	
Vloga kritike v slovenskem slovaropisju	349
С. А. Мызников	
О верификации данных в региональных диалектных словарях	376
Стана Ристић	
Особине стереотипа мајка на материјалу тезаурисног речника савременог српског језика	381
Бранка Тафра	
Что в хорватской лексикографии является <i>заглавным словом</i>	391
В. В. Шаповал	
Ошибки словаря и личность автора	417
Л. Л. Шестакова	
Опыты рецензирования словарей в ранней русской писательской лексикографии	424
В. К. Шчэрбін	
Асноўныя крытэрыі ацэнкі тлумачальных слоўнікаў (на матэрыяле беларускіх слоўнікавых рэцэнзій)	431
Alexandra Jarošová	
Kritika slovenských slovníkov a koncept normy	438
ДОДАТОК	
Перспект (інструкція до укладання) словника української мови (тлумачного)	446
Автори	481

М.И. ЧЕРНЫШЕВА
(Москва, Россия)

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ*

Русская историческая лексикография как самостоятельное филологическое направление в науке складывается во второй половине XIX века¹.

---

⁷³ Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. статей. М., 1988. С. 6–11.

* Работа написана при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00093 «Лексикологическое исследование и словарное описание лексики русского языка XI–XVII вв. («у» – «умытник»»)» (руководитель М.И. Чернышева) и гранта по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» — проект «Русская историческая лексикография как способ описания культурно-языковой эволюции восточных славян в эпоху Средневековья» (руководитель Р.Н. Кривко).

¹ Здесь не разбираются попытки нефилологического описания лексики прошлых эпох, представленные в историко-терминологических справочниках, появившихся уже в XIX в.: *Вельтман А.Ф.* Пояснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты. М., 1844; *Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1865 (в издании 1866 г. появилось добавление: <Описание> «в азбучном порядке расположенное»), книга несколько раз переиздавалась; *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря Древней Руси. Л., 1937; *Poppe A.* Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962; *Pushkarev S.* Dictionary of Russian Historical Terms from Eleventh Century to 1917. Yale University Press, 1970.

Ее основы заложил А.Х. Востоков, подготовив и издав в России первый исторический «Словарь церковнославянского языка»² (включенный затем в состав источников «Древнеславяно-греко-латинского» лексикона Ф. Миклошича³, а позже — «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского). Хотя «Словарь» А.Х. Востокова небезупречен с точки зрения современной науки (это относится и к концепции самого словаря, и к описанию лексической семантики, и к отбору источников, весьма неоднородных по своему происхождению, использованию так называемых «глухих цитат» и т. д.), тем не менее, именно А.Х. Востокову принадлежит честь первопроходца в области отечественной исторической лексикографии. Созданию словаря предшествовало тщательное изучение и расписывание большого числа рукописей XI–XVIII вв.; результатом проделанной работы стало появление огромного тома «Описания русских и словенских рукописей Румянцевского музеума»⁴. Таким образом, именно А.Х. Востоков продемонстрировал, что изучение источниковой базы в идеале должно предшествовать языковому описанию, чтобы стать отправной точкой при решении такой сложной и многоаспектной задачи, как создание исторического словаря. Кроме того, в процессе своей деятельности ученый выработал принципы филологического издания рукописных памятников письменности. Подготовленная им публикация древнейшего «Остромирова евангелия» 1056–1057 г. (1843)⁵ стала не только образцом в формировании отечественной эдиционной традиции, но и примером добросовестного филологического анализа: в издании почти идеально воспроизведен текст рукописи, на каждом листе находится соответствующая часть греческого оригинала, создан словоуказатель (с определением грамматических форм).

Деятельность А.Х. Востокова совпала с формированием новой дисциплины — славистики⁶, возникновение которой в России в середине XIX в. обусловлено развитием в славянских странах движения по национальному возрождению. И когда Министерство народного просвещения приняло решение отправить для учебы за границу по одному кандидату от четырех университетов — Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского, — тогда столичный университет в качестве посланника выбрал ученика А.Х. Востокова П.И. Прейса (1810–1846), который еще до поездки под его руководством занимался изучением древних рукописей⁷.

² Словарь церковнославянского языка, составленный А.Х. Востоковым. Т. I. Изд. II Отделения имп. Академии наук. СПб., 1858; Т. II. СПб., 1861.

³ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

⁴ Востоков А. [X.] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

⁵ Остромирово евангелие 1056–1057 гг. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843; переизд.: М.: Языки славянских культур, 2007 (список опечаток первой публикации подгот. Е.Э. Шевченко).

⁶ Об истории становления славянской филологии в славянских странах и в России см.: Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии. Вып. I. История славянской филологии. СПб., 1910 (переизд.: М., 2003).

⁷ П.И. Прейс находился в славянских странах с 1839 по 1842 гг. От Московского университета был послан О.М. Бодянский (1808–1877), ставший первым магистром славяноведения (за границей он находился с 1837 по 1842 гг.), Казанский университет выбрал В.И. Григоровича (1815–1876; его путешествие продолжалось с 1844 по 1847 гг.).

В то же самое время Харьковский университет своим посланником в славянские страны определяет И.И. Срезневского⁸. Следуя полученной инструкции, во время путешествия И.И. Срезневский изучал живые славянские языки, быт, культуру и народную литературу славянских народов, встречался с писателями и с крупнейшими учеными того времени Ф. Боппом, П.Й. Шафариком, В. Копитаром, В. Караджичем, поэтом Ф. Прешерном и др. И.И. Срезневский с самого начала ставил перед собой задачи лексикографического характера: он мечтал создать «общий этимологический словарь всех наречий» и «этнографический словарь славянских наречий»; с этой целью во время путешествия по славянским странам молодой ученый записывал слова и составлял для себя небольшие словарики.

Славистическая деятельность И.И. Срезневского, развернувшаяся после его возвращения (1842 г.) в Харьковском университете (по мнению И.В. Ягича, в основном нефилологического характера⁹), обрела другое направление, когда после смерти П.И. Прейса, основателя кафедры славяноведения Санкт-Петербургского университета, И.И. Срезневскому было предложено стать его преемником. Это повлекло за собой смещение научных интересов: от широких этнографических и культурно-исторических изысканий — к филологическим славистическим и конкретнее — к истории русского языка, изучению памятников древнерусской письменности и, в конечном итоге, к описанию языка этих произведений. Произшедшую перемену («замечательную метаморфозу») И.В. Ягич приписывал «авторитетному влиянию Востокова», поскольку в Петербурге «Востоков и Прейс уже проложили путь другому, т.е. филологическому, направлению», что, по мнению И.В. Ягича, «подействовало на Срезневского с такой силой, что он из бывшего до тех пор слависта-этнографа сделался... преимущественно собирателем, описателем и издателем русско-славянских древних памятников письменности»¹⁰. Еще одной причиной, политического свойства, заставившей И.И. Срезневского переработать программу по славяноведению в сторону изучения истории русского языка¹¹, — была угроза уничтожения новой науки¹².

8 февраля 1849 г. И.И. Срезневский выступил на годичном собрании Петербургского университета со знаменитой речью «Мысли об истории русского языка»¹³. В ней, помимо указания на общее значение исследования развития языка для понимания истории народа (вместе с описанием фонетических, морфологических и синтаксических особенностей русского языка, указанием на его отношение к церковно-

⁸ В славянских странах был с 1839 г. по 1842 г.

⁹ Ягич И.В. История славянской филологии... С. 467.

¹⁰ Там же. С. 468.

¹¹ Ср.: Бернштейн С.Б. Еще раз о Срезневском // Советское славяноведение. 1984. № 2.

¹² Срезневский В.И. И.И. Срезневский // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением А.А. Половцева. СПб., 1909. С. 283; Срезневский В.И. Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. 1. Пг., 1916. С. 24.

¹³ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1849. Речь несколько раз переиздавалась — объем доклада — 126 страниц, в конце располагается Приложение, занимающее еще примерно 80 страниц (цитируется отдельный оттиск — СПб., 1850).

славянскому), красной нитью проводится мысль о необходимости серьезного собственно филологического воссоздания истории русского языка. В своей речи Срезневский сформулировал целую программу изучения книжного и народного русского языка, его диалектных особенностей, обследования языковых черт памятников письменности и описания их лексики в отдельных словариках, а также наметил перспективу исследования современного русского языка в сопоставлении его со «всеми славянскими наречиями». Такая предварительная работа, по его мнению, создавала предпосылки для составления исторического словаря и исторической грамматики, и только в таком случае, как он полагал, «возможно приступить к полной и подробной истории языка»¹⁴. Время показало, что программа эта оказалась весьма долгосрочной¹⁵.

И.И. Срезневский взялся за активное осуществление первой задачи, сформулированной в «Мыслях». Он обратился к рукописному наследию: описывал, изучал и издавал письменные произведения. Ему принадлежит открытие таких ценнейших памятников старославянской письменности, как «Саввина книга» XI в. (которую он впервые опубликовал в 1868 г.), «Листки Ундольского» XI в. (текст и филологический анализ находится в кн. «Древние славянские памятники юсового письма», 1868), И.И. Срезневский обнаружил «Киевские (глаголические) листки» (к. IX–X в.)¹⁶ (в 1874 г. на 3-м Археологическом съезде в Киеве ученый сообщил об этом в своем докладе). В 60-е годы он подготовил и издал (помимо других работ) несколько крупных обзоров: «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы», «Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX–XII вв.)», «Древние памятники русского письма и языка XI–XIV стол.». С 1867 г. до самой смерти в 1880 г. в «Сборнике Отделения русского языка и словесности» И.И. Срезневский издавал «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», где вместе с описанием конкретной рукописи автор приводил перечни наиболее интересных слов¹⁷.

Вместе с тем И.И. Срезневский никогда не прекращал так или иначе заниматься словарной деятельностью: печатал «разборы словарей», принимал участие в издании «Областного словаря» (1852) под редакцией А.Х. Востокова. У него существовали, как было сказано выше, небольшие рукописные словарики славянских языков, но главным делом жизни И.И. Срезневского стало накопление древнерусского лексический массива как основы будущего словаря, который собирал он и его уче-

¹⁴ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 125.

¹⁵ Ср.: Владимиров П.В. Пятидесятилетие «Мыслей об истории русского языка» (очерк трудов за 50 лет и новые материалы). Киев, 1899; в свое время В.В. Виноградов признавал: «Задачи, выдвинутые Срезневским, целиком не выполнены до сих пор» (Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 308).

¹⁶ В 1869 г. рукопись была подарена Киевской духовной академии Антонином Капустиным, представителем русской православной миссии в Иерусалиме.

¹⁷ См. юбилейный — «ко дню пятидесятилетия ученой деятельности» — «Библиографический список сочинений и изданий ординарного академика Императорской академии наук И.И. Срезневского». СПб., 1879.

ники, многие из которых стали известными людьми: А.Н. Пыпин, П.А. Лавровский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, В.В. Макушев, М.И. Сухомлинов, И.В. Цветаев, Д.И. Писарев.

«Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского

Предварительная работа по собиранию материалов для будущего словаря древнерусского языка была долгой и кропотливой¹⁸. В 1866 г. на заседаниях Отделения русского языка и словесности были представлены две тетради на букву «А»¹⁹. В своем докладе 18 марта 1869 г. на I Археологическом съезде И.И. Срезневский поднял вопросы, наиболее важные для дальнейшей работы над словарем древнерусского языка, в первую очередь — выбор языка и формирование словника: «Древнерусский язык, без сомнения, отличается от так называемого церковнославянского, но трудно отделить эти языки один от другого... говоря: это слово — славянское, а это — русское, рискуешь принять за славянское то, что есть общеславянское, а не церковнославянское, которое сделалось нашею собственностью вместе с христианством... Нельзя составлять словарь русского языка только народного, а нужно, вместе с тем, составлять и словарь книжного языка — следовательно, всех слов, которые можно проследить в памятниках... Нужно брать все, что находится между памятниками русского письма»²⁰. При жизни автор успел подготовить только первые две буквы словаря. После смерти ученого в 1880 г. Отделение русского языка и словесности поставило вопрос об издании словаря семьей покойного. Такое решение потребовало значительных усилий по упорядочению картотечного материала, осуществлению разнообразных проверок и уточнений; необходимо было ввести накопленные за долгие годы выписки слов из отдельных памятников, продолжить подбор лексического материала и т. д. Все это значительно увеличивало первоначальный объем труда и усложняло задачи. Только в 1887 г. типография начала набор словаря, с названием которого долго не могли определиться. Первый выпуск под заглавием «Материалы для словаря древнерусского языка» появился только в 1893 г. Публикация проводилась под наблюдением академиков А.Ф. Бычкова и А.А. Шахматова. К столетию со дня рождения И.И. Срезневского, в 1912 г., благодаря усилиям его семьи²¹ и особенно дочери ученого — О.И. Срезневской, издание «Материалов» было завершено²².

---

¹⁸ Подробнее: *Богатова Г.А.* И.И. Срезневский. М., 1985; *она же.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 47–60.

¹⁹ В архиве И.И. Срезневского сохранились листы с замечаниями академиков А.Ф. Бычкова, Я.К. Грота и др. (*Богатова Г.А.* И.И. Срезневский. С. 76).

²⁰ Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869. Т. I. М., 1871. С. СXXXIV–СXXXV.

²¹ Подробнее о семье Срезневских: *Колгушкина Н.В.* Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России. Рязань, 2011.

²² *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912 (переизд.: М., 1958; 1989).

В «Материалы» И.И. Срезневского в качестве источников включены письменные памятники, как церковнославянские (куда вошла богослужебная и богословская литература), так все известные к тому времени собственно древнерусские произведения²³, в основном, XI–XIV вв., отчасти XV в. В «Материалах» можно обнаружить также цитаты из памятников более позднего времени (например, последнее значение *слово* ‘название буквы С’ взято из Азбуковника XVII в.), что свидетельствует о том, что по мере составления словаря хронологические рамки несколько расширялись. Труд И.И. Срезневского основан на 2700 письменных источников²⁴.

Название «Материалы» отражает отсутствие ряда обычных показателей словарной статьи (начиная с грамматической части). Совершенно очевидно, что задача показать развитие семантики в диахронии специально не ставилась. Способ семантического описания менялся и окончательно оформился только к третьему тому: в первом томе толкование редко дается по-русски, чаще — на греческом и латинском языках (иногда это равнозначно одной из наиболее распространенных греческих параллелей в переводном памятнике), что соответствовало филологической традиции того времени (так же оформлялось толкование в «Словаре церковнославянского языка» А.Х. Востокова)²⁵. Во втором томе можно встретить и тот и другой способ дефинирования. В третьем томе возобладало описание семантики на русском языке, греческий язык (реже — латинский) занял свое место в параллельном тексте, приводимом в конце цитаты. В первом томе довольно много словарных статей, вообще не имеющих толкования, позже в спорных или неясных случаях появляется знак вопроса. По мнению В.В. Колесова, «эмпирически представленная и тезисно описанная “история” слова в “Материалах” Срезневского отражает не исторический, а еще предварительно сравнительный метод исследования»²⁶. Иллюстрации иногда представляют собой отрывочное сочетание слов, есть так называемые «глухие цитаты» (особенно при появлении выписок из Словаря А.Х. Востокова). На еще один недостаток указал в свое время (при рассмотрении начального варианта «Материалов») И.В. Ягич (в письме Я.К. Гроту из Вены): «Многие выписки из памятников оказываются в Словаре недостаточно исправными и точными, так как, после того как они были сделаны, очень большое число памятников или впервые вышло в печать, или же стало доступно для науки в более удовлетворительных изданиях»²⁷. Критика в

²³ Сейчас специалисты говорят о безупречности выбора источников: нерусские списки переводных произведений (к примеру, сербский список «Шестоднева» 1263 г.), некоторое число староукраинских текстов и др.

²⁴ *Филин Ф.П.* Историческая лексикология и лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 17.

²⁵ Сходный способ описания семантики в усовершенствованном виде представлен в современном пражском «Словаре старославянского языка» (*Slovník jazyka staroslověnského*. I–IV. Praha, 1966–1997; переизд.: СПб., 2006).

²⁶ *Колесов В.В.* И.И. Срезневский и его «Материалы для словаря древнерусского языка» // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. 2-е изд. СПб., 2001. С. 193; в этой работе В.В. Колесов предложил оригинальную трактовку разработки семантики в «Материалах».

²⁷ *Срезневский В.И.* Об истории составления Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. № 9. Л., 1933. С. 721.

адрес «Материалов» не прекращается до сих пор, она касается определения заголовочного слова (неверная реконструкция инфинитивов) и мн.др.; ошибки, безусловно, отражают уровень развития исторической грамматики и фонетики того времени²⁸.

Несмотря на указанные недостатки, главным достоинством труда было и остается значительное богатство собранного лексического и цитатного материал, а также его лексикографическая интерпретация. Показательный пример. Словарная статья *слово* в «Материалах» Срезневского содержит 28 (непронумерованных) значений²⁹, которые проиллюстрированы 67 цитатами с почти полным набором греческих параллелей — то же число значений представлено в соответствующей словарной статье «Словаря русского языка XI–XVII вв.»³⁰.

И хотя стало общепринятым утверждение, что «Материалы», где описано в общей сложности, около 40 000 слов³¹, с самого начала не были историческим словарем в современном понимании этого жанра научной деятельности, а серьезным подготовительным этапом к его формированию, однако глубина осуществленной «предварительной систематизации» и объем сведений, содержащихся в этом труде, не позволяют считать «Материалы» только собранием ценных контекстов.

Говоря о богатстве содержания «Материалов», следует отметить также, что здесь обнаруживаются, пусть и непоследовательно, новые лексикографические «импульсы», побуждающие к дальнейшему движению в указанном направлении. К ним можно отнести появляющиеся время от времени сравнения с родственными славянскими словами и этимологические указания (например, в конце словарной статьи *благыи*: — Ср. рус. благой — *stultus*, блажить; лит. *blogas* — слабый, дурной).

Одновременно с изданием «Материалов» появился еще один (незавершенный) труд, который можно считать дополнением к словарю И.И. Срезневского, — «Материалы для словаря древнерусского языка» А.Л. Дювернуа (1894), где описано 6000 слов из памятников Московской Руси.

Однако именно «Материалы» И.И. Срезневского считают точкой отсчета при установлении факта возникновения русской исторической лексикографии как самостоятельной области языкознания, имеющей свои общелингвистические и специфические задачи.

* * *

Уже вскоре после завершения издания «Материалов» пришло осознание необходимости продолжения работ, начатых И.И. Срезневским. Эту мысль сформулировал академик А.И. Соболевский в своей знаменитой Докладной записке, направленной в мае 1925 г. в Отделение русского языка и словесности Академии наук с

---

²⁸ Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 105.

²⁹ Оттенки значений не выделяются; отмечено семь лексических сочетаний; есть еще одна позиция: «название буквы С», если ее принять в расчет, то насчитывается 29 значений.

³⁰ Иллюстративный материал в этом словаре насчитывает 173 цитаты; кроме того, выделено 16 оттенков значений, 22 лексических сочетания, 10 фразеологизмов.

³¹ История русской лексикографии... С. 510.

предложением о создании специальной «Комиссии по собиранию словарных материалов» с центром в Петербурге и отделениями в Москве и других городах, целью работы которой было бы накопление лексических материалов, что понималось как подготовительная фаза, предшествующая созданию ряда исторических словарей. А.И. Соболевский побуждал к собиранию материала, предполагая создание четырех словарей: 1) словаря древнего церковнославянского языка, 2) словаря, представляющего собой продолжение «Материалов» Срезневского (с расширением круга источников), т. е. включающего как церковнославянские, так и древнерусские лексемы произведений, составленных или переведенных не позднее XIV в. по спискам XI–XVII вв., 3) словаря старого языка Московской Руси «по памятникам литературы, законодательства и делопроизводства, оригинальным и переводным XV–XVII вв.», 4) словаря старого языка Польско-Литовской Руси «по памятникам литературы, законодательства и делопроизводства, оригинальным и переводным XIV–XVII вв.». В задачи Комиссии входило не только собирание материалов (хотя это представлялось А.И. Соболевскому главной задачей), но и их «обработка... с точки зрения происхождения, звуковой формы, грамматических особенностей и — главным образом — значения»³².

Драматическая история рождения двухмиллионной выборочной Картотеки Древнерусского словаря (КДРС), хранящейся теперь в Москве, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН³³, и тех бесконечных типов русского исторического словаря, который многократно пытались создать на ее базе, — отражает, с одной стороны, сложную историю нашей страны, а с другой, соответственно, изменение уровня развития отечественной филологической науки в противопоставлении ее состояния начала XX в. при продвижении к 70-м годам. Результатом последней смены концепции стало рождение «Словаря русского языка XI–XVII вв.»³⁴, который в результате всех перипетий своего развития стал выполнять задачи словарей, обозначенных Соболевским под вторым и третьим номером.

Время, предшествовавшее началу издания исторических словарей русского языка и совпавшее с первым периодом их издания, характеризуется серьезным обсуждением теоретических проблем лексикологии, лексикографии и истории русского литературного языка³⁵; развитию и совершенствованию лексикографической дея-

³² Соболевский А.И. Докладная записка А.И. Соболевского о составлении словарей древнерусского и старорусского языка // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 110 (переизд.: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 413–414).

³³ Картотека была перевезена в Москву в 1950 г. из Ленинграда, где она находилась в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра.

³⁴ История создания КДРС и формирования концепции СлРЯ XI–XVII вв. подробно и документировано описана в работе: Астахина Л.Ю. История Картотеки // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001 (далее: Справочный выпуск). С. 7–55 (воспроизведение этого раздела существует в отдельной книге: История Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Авторский состав и источники. М., 2001).

³⁵ Тогда же были переизданы важные труды В.В. Виноградова: Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977; он же. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

тельности способствовали конференции, посвященные этим вопросам, и подготовка профессиональных сборников³⁶.

Словарь русского языка XI–XVII вв.³⁷

Первый выпуск «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.) вышел в свет в 1975 г. Поскольку первоначально существовала установка на быстрое издание³⁸ словаря научно-популярного характера (на обороте титула первого выпуска (1975) это было сформулировано следующим образом: «Словарь представляет собой *общедоступное справочное пособие* [выделено нами. — М. Ч.] при чтении древнерусских текстов разных жанров»), то в основу издания был положен (из обсуждавшихся вариантов) один из самых простых, что предполагало упрощенную графику³⁹ (в том числе приравнивание «ять» и «е», мысленное отсечение конечного ь при алфавитном расположении материала), ориентацию заголовочной формы на конец описываемого периода, лаконизм словарной статьи, излишне компактное цитирование (первоначально: не более двух цитат на значение), отсутствие задачи установления первой фиксации и датировки последнего употребления слова, а также этимологических указаний для иноязычной лексики; были недостаточно представлены цитаты из ранних памятников письменности и др. Все это не могло не сказаться на уровне изданных первых выпусков Словаря.

Как только вышел из печати первый выпуск Словаря, последовала мгновенная научная реакция: в том же 1975 году новое издание проанализировал немецкий профессор Р. Эккерт в ряде публикаций⁴⁰, вслед за ним несколько американских профессоров опубликовали рецензии на первые выпуски, где находилась существенная критика концепции словаря, его содержания и качества. Более сдержанной и оптимистичной оказалась европейская критика (рецензии Р. Эккерта, Э. Вайера, реплики Х. Кайперта) и нацеленная на улучшение качества Словаря (хотя, нужно признать, менее многосторонняя) — отечественная.

В одной из первых рецензий на Словарь немецкий исследователь Э. Вайер, сравнив данные «Материалов» Срезневского с иллюстративными примерами СлРЯ XI–

³⁶ Среди них выделяется сборник: Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. СПб., 2010 (первый выпуск под названием «Русская историческая лексикология и лексикография» появился в 1972 г.); в тогдашнем отделе исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН соответствующая проблематика разрабатывалась в серии сборников.

³⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011. Главные редакторы: 1–7 вып. — С.Г. Бархударов; 7–10 вып. — Ф.П. Филин; 11–14 вып. — Д.Н. Шмелев; 15–26 вып. — Г.А. Богатова; 27–29 вып. — В.Б. Крысько.

³⁸ В год планировалось издавать один-два выпуска (в Предисловии первого выпуска говорится о ежегодных выпусках объемом 35–40 а. л.). Первоначально этот темп удавалось держать.

³⁹ Таблица графического упрощения: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 15.

⁴⁰ Первые сообщения о выходе в свет нового словаря были помещены в журналах: Zeitschrift für Slawistik 1975. Bd. XX. N 5/6. S. 824–833 и Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1975. Bd. 28. Heft 1. S. 127.

XVII вв., обратил внимание на неблагоприятное положение дел с ранними фиксациями в СлРЯ XI–XVII вв., указал на допущенные ошибки и упущения (особенно по отношению к древнейшему материалу), тем не менее он выразил надежду, что в следующих томах недостатки будут устранены⁴¹.

В самом деле, специалистам хорошо известно, что СлРЯ XI–XVII вв. является продолжателем и преемником труда И.И. Срезневского, поскольку все источники «Материалов» входят в состав СлРЯ XI–XVII вв. и, соответственно, лексика «Материалов» полностью включена в словарь, а кроме того, долгое время «Материалы» служили кладезем (для первых выпусков — чуть ли не единственным) ранних фиксаций, т. е. сами «Материалы» были (и остаются до сих пор) крупным и важнейшим источником СлРЯ XI–XVII вв. Второй причиной, по которой авторы СлРЯ XI–XVII вв. активно использовали (и до сих пор используют) «Материалы» Срезневского — выборочный характер Картотеки ДРС, в составе которой преобладают памятники XV–XVII вв., что составляет ее главную и неоспоримую ценность⁴².

Хотя, как было сказано, «Материалы» Срезневского до сих пор актуальны, не потеряли своего значения и по-прежнему остаются сокровищницей древнерусской лексики, однако длительная работа по использованию «Материалов» для СлРЯ XI–XVII вв. имела свои результаты.

Был составлен и в 1984 г. опубликован для внутренних нужд составителей СлРЯ XI–XVII вв. «Указатель источников»⁴³, который, во-первых, содержал все сокращения названий источников, встречающиеся на карточках Картотеки ДРС (как правило, эти сокращения отличаются от принятых в Словаре), а во-вторых, в нем содержались указания о возможностях соотнесения сокращенных названий источников «Материалов» Срезневского с источниками СлРЯ XI–XVII вв. и публикациями, появившимися после издания «Материалов».

Второй момент связан с активным использованием словарных статей и цитатного материала из этого труда, что привело, в конце концов, к изменению характера работы с ним, и этот факт представляет собой один из показателей концептуальной перестройки СлРЯ XI–XVII вв. как основного пользователя «Материалов».

На первом этапе издания СлРЯ XI–XVII вв. отношение к «Материалам» Срезневского характеризует, с одной стороны, необязательность и произвольность, т. е. словарные статьи и цитаты вводились достаточно непоследовательно (указанием на цитацию «Материалов» служила «звездочка», т. е. знак *⁴⁴), с другой стороны,

⁴¹ *Weiher E.* [Рец. на:] *Slovarь russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–4. 1975–1977 // Anzeiger für slavische Philologie. 1978–1979. Bd. 10–11. S. 239.*

⁴² Э. Вайер в своей рецензии 1978–1979 гг. отметил, что достоинство СлРЯ XI–XVII вв. «состоит прежде всего во включении лексики, находящейся в многочисленных источниках XVI–XVII вв.» (*Weiher E.* [Рец. на:] *Slovarь russkogo jazyka XI–XVII vv. ... S. 239*); о богатстве словника СлРЯ XI–XVII вв. по сравнению с «Материалами» Срезневского и другими словарями писала Г.А. Богатова в нескольких работах, в том числе: *Богатова Г. А.* История слова... С. 55–57 — сравнительная таблица словариков.

⁴³ Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. Сост. С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова. М., 1984.

⁴⁴ См. раздел «О построении “Словаря русского языка XI–XVII вв.”»: «Слово, взятое из “Материала»

в начальный период издания Словаря ссылка на «Материалы» Срезневского считалась авторитетной, цитатный материал и дефиниции не вызывали сомнений; в результате — информация, представленная в «Материалах», не подлежала пересмотру. Об этом свидетельствует то, что в Предисловиях к СлРЯ XI–XVII вв. с 1-го выпуска (1975) по 6-й выпуск (1979) никак не оценивалась работа, связанная с использованием в Словаре «Материалов» Срезневского.

Произшедшим изменениям способствовало обсуждение на страницах научной печати стремительно издающихся выпусков СлРЯ XI–XVII вв. Полный список рецензий, вышедших до 1987 г., опубликован в приложении к 13-му выпуску Словаря⁴⁵. Тогда насчитывалось 24 отклика (рецензии и статьи). Затем число их стало уменьшаться по мере изменения концепции Словаря. Среди существенных откликов последнего времени наиболее интересны те, в которых рецензент включается в исследовательский процесс (см. в связи со сказанным работы И.Г. Добродомова⁴⁶, А.Ю. Козловой⁴⁷, В.Б. Крысько⁴⁸, А.Б. Страхова⁴⁹, О. Жолобова⁵⁰ и др.).

Авторы СлРЯ XI–XVII вв. серьезно изучали появлявшиеся отклики в научной печати, на обсуждение выносилось каждое сделанное рецензентом замечание и высказанное пожелание. Но критика Словаря велась не только извне, со стороны мировой филологической науки («внешняя критика»), не менее значимой была и «внутренняя» критика — в самом словарном коллективе, творческий потенциал которого позволил не только пересмотреть доставшуюся от прошлого устаревшую концепцию Словаря, но системно ее переработать и — не прерываясь, в процессе подготовки новых выпусков — сформировать новую. Определенный этап на этом долгом и сложном пути представлен в опубликованной для внутреннего пользования «Инструкции для составителей Словаря русского языка XI–XVII вв.» 1988 года.

Теперь, при воссоздании истории изменения концепции видно, как этот процесс находил отражение в складывании нового типа Предисловия СлРЯ XI–XVII вв. Просмотр Предисловий позволяет судить о том, сколь многое изменилось с той поры, когда в первых выпусках Словаря цитаты из источников, недоступных или труднодоступных, черпали только из «Материалов» Срезневского.

лов» Срезневского, оформляется в соответствии с правилами оформления заголовочного слова в СлРЯ XI–XVII вв., цитата отмечается звездочкой» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 1. С. 14. § 26).

⁴⁵ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 318.

⁴⁶ Добродомов И.Г. Грамматическая и лексическая семантика в старинном тексте (призрачное слово *ирп* и хронология слова *сырп*) // Грамматическая семантика русского языка: Сб. научных трудов. Вологда, 1983. С. 53–54; его соображения приводятся также в работе: Козлова А.Ю. «Трудные» слова в текстах и словарях // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 6. Ч. II. М., 1993. С. 342–357.

⁴⁷ См. ссылку в предыдущей сноске.

⁴⁸ Крысько В.Б. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18 // Russian Linguistics. 1994. 18. P. 242–247; *он же*. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.)... С. 103–118.

⁴⁹ Страхов А.Б. По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв. // Palaeoslavica. 1998. VI. P. 253–272; *он же*. Об «испанской» нашивке и «сопящем» дьяке // Palaeoslavica. 2007. XV (1). P. 345–346.

⁵⁰ Жолобов О.Ф. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001 // Russian Linguistics. 2003. № 27. P. 199–205.

Целевое чтение «Материалов», проводившееся при подготовке к изданию очередного выпуска СлРЯ XI–XVII вв., привело к тому, что со временем стали появляться и накапливаться наблюдения, так что в 1980 г., т. е. через 5 лет после начала издания Словаря, в Предисловии к 7-му выпуску был обозначен новый подход к «Материалам», который фактически ознаменовал собой поворот от, условно говоря, «потребительского» использования «Материалов» к строго научному анализу содержания этого произведения. Именно с этого времени (1980) постепенно формируется ответственное отношение к цитированию «Материалов». Стало понятно, что рабочая установка на максимально полное употребление всего лексического и семантического богатства «Материалов» должна подразумевать: 1) предварительную проверку надежности данных, т. е. выверку цитатных (рукописных и печатных) иллюстраций «Материалов», 2) сравнение использованных в «Материалах» цитат с новыми и новейшими публикациями памятников письменности, 3) анализ цитатного материала и семантической интерпретации с учетом новых данных, что означает, как правило, значительную переработку словарных статей, коррекцию фактов, представленных в «Материалах», и даже — при обнаружении серьезных ошибок или неточностей — отказ от включения соответствующих данных в Словарь. Теперь авторы Словаря уже не ограничивались простой констатацией факта введения информации «Материалов» при помощи «звездочки», как это было в первых выпусках Словаря, поскольку пришло осознание того, что использование такой информации требует проведения дополнительных разысканий. Помимо этого уже тогда складывалась тенденция не пропускать без анализа ни одной словарной статьи из «Материалов».

С 7-го выпуска (1980; редактор выпуска — Г.А. Богатова) в Предисловии стали оговаривать или объяснять принятые решения⁵¹. Опыт, накопленный к 10-му выпуску, был обобщен О.И. Смирновой в статье, посвященной результатам работы с «Материалами» Срезневского⁵². Здесь, кроме указанных моментов, было сформулировано решение об исключении документов, признанных источниками Староукраинского словаря⁵³. Акцентирование внимания на этой проблеме является отчасти реакцией на острую критику, содержащуюся в рецензии профессора Э. Кинана⁵⁴, где автор говорит, что в названии и содержании Словаря происходит узурпация украинской и белорусской лексики и «подавление элементов, являющихся украинскими». Заметим, что проблема теперь снята после издания староукраинских словарей⁵⁵

⁵¹ В Предисловии 7-го выпуска отказ от использования ряда цитат из «Материалов» был мотивирован отсутствием точных данных (в том числе — при заимствовании словарных статей из «Словаря церковнославянского языка» А.Х. Востокова через посредство «Материалов»).

⁵² Смирнова О.И. Использование Материалов для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского в Словаре русского языка XI–XVII вв. (из опыта работы над выпусками 7 и 10) // Теория и практика русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. С. 188–200.

⁵³ Там же. С. 199–200.

⁵⁴ Kinan E.L. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв. // Kritika. 1978. № 14. Р. 1–20.

⁵⁵ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978; Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–15–. Львів, 1994–2010–.

и публикации старобелорусского словаря⁵⁶. Кроме указания на проверку точности цитат из «Материалов» в этой работе, О.И. Смирнова впервые особо отметила также переработку и изменение семантического описания, представленного в «Материалах» Срезневского. В каждом выпуске аналитическая часть Предисловия увеличивалась: так, если в 7-м выпуске (1980) указано три примера из «Материалов», то в Предисловии к 11 выпуску (1986; автор и редактор — А.Н. Шаламова) уже достаточно серьезно обоснованы исследовательские решения, касающиеся исключения слов из «Материалов» (в результате проверки по рукописям и/или проведенного анализа), — указано 13 слов (помета «например» показывает, что их больше); в 17 выпуске (1991; основные редакторы выпуска — И.И. Макеева, М.И. Чернышева) в общей сложности описано 28 случаев. В Предисловии начинают обсуждаться результаты анализа примеров из других памятников письменности. Особый характер носят Предисловия к 11 выпуску (1986); и 21 выпуска (1995; автор и редактор этих выпусков — А.Н. Шаламова), их отличает включение теоретической части. В Предисловии к 11 вып. представлены разработанные А.Н. Шаламовой критерии «разграничения случаев, в которых *не* является отрицательной частицей, и случаев с приставкой *не-*», сформулированы и другие сложные проблемы, требующие лексикографического решения в историческом словаре; в Предисловии к 21 вып. А.Н. Шаламова обращается к теоретическим вопросам, связанным с представлением в Словаре приставочных образований на букву «Р»⁵⁷. И, наконец, последнее, значительное по объему, Предисловие — 29-го выпуска СлРЯ XI–XVII вв. (2011, коллектив редакторов) содержит самое большое число наблюдений, что отражает стремление гл. ред. В.Б. Крысько отмечать в Предисловии любые изменения исходных данных, зафиксированных в изданиях, картотечных собраниях и рукописях (39 примеров), и все решения при отказе от включения в Словарь заголовочных слов из «Материалов» Срезневского — описано 15 такого рода случаев. Еще одной особенностью этого Предисловия является наличие серьезной аргументированной части, которая не всегда сопровождала прежде анализ примеров из «Материалов». Таким образом, в Предисловиях СлРЯ XI–XVII вв. (с 7 по 29 вып.) зафиксировано 224 примера правки лексикографических материалов Срезневского⁵⁸. Эта цифра весьма приблизительная, так как авторы неоднократно повторяют, что разбираются (или указываются) только некоторые случаи⁵⁹.

⁵⁶ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–33–. Мінск, 1982–2013–.

⁵⁷ На основе этой работы была защищена докторская диссертация: *Шаламова А.Н.* Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов). Дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1996. 50 с.

⁵⁸ Точные подсчеты по выпускам приводятся в работе: *Чернышева М.И.* «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словарь русского языка XI–XVII вв.»: формирование нового типа Предисловия // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: Сб. научн. статей межд. научн. конф. 26–28 сентября 2012 г. / Отв. ред. И.М. Шейна, О.В. Никитин. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2012. С. 93–104.

⁵⁹ Большую работу по проверке рукописных свидетельств проводит Л.Ю. Астахина, результаты ее деятельности представлены в кн.: *Астахина Л.Ю.* Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М., 2006.

Таким образом, постепенно Предисловие СлРЯ XI–XVII вв. стало средоточием итоговой работы по проверке и исследованию соответствующих словарных отрезков Картотеки ДРС, источников Словаря и «Материалов» И.И. Срезневского.

Одним из переломных моментов в истории СлРЯ XI–XVII вв. оказалось возрождение интереса к переводным памятникам, среди которых видное место занимают переводы с греческого языка византийской эпохи. Эта почти забытая в советское время область филологической науки потребовала огромных усилий по восстановлению утраченных знаний: если в «Материалах» Срезневского практически каждая цитата из переводного произведения сопровождалась иноязычной параллелью, то разрыв традиции, сложившийся в послереволюционное время, привел к тому, что в первых выпусках Словаря параллели почти отсутствовали. Работа по восстановлению корпуса греческих и (в меньшей степени) латинских оригиналов стала осуществляться автором этих строк с 1978 г. Сейчас уже почти полностью сформирована библиотека иноязычных оригиналов источников СлРЯ XI–XVII вв.⁶⁰, в то время как первоначально по объективным причинам заниматься ею было очень трудно. По мере возрастания интереса к этому направлению появилась целая плеяда исследователей в области переводной литературы: А.А. Пичхадзе, К.А. Максимович, В.Б. Крысько, Л.И. Щеголева, Л.В. Прокопенко, Р.Н. Кривко и др.⁶¹, их имена определяют сейчас основные достижения в этой области лингвистики. Если прежде строились предположения об объеме переводов с греческого языка в Древней Руси, восходящие к знаменитой работе А.И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода»⁶², то теперь А.М. Молдован⁶³ и А.А. Пичхадзе⁶⁴ в своих работах аргументировано и лингвистически обоснованно разрабатывают эту тематику. В отделе лингвистического источниковедения Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН сложилась современная практика критических изданий памятников русской письменности, отвечающая всем самым высоким научным требованиям: воспроизводимый текст сопровождается рукописными разночтениями, приводится иноязычный оригинал переводного памятника, обязательно есть словоуказатель, что значительно упрощает работу лексикографа с таким изданием⁶⁵. Стало хорошим

⁶⁰ Результаты этой деятельности, накопленные к 2000 г., опубликованы в: *Романова Г.Я., Державина Е.И., Чернышева М.И.* Указатель источников // Справочный выпуск. С. 265–389. Работа по подбору иноязычных оригиналов не прекращается.

⁶¹ Порядок расположения имен соответствует хронологии работы в Словаре. Подведением греческих параллелей в СлРЯ XI–XVII вв. занимались также С.В. Дегтев, К.В. Гадзацев, Т.И. Межиговская.

⁶² *Соболевский А.И.* История русского литературного языка / Изд. подг. А.А. Алексеев. Л., 1980. С. 134–147 (работа несколько раз переиздавалась).

⁶³ *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

⁶⁴ *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.

⁶⁵ Словники к изданиям памятников письменности находятся также в изданиях Санкт-Петербургского университета в серии «Памятники русской агиографической литературы» (под редакцией А.С. Герда); см. также публикацию полных словоуказателей к древнерусским рукописям XVI в.: *Аверина С.А., Герд А.С., Кузнецова Е.Л. и др.* Язык русской агиографии XVI века: Опыт автоматического анализа / Под ред. А.С. Герда. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

тоном создание Обратных словарей⁶⁶. Изучение разнообразных в жанровом отношении переводных текстов продолжается. Если прежде преобладал исследовательский интерес к переводам с греческого языка, то теперь проводятся сложнейшие работы по подбору оригиналов на самых разных языках — особенно показательны в этом смысле достижения шведской исследовательницы И. Майер, скрупулезно подбирающей оригиналы к «Вестям-Курантам»⁶⁷. При работе с переводными памятниками иноязычный оригинал становится новым инструментарием, позволяющим существенно и обоснованно углубить описание лексической семантики, что, соответственно, приводит к созданию более сложной структуры словарной статьи. Вообще вся приводимая в современных изданиях информация приносит большую помощь создателям исторического словаря.

Качественная перестройка Словаря продолжалась. На смену краткому варианту с двумя цитатами в качестве иллюстрации значения слова: наиболее ранней и наиболее поздней (в соответствии с требованиями старой инструкции) — пришло решение о необходимости углубленной разработки семантики без ограничения объема цитатного материала.

Кроме того удревнение цитатного материала авторы СлРЯ XI–XVII вв. стали понимать как одну из главных своих задач. Если прежде, как было сказано, ранние цитаты в значительной мере черпали в «Материалах» Срезневского, то чем дальше, тем больше с этой целью стали привлекать словоуказатели, содержащиеся в новых изданиях памятников письменности (при их отсутствии лексикографы вынуждены сами создавать рабочие варианты). В последние годы появились электронные словоуказатели. Среди них: «Электронный сводный словарь древнерусских памятников для дополнения базы данных Словаря русского языка XI–XVII вв.» <http://www.eslovník.ru> (руководитель проекта — Е.А. Осокина), словоуказатели к некоторым древнерусским рукописям — сайт «Манускрипт» <http://manuscripts.ru>, Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов <http://www.project.phil.pu.ru/scat/search.php>, указатели к казанским памятникам XVI–XVII вв. <http://www.klf.kpfu.ru/kazan>, инципитарий Д. Штерна к памятникам славянской гимнографии⁶⁸.

Совершенствование источниковой базы Словаря происходит вместе с его развитием. Этот процесс — постоянный в силу начальной установки на принципиаль-

⁶⁶ К примеру: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. II. М., 2004. С. 767–837; Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131 / Лингв. изд., подг. греч. текста, коммент., словоук. В.Б. Крысько. М., 2005. С. 877–903; *Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer Übersetzung*. Византийская синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе / Сост. К.А. Максимович, науч. ред. Л. Бургман. Ч. II. Frankfurt am Main, 2010. С. 499–584.

⁶⁷ Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. I. Русские тексты / Под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009. Ч. II. Иностранные оригиналы к русским текстам. Исследование и подготовка текстов Ингрид Майер. М., 2008; сведения о существовании иноязычных оригиналов к предыдущим томам «Вестей-Курантов» см.: *Maier Ingrid. Verbalrektion in den «Vesti-Kuranty» (1600–1660)*. Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala, 2006. S. 455–459.

⁶⁸ *Stern D. Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*. T. 1–3. Paderborn, 2008.

ную открытость Словаря⁶⁹. Все новые публикации памятников письменности описываемого периода немедленно вводятся в научный оборот путем их лексикографического описания (новые словарные статьи, цитация). В новом Указателе источников, опубликованном в «Справочном томе» (2001), приводится около 4000 названий источников, некоторые из которых имеют в своем составе сотни памятников письменности, например, «Акты исторические» Т. I–V (СПб., 1841–1842), «Дополнения к Актам историческим» Т. I–XII (СПб., 1846–1872), «Великие Минеи-Четии», собранные митрополитом Макарием (М.; СПб., 1868–1917; до революции успели опубликовать 23 тома⁷⁰; несколько томов — март и май — опубликованы в Германии в серии *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*⁷¹) и др.

Активная работа по совершенствованию Словаря привела к осознанию необходимости нового прочтения ранних выпусков СлРЯ XI–XVII вв. В 2006 г. были опубликованы «Дополнения и исправления» к первому выпуску (буквы «А»–«Б»; 770 новых словарных статей и несколько десятков исправлений)⁷², в 28 вып. Словаря (2008) в Приложении были помещены Исправления к 2-му выпуску⁷³, в Приложении к 29 вып. (2011) находится дополнительный материал по букве «С»⁷⁴. Интенсификация работы с русско-церковнославянскими источниками⁷⁵ выявила новые пла-

⁶⁹ Начиная с 5-го выпуска публикуются подборки новых изданных и рукописных источников, используемых в СлРЯ XI–XVII вв.

⁷⁰ Объем этого огромного свода составляет 27 000 страниц убористого текста в два столбца: *Макарий (Веретенников), игумен. Великие Макарьевские Четьи-Минеи — сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. Т. 29. С. 108* (цит. по версии, представленной в Интернете: http://www.btrudy.ru/resources/BT29/106_Makary.pdf).

⁷¹ Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Успенский список. 1–11 марта. Т. 1 / Hrsg. E. Weiher. Freiburg i. Br., 1997; 12–25 марта. Т. 2 / Hrsg. E. Weiher. Freiburg i. Br., 1998; 26–31 марта. Т. 3 / Hrsg. E. Weiher. Freiburg i. Br., 2001; Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. 1–8 Mai. Uspenskij spisok. Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Успенский список. 1–8 мая / Изд. Экхард Вайер, А.И. Шкурко, С.О. Шмидт. Freiburg i. Br., 2007; 9–23 мая. Т. 2. Freiburg i. Br., 2009.

⁷² Дополнения подготовлены М.И. Чернышевой: Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А – Б. М.: Наука, 2006; более краткий вариант был издан в Приложении к 27 вып. (2006). Рецензия на эту работу О.Н. Жолобова опубликована в: *Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2008. Bd. 54. S. 304–306*. Р. Эккерт приветствовал появление «Дополнений и исправлений» и отметил конструктивный характер Предисловия к «Дополнениям» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 219–222): *Eckert R. Zum Stand der in Moskau erscheinenden beiden altrussischen Wörterbücher // Zeitschrift für Slawistik. 2008. Bd. 53. S. 136*. Продолжение работ по подготовке «Дополнений» было приостановлено.

⁷³ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008. С. 290–302. Исправления составлены В.Б. Крысько с учетом поправок, представленных К.А. Максимовичем.

⁷⁴ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 29. М., 2011. С. 423–469. Дополнения составлены В.Б. Крысько и М.А. Малягиной.

⁷⁵ *Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.)... С. 114; специально о роли церковнославянского наследия в древнерусской письменной культуре: Крысько В.Б. Русские церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источники по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 339–355; он же. Русские исторические словари в кругу церковнославянских словарей // *Čirkevněslovanská lexikografie 2006. Sestavil Václav Čermák / Ed. E. Bláhová, E. Šlaufová, V. Čermák. Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 2007. С. 45–52.**

сты лексики, не отмеченной в словарях⁷⁶.

В настоящий момент в опубликованных выпусках Словаря (вместе в дополнениях) насчитывается более 80 тыс. словарных статей.

Среди новых явлений последнего времени можно отметить стремление дать читателю больше дополнительных сведений через «внутрицитатную информацию» и тем самым показать глубину проработки путем авторского (или редакторского) «вмешательства в цитату». Оно оформляется как комментарий в квадратных скобках, которые используются: 1) для уточнения контекста — введение указания на действующее лицо, место действия, автора прямой речи (в редких случаях даже кратко описывается ситуация); 2) с целью демонстрации вариантного чтения из другого списка произведения (если оно значимо); 3) при сравнении с соответствующим (или сходным и т. п.) местом в другом произведении; 4) для конъектуры внутри цитаты (в случае обнаружения ошибки или порчи в тексте); 5) при указании на библейскую цитату; 6) в момент введения в цитату слова (редко: краткого фрагмента) иноязычного оригинала для правильного понимания иллюстративного материала и др.

Краткий обзор способен выявить только некоторые моменты трансформации Словаря русского языка XI–XVII вв. Сам процесс работы подвел проект к необходимому и неизбежному этапу сложной концептуальной перестройки, включающей множественные изменения показателей, касающихся всех сторон этого лексикографического произведения, начиная со словника, выбора заголовочной формы, разработки семантики, состава источников, подбора цитатного материала и т. д., заканчивая параметрами формально-структурного характера. Это привело к тому, что Словарь из «общедоступного справочного пособия при чтении древнерусских текстов разных жанров» постепенно превратился в словарь академического типа. От прежнего, популярного облика осталась упрощенная графика (что находит объяснение в непоследовательной практике издания разновременных памятников письменности) и ориентация заголовочной формы на конец описываемого периода.

СлРЯ XI–XVII вв. — активно развивающийся проект. Изыскания, связанные с подготовкой к печати Словаря, — это не просто выполнение обычных лексикографических операций. Работа в таком масштабном проекте означает интенсивнейшую деятельность творческой лаборатории, где готовят сборники научных трудов, издания текстов, исследования, указатели, справочные материалы.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)⁷⁷

Принципиально иной характер носит другой исторический словарь — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (СДРЯ). История его возникновения начинается в 1957 г., когда под руководством Р.И. Аванесова началась работа над Словарем,

---

⁷⁶ Р.Н. Кривко при работе со служебными минеями за август обнаружил 130 не отмеченных в словарях лексем: *Кривко Р.Н.* Новые данные по древней церковнославянской лексикографии (на материале служебных миней за август) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2005. Bd. 51. S. 131–164.

⁷⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IX. М., 1988–2012–.

которой предшествовало создание картотеки, имеющей существенные отличия от выборочной Картотеки ДРС (на базе которой создается СлРЯ XI–XVII вв.), это так называемая полная картотека⁷⁸, на ее основе строится СДРЯ и проводятся разнообразные исследования⁷⁹. Основу картотеки составляют собственно древнерусские памятники: грамоты, летописи, надписи, записи в рукописях, жития русских святых, памятники древнерусского права и переводы, которые были признаны во время формирования картотеки восточнославянскими по происхождению.

В 1963 г. было закончено составление двухмиллионной Картотеки (из них 1,5 млн. карточек содержат апеллятивную лексику и служебные слова и около 400 тыс. — не входящие в Словарь они́мы и производные от них⁸⁰).

В 1964 г. началась работа по созданию Словаря. В 1966 г. был издан пробный выпуск. Первоначально предполагалось включать всю лексику: «Словарь строится на базе специально созданной картотеки, в которой зафиксировано каждое слово — самостоятельное, служебное, частица, и притом не только нарицательное, но и собственное имя (географическое и личное) — каждом его употреблении. Таким образом, картотека словаря исчерпывает весь языковой материал в пределах принятых для него источников»⁸¹. Однако к началу издания СДРЯ (первый том вышел из печати в 1988 г.) было принято решение отказаться от включения в состав словника географических и личных имен⁸².

Объем и характер привлекаемых источников СДРЯ (оригинальных и переводных) определяется как «значительно более строгий» и отличается «тщательностью их подбора»: «расписывались только такие источники, которые с достаточным основанием могут быть приурочены к Древней Руси указанного периода» (исключение составляет несколько памятников, сохранившихся в списках первых десятилетий XV в.)⁸³. Таким образом, в составе источников отсутствуют древнерусские

⁷⁸ О разнице ценных картотек двух самых крупных исторических словарей русского языка писал Р. Эккерт еще до начала их издания: *Eckert R. Zwei einzigartige Sammlungen altrussischen Wortgutes. Die Kartotheken des Wörterbuches des russischen Sprache des XI–XVII Jahrhunderts und des Altrussischen Wörterbuches des XI–XIV Jahrhunderts in Moskau // Anzeiger für slavische Philologie. 1966. Bd. XI. N. 5. S. 715–722.*

⁷⁹ Позже материалы этой же картотеки благодаря их научной строгости, выверенности и достоверности были использованы для создания новой «Исторической грамматики русского языка»: *Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. I. Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000. 310 с.; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. II. Жолобов О.Ф., Крысько В.Б. Двойственное число. М.: Азбуковник, 2001. 236 с.; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. III. Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Прилагательные. М.: Азбуковник, 2006. 496 с.; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. IV. Жолобов О.Ф. Числительные. М.: Азбуковник, 2006. 360 с.*

⁸⁰ *Сумникова Т.А. Картотека Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка АН СССР. М., 1967. С. 124.*

⁸¹ *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М.: Наука, 1966. С. 5 (далее: СДРЯ. Пробный выпуск).*

⁸² СДРЯ. Т. I. Предисловие. С. 5.

⁸³ СДРЯ. Пробный выпуск. С. 4.

произведения, сохранившиеся в списках более позднего времени (например, «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия» и др.), а также «памятники старославянские, церковнославянские болгарского и сербского изводов, широко представленные среди источников словаря И.И. Срезневского». Таким образом, из Словаря исключены Книги Священного Писания⁸⁴, вся богословская и богослужебная литература и многие произведения, распространенные на Руси, переводы которых были осуществлены в других славянских землях.

Создатели Словаря признавали, что словарь не сможет полностью отразить лексический состав древнерусского языка. «В силу жанровой ограниченности древнерусской письменности и литературы, неполноты материала дошедших до нас памятников» его «следует расценивать как словарь языка избранного круга письменных источников, относящихся к древней Руси определенного периода». Тип словаря определен как «смешанный — толково-переводной» с элементами энциклопедического словаря⁸⁵.

Концепция, разработанная Р.И. Аванесовым и представленная в Пробном выпуске, после многократных научных обсуждений легла в основу создания СДРЯ⁸⁶.

Эта концепция — для своего времени наиболее выверенная и точная, в ней, безусловно, учтен опыт, накопленный на предшествующем этапе развития русской исторической лексикографии.

В начале первого тома подробно сказано о составе и структуре Словаря⁸⁷. Заглавное (заголовочное) слово приводится в форме и орфографии, отражающих морфемный и фонемный состав слова в древнейший из охватываемых словарем период. В одной словарной статье объединяются разновременные морфологические и орфографические варианты, представляющие собой результат фонетических изменений в языке восточных славян, варианты, отражающие черты отдельных диалектов и др.⁸⁸ После исходной формы помещается указание на количество употреблений слова по данным картотеки. В качестве опорных форм существительных принимаются: для существительных — родительный падеж, для глаголов — 1 и 3 л. единственного числа настоящего времени. После опорной формы следует указание на часть речи. Дается подробная семантическая характеристика слова; значительный цитатный материал, иллюстрирующий значения, оттенки и употребления слова располагаются в хронологической последовательности с учетом первой фиксации слова; количество цитат не ограничено; в них сохраняется орфография источника.

---

⁸⁴ Высказывалось предположение, что такого рода лексика «могла бы быть представлена в особом словаре церковнославянского языка восточнославянской редакции» (СДРЯ. Т. I. Предисловие. С. 9).

⁸⁵ СДРЯ. Пробный выпуск. С. 3.

⁸⁶ Свои соображения по поводу этого проекта, в том числе критические, высказал в 1968 г. В.В. Виноградов (*Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3–22; работа переиздана в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. С. 265–287).

⁸⁷ СДРЯ. Т. I. Состав и структура Словаря. С. 7–16.

⁸⁸ СДРЯ. Т. I. Предисловие. С. 11.

В списке источников⁸⁹, насчитывавшем в общей сложности в начале издания Словаря 784 источника⁹⁰, в некоторых случаях приводятся сведения о греческих оригиналах переводных произведений⁹¹.

Р.И. Аванесов указан в качестве главного редактора СДРЯ на титуле пяти томов: с первого (1988) по пятый (2002); главным редактором Словаря с 1986 г. был И.С. Улуханов, его имя значится на титуле пятого и шестого томов (2000; ответственный редактор VI т. — В.Б. Крысько); начиная с седьмого тома (2004) главным редактором становится В.Б. Крысько.

Особо следует сказать о дополнительных, нелекسیкографических разделах СДРЯ, т. е. о его Предисловиях и дополнительных частях.

В т. II (1989) и т. III (1990) начинают публиковаться «Исправления» к предыдущим томам, включающие кроме списка замеченных опечаток и уточнений, иное прочтение заглавного (заголовочного) слова и установление части речи, другое словоделение и др., что свидетельствует о готовности авторов ради совершенствования Словаря возвращаться к опубликованному материалу. Большой объем исправлений, подготовленных В.Б. Крысько с учетом материалов, предоставленных ему специалистами⁹², находится в V (2002)⁹³, VII (2004)⁹⁴, VIII (2008)⁹⁵, IX (2012) томах СДРЯ⁹⁶.

Первоначально Предисловия были очень краткими и содержали только сведения об авторах и редакторах соответствующего тома, однако его характер изменился в VI томе (2000), где — по причине «значительного расширения и уточнения источниковой базы палеославистики»⁹⁷, произошедших в последние десятилетия (речь идет о появлении каталогов крупнейших рукописных собраний) — было объявлено: 1) о необходимости уточнения датировок некоторых источников СДРЯ (с этим связано более четкое расположение цитатного материала), 2) о расширении круга источников — это: 77 славяно-русских книг XI–XIV вв., содержащих записи, новые публикации берестяных грамот (с учетом поправок к чтению, уточненных датировок, сообщенных акад. А.А. Зализняком), сотни новых древнерусских надписей, привлечение большего числа греческих оригиналов к переводным источникам Словаря и др. В Предисловии этого же тома сообщается о нескольких принципиальных решениях, касающихся лексикографического описания.

Начиная с VI тома (2000)⁹⁸ начинается публикация «Дополнений и уточнений к списку источников Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», она продолжается

⁸⁹ Список источников составлен Т.А. Сумниковой и А.И. Толкачевым (СДРЯ. Т. I. С. 24–68).

⁹⁰ СДРЯ. Т. I. Состав и структура Словаря. С. 7.

⁹¹ Они были подобраны Л.А. Павловой.

⁹² Их имена упомянуты в начале публикации.

⁹³ СДРЯ. Т. V. С. 585–645.

⁹⁴ СДРЯ. Т. VII. С. 482–503.

⁹⁵ СДРЯ. Т. VIII. С. 678–700.

⁹⁶ СДРЯ. Т. IX. С. 470–478.

⁹⁷ СДРЯ. Т. VI. С. 5 и далее.

⁹⁸ СДРЯ. Т. VI. С. 9–65.

в т. VII (2004)⁹⁹, т. VIII (2008)¹⁰⁰, т. IX (2012)¹⁰¹.

Сводный «Список используемых греческих источников древнерусских текстов» был помещен в V томе СДРЯ (2002)¹⁰², продолжением этой работы стал дополненный и уточненный список греческих источников древнерусских текстов, помещенный в VIII томе¹⁰³, здесь же — свод источников Пролога за сентябрьскую половину года (с указанием возможных греческих оригиналов), подготовленный Л.В. Прокопенко¹⁰⁴ (позже учтенный при подготовке к печати издания Пролога¹⁰⁵).

Как отметил Р. Эккерт в своей итоговой статье, посвященной выходящим в Москве двум историческим словарям, активно проводимое в последние годы совершенствование СДРЯ «позволило ему подняться на более высокий научный уровень»¹⁰⁶.

Продолжением исследовательских работ, осуществляемых вместе с изданием СДРЯ, служат подготовленные волгоградскими филологами прямой и обратный словники к СДРЯ (2002)¹⁰⁷. Авторы сообщают, что «Словник-индекс и обратный словник составлен на основе рукописного словника и вышедших в свет томов Словаря, а также подготовленных к печати последующих томов... 32 263 единицы проиндексированы путем их сопоставления с данными других исторических словарей», т. е. в Словнике приводятся указания на фиксацию соответствующих слов в «Материалах» И.И. Срезневского и в СлРЯ XI–XVII вв.

Со временем пришло осознание того, что заложенный в первоначальной концепции Р.И. Аванесова отказ от богослужебных и др. памятников в составе источников СДРЯ, сильно его обедняет. Кроме того, обнаружилось, что в состав источников попали также памятники древнеславянской письменности нерусского происхождения¹⁰⁸.

⁹⁹ СДРЯ. Т. VII. С. 7–28. «Дополнения», помещенные в этом томе и в последующих составлены В.Б. Крысько.

¹⁰⁰ СДРЯ. Т. VIII. С. 8–13.

¹⁰¹ СДРЯ. Т. IX. С. 9–14.

¹⁰² СДРЯ. Т. V. С. 7–13. Список подготовлен С.В. Дегтевым и В.Б. Крысько с учетом данных, указанных в I томе СДРЯ.

¹⁰³ СДРЯ. Т. VIII. С. 14–17. Дополнения составлены С.В. Дегтевым, В.Б. Крысько и Л.В. Прокопенко.

¹⁰⁴ СДРЯ. Т. VIII. С. 701–762.

¹⁰⁵ Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. I: Текст и комментарии / Изд. подгот. Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский; под ред. В.Б. Крысько. М., 2010. Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. М., 2012.

¹⁰⁶ Eckert R. Zum Stand... S. 134.

¹⁰⁷ Словник-индекс и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. 448 с.; Т. II. Лопушанская С.П., Шентухина Е.М. Обратный словник. 3-е изд., дополн. М.; Волгоград, 2002. 290 с.

¹⁰⁸ На это указал В.Б. Крысько, среди них: «Древнеболгарские переводы 16 слов Григория Богослова (по списку конца XIV в.), Пандекты Антиоха (по списку рубежа XII–XIII вв.), Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и других Отцов Церкви (в различных сборниках XII–XIV вв.), ранние южнославянские переводы и сочинения, вошедшие в Изборник 1076 г. и Мерило Праведное, моравский по происхождению Закон судный людям, кормчие книги и т. д.» (Крысько В.Б. Русские исторические словари в кругу церковнославянских словарей... С. 50).

Главный редактор СДРЯ В.Б. Крысько так оценил ситуацию по завершению издания Словаря: «Перед СДРЯ стоит задача дальнейшей интенсификации словарных изысканий, т. е. как можно более исчерпывающей подачи материала памятников, образующих корпус словаря (при ежегодном расширении этого корпуса за счет новых находок берестяных грамот), углубления семантической разработки слов, при необходимости — подробного комментирования сложных случаев (ошибок перевода, смешения лексем и т. п.). Выправление главного недостатка словаря — отказ от учета богослужебных памятников, составлявших основу книжно-письменного языка Древней Руси, — на нынешнем этапе... очевидно, нереально» (это упущение предлагается восполнить путем идентификации цитат из Св. Писания)¹⁰⁹.

Другие проекты исторических словарей

В 2004 г. стал выходить новый словарь «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ)¹¹⁰, опирающийся, в основном, на тот же круг источников, что и СлРЯ XI–XVII в., поскольку концепции обоих словарей восходят к идеям Б.А. Ларина. Проект будущего СОРЯ был предложен Б.А. Лариным в 1961 г. По мнению ученого, «при удовлетворительном описании лексики церковнославянского языка в ряде существующих исторических словарей¹¹¹, в них совершенно недостаточно отражена лексика живого языка средних веков». Он предложил создать новый словарь, опираясь на памятники XVI–XVII вв., в которых нашла отражение разговорная обиходная речь. Под «обиходной речью» он понимал «наддиалектную систему разговорной речи, которая постепенно складывалась с XV по XVII в. и именовалась в ту эпоху “просторечием”», что «должно изучаться как предпосылка и глубокая основа национального языка»¹¹². При неизбежных повторях материала в СОРЯ и СлРЯ XI–XVII вв.¹¹³ нужно отметить в качестве достоинств словаря достаточную полноту словника и основательность проработки семантики¹¹⁴, введение названий народов, племен и прилагательных, образованных от этнонимов и топонимов, и др.

Помимо словарей, определяемых специалистами как «исторические словари русского языка общелингвистического типа», в последние годы все больше появляется областных (региональных исторических словарей), базирующихся на местных памятниках письменности и архивных материалах. Обнаружение богатого лексического материала привело к осознанию двух фактов. Первый заключается в том, что, по признанию специалистов, настоящего исторического словаря русского языка, в котором давалась бы полная история слова, т. е. был бы представлен словар-

¹⁰⁹ Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.)... С. 114.

¹¹⁰ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–5 / Под ред. О.С. Мжельской. СПб.: Наука, 2004–2012–.

¹¹¹ По-видимому, Б.А. Ларин имел в виду словарь А.Х. Востокова и «Материалы» И.И. Срезневского.

¹¹² СОРЯ. Вып. 1. Введение. Из истории создания словаря: концепция Б.А. Ларина. С. 4.
¹¹³ См. профессиональное обсуждение первого выпуска СОРЯ в рецензии, опубликованной в журнале: Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 271–288.

¹¹⁴ Расписывание памятников, по замыслу разработчиков проекта, должно было быть более последовательным, чем это было сделано при создании выборочной Картотеки ДРС.

ный состав русского языка с древнейших времен до XIX столетия, до сих пор нет — этот вопрос с другой точки зрения обсуждается ниже. Второй факт. В ходе работы над тремя историческими словарями СДРЯ, СлРЯ XI–XVII вв., Словарем русского языка XVIII в. выяснилось, что нельзя решить все задачи, стоящие перед составителями полного русского исторического словаря, в рамках одного словаря: они могут быть решены лишь путем создания разных типов словарей исторического жанра¹¹⁵, т. е. речь идет о том, что «в исторических словарях русского языка общелингвистического типа (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам; «Словарь русского языка XI–XVII вв.») специальная лексика старорусского языка находит слабое отражение»¹¹⁶.

Особенностью областных (региональных) исторических словарей последнего времени является их жанровое разнообразие, объясняемое целями их создания. Появились словари смешанного (комбинаторного) типа, т. е. имеющие черты нескольких лексикографических жанров. Этот новый способ представления (и объединения) информации представлен в диахронических словарях географических названий, тематических, терминологических и др.

Ниже предлагается выборочный перечень исторических словарей русского языка новых типов; для характеристики словаря используется авторская аннотация или фрагмент предисловия.

Региональные и диалектные исторические словари (в том числе тематические и терминологические словари)

Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край. Словарь языка памятников второй четверти XVII века. Конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань: Казан. ун-т, 2010.

Галиуллин К.Р., Шакирова Р.Р. Казанский край. Словарь языка памятников третьей четверти XVII века. Конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань: Казан. ун-т, 2009.

Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2009. Словарь полного типа. Он включает всю географическую терминологию, активно употребляемую жителями южнорусских сел Воронежской области. Исторический фон подразумевает комментарий к некоторым современным апелляциям, словам из воронежских памятников письменности XVII–XIX вв.

Исламова Э.А., Галиуллин К.Р. Казанский край. Словарь памятников XVI в. Казань: Изд. Казан. ун-та, 2000. Словарь включает лексику ста памятников русской письменности XVI века, связанных с Казанским краем.

---

¹¹⁵ Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000. Предисловие. С. 3.

¹¹⁶ Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1. СПб., 2003. Предисловие. С. 1; в самом деле, в этом словаре приводятся 11 словосочетаний (составных наименований) на слово *бечева*, «характеризующих производственные понятия» (Вып. 1. С. 41–42), ср. в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» — отмечено только два словосочетания *бечева варовая*, *бечева колокольничная* (Вып. 1. С. 158).

Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.). Т. 1 — (продолжающееся издание). Чита, 2003. Хронология документов указывает на время создания русской администрации на территории Забайкалья. В словаре представлены слова литературного языка того времени и живой народно-разговорной речи, отражена лексика различных тематических групп.

Палагина В.В. Материалы для исторического словаря томского говора / первая половина XVII–XVIII в. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск: Изд. ТГУ, 1975. Вып. 3.

Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. Рассматривается более 1500 зафиксированных в речи жителей Пермского края диалектных и общерусских географических терминов — слов нарицательных, называющих различные уголья, участки земной и водной поверхности. Разрабатывается семантика слов и их происхождение (с опорой на специальные исследования и этимологические, исторические и диалектные словари). Словарь составлен по материалам диалектологических экспедиций, проводившихся со второй половины XX в., и включает географические термины, зафиксированные в пермских памятниках письменности XVI–XVIII вв.

Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI– начала XVIII века. Т. 1–2. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. В словарь включена лексика деловых памятников XVI–начала XVIII в. Верхнего и Среднего Прикамья, т.е. на территории современного Пермского края, и лексика живой народной речи (диалектная и просторечная), зафиксированная в показаниях жителей Прикамья: названия предметов одежды, домашней утвари, тканей, орудий труда, географических объектов, растений, животных и т.д., включены прозвища, восходящие к словам нарицательным.

Полякова Е.Н. Словарь пермских памятников XVI– начала XVIII века. Вып. 1–6. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.

Попова Н.Е. Материалы для словаря сибирских памятников XVII–XVIII вв. // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. Красноярск, 1978.

Попова Н.Е. Материалы для словаря сибирских памятников XVII–XVIII вв. // Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск, 1984.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. СПб., 1967–2008–.

Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000. Источники Словаря — рукописные и частично опубликованные памятники многожанровой смоленской деловой и частно-деловой письменности.

Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Словарь включает как локально ограниченную, так и общерусскую лексику и является существенным дополнением к имеющимся в настоящее время историческим словарям русского языка, он может стать единственной основой для реконструкции разговорного языка первого русского населения Томска и Западной Сибири.

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1. СПб., 2003. Вып. 2. СПб., 2005 (продолжающееся издание). В словаре представлена лексика основных промыслов и ремесел Северной Руси: железоделательного, соляного, стро-

ительного, лесного, рыболовецкого, судостроения, судовождения, а также художественных — иконописи, ювелирного дела, шитья и др. Согласно определению авторов, это двуязычный толково-переводной словарь (Вып. 1. Предисловие. С. 1, 3).

Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII века. Красноярск, 1971.

Тематические исторические словари

Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. М.: Русский путь, 1998. Словарь содержит толкования более 1500 специальных наименований русского золотого промысла XVIII–XIX вв. Он создан на основе архивных материалов и с учетом специальных публикаций по теме (материалы «Горного журнала» с 1843 г. по 1892 г.).

Гладилина Г.Л. Словарь лексики лесного сплава XVIII – первой половины XX в. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Словарь содержит около тысячи специальных наименований. Сведения о времени функционирования, территориальном распространении слов помогут проследить основные этапы формирования терминологии этой области.

Замятина Н.А. Терминология русской иконописи. М., 1997; переизд. М., 2000. Словарь включает более 700 терминов. «Основной задачей работы было сформировать... Словарь, в котором бы максимально полно была отражена терминология русской иконописи XI–XX вв.»... «Самые ранние технические статьи относятся к сер. XV в.»... «для реконструкции терминологической системы... ранних веков были использованы материалы картотеки ДРС» и исторические словари русского языка (Введение. С. 11–12).

Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М., 2001.

Шабалин Д.С. Древнерусская музыкальная энциклопедия. Краснодар, 2007. В работе впервые публикуются два музыкально-терминологических словаря. Автор опирается на значительный объем источников, в том числе рукописных, учитывает данные исторических словарей русского языка.

В ряде публикаций обсуждалась идея создания серии исторических тематических словарей на основе «Словаря русского языка XI–XVII вв.»¹¹⁷.

Словари языка отдельных памятников письменности

Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В.Л. Виноградова. Вып. 1–6. Л., 1965–1984.

Паремиологические исторические словари

Галиуллин К.Р., Мартыанов Д.А. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века. Сборник пословиц Петровской галереи. Казань, 2006.

---

¹¹⁷ *Чернышева М.И.* Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Гродно, 2009. С. 80–87; *она же.* Тематический исторический словарь русского языка: одежда // Коды повседневности славянской культуры: еда и одежда. СПб.: Алетейя, 2011. С. 7–15.

Частотные

Грузберг А.А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века. Пермь, 1974.

Словари трудностей

Условно можно указать словарь, используемый как справочник:

Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. 2-е изд. М., 2008. «Словарь содержит около 2000 словарных статей. При отсутствии каких-либо индексов (указателей, симфоний) к церковнославянским богослужебным текстам весь материал собирается... вручную» (Предисловие. С. 8). «Словарь составлен по текстам богослужебного круга Русской Православной Церкви, преимущественно в позднейших изданиях» (Предисловие. С. 20).

Обратные словники исторических словарей

Dulewicz I., Grek-Pabisowa I. Maryniak I. Indeks a tergo do Materiałów do Słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego / Pod kier. A. Obreńskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1968.

Лопушанская С.П., Шептухина Е.М. Обратный словник. 3-е изд., дополн. М.; Волгоград, 2002. Т. II. (Словник-индекс и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. I. М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002).

Филиппович Ю.Н., Чернышева М.И. Филиппович А.Ю. Словник (обратный) Словаря русского языка XI–XVII вв. (вып. 1–25) // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001. С. 393–813¹¹⁸.

Русская историческая и этимологическая лексикография

По мере подготовки и начала издания ряда крупных исторических и этимологических словарей в нашей стране и в других славянских странах¹¹⁹ (в Москве в это время почти одновременно с СлРЯ XI–XVII вв. начал издаваться «Этимологический словарь славянских языков»¹²⁰), возникла дискуссия, важная для определения границ исторической и этимологической лексикографии, о том, что следует понимать под историей слова. С позиции этимолога, для которого именно «этимология наиболее полно выражает идею историзма», по спорным вопросам высказал свое мнение О.Н. Трубачев¹²¹. Подчеркивая исключительные возможности этимологии

¹¹⁸ В Обратном словнике исправлены опечатки издания и устранены слова, признанные ошибочными, их список приводится в Предисловии к обратному словнику (с. 394).

¹¹⁹ Итоговый обзор достижений в этой области представлен в кн.: Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): итоги и перспективы. Сборник обзоров. Редакторы-составители М.Ф. Мурьянов, Л.В. Сорокоумская. М., 1986.

¹²⁰ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–38-. М.: Наука, 1974–2012– (в настоящее время ЭССЯ выходит под редакцией А.Ф. Журавлева).

¹²¹ *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // Теория и история русской исторической лексикографии / Ред. Г.А. Богатова, Г.Я. Романова. М.: Наука, 1984. С. 23–36; в этой работе приводятся также мнения по обсуждаемому вопросу известных славистов (Ф. Славского, И. Немца), романистов, русистов (В.В. Виноградова, Ю.С. Сорокина) и специалистов по другим языкам.

по сравнению исторической лексикографией для реконструкции слова (его фонетического облика, словообразовательных связей и первоначальной семантики), О.Н. Трубачев предостерегает, с одной стороны, от перенесения в этимологии акцента исследования на период письменной истории (в результате чего возникает главное противоречие — противопоставление истории слова ее этимологии, т. е. доистории), а с другой, «насыщение исторического словаря сравнениями с диалектными и иноязычными данными, а также сведениями по этимологии», по мнению ученого, «способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой». При этом «история слова невозможна без исторического словаря так же, как невозможна без него этимология»¹²².

Сейчас в науке окончательно утвердилось положение о том, что этимология не тождественна истории слова, и этот тезис стал основным при решении вопроса о создании словаря определенного типа.

Тем не менее, в отечественной лексикографии был опробован способ объединения информации об истории слова и его этимологии в одном словаре. Речь идет о посмертном издании «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черныха¹²³ (13 560 слов), которое, по признанию этимологов, стало событием в истории русской этимологической лексикографии. Особенность этого труда состоит в реализации идеи объединения двух типов словаря: исторического и этимологического. В словаре приводится следующая информация: семантика слова, диалектные и сравнительные данные по другим славянским языкам, производные слова, вводятся сведения исторического характера: с какого времени слово появилось в русском языке (иногда — для древнерусского и старославянского языков указываются падежные формы); завершает словарную статью этимологический раздел, где представлена реконструкция общеславянской формы, сравнительный материал индоевропейских языков, анализ морфемного состава и т. д. Автор выделяет четыре группы слов, которые формируют словник: 1) все слова основного общеславянского фонда, употребляющиеся во всех или некоторых современных славянских языках (включая русский); 2) те старославянские слова, которые вошли в словарный состав древнерусского языка и сохранились в современном русском языке; 3) заимствованные слова, возникшие в среднерусскую эпоху, отличающие русский (великорусский) язык от украинского и белорусского; 4) слова, заимствованные из западноевропейских и восточных языков, прочно укоренившиеся в общерусском языке¹²⁴.

Жанр историко-этимологического словаря оказался востребованным. Не так давно появился историко-этимологический словарь «Русская фразеология»¹²⁵.

---

¹²² Там же. С. 35.

¹²³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993–1994 (словарь несколько раз переиздавался, 4-е изд. М.: Русский язык, 2001).

¹²⁴ Выписка приводится по 4-му изданию (с. 12).

¹²⁵ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; Аст; Люкс, 2005.

Историческая лексикография XVIII в.

Описанию истории и современного состояния в этой области отечественной лексикографии посвящена работа Е.Э. Биржаковой, И.А. Малышевой и И.Е. Кузнецовой «Русская лексикография — XVIII в.», помещенная в третьей части коллективного труда.

«Словарь русского языка XIX в.» (особый тип исторического словаря) и исторический словарь современного русского языка

До сих пор понимание того, что такое исторический словарь, соответствовало, в основном, классической формулировке В.И. Абаева: «Под историческим словарем понимают обычно филологический словарь, основанный на документации по письменным памятникам»¹²⁶. Более известное и постоянно воспроизводимое определение исторического словаря Л.В. Щербы на самом деле допускает расширительное понимание задач исторической лексикографии: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение»¹²⁷.

Ю.С. Сорокин, давая определение «существеннейшего признака» исторического словаря, подчеркивал, что «дело не в обращении к языковым фактам и письменным памятникам прошлого» и не в «отнесенности такого словаря к прошлому». Специфику исторического словаря ученый видел в рассмотрении «явлений языка» во временных изменениях, в движении, т.е. исторический словарь, по мнению Ю.С. Сорокина, демонстрирует «процесс языкового развития в том или ином его временном отрезке или периоде»¹²⁸.

Таким образом, само понятие «исторический словарь русского языка» и задачи его создания могут пониматься по-разному.

Не так давно оформилась концепция дифференциального исторического словаря русского языка XIX в., ориентированного на эволюцию нормы в пределах описываемого периода. Заявлены главные принципы словаря: его дифференциальный тип (выражающийся в дифференциальном подходе к формированию словника и структуре словарной статьи, ориентированной на употребление как основную единицу лексико-семантического описания) и историко-культурный характер¹²⁹. Соображения, касающиеся создания такого словаря, были высказаны Ю.С. Сорокиным

¹²⁶ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973. С. 4 (примеч. 1).

¹²⁷ Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958. С. 90.

¹²⁸ Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 6. В статье обсуждаются проблемы создания «Словаря русского языка XVIII в.».

¹²⁹ Калиновская В.Н. «Словарь русского языка XIX века» как особый тип исторического словаря // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб.: Наука, 2005. С. 27.

еще в 1966 г. после завершения работ над «Словарем современного русского литературного языка». Осуществление этого проекта показало, по мнению ученого, «невозможность соединения и последовательного проведения двух разных лексикографических принципов: нормативно-стилистического и историко-описательного, взятых за основу при разработке лексического состава современного русского литературного языка, формирование и развитие которого охватывало довольно значительный промежуток времени («от Пушкина до наших дней»)»¹³⁰. В качестве одной из причин неудачи Ю.С. Сорокин называл отсутствие исторических словарей предшествующих эпох, т. е. словарей русского языка XVIII и XIX вв., «исторических словарей русского языка нового времени»¹³¹. Так возникла идея двух проектов. Руководителем первой из названных стал сам Ю.С. Сорокин. Над вторым проектом, концепция которого была сформулирована им вместе с Л.Л. Кутиной, в настоящее время ведется работа в Институте лингвистических исследований РАН. Создатели новой концепции «Словаря русского языка XIX в.» опирались на методологические принципы исторического изучения лексики, разработанные еще Б.А. Лариным¹³², и на достижения в изучении теоретических и практических вопросов по проблемам истории русского литературного языка и исторической лексикологии и лексикографии В.В. Виноградова¹³³. Обоснование концепции изложено в Проекте «Словаря русского языка XIX в.» (СПб., 2002)¹³⁴.

* * *

Специалисты неоднократно возвращались к мысли о необходимости создания исторического словаря современного русского языка, подразумевая его комплексный характер. Д.Н. Шмелев, обосновавший несколько десятилетий назад необходимость создания такого словаря, исходил из того, что, в отличие от словарей русского языка отдельного периода, где приводится только «лексикографическая фиксация», в подлинном историческом словаре будет восстановлена история слова

---

¹³⁰ Там же. С. 25.

¹³¹ Сорокин Ю.С. Задачи создания исторических словарей русского языка нового времени. Цит. по: Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы. СПб., 2003. С. 6; ср. соображения В.В. Виноградова в статье 1941 г.: Виноградов В.В. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII и XIX вв. // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. С. 192–205.

¹³² Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару). Очерки по истории слов в русском языке // История русского языка и общее языкознание. Л., 1977.

¹³³ Виноградов В.В. История слов. М., 1994; см. также приведенные выше указания на переиздание его трудов.

¹³⁴ Обсуждение проекта представлено в сборнике: Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005; а также в ряде работ В.Н. Калиновской, в том числе: Калиновская В.Н. Типы лексических новаций в русском языке XIX века: универсальные словообразовательные модели «в действии» // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, СПб., 2009. С. 16–24 (в Приложении опубликовано несколько пробных словарных статей с предварительными комментариями); она же. Дифференциальный словник «Словаря русского языка XIX века» как материал для истории слов и понятий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 184–195.

на протяжении всего тысячелетнего существования русского языка, начиная с древнерусского, т.е. восточнославянского периода, до современного русского языка. В соответствии с первоначальным замыслом объем словника словаря задумывался небольшим: 1000–1200 единиц. Было представлено обоснование концепции предполагаемого словаря и продемонстрированы варианты некоторых словарных статей¹³⁵.

Не так давно появился еще один пример исторического словаря, созданный под влиянием английской лексикографической традиции, — «Словарь истории русских слов», первый том которого подготовлен коллективом ученых МГУ им. М.В. Ломоносова и московского Института иностранных языков (главные редакторы Э.Ф. Володарская, М.Л. Ремнева)¹³⁶. Новый словарь можно понимать как опыт создания комплексного (или универсального) исторического словаря русского языка. В нем собраны сведения о слове с опорой на все существующие в отечественной лексикографии словари, начиная с многообразных лексиконов русского языка XVIII в.; словарь содержит лингвистическую информацию разного рода; в него включен свежий цитатный материал из произведений древнерусской, старорусской, классической и современной русской литературы. Такой подход, в соответствии с концепцией, позволяет решить основную задачу Словаря: «собрать в одной словарной статье, “под крышей” одного заглавного слова все имеющиеся на данный момент сведения о нем». Другая задача, сформулированная во «Введении»: «стремление... к максимальному охвату слов в русском языке», — как признают сами авторы, не может быть решена на сегодняшний день, т. к. в данный момент объем словника ограничивается 10 тыс. словарных статей (авторы сознают, что это приводит к «неполноте и эклектичности словника»). Таким образом, по замыслу авторов, по мере публикации «словаря-основы, словаря-базы», а также накопления томов дополнений возникнет возможность «для создания в будущем “биографии” каждого слова русского языка». Задачи, поставленные создателями Словаря, как частные, так и общие: установление этимологии слова, его первой фиксации в памятниках русской письменности, показ изменения фонетического облика и морфологических особенностей, зафиксированное в строгой хронологии развитие семантики слова, воссоздание словообразовательного гнезда в исторической перспективе и мн.др. — можно определить как задачи чрезвычайной сложности.

Идея создания подобного рода «универсального» исторического словаря русского языка давно созревала. Накопление соответствующих ресурсов может привести к возникновению, скорее всего, электронного, постоянно обновляемого, варианта подобного рода труда.

---

¹³⁵ Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 34–46.

¹³⁶ Словарь истории русских слов / Гл. ред. Э.Ф. Володарская, М.Л. Ремнева. Т. 1. М., 2009.

* * *

Фактически осмысление теоретических проблем исторической лексикографии русского языка и решение разнообразных научных задач сопутствует подготовке издания исторических словарей, т. е. происходит в ходе практической реализации конкретного проекта.

В целом можно сказать, что русская историческая лексикография представляет собой комплексную дисциплину, включающую (помимо собственно лексикографических) множество дополнительных научных операций, как исследовательского, так и вспомогательного характера, выполнение которых для осуществления выбранного проекта требует (при наличии хорошо подготовленных специалистов) длительного времени, поскольку, как показала практика создания исторических словарей, заранее предугадать все возникающие трудности не представляется возможным.

ЛЕКСИКОГРАФСКИ МЕТАЈЕЗИК КАО СРЕДСТВО ЗА КОНЦИПИРАЊЕ ГРАМАТИЧКОГ ОПИСА (на материјалу из Речника САНУ)¹

Увод

1.1. Поред бројних могућности везаних за употребу рачунарских технологија у састављању речника, дигитализација великих лексикографских пројеката (као вид њихове модернизације) нуди још једну значајну предност. То је могућност да се текст конвенционално израђених речника сагледа на нови начин, као електронски претражив корпус системски обрађених појава у лексикону. При томе се, код рачунарских претрага речничког текста, често показује да лексикографске методе обраде и представљања лексичке грађе превазилазе конвенционална знања о језичким проблемима, нудећи могућност да се ти проблеми сагледају у новој перспективи.

1.2. На равни језичког описа, ручно израђени дескриптивни речници, посебно ако су ширег, тезаурусног обима, имају ту предност над другим језичким приручницима да не предиспонирају језички систем који описују. Сепаратним формулацијама језичких појава, које обухватају ноције међукатегоријалности, атипичне употребе и парцијалне реализације, у дескриптивним речницима се потцртава чињеница да категорије језичког система нису статичне, већ да се развијају и мењају под антрополошким, социолошким и другим утицајима.

1.3. Имајући изложено у виду, у раду ћемо представити начин на који се традиционални лексикографски метајезик, посматран као електронски корпус, може искористити за формулисање интегралног граматичког описа језика. У првом делу рада ћемо изложити тезе о метајезичким (лексикографским) константама као средству лингвистичке категоризације лексикона, као и о њиховој реализацији у оквиру полисемије. Поменуте тезе ћемо проверити у другом делу рада, где ћемо указати на утицај метајезичке константе у *служби* на формулисање граматичког описа српског језика. Анализу изводимо на основу дигитализоване верзије *Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*, тезаурусног речника који се израђује при Институту за српски језик САНУ, и обухвата целокупну лексику српског књижевног и народног језика у периоду од два века његовог савременог развитка.²

---

¹ Рад је настао у оквиру пројекта Лингвистичка истраживања савременог српског књижевног језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ (бр. 178009) Института за српски језик САНУ, који у целини финансира Министарство науке и технолошког развоја Републике Србије.

² Од 1959. године до данас је изашло 18 томова Речника САНУ (слова: А–О), са преко 250.000 обрађених одредница. О пројекту модернизације рада на овом речнику (који, поред дигитализације објављених томова, предвиђа и превођење у електронски облик лексичке базе од преко 8.000.000 примера), в. у Ристић-Ивановић 2011.

Метајезичке константе у описном речнику као средство за анализу језичких појава

2.1. Да би изложене тезе биле представљене у раду, потребно је размотрити појам *метајезика речничке дефиниције*, који чини главни део лексикографске обраде у дескриптивном речнику. Посматран као семиотичко средство које је у стању да репрезентује друге семиотичке системе, укључујући и себе самог (Халидеј [1984] 2002: 293), метајезик омогућује описном речнику да говори о језичком систему употребљавајући речи тог истог језика. На тај начин, метајезик може бити схваћен као средство које омогућује описном речнику да буде репрезент језика.

2.2. Будући да је разлика између метајезика и језика нетранспарентна са становишта корисника речника, обично се закључује да је употреба језика у речничкој дефиницији идентична употреби језика у свакодневној употреби, што није тачно. Метајезик је производ лингвистичке конвенције, конструисан са задатком да структурира речнички опис језика, и да повеже различите језичке елементе њиховим упућивањем један на други. Он чини саставни део консултативне функције речника: потребе за лакшим и приступачнијим представљањем језичких информација.

2.3. Концепт метајезика је нарочито важан у појашњавању односа дескриптивног речника према различитим нивоима језичког описа. Наиме, као што на левој страни речника нису представљене речи, већ њихове репрезентације (одреднице, метаречи); тако и на десној страни речника нису представљена значења, већ репрезентације значења (метазначења). То у суштини значи да се, у речничким дефиницијама, не дају описи значења речи, већ системски уређене информације које су генерализоване у односу на семиотички систем језика. Другим речима, захваљујући метајезику, речник описује фундаменталне концепте употребе језика, а не појединачне случајеве употребе лексике.

2.3.1. Изложене наводе је могуће емпиријски потврдити провером фреквенције метајезичких формулација у Речнику САНУ. У лематизатор (програм за обраду текста који групише речи истог корена и показује њихову фреквенцију у анализираном тексту) унели смо све дефиниције које су дате у 18 објављених томова овога речника. Од програма смо затим тражили да поврста речи у дефиницијама према фреквенцији, чиме су се добиле лексичке јединице које се у Речнику САНУ најчешће користе при дефинисању, нпр.: *који (човек који, жена која), особина, стање, време, почети, (бити) својствен (некоме, нечему)*, и сл.

2.3.2. Специфичност наведених (и сродних) израза потврђује чињеница да се, у корпусу дефиниција у Речнику САНУ, они јављају са великом фреквенцијом (од 5.000 до 500 појављивања). Из овог разлога, они се могу назвати *метајезичким* или *лексикографским константама*. Лексикографска константа је метајезички израз који, захваљујући својој супстанцијалности и раширености у речничким дефиницијама, изражава заједничка семантичка, граматичка, прагматичка и друга обележја чланова лексичког система, омогућујући им да се, на нивоу макроструктуре речника, групишу на синтагматском и(ли) парадигматском нивоу.

2.4. У контексту нашег рада, нарочито је важан закључак који се може извести из овог огледа: да се унификацијом поступака у дефинисању лексике на простору описних речника долази до интегралних и диференцијалних сема на основу којих је јединице лексичког система могуће сврставати у концептуалне групе. Према свему до сада изреченом, потврђује се закључак који потенцира Халидеј ([1984] 2002: 298) – да природни језик није комплементаран метајезику, будући да његови логички и идентификациони обрасци не одговарају задатку метајезика. Метајезичке константе су створене са намером да уопштавају, и имају релациону функцију: означавају логичке и идентификационе обрасце језичке структуре. Метајезик функционише путем комплементарности: он одређену појаву „преводи“ на своју структуру, која је у одређеној мери стандардизована или описана, и проглашава је комплементарном њоме. Тако се избегава арбитрарност метајезиком описиваних појава. Метајезик је, стога, супститутиван и „метонимичан“ (исто, стр. 312).

Лексикографски метајезик као средство за конципирање граматичког описа (на примеру константе „у служби“)

3.1. Оријентација метајезичких константи на различите типове језичког описа највише зависи од специфичности лексикографске школе у оквиру које се израђује описни речник. У Речнику САНУ, захваљујући принципима Београдске лексикографске школе (које је 1926. године установио лингвиста Александар Белић), ове формулације су усмерене претежно на функционално-граматичке и функционално-синтаксичке обрасце употребе језика.

3.2. У речничком чланку, значења мотивисана променом граматичких обележја смештају се у засебне, морфосинтаксичке тачке. У њима се, путем метајезичких константи, образлажу промене полисемантичке структуре речи које су мотивисане променама њихове граматичке функције. Овај опис се врши дефинисањем интеракционих и системских образаца заслужних за реализацију значења речи у зависности од њених категоријалних обележја.

3.3. Једна од метајезичких константи која се, у овом контексту, регуларно јавља у дефиницији лексема у Речнику САНУ јесте константа у *служби*. Њено функционисање можемо показати на следећим примерима:

ватра ж **1. а.** *запаљена материја кад горећи развија топлоту и светлост, огањ* → **1б.** **(у придевској служби)** *који у великој мери има неку особину* → **а.** *веома вредан, жустар, хитар (на послу).* → **б.** *брз као муња, ватрен (за коња).* → **в.** *одважан, куражан, храбар (човек, јунак).* → **г.** *кочперан.* → **д.** *веома привлачан, заносан.* → **ђ.** *јак, жесток (за пиће).*

ниједан **1.** *одрична придевска заменица којом се одриче постојање, присуство, учешће, обухватање и др. било којег представника оне појаве чији се назив исказује датом именицом.* → **2.** **(у прид. служби)** *погрд. најгори, никакав.*

беспризоран (рус. беспризорный) **1.** *који је без надзора и родитељског старања, напуштен:* ~ дечак. → **2.** **м (у именичкој служби)** *у одређеном виду) улично дете, напуштено дете.*

3.4. Из изложеног је видљиво да се метајезичком константом у *служби* мармира хетерогена, семантичко-граматичка појава, која се у литератури

назива и субконверзија, транспозиција, функционални помак, хипостаза, граматичка полисемија и др. То је појава при којој се, уопштено речено, реч једне граматичке класе употребљава у служби речи друге граматичке класе, док истовремено задржава део својих полазних морфолошких, семантичких и функционалних обележја. Другим речима, субконверзија представља вид синтаксичке полисемије при којој се, у одређеном дискурсу, припадност речи једној граматичко-семантичкој парадигми укршта са комуникативно-прагматичким обележјима која су карактеристична за другу парадигму.³

3.5. На основу грађе из речника, уочљиве су тенденције ка успостављању субконверзијских модела, који су обележени јасно одређеним, прагматичко-контекстуалним условима под којима се одвија замена врста речи. Обрада субконверзијских модела у Речнику САНУ допушта да се генерализују контексти у којима долази до ове појаве, као и опште смернице њеног развоја у савременом језику.

Приказ модела субконверзијских промена (до којих смо дошли анализом лексикографске константе у служби на грађи из Речника САНУ) представљен је у следећој табели:

ЦИЉНА ВРСТА РЕЧИ – СЕКУНДАРНО ЗНАЧЕЊЕ											
ПОЛАЗНА ВРСТА РЕЧИ – ОСНОВНО ЗНАЧЕЊЕ		ИМЕНИЦА	ПРИДЕВ	ПРИЛОГ	ЗАМЕНИЦА	БРОЈ	ПРЕДЛОГ	ВЕЗНИК	РЕЧЦА	УЗВИК	ГЛАГОЛ
	ИМЕНИЦА		+	+							
	ПРИДЕВ	+									
	ПРИЛОГ	+					+	+	+	+	
	ЗАМЕНИЦА	+		+					+		
	БРОЈ	+									
	ПРЕДЛОГ			+				+			
	ВЕЗНИК								+	+	
	РЕЧЦА	+		+				+		+	+
	УЗВИК	+		+				+	+		+
ГЛАГОЛ											

На основу табеле је видљиво да се употреба константе у служби може анализирати на два начина: од полазне према циљној врсти речи, и од циљне према полазној.

3.5.1. Посматрање промена од полазне према циљној врсти речи обезбеђује приказ семантичких типова субконверзије као вида посматрања свих могућности трансформација полазног семантичког садржаја код употребе у другој класи. На основу таквог посматрања, могуће је груписати врсте речи према сродности субконверзијских промена, што, у крајњој линији, доприноси бољем дефинисању општих одлика граматичких класа

³ Како показује грађа из Речника САНУ, оваква амбиваленција категорија у језику је широко распрострањена, а креативност њене примене од стране говорника у различитим комуникативним ситуацијама доказ је култивације језичког израза, као и његове афирмативне стандардизације.

у српском језику.

3.5.2. Анализа промена од циљне према полазној врсти речи обезбеђује приказ *функционалних типова субконверзије*, као опсега тенденција ка трансформацији у одређену врсту речи: ка поименичавању, попривдељавању и сл. На основу ње, могуће је издвојити типове субконверзијских промена на граматичком нивоу, и образложити их у оквиру доминантних чиниоца: прагматичких, семантичких и др.

Семантички типови субконверзије

4. Како показује прикупљена грађа, као мотиватори употребе речи у служби других граматичких класа издвајају се три типа лингвистичких фактора, који се могу поделити на: *појмовне, функционалне и прагматичке*.

4.1. *Појмовна* мотивација с. прати употребу **именица, придева и прилога** у служби других врста речи;

4.2. *функционална* мотивација с. прати употребу **предлога, везника и прилога** у служби других врста речи; док

4.3. *прагматичка* мотивација с. прати употребу **речца и узвика** у служби других врста речи.

4.1. *Појмовна мотивација*. У основи појмовне мотивације субконверзијских промена стоји механизам промене семантичког садржаја **именица, придева и прилога**, који је индукован метафором. Овај механизам остварује се као померање значења од детерминанте према појму насталом на основу његове перцепције. Перцепција детерминанте може се реализовати као појам, квалитет, став итд., при чему је такво померање обележено апстраховањем основног значења лексеме, које прати њено стављање у нову граматичку функцију.

4.1.1. Тако се **именице** реализују у служби придева (или придевских атрибута) на тај начин што своју појмовну, номинациону вредност, посредством метафоре, преносе у другу граматичку класу. Именице уносе свој изворни десигнат у другу врсту речи, обављајући ту функцију референцијом на појам који се успоставља као стандард квалитета, броја, мере и сл. При томе, контекст изражавања остаје исти, али се мења перцепција појма који је у фокусу. Придевска служба именица најчешће се реализује по сем. моделу: (ТАКТИЛНИ) ЕФЕКАТ → (ТЕЛЕСНА ИЛИ ДУХОВНА) ОСОБИНА:

гром м **1. а.** *нагло електрично пражњење у атмосфери између облака и земље, праћено севањем и тутњавом; грмљавина; муња, севање* → **3. (у атрибутској служби)** *силан, изврстан, изванредан; сасвим неочекиван, сензационалан*. – Гром девојка! Била је то лепота (Веселиновић Ј.).

4.1.2. Аналогно изложеном, именице се могу јавити и у служби прилога. Таква реализација се најчешће одвија према моделу: ОБЛИК, СВОЈСТВО ПОЈМА → ДЕТЕРМИНАНТА (КОЛИЧИНЕ):

комад **1. а.** *део какве целине, део чега, парче*. → **2. (у прил. служби)** *нешто, мало*. – Ниже локве учинише комад кућице, гдје се настанише (Буковица, Ардалић Ј.).

4.1.3. Механизам метафоризоване перцепције појмовне детерминанте заслужан је и за промену семантичког садржаја **придева/прилога** реали-

зованих у служби именица. Поменути механизам заснива се на процесу персонификације различитих типова квалитета у измењеним комуникативним дискурсима. Придеви/прилози у именичкој служби реализују се по заједничком моделу: ДЕТЕРМИНАНТА (ОСОБИНЕ, КВАЛИТЕТА) ПОЈМА / РАДЊЕ → ОБЛИК, СВОЈСТВО ПОЈМА:

лагодан, -дна, -дно **1. а.** *који изазива спокојство, пријатно осећање* → **2. (у именичкој служби)** *с лагода, лагодност.* – Прохтије ли вам се бити ... учитељ добра, а не **лагодна**, удариће на вас надимак педанта (Драженовић Ј.); **данас** прил. **1.** *овога дана, дана кад се говори* → **3. (у именичкој служби)** *с ово време, садашњост, данашњица.* – Не може се некажњиво живјети ... а да ... не знаш, куд би с **данас** (Михалић С.).

4.2. *Функционална мотивација.* Функционална мотивација субконверзијских промена повезује употребу **предлога и везника** са функцијама квалификације и интензификације исказа; односно **прилога** са функцијом уређивања односа између речи, синтагми и реченица. Функционалну мотивацију увек прати тенденција употребе функцијске речи у служби пунозначне и обратно, што као резултат има измене семантичке структуре речи, као и стилског контекста исказа у коме се употребљава.

4.2.1. Карактеристичан пример функционално мотивисане с. представљају **везници** у служби интензификаторских речца. Посматране као речи са примарно конективном улогом у реченици, везници своју функцију уређења односа зависних конституената могу модификовати и под утицајем прагматичких фактора. На тај начин, неки допусни и супротни везници у почетној позицији, уместо да означавају везу између конституената зависних реченица, почињу да наглашавају однос између њих и тиме из категорије семантички празних речи прелазе у речи са интензификаторском функцијом, по моделу: ИЗРАЖАВАЊЕ РЕЛАЦИЈА ИЗМЕЂУ ЗАВИСНИХ КОНСТИТУЕНАТА (СИНТАГМИ, ЗАВИСНИХ РЕЧЕНИЦА) → (СИТУАТИВНО МОТИВИСАН) СТАВ О САДРЖАЈУ ИСКАЗА (СИТУАЦИЈИ, ПОЈМУ):

али везн. **1.** *супротни а. за означавање супротности и разлике и за одрицање могућности вршења односно извршења онога што би се очекивало* → **6. (у прилошкој служби)** *за појачавање: управо, само, просто.* – Они имају све **али** све што и њихови (Српске новине 1917).

4.2.2. У функционално мотивисану с. типично се убрајају и **предлози** употребљени служби прилога. Код предлога у прилошкој служби, просторна функција се апстрахује у месно, временско или условно значење, по моделу: РЕЛАЦИЈА ИЗМЕЂУ ЗАВИСНИХ КОНСТИТУЕНАТА (ПРЕДЛОШКИХ СИНТАГМИ, ЗАВИСНИХ РЕЧЕНИЦА) → ДЕТЕРМИНАНТА (ОСОБИНА, КВАЛИТЕТ) ПРОЦЕСА/ПОЈМА:

испред предл. (с ген.) **1.** (у просторном значењу) **а.** *означава да се неко или нешто налази, простире, пружа, креће с предње стране кога или чега.* → **4. (у временском значењу)** *исказује да се нешто збило непосредно пре, уочи нечега* **б. (у прилошкој служби,** заједно са „што”, „шта”) *кад је догађај којему нешто претходи означен реченицом.* – **Испред** шта [→ пре него што] ће Смаил-ага ... ударити на Дробњак ... пошље момке те нађу ... Глушца (Невесински).

4.2.3. Као полазиште функционално мотивисаних субконверзијских промена могу се јавити и **прилози**, реализовани у служби предлога и вез-

ника. Ова употреба подразумева коришћење семантичког садржаја прилога у синтаксички мотивисаним функцијама именовања и означавања односа између речи, синтагми и реченица. Оваква промена одвија се према заједничком моделу: ДЕТЕРМИНАНТА (ОСОБИНА, КВАЛИТЕТ) ПРОЦЕСА/ПОЈМА → ИЗРАЖАВАЊЕ РЕЛАЦИЈА ИЗМЕЂУ ЗАВИСНИХ КОНСТИТУЕНАТА (СИНТАГМИ/ЗАВИСНИХ РЕЧЕНИЦА):

малочак прил. **1.** у дем. значењу: *мало, сасвим мало, малко, малчице.* → **2.** (у предлошкој служби) *мало даље (од нечега), близу.* – Држаше дућан доље подно села, **малочак** ових сеоских потлеушица (Наметак А.);

откуд(а) прилог за правац, за место **1. а.** као упитни и упитно-узвични прилог у правим питањима: *из којег места, одакле.* – **3. у функцији везника,** у односним реченицама **а.** (често у корелацији са “одонуд”, “отуд”, “тамо” и сл.) **1)** *са значењем места (радње) у главној реченици: из места из којег, с места с којег, тамо одакле.* – Пуштише јаребице, и вратише се ... **откуда** су их и дигли (Његош П. П.).

4.3. *Прагматичка мотивација.* Код прагматички мотивисане субконверзије, која карактерише употребу **речца и узвика** у служби других врста речи, реализација њиховог семантичког садржаја, која садржи елементе модалности или експресивности говорниковог става, модификује се на тај начин да задобија улогу детерминанте исказа.

4.3.1. Тако се, код употребе **речца и узвика** у прилошкој служби, може регистровати вид функционалне супституције, у којој се експресивна функција преображава у семантички елемент, и почиње да се употребљава као модификатив глаголске радње, према моделу: (СИТУАТИВНО МОТИВИСАН) СТАВ О ИСКАЗУ (СИТУАЦИЈИ, ПОЈМУ) → ДЕТЕРМИНАНТА (ОСОБИНА, КВАЛИТЕТ) ПРОЦЕСА/ПОЈМА:

нај (обично поновљено) детерминативна речца разг. **1.** у *придевској служби за истицање, наглашавање позитивних особина.* → **2. у прилошкој служби а.** *најбоље.* – Он је урадио све **нај, нај** (Ред.);

кврц (обично поновљено) оном. **1. а.** *узвик за означавање кратког и слабијег шума, шкрипања, удараца, пуцкетања или звука који се при таквом шкрипању, ударцу, пуцкетању чује.* → **2. (у прилошкој служби)** *готово, свршено, крај.* – У зору: **кврц!** Нисмо могли даље. Запали смо ... у шкрипац (Ђорђевић К.).

4.3.2. Према истом моделу, **узвици и речце** као лексичке јединице којима се изражавају осећања/ставови могу стајати у служби субординативних везника (којима се уводе зависни елементи у исказ). У овим случајевима, експресивни садржај речца/узвика потиснут је у корист регулисања односа између реченичних конституената по моделу: ЕМОЦИЈА/ЕМОТИВНО МОТИВИСАН СТАВ → ИЗРАЖАВАЊЕ РЕЛАЦИЈА ИЗМЕЂУ ЗАВИСНИХ КОНСТИТУЕНАТА (ПРЕДЛОШКИХ СИНТАГМИ, ЗАВИСНИХ РЕЧЕНИЦА):

бре узв. **1. а.** за *истицање, наглашавање исказа: ама, море, та.* → **4. у служби свезице:** *и, па, те (за истицање, појачавање).* – **Бре** ћутао сам, **бре** викао сам, **бре** претио – бадава, све зло, те зло (Стерија Ј. П.).

макар речца допусног значења → **2.** као **допунски везник а.** у зависним реченицама са радним придевом без помоћног глагола или са везником да

(*ређе друкчијим*) које садрже неку претпоставку, могућност, услов: чак и ако, и у случају да (је). – Гладан пас лаје, макар да су му све овце на окупу (Јакшић Ђ.).

4.3.3. Мотивисани прагматичким факторима, **узвици** ономатопејске природе, као и **показне речце**, могу стајати у служби глагола.

а. **Узвици** у глаголској служби имају двојну функцију: супституисање, на нивоу реченице, (нагло реализованог) глаголског садржаја, уз истовремени опис ефекта радње насталог тим садржајем, по моделу: ОНОМАТОПЕЈА → ЕМОЦИОНАЛНО/ОНОМАТОПЕИЧНА РАДЊА (СТАЊЕ, ЗБИВАЊЕ):

врд узв. у **глаголској служби** у значењу: *врдни*. – Што, зар је то тешко: **врд** ... **врд** тамо амо, па ништа (Ранковић С.).

б. Са друге стране, **показне речце** употребљене у глаголској служби најчешће сигнализирају изненадно појављивање, долажење појма, као у пр.:

ето речца **1.** *за показивање некога или нечега што се налази или збива у близини или пред очима лица коме се говори.* → **2.** (често у **функцији глагола**) *казује да се неко или нешто однекуд, обично изненада, појављује, долази, стиже и сл.* – Једва ми легли, али њега **ето** натраг (Јурковић Ј.). Ајте ви, а мене **ето** (Турић Ј.).

Поред динамизације семантичког садржаја, речце у предикатској функцији задржавају и илокутивне елементе својствене прагматичком контексту њихове употребе. На тај начин се остварује двојна функција речце *ето*: супституисање глаголског садржаја (активности) уз истовремено исказивање имплицираног става о ситуацији насталој тим садржајем (изненађења, радости, нестрпљења итд.).

Функционални типови субконверзије

5. На основу анализе појмовних, функционалних и прагматичких фактора који се регуларно јављају у целокупној анализираној грађи, могу се издвојити четири доминантна функционална типа субконверзије. То су:

5.1. *Аргументативни тип* (који карактерише употребу речи у служби **именица**);

5.2. *квалификативни тип* (који карактерише употребу речи у служби **прилога**);

5.3. *конективни тип* (који карактерише употребу речи у служби **предлога** и **везника**); и

5.4. *експресивни тип* (који карактерише употребу речи у служби **речца** и **узвика**).

5.1. *Аргументативни тип субконверзије*. Под аргументативним типом субконверзије подразумева се употреба других врста речи у служби **именица**. У аргументативни тип спадају придеви, прилози, заменице, бројеви, речце и узвици, а именичка функција ових врста речи пропраћена је референцијализацијом њиховог семантичког садржаја, коју прате структурне промене на нивоу исказа.

На прагматичкој равни, аргументативни тип субконверзије обележен је променом реченичног фокуса од именске речи у субјекатској функцији према придевском, бројном, заменичком и др. субјекту. На тај начин, основно значење придева, заменица и бројева у именичкој служби ставља се у

апелативну функцију дефинисања главних учесника радње, док се прави субјекат у реченици елидира.

5.1.1. Заменом правог субјекта квалификативном речју у именичкој служби, говорник долази у могућност да, именовањем носиоца радње, заузме субјективан став према ситуацији коју описује. Ово је нарочито уочљиво код **придева** у именичкој служби:

јак, -а, -о **1. а.** који поседује велику физичку снагу, снажан; крепак, здрав. → **16. б.** м и с физички снажна особа. – Слаби постајаху још слабији, а јачима то није помогло да ојачају (Ред.).

5.1.2. Позитивна емоционалност номиналне употребе нарочито је изражена код **присвојних заменица**, код којих се основно значење припадања даље може транспоновати у мотивисана подзначања сродства, блискости у идејама, сродности у понашању и сл.:

његов, -а, -о присвојна заменица за 3. л. јд. м. и с. рода (понекад уместо присвојне заменице свој) → **3. (у именичкој служби) а.** м мн. особе блиске лицу о коме се говори (родитељи, рођаци, пријатељи и сл.). – Његови су мислили да је створен за свештеника (Матавуљ С.). **б.** ж његова реч, одлука, воља. – Његова је у његовој кући као царева (Вукићевић И.).

наш, -а, -е **1. а.** који припада заједници лица чији члан говори, који је власништво те заједнице. → **5. (у именичкој служби) б.** с наша власт, господарење, управљање; неограничена слобода понашања, ничим неометано понашање, поступање. – Наше је само док нам нису ту мужеви (Московљевић М.).

5.1.3. Именичку транспозицију **прилога, узвика и речца** у оквиру овог типа с. такође карактерише појмовно-референцијална генерализација. При таквој употреби, међутим, истовремено се задржава имплицирано значење околности које одликује употребу полазне речи. Захваљујући томе, добијају се именице наглашене конотативности, које у свом значењу супституишу ситуацију коју изворно означавају:

вољно прил. **1.** на вољан начин; намерно; радо, свесрдно. → **б. (у именичкој служби)**, са придевском променом или непром.) с одобрење за излазак из строја; слободно време (ван строја, ван службе). – За време вољног збисмо се, као обично, у гомилице (Нушић Б.).

јао узв. **1.** за изражавање бола, туге, жалости. → **б. (у именичкој служби) јаук, јаукање.** – Уздаси, који су рили / Груды му, слише се у једно јао (Станојевић Д.).

5.2. **Квалификативни тип субконверзије.** Под квалификативним типом субконверзије подразумева се употреба других врста речи у служби **прилога.** У квалификативни тип спадају именице, заменице, предлози, речце и узвици. Прилошка функција ових врста речи пропраћена је стављањем њиховог основног значења у службу детерминанте глаголске радње, односно у службу прилошког дела предиката, што у највећем броју случајева значи апстраховање и динамизацију њиховог семантичког садржаја.

5.2.1. Описане промене посебно су виљиве код прилошке употребе **именица.** У овом типу случајева, апстрактне именице супституишу своју појмовну вредност у опште начинско значење које је мотивисано перцепцијом њихове вредности као детерминанте гл. радње:

красота ж 1. особина онога који је *красан*, онога што је *красно*, изванредна лепота, дивота. → **6.** (у прилошкој служби) *красно*, дивно. – Кукуруз красота расте, само кад се пескуша мало погноји и ваљано приреди (Радић Ђ.).

дах м 1. а. *ваздух који се при дисању удахне или издахне, удисај, издисај.* → **5. б.** индив. у прилошкој служби: *тихо, једва чујно.* – „Ја љубим дакле!” – рекла би дахом кадгод у себи (Ђалски К.). (в. и пр. под 4.1.2.).

5.2.3. У служби прилога јављају се и **неодређене заменице**, које имају улогу квалитативне или квантитативне детерминанте појма чија вредносна референција зависи од комуникативног контекста:

ниједан 1. одрична придевска заменица којом се одриче постојање, присуство, учешће, обухватање и др. било којег представника оне појаве чији се назив исказује датом именицом. → **2.** (у прид. служби и најчешће уз вокативне облике) погрд. *најгори, никакав.* – На ручак се вуци, опајдаро ни једна! (Јакшић Ђ.).

5.2.4. Код **предлога** у прилошкој служби, Речник САНУ региструје апстраховање просторног значења (као једног од базичних предлошких значења) у месно, временско или условно значење. Промена врсте речи је приметљива у случајевима када предлози добијају прилошко значење захваљујући компонентама резултативности и неодређености које одликују њихову просторну употребу:

до предл. с ген. **1.** *одређује место завршетка кретања или простирања, протезања, које је у непосредној близини или у сфери појма уз чије име предлог стоји.* → **10. а.** (и у прилошкој служби) *одређује појам који се узима: осим, сем, изузев, једино.* – Ех! ... Како ћу и живети до сиротињски! (Веселиновић Ј.).

5.2.5. Промена значења као вид функционалне супституције приметна је и код прилошке службе **речца**. У овим случајевима, експресивна функција преображава се у модификатив глаголске радње захваљујући илокутивним елементима за изражавање квантитета, квалитета или интензитета, који прате контекстуалну употребу речце:

а речца 1. *ради истицања истовременог збивања (понекад у корелацији с другим а): чим, тек што, одмах кад; баш, таман.* → **2.** у прилошкој служби: *оволико, тј. онолико колико се неким гестом покаже.* – Ту нема истине ни а – и окачи ноктом о зуб (Вукићевић И.). (в. и пр. под 4.3.1.).

5.3. **Конективни тип субконверзије.** Под конективним типом субконверзије подразумева се употреба других врста речи у служби **предлога** и (чешће) **везника**. У конективни тип спадају прилози, предлози (у везничкој служби), речце и узвици. Оваква употреба поменутих врста речи подразумева коришћење њиховог семантичког садржаја у функцијама именовања и означавања односа (релација) између речи, синтагми и реченица.

5.3.1. Субконверзија конективног типа пре свега подразумева промену функције речи, при чему се измене у њиховом семантичком садржају свде на прилагођавања новом синтаксичком окружењу, а задржавају се елементи основног значења. Таква употреба подразумева модификацију основне функције речи, која, својом двојном семантиком, захтева нарочити, стилски

маркиран комуникативни контекст у коме се употребљава:

колико прилог за количину (меру, број, трајање, интензитет и сл.). → 5. заст. **као поредбено-начински везник: као.** – Скочи Кулин **колико** помамљен (Сарајлија С. М.).

5.3.2. Изложени закључци могу се применити на опис везничке реализације предлога, речца и узвика. Тако, промена функције **предлога** не значи и комплементарну измену њиховог семантичког садржаја, па се предлози у везничкој служби реализују као конективни елементи са предлошким значењем:

без предл. с генитивом за исказивање одсутности, изузимања, искључења, немања, недостајања → 4. (у служби **свезице**) **в.** са свезицом „да” значи да не бива, да се не догађа оно што та реченица казује: а да не, а да није. – Језик му се мота у устима, **без да** памет и срце шта о том знаду (Прерадовић П.).

5.3.3. Саобразно изреченом, Речник САНУ обрађује и везничку употребу **речца** као конектора интензификаторског типа:

еда 1. речца **а.** најчешће са речцом „ли“, за постављање питања, односно у зависно-упитним или исказним реченицама: да (ли). → 4. (у служби **везника**) **а.** намерни, у реченици обично са потенцијалом, ређе са презентом, за изражавање намере, жеље, циља за који постоји нада да ће се остварити. – На коју би страну требало обратити пажњу, **еда би** се књижевни напредак свеколикога народа подигао на висину (Новаковић С.).

5.3.4. Са друге стране, везничка употреба **узвика** као интенз. конектора везана је за поступак њихове кумулације у циљу снижавања интензитета исказа:

бре узв. 1. **а.** за истицање, наглашавање исказа: ама, море, та. → 4. у служби **свезице: и, па, те** (за истицање, појачавање). – **Бре** ћутао сам, **бре** викао сам, **бре** претио – бадава (Стерија Ј. П.). (в. и пр. под 4.3.2.).

5.4. **Експресивни тип субконверзије.** Под експресивним типом субконверзије подразумева се прагматички мотивисана употреба других врста речи у служби **узвика** за изражавање личних осећања, као и у служби **речца**. У експресивни тип улазе прилози, заменице, везници и глаголи; а у оквиру њега се јављају још и модели узвик-речца и речца-узвик, што говори у прилог сродној мотивацији субконверзијских промена код ове две врсте речи.

Гледано са функционалног становишта, и речце и узвици могу се сврстати у лексичке елементе са когнитивним модусом коментара говорне ситуације или експлицирања комуникативне намере говорника. Самим тим, употреба других врста речи у служби речца и узвика обележена је сродном променом функције – од успостављања фактуалности, модификације глаголског садржаја или повезивања зависних елемената исказа – према улози модификатора глаголске радње или говорне ситуације у целини. Следствено томе, основно прагматичко обележје овог типа с. представља везивање лексичких јединица за сасвим одређене, стилогене комуникативне ситуације, које обезбеђују експресивну маркираност информације и дају додатна семантичка обележја значењу циљних речи.

5.4.1. Прототипичан пример овакве употребе представља употреба **везника** у служби речца и узвика. Посматране као речи са примарно конективном улогом у реченици, везници своју функцију уређења односа зависних конституената могу модификовати и под утицајем прагматичких фактора који условљавају њихову употребу на почетку реченице.

а. На тај начин, неки допусни везници у почетној позицији, уместо да означавају везу између конституената зависних реченица, почињу да наглашавају односе између њих и тиме из категорије семантички празних речи прелазе у речи са интензификаторском функцијом. На тај начин они се користе у служби речца за организовање текста и повезивање његових сегмената, при чему се семантичка кохезија заснива на комуникативно-прагматичким елементима које ове јединице носе у свом лексичком садржају:

него везн. **1. а.** *поредбени, за исказивање неједнакости, различитости:* *но.* → **(као речца) 2.** (понекад појачано с „а да”) *за појачавање тврђења односно за исказивање несумњиво потврдног одговора на постављено питање: свакако, дакако, разуме се, наравно, дабогме; јашта, како да не.* – И немају душе ... **Него**, да немају (Козарац И.).

б. Аналогно овоме, у функцији речца за интензификацију могу се користити и супротни везници, у ситуацији у којој уводе зависне конституенте који по значењу нису супротни радњи исказа. Оваквом „псеудосупротношћу“ везници се стављају у службу истицања реченичног фокуса, чиме прелазе у речце:

ем нар. **1.** везн. (у спрези: ем ... ем, ем ... још) *не само ... него и, и ... и уз то још.* → **2. у прилошкој служби:** *још, при том.* – Море, не пита магарац, обара он и учене и fine људе – **ем** какве једне трговачке синове! (Сремац С.). (в. и пр. под 4.2.1.).

5.4.2. Са друге стране, до употребе **везника** у служби узвика долази у случајевима када је исказ у коме су везници употребљени афектиран реторичким средствима кумулације (као гомилања интензификаторских елемената у реченици) или репетиције (као њиховог понављања). Понављање везника у афектираној говорној ситуацији служи као маркер промене његове функције, на тај начин што при сваком понављању везник губи на својој примарној улози и задобија на интензификацији. При томе се примарна везничка функција концептуализује као семантички елемент, а степен експресивности исказа, уређен реторичким средствима, упућује на то хоће ли везник бити употребљен као једна или као друга врста речи:

ма везн. **1.** *у допусним реченицама или синтагмама а. макар.* → **4. а. у служби узвика:** *ама, та.* – **Ма** стани, Ненаде, шта ти је! (Ћосић Б.). **Ма** ишао сам, **ма** тражио, **ма** питао, **ма** све ми је то исто (Ред.). (уп. са пр. под 4.3.2. и 5.3.4.).

5.4.3. Аналогне случајеве субконверзије представља употреба **прилога** у служби речца и узвика, где о избору циљне врсте речи одлучују категоријални елементи прилошког значења у измењеном прагматичком контексту. Тако се, на пример, у језику прилози често користе у служби модалних речца, којима се изражава личан став говорника према предмету разговора. У овим случајевима, функција модификације глаголског садржаја, која је својствена прилозима, постаје функција модификације садржаја целог исказа, која је

својствена речцама.

а. Као модалне речце најчешће се користе прилози са општим значењем места, времена и начина. Код ових прилога, конкретни значењски елементи везани за просторну, начинску или временску локализацију радње задобијају функцију нијансирања односа између информације дате у исказу и говорниковог личног става:

напослетку прил. **1.** *на крају, најпосле, најзад.* → **2.** *(у служби модалне речце) за истицање потврдног реченичног садржаја и личног става: на крају крајева, заправо, уосталом.* – То је, **напослетку**, добро; критичар треба да води рачуна о ономе што песник сам о својим песмама рече (Недић Љ.).

б. Са друге стране, у служби узвика чешће се употребљавају прилози са општим значењем мере, количине и степена особине, који поседују то инхерентно својство да, када се апстрахују, експлицирају различита душевна и емоционална стања, расположења или ставове говорника који их употребљавају:

баш прил. **1.** *за истицање, појачавање а. неког исказа, речи: управо, заиста, стварно.* → **2.** *(у служби узвика) за исказивање разних осећања (одобравања, чуђења, неверице, одбијања, негодовања).* – Е, ти си, дакле, нови уча! ... Е, **баш, баш!** (Веселиновић Ј.).

Закључак

6.1. Посматрана са становишта лексичке семантике, која своју примену налази у лексикографској обради, субконверзија представља вид регуларне граматикалне полисемије. Регуларне – будући да се реализује кроз низ функционалних типова јасно дефинисане граматичке, синтаксостилематичке и морфосемантичке импликатуре; а граматикалне – будући да је њена реализација примарно везана за промену граматичке класе.

6.2. Веза између семантичке и граматичке структуре речи у оквиру овог процеса огледа се у томе што субконверзији подлежу оне речи чији полазни лексички садржај, у концептуалном смислу, може бити схваћен као опште категоријално значење циљне врсте речи. При томе, концептуализација лексичког садржаја у граматичку парадигму може се односити и на пунозначне и на непупнозначне речи. На тај начин, полазне речи се семантички могу груписати према граматичким елементима референције, експресије, динамике, конективности итд. садржаним у њиховом основном значењу.

6.3. У равни граматичког описа, употреба метајезичке константе у *служби* у Речнику САНУ упућује на закључак да дистинкције између граматичких категорија кореспондирају са онтолошким и искуственим категоријама у оквирима комуникативне компетенције говорника, као и са и перспективом коју он заузима према одређеним појмовима из материјалног света. Овакав однос према граматичким категоријама увод је у преиспитивање предефинисаних схватања о граматичким правилима из угла лексикографа. Потврђује се теза Вјезбицке (1988: 7–20): да граматичке категорије не егзистирају изнад семиотичких, културних и других уопштавања, концептуализација и репрезентација, већ да чине њихов саставни део.

6.4. Из овог разлога, анализа лексикографског метајезика треба подједнако да чини саставни део осавремењивања речничког и граматич-

ког описа језика. Крајњи циљ ових напора је усмерен на израду методолошког приручника који би објединио достигнућа системско-дескриптивне лексикографије и граматичких приручника савременог српског језика.

ЛИТЕРАТУРА:

Апресјан, Юрий Д. (1995): *Интегрално описание языка и системная лексикография*, Москва: Языки русской культуры.

Апресјан, Юрий Д. (отв. ред.) – О.Ю. Богуславская (сост.) (1995): *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики*, Москва: Наука.

Aprjesjan, Juri D. (2000). *Systematic Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.

Белић, Александар (1959). „Увод“, *Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*, књ. I. Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српскохрватски језик САНУ. VII–XXVI.

Biber *et al.* (1998). Douglas Biber, Susan Conrad, Randi Rappen, *Corpus linguistics – Investigating language structure and use*, Cambridge.

Halliday, M. A. K. ([1984] 2002). *On the Ineffability of Grammatical Categories*, in: *On Grammar*, London: Continuum, 291–332.

Ивановић, Ненад (2007). „Принципи формирања и организације корпуса Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ (у периоду од 1853. до 1953. године)“, *Шездесет година Института за српски језик САНУ, зборник радова*, књ. II. Београд: Институт за српски језик САНУ, 53–78.

Ивановић, Ненад (2009). „Прилози у служби других врста речи у српском језику (на материјалу из Речника САНУ)“, *Савремена проучавања језика и књижевности, зборник радова*, Крагујевац: ФИЛУМ. Стр. 149–166.

Ивановић, Ненад (2011). „Типичан граматички контекст речи и његова обрада у лексикографској пракси (на материјалу из Речника САНУ)“, *Проблеми историје, филологије, културе, међународни симпозиум „Лексикографија и фразеологија у контексте славистици“ под ред. М. Г. Абрамзона*. ООО „Аналитик“: Магнитогорск; Новосибирск. Вып. 3 (33). Стр. 50–55.

Meijs, Willem (1996). “Linguistic Corpora and Lexicography”, *Annual Review of Applied Linguistics*, vol. XVI, Cambridge: Cambridge University Press. 99–114.

Речник САНУ (1959–2010, I–XVIII). *Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ (слова: А–О)*, Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српскохрватски/српски језик САНУ.

Ристић, Стана (2006). *Раслојеност лексике српског језика и лексичка норма*, Београд: Институт за српски језик САНУ.

Ристић, Стана – Ивановић, Ненад (2011). „Предлог за модернизацију рада на Речнику САНУ“, *Грамматика и лексика у словенским језицима, зборник радова с међународног симпозијума*, Матица српска–Институт за српски језик САНУ, Нови Сад–Београд, стр. 529–553.

Saint-Dizier, Patrick (ed.) – Viegas, Evelyne (ed.) (2005). *Computational lexical semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wierzbicka, Anna (1988). *The Semantics of Grammar*, Amsterdam: John Benjamins.

**LEXICOGRAPHICAL METALANGUAGE AS AN INSTRUMENT
FOR THE GRAMMATICAL DESCRIPTION OUTLINING**

(based on the *Dictionary of the Serbo-Croatian Literary and Vernacular Language of the Serbian Academy*)

This paper aims to show that in the modern age marked by the incorporation of computer technology into linguistic research the digitization of lexicographical resources represents an important methodological step in modernizing the grammatical description of the Serbian language. We have elaborated on this issue on the basis of machine-readable copy of the *Dictionary of the Serbian Academy*, which comprises 18 volumes (letters: A–O) with over 250.000 lexical entries representing the latest stage of development of the contemporary Serbian language.

From this copy of the *Dictionary* we extracted all entries marked by lexicographical expression *in service of* (e. g. nouns *in service of* adjectives; adverbs *in service of nouns*, etc.). In Serbian lexicography this expression is formulated in order to describe cases of *subconversion*, where the word that belongs to one grammatical class is being used as a member of some other class, while retaining its main semantic and functional features. With this data we then portrayed the main types of subconversion in the Serbian lexis, by way of two analytical standpoints: from the basic meaning to its realization – and vice versa.

“МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА” И. И. СРЕЗНЕВСКОГО И СОВРЕМЕННЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В настоящее время русская историческая лексикография переживает весьма ответственный этап своего развития. В рамках больших словарных академических проектов продолжается (и уже близится к завершению) издание трех многотомных исторических словарей – Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., Словаря русского языка XI–XVII вв. и Словаря русского языка XVIII в. Кроме того, в повестку дня уже сейчас ставится задача написания Словаря русского языка XIX–XX вв., отличного от имеющихся словарей так наз. “современного русского языка”. Завершение крупных проектов прошлого и постановка новых масштабных задач требуют от лексикографов, с одной стороны, критической оценки прежних достижений и ошибок, а с другой – выработки новых теоретических и практических подходов к изучению лексической системы русского языка в ее историческом развитии. В настоящем докладе на основе опыта, накопленного в российской лингвистической науке, предлагаются некоторые пути и намечаются перспективы решения этих задач.

а) Развитие русской исторической лексикографии в XIX–XX вв.

У истоков русской исторической лексикографии стоят фигуры А. Х. Востокова (1781–1864) и И. И. Срезневского (1812–1880). Акад. А. Х. Востоков стал автором первого русского “Словаря церковнославянского языка” (СПб., 1858–1861), который хотя и не был в полном смысле историческим словарем, однако наметил пути для будущего словарного проекта И. И. Срезневского.

В 1849 г. на годовичном торжественном Собрании Императорского Санкт-Петербургского университета Срезневский произносит речь “Мысли об истории русского языка”. В этой речи, еще до выхода в свет словаря Востокова, он формулирует идею грандиозного научного проекта, направленного на создание словарей отдельных памятников русской письменности, а потом на их основе – общего исторического словаря русского языка. Первоначальный замысел Срезневского не ограничивался древнерусским лексическим материалом – предполагалось ввести в Словарь и современную лексику (Срезн. I, Предисловие: II).

Данная работа предусматривала следующие *этапы*:

1) Составление словарей к изданиям памятников: Житие Бориса и Глеба, Акты юридические, Акты Археографической экспедиции (т. I), Русские достопамятности (т. I), грамоты.

По поручению Срезневского были составлены словари к Синодальному списку “Русской правды”, “Слову” Даниила Заточника, Псковской

судной грамоте, Новгородской летописи (А. Н. Пыпин), Ипатьевской летописи (Н. Г. Чернышевский), Новгородским и Псковским летописям (П. А. Лавровский) (Срезн. I, Предисловие: I).

2) Составление картотеки древнерусского словаря по рукописям и изданиям (к моменту смерти Срезневского картотека насчитывала около 100 тыс. карточек) [Богатова 2000: 132].

1893–1912 гг. – издание “Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам” детьми Срезневского Ольгой и Всеволодом (переизд. в 1958 и 1989 гг.).

Выбор лексики.

В содержательном отношении наибольший интерес Срезневского вызывали слова, обозначающие предметы и понятия народного быта, а также слова с отвлечённым значением (Срезн. I, Предисловие: II, IV–V). В этом случае неизбежно вставал вопрос о том, как совместить в одном словаре слова народного языка, обозначающие реалии быта, со словами отвлечёнными, в большинстве своём церковнославянскими. Срезневский предполагал объединить их более или менее механически – поэтому одним из первых предварительных названий Словаря было: “Словарь народного и церковного языка” или “Словарь книжного и народного языка по древним памятникам русского письма” (там же: IV).

В хронологическом плане для будущего Словаря Срезневский подбирал лексику преимущественно из древнейших памятников XI–XIV вв. – т. е. текстов, относящихся к собственно древнерусскому периоду. Лексика из текстов старорусского периода XV–XVII вв. учитывалась sporadически – прежде всего из-за огромного объёма и плохой изученности этих памятников, но также из-за того, что материалом поздних текстов Срезневский первоначально намеревался иллюстрировать современную русскую лексику (там же: III). Лишь впоследствии, когда он отказался от этой идеи, лексика памятников XV–XVII вв. стала использоваться для пополнения Словаря, однако никакой системы в этом не было, пополнение проходило sporadически.

Принципы описания лексики:

1) не различаются церковнославянские (южнославянские) памятники и собственно русские (восточнославянские), то же касается их лексики, которая вся объявляется древнерусской. Причина этого – невозможность отделить друг от друга слова собственно русские, общеславянские и церковнославянские (древнеболгарские) (там же: VI). По сути дела, Срезневский взялся за создание синтетического словаря древнерусского языка, в котором были представлены слова и книжно-письменного языка (южнославянские по происхождению), и слова собственно русского разговорно-бытового языка;

2) в качестве источников словаря использовались только русские (восточнославянские) рукописи;

3) рукописные источники, как правило, датировались только временем списка; в словарной статье не указывалось, к архетипу какого века восходит тот или иной список;

4) словарные толкования иногда давались на русском, иногда на латинском и греческом языках (ср. т. I – **адъ**);

5) значения слов иллюстрировались цитатами, в которых данное значение выступает наиболее ясным образом;

6) при цитировании рукописей далеко не всегда указывались листы – для сложных сборников чаще указывались главы, слова, для библейских книг – главы и стихи;

7) в переводных памятниках весьма регулярно приводились греческие соответствия славянским лексемам, однако из каких изданий были почерпнуты эти параллели – неизвестно;

8) осознавалась необходимость указания оттенков значений слов (там же: IV), однако на практике этого не было сделано – отсюда огромное количество значений у некоторых слов;

9) значения слов не нумеровались, вследствие чего в дальнейшем оказалось невозможно давать перекрёстные отсылки на сходные значения разных слов;

10) иностранные заимствования сопровождались указанием на источник заимствования (иногда в конце статьи давалась этимологическая информация).

Указатель источников составлялся по ходу издания “Материалов”, поэтому он разбросан по всем трём томам (конец 1-го тома, начало 2-го тома, конец 3-го тома), что представляет большие неудобства для его использования.

б) Словарь русского языка XI–XVII вв.

История нового лексикографического издания началась в 1925 г., когда акад. А. И. Соболевский создал и возглавил Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому словарю. Соболевский лично расписал и передал в Картотеку более 100 тыс. карточек, которые составили основу будущей Картотеки словаря русского языка XI–XVII вв. (однако уже тогда в Картотеку были включены и памятники XVIII в.). После смерти Соболевского в 1929 г. эту работу продолжил акад. М. Н. Сперанский, однако в 1934 г. он был арестован и через четыре года скончался. Тем не менее к 1940 г. Картотека насчитывала более 900 тыс. карточек, а в 1952 г. – свыше миллиона.

В 1952 г. Картотека была перевезена в Москву.

В 1958 г. работа над древнерусским словарем возобновилась в новооснованном Институте русского языка АН СССР под руководством С. Г. Бархударова.

1-й том “Словаря русского языка XI–XVII вв.” на буквы А–Б вышел в 1975 г. Несмотря на ряд досадных ошибок в толкованиях слов и подаче цитат, Словарь стал заметным явлением в исторической русистике. Постоянно совершенствуя свой методический и технический аппарат, Словарь в настоящее время насчитывает 29 вышедших томов и доведен до буквы Т.

Выбор лексики.

1) В отличие от Срезневского, авторы нового словаря изначально ориентировались на максимально полный охват древнерусской лексики, включая лексику бытовую, церковную, отвлечённо-философскую и т. д.

2) Поскольку в “Материалах” Срезневского лексика древнейших русских памятников XI–XIV вв. была представлена относительно хорошо, а памятники XV–XVII вв. использованы недостаточно, новый словарь осо-

бое внимание уделял на первых порах именно поздним памятникам. Однако вскоре последовали новые издания древнерусских текстов со словоуказателями и стало ясно, что даже древнейшая лексика учтена Срезневским в недостаточном объёме. Поэтому постепенно, от тома к тому, доля древнейшей (в том числе церковной и богословской) лексики в Словаре росла. Многие слова и значения иллюстрировались ссылками на словари Срезневского и Востокова, поскольку установить источники цитат было, как правило, невозможно (во многом эта проблема сохраняется и на современном этапе работы над словарем).

Принципы описания лексики:

1) как и в “Материалах” Срезневского, в Словаре XI–XVII вв. не различаются церковнославянские (южнославянские) памятники и собственно русские (восточнославянские) – их лексика в равной степени считается древнерусской. Как уже указывалось, причина этого – в невозможности выделить из ткани книжных памятников слова собственно русские, общеславянские и церковнославянские (древнеболгарские). Теоретически можно было создать словарь только восточнославянских памятников (включая древнерусские переводы с греческого), однако методически это не имело смысла, поскольку в древности, как и в наше время, русский книжный язык содержал в себе огромное количество церковнославянских (древнеболгарских) элементов, исключение которых просто разрушило бы его лексико-стилистическую систему. Поэтому “Словарь русского языка XI–XVII вв.” фактически был призван продолжить и развить на новом уровне и новом историческом этапе лексикографические традиции, заложенные И.И. Срезневским. Соответственно, новый словарь должен был стать ещё одним “синтетическим словарем” древнерусского языка, в котором были бы представлены слова и книжно-письменного языка (южнославянские по происхождению), и собственно русского разговорно-бытового языка;

2) как и в “Материалах” Срезневского, в качестве источников словаря использовались только русские рукописи – даже если это были списки с южнославянских оригиналов (например, Изборник Святослава 1073 г.);

3) в отличие от Срезневского, в “Словаре русского языка XI–XVII вв.” рукописные источники, как правило, датируются не только временем списка, но и содержат отсылку ко времени предполагаемого архетипа. Например, древнейший список толковых пророков Упыря Лихого относится к XV в., но скопирован с древнейшего русского списка 1047 г. – соответственно, в Словаре после цитаты указываются обе даты: XV в. восходит к 1047 г.;

4) в отличие от Срезневского, в словарных толкованиях не используются латинский и греческий языки, но исключительно русский литературный язык XX века с исключением (по мере возможности) иностранных слов; также по мере возможности избегаются дублирующие толкования, например: **Освятитися**. *Освятитъся* – и подобные;

5) как и в “Материалах” Срезневского, значения слов иллюстрируются цитатами, в которых данное значение выступает в наиболее ясном виде;

6) в отличие от Срезневского, при цитировании рукописей всегда указываются листы, при цитировании изданий – страницы; при наличии не-

скольких изданий одного текста предпочтением в цитировании пользуется наиболее новое и / или научно корректное;

7) как и в “Материалах” Срезневского, в переводных памятниках регулярно приводятся греческие, латинские, польские и (спорадически) древнееврейские соответствия славянским лексемам (в первых томах этот принцип не соблюдался из-за недостатка специалистов по указанным языкам). В последнее время указываются также средненемецкие, шведские и голландские параллели к соответствующим переводным памятникам;

8) в отличие от Срезневского, помимо основных лексических значений слов указываются их семантические оттенки;

9) в отличие от Срезневского, значения слов нумеруются (это позволило делать перекрёстные отсылки на сходные значения близкородственных слов);

10) как и в “Материалах” Срезневского, иностранные заимствования сопровождаются указанием на язык – источник заимствования.

В отличие от Срезневского, *Указатель источников* составлялся не после, а до выхода первых томов – поэтому обозначения источников стандартны и легко находятся в указателе. Периодически публикуются дополнения к Указателю источников.

В настоящее время число источников Словаря достигло примерно 2000 единиц (рукописей и изданий), и это число ежегодно увеличивается. Из 2000 источников 237 (т.е. примерно 12%) являются переводными с греческого, латинского, древнееврейского, средненемецкого, шведского, голландского языков. Ко всем цитатам из переводных памятников подводятся иноязычные лексические параллели.

Таким образом, можно сказать, что академический Словарь русского языка XI–XVII вв. взял всё лучшее от Словаря Срезневского и при этом сумел не повторить его недостатков.

К сожалению, того же нельзя сказать о другом древнерусском словаре, который издаётся в Институте русского языка РАН в Москве.

в) Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.

Выбор лексики.

Этот Словарь первоначально задумывался как словарь-тезаурус, основанный не на выборочной расписке лексики источников по карточкам (как это было у Срезневского и в Словаре XI–XVII вв.), а на полной расписке всех полнозначных и служебных слов. В реальности это привело к тому, что наиболее употребительные слова древнерусского языка (например, предлоги, местоимения или слово Богъ) представлены в Картотеке этого словаря многими сотнями и тысячами контекстов без малейшего выигрыша в разработке семантики. Соответственно, идея словаря-тезауруса себя во многом дискредитировала и была оставлена – так, в настоящее время в этом Словаре широко используются памятники с частичной распиской по карточкам.

Общий замысел Древнерусского Словаря изначально базировался на весьма спорной концепции развития русского языка. Согласно этой концепции, древнерусским может считаться только восточнославянский диалект общеславянского языка. На этом восточнославянском диалектном языке написано большинство деловых документов Древней Руси, княжеские гра-

моты и уставы, Русская Правда и летописи (при этом сильно недооценивался мощный церковнославянский пласт в лексике “Повести временных лет” и других русских летописей).

При таком подходе из источников древнерусского языка были исключены все переводные южнославянские тексты, даже если они сохранились в русских списках. В Древнерусский словарь не вошло Св. Писание на славянском языке, богословские сочинения и переводы славянских книжников, ни одного текста кирилло-мефодиевской или болгаро-преславской традиции. Излишне говорить, что при таком подходе лексический фонд древнерусского языка подвергся невероятному обеднению и упрощению. Древнерусский язык фактически был сведён к языку деловых документов и бытовой речи. Важно отметить, что данный подход полностью нарушал традиции классической русской науки и прежде всего традиции, заложенные И. И. Срезневским.

К счастью, этот подход в Словаре был проведён непоследовательно. Так, в Словарь всё-таки вошли жития русских святых, древнерусские переводы византийских памятников – причём язык этих текстов был практически церковнославянским, с минимальным количеством лексических русизмов. Поэтому лексический материал словаря обогатился церковнославянскими лексемами из переводов Хроники Георгия Амартола, Жития Андрея Юродивого, Жития Василия Нового, Жития Варлаама и Иоасафа. Совершенно необъяснимым образом в число источников древнерусского Словаря был включён древнеболгарский Номоканон (Синтагма XIV титулов без толкований) в составе Ефремовской кормчей – эта ошибка, однако, сыграла положительную роль, поскольку благодаря этому лексика древнейшей русской кормчей книги была почти полностью введена в научный оборот.

Вследствие такой непоследовательности при выборе источников Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. во многом повторяет Словарь русского языка XI–XVII вв., уступая ему, однако, по количеству источников и лексем, по тщательности и подробности разработки лексической семантики.

Указатель источников Древнерусского Словаря помещён в 1-м томе, дополнения и уточнения к нему печатаются в очередных томах, начиная с т. 5.

Картотека Словаря древнерусского языка насчитывает примерно 1,5 млн. карточек, хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН в Москве.

В настоящее время издано 8 томов Словаря, он доведён до буквы П.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

СлРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. I–VIII. М., 1988–2008. .

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–29. М., 1975–2011. .

Срезн. I–III – Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. I–III. – Санкт-Петербург, 1893–1912 [переизд.: М., 1989].

ЛИТЕРАТУРА

Богатова 2000 – Богатова Г.А. [ред.] Отечественные лексикографы. XVIII–XX века. – М., 2000.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск / Отв. ред. Г. А. Богатова. – М., 2001.

Kirill A. Maksimovich

THE MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF OLD RUSSIAN LANGUAGE BY I. I. SREZNEVSKIJ AND MODERN ACADEMIC DICTIONARIES OF OLD RUSSIAN LANGUAGE: CRITICAL NOTES

The article deals with a comparative analysis of the two historical dictionaries of Old Russian. The first (accomplished) one was compiled by Izmail Sreznevskij in the second half of the 19th century and published by his disciples in the late 19th – early 20th century under the title *The Materials for the Dictionary of Old Russian Language*. The second (much more voluminous and yet unaccomplished) one is being published in Moscow by a team of Russian lexicographers in frame of the big academic project (vol. 30 with letter T is about to be submitted for print). The experience (positive as well as negative) acquired in the course of preparation of the Sreznevskij's *Materials* has been constantly taken into consideration by compilers of the new academic dictionary of Old Russian. The article describes difficulties as well as some successful solutions of various problems along with new approaches and methods of the Russian historical lexicography of the present day.

О ВНЕШНЕЙ КРИТИКЕ “СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА”

“Словарь русского языка XVIII века”, выходящий с 1984 г.,¹ получил высокую оценку и отечественных, и зарубежных лингвистов. Рецензии на Проект Словаря и выходящие выпуски писали Г. Хюттль-Фольтер,² А. Граннес,³ Р. Гельгард,⁴ В. П. Фелицына,⁵ И. Б. Еськова,⁶ В. Горобец⁷ и др. Кроме опубликованных рецензий существуют рецензии рукописные, данные при обсуждении Проекта Словаря или на подготовленные первоначальные⁸ и окончательные выпуски (В. В. Колесов, И. С. Ильинская, Е. Г. Ковалевская, О. А. Черепанова, И. А. Попов, Г. Н. Акимова, Т. В. Рождественская, Л. Я. Костючук и др.).

В рецензиях подчеркивалось, что словарь имеет не только научное и практическое значение, но и значение общественное: “Появление фундаментального и, по существу, исчерпывающего (не говоря уж – уникального) русского источника по этой эпохе явится серьезным вкладом в разработку русской истории, культуры, науки, искусства, социологии этого времени, покажет исходные линии развития современного литературного языка. Словарь заново открывает нам наш XVIII век и делает его достоянием широких кругов читающей публики. ... Уникальность его и в том еще, что никогда прежде и никогда после не будет предпринято и исполнено столь значительное исследование XVIII века, каких бы значительных и важных подробностей его не начинали изучать впоследствии”.⁹

Авторы рецензий отмечали, что “Словарь XVIII века – издание широкого исторического профиля, в нем отражена не только жизнь слова, но и культурная жизнь народа на определенном этапе его развития”;¹⁰ “это

---

¹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19 (А – Плангерд). – Л., СПб., 1984–2011.

² Hüttle-Folter G. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. ... Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников // Russian linguistics. – Vol. 9. – 1985. – С. 97–102.

³ Grannes A. Словарь русского языка XVIII века. Проект // Russian linguistics. – Vol. 4. – № 4. – 1980. С. 412–415.

⁴ Гельгард Р. Р. Теоретические принципы разработки исторического словаря русского языка (по поводу “Проекта словаря русского языка XVIII века”) // Вопросы языкознания. – 1978. № 6. С. 25–35.

⁵ Фелицына В. П. О восьмом выпуске Словаря русского языка XVIII века // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. – М., 1995. – С. 210–215.

⁶ Еськова И. Б. Словарь русского языка XVIII века // Русская речь. – 1985. – № 1. – С. 113–115.

⁷ Горобец В. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1 (А – Безпристрастие) // Мовознавство. – 1985. – № 4. – С. 75–77.

⁸ В начале работы над Словарем, когда жестко был определен объем Словаря в 1000 а л., были составлены первоначальные выпуски, материалы которых впоследствии в связи с изменением объема Словаря, вошли (и входят) в окончательные тексты публикуемых выпусков.

⁹ Колесов В. В. Рец. на рукопись 1-го вып. Словаря, 1981 г. (рукопись).

¹⁰ Еськова И. Б. Словарь русского языка XVIII века // Русская речь. – 1985. – № 1. – С. 114.

самое большое достижение исторической лексикографии русского языка в советский период ... крупный шаг вперед в изучении истории русского литературного языка”.¹¹ “Словарь русского языка XVIII в.” наконец-то восполнил тот пробел, который нарушил целостность исторической перспективы развития русской лексики – от древнерусского языка и языка русского средневековья к современному русскому литературному языку”.¹²

Среди достоинств Словаря назывались такие его характеристики, как широкий объем источников (в том числе переводов¹³ и текстов деловой письменности¹⁴), динамический подход к кодификации словарного состава, системный подход к интерпретации каждого слова, глубина показа лексико-семантического варьирования слова,¹⁵ корректность лексикографической интерпретации, глубина функционального членения лексического состава русского языка XVIII в., наличие этимологических справок при новых заимствованиях, большое внимание явлению варьирования, демонстрация сочетаемости слова в различных ее видах, стилистическая характеристика слов с учетом ее изменений в течение века, семантически достоверные толкования (многозначность слова показана таким образом, “что всегда можно представить себе историческую перспективу в развитии значений и связать это с общесистемными изменениями в языке”).¹⁶

Одной из самых обстоятельных рецензий на Проект Словаря была статья Р. Р. Гельгардта, в которой основное внимание было обращено на самые существенные проблемы создания исторического словаря. Одной из таких

¹¹ Hüttle-Folter G. Указ. раб. – С. 97, 102.

¹² Этерлей Е. Н. Рец. на 1-й вып. Словаря, б/г (рукопись).

¹³ Использование в качестве источников Словаря переводных текстов подчеркивалось рецензентами особо: “При категорическом отказе современных толковых словарей от использования в качестве языковых источников переводной литературы кажется, на первый взгляд, парадоксальным активное привлечение ее в историческом словаре русского языка. Между тем переводные источники органично входят в корпус Словаря, уживаясь в одном ряду с оригинальными произведениями, что объясняется, вероятно, культурными традициями того времени. Как известно, переводы являлись посредником в освоении европейской научной и бытовой лексики, оказывали существенное влияние на формирование грамматического строя русского языка и, как ни странно, на самобытность стиля многих отечественных писателей, ставших законодателями норм национального языка. Поэтому переводная литература помогла составителям не только раскрыть пути пополнения лексического состава русского языка XVIII в. и источники его формирования. Она обращает внимание читателя на сферу употребления заимствований, их жанровую принадлежность, стилистические функции, сферы влияния относительно исконной лексики” (Т. А. Корованенко, рец. на 17-й (первоначальный) вып., 1988 г., рукопись).

¹⁴ Еще в отзывах на Проект одним из достоинств будущего Словаря называлось то, что “запланированный Словарь будет не только словарем русского литературного языка XVIII века. Поэтому среди источников Словаря широко представлены тексты деловой письменности (акты, научные произведения, технические руководства и т. п.). Именно такая лексика до сих пор слабо изучена и весьма скудно представлена в нормативных словарях XVIII века”. См.: Grannes A. Указ. раб. – С. 413.

¹⁵ Е. Н. Этерлей в рецензии на 1-й вып. Словаря писала: “Я не знаю ни одного словаря (по крайней мере русского), где слово предстало бы столь живым и объемным, как в Словаре XVIII в.” (рукопись, б/г).

¹⁶ Колесов В. В. Указ. рец. В этой же рецензии В. В. Колесов писал: “Попутно скажу, что удивительно остроумно подобраны цитаты, они точны, обладают художественными достоинствами; чувствуется, что составители любят текст, гордятся им, понимают его так, как мало кто вникает сегодня в туманности этих словесных хитросплетений. Признаюсь, что и меня увлекла красота текстов XVIII века только после неоднократного чтения словарных статей к данному словарю – прежде я находил их тяжеловесными и неуклюжими”.

проблем является проблема возможности отражения в историческом словаре системности лексики на определенном хронологическом срезе – в частности, на протяжении XVIII века. Одним из самых уязвимых моментов для понимания системности лексического строя языка XVIII века, как отмечает рецензент, является двуязычие, характерное прежде всего для первой трети века: “Трудности же лексикографического описания этого объекта объясняются прежде всего сосуществованием в данное время двух генетически различных типов языков, их взаимодействием и взаимопроникновением, проявляющихся в разножанровых письменных и литературных источниках, в речевой деятельности разных социальных групп и литературных школ”.¹⁷ Далее рецензент, цитируя Проект, пишет: “Спрашивается, будут ли плодотворными поиски “явлений, характеризующих систему русского языка в целом”, если становление его норм было не только длительным, но и насыщенным столкновениями, контаминациями генетически различных языковых источников и если в пределах одного изучаемого периода существовали разные стадии или этапы его исторического развития? ... Мне думается, что можно характеризовать процесс становления в XVIII в. литературно-языковой нормы не как напряженное динамическое состояние “системы”, лишенной “внутреннего единства”, а как процесс превращения своего рода конгломерата разнородных лингвистических образований в системную организацию с присущими ей отношениями взаимосвязи и взаимообусловленности всех компонентов целостной структуры литературного языка с его кодифицированными нормами”.¹⁸ Тем не менее рецензент признает то, что “некоторые фрагменты системной организации лексики (синонимические связи слов, антонимические параллели, разные виды варьирования слов, парадигматические формы, синтагматические отношения) найдут отражение в словарных статьях”.¹⁹

Для выявления системных связей при синхронном описании языковых фактов определенного хронологического среза авторами концепции Словаря использован ряд приемов, позволяющих показать отношения взаимосвязи лексических единиц: прием частичного гнездования (однокоренные слова, например, *выдергание, выдергивание, выдергивальщик, выдергивальщица* при *выдергать – выдергивать* [4: 212]), помета *Ср.* (показ синонимических отношений, например, *разговор, речь, состязание* при слове *дискурс* [6: 137]), группировки лексических дублетов в заголовочной строке (например, *лубовый, лубяный и лубочный* [11: 237], *микроскоп, микроскопий, микроскопиум, микроскопия* и *микроскопе* [12: 179]) и др.

Заслуга в том, что была создана уникальная концепция исторического словаря, которая воплотилась в разностороннее, глубоко научное (исследовательское²⁰) описание лексического состава русского языка XVIII века, полностью принадлежит создателям этой концепции Л. Л. Кутиной и

¹⁷ Гельгардт Р. Р. Указ. раб. – С. 30.

¹⁸ Гельгардт Р. Р. Указ. раб. – С. 30–31.

¹⁹ Гельгардт Р. Р. Указ. раб. – С. 32.

²⁰ В. В. Колесов в указ. рец. писал: “Это не словарь, а справочник, обладающий всеми преимуществами словаря и научного исследования. ... Каждая словарная статья ... составлена таким образом, словно предварительно была проведена кропотливая и основательная лексикологическая работа над лексемой и филологическая – над текстами”.

Ю. С. Сорокину (в 14-м выпуске Словаря на титульном листе появилась строка “Основатели “Словаря русского языка XVIII века” Л. Л. Кутина и Ю. С. Сорокин”), авторам Проекта Словаря и первым авторам-составителям Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, И. М. Мальцевой, З. М. Петровой, А. И. Молоткову, А. А. Алексееву и др.

Несмотря на общую очень высокую оценку, рецензентами были высказаны и принципиальные, и частные замечания. Остановимся на некоторых из них.

1. Основная проблема любого лексикографического труда – проблема состава словника. Одна из самых первых рецензий еще не на выпуски, а на пробные статьи Словаря (12 отрезков на буквы *А* и *Б*) была написана Е. Г. Ковалевской в 1972 г. вскоре после обсуждения Проекта. Она касалась преимущественно состава отобранных слов. Поддерживая общие принципы отбора слов для нового исторического словаря, рецензент высказал сомнения, например, в необходимости включения в Словарь специальных лексем, функционировавших лишь в специальных текстах (*абордирунг* “абордаж”, *абитрих* “пена, шлак”, *аддитамент* “дополнение”, *андриена* “женская одежда”). Не вошло в Словарь только предпоследнее слово, остальные были включены, поскольку зафиксированы, во-первых, в нескольких источниках, во-вторых, имеют варианты, что говорит не о разовости и единичности употребления данных слов, а о некотором времени их употребления.

В последующих рецензиях неоднократно также высказывалось мнение о нецелесообразности включения в Словарь “неживых” слов, например, предлагалось исключать “новообразования по известным славянским моделям, представленные только в одном произведении (*долгоживотный*, *завистносоперник*, *овладычествовать*, *огосподствовать* в переводе “Книги историографии” Мавро Урбини)”²¹. Предложение не включать в Словарь слова, не подтверждаемые примерами, встречается и в рецензии другого автора: “типа *славеносербский*, *сжаждити*, *серебриста* в значении “денежный, выгодный”, *сечение воздуха* – “о чем-л. неопределенном, эфемерном” и т. п.”²². Высказывались сомнения в необходимости помещения в Словарь таких, например, слов, как *прецедессор* “предшественник”, *предеединарист* “сторонник веры в предопределение”, *прескрипция* “просрочка”: “Инструкция предусматривает строгий отбор и ограничения для такого рода специальных слов. Они вносятся в Словарь “с учетом их употребительности, историко-культурного значения ... и дальнейшей перспективы усвоения русским языком”. Названные слова, подтверждаемые 1–2-мя цитатами и характеризующиеся как новые, вряд ли отвечают этим требованиям”²³.

Критике подвергалось и включение в Словарь слов, предположительно образованных искусственно создателями первого толкового словаря (САР¹)²⁴: “Огромное количество слов, глаголов с приставкой *за-*, за 200 лет

²¹ Ковалевская Е. Г. Рец. на Проект Словаря, б/г (рукопись).

²² Ковалевская Е. Г. Рец. на первоначальный вып. на букву *С*, б/г (рукопись).

²³ Андреева-Васина Н. И. Рец. на первоначальный вып. на букву *П*, 1985 г. (рукопись).

²⁴ Список сокращений словарей и источников см.: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. – Л., 1984.

жизни русского языка не получило ни одного письменного (писательского) подтверждения. ... Включение в словари этих слов [автор называет слова *зальнуть* “засориться”, *замахать*, *замасливание*, *залощение*, *замуслиться*, *замучнить*, *замывка*, *запалзывание*, *запайка*, *зачитать* “начать читать” – И. М.] – дань традиции, а основоположниками этой традиции, как видно, надо считать создателей Словаря Академии Российской”.²⁵

Включение в состав словника лексических новообразований, которые остались “в границах индивидуального или узкогруппового употребления” и не были усвоены общим употреблением, авторы Словаря мотивировали следующим: “Составители Словаря при этом исходят из того, что индивидуальные образования в специфических условиях времени характеризуют определенные общие тенденции словообразования и словосложения и что эти поиски новых и недостающих звеньев отражают общее состояние словарного состава”.²⁶ Однако в Проекте Словаря предусматривается ряд ограничений для подобных слов.²⁷

Например, в 18-й выпуск только по лексикографическим фиксациям включены такие слова, как *отемствие*, *отместник* [18: 27 – САР¹], *отравенить* “одеть травой” [18: 73 – Ад.], *отракуль* “свѣчная зслонка” [18: 77 – Ад.], *отстрѣлка* [18: 106 – САР²], *отступка* “перерыв, остановка в словах” [18: 108 – ЛГ], *оттворожиться* [18: 111 – САР¹], *оттягаться* “прекратить тяжбу” [18: 118 – САР¹], *отѣдание* [18: 134 – Нрд.], *отѣдание* [18: 134 – САР¹], *охотность* [18: 148 – Нрд., ЛГ, САР²], *очеврач* [18: 154 – Нрд.].

Однако о том, что слова подобных моделей могли быть свойственны или живой речи (но не всегда проникали в письменный язык), или возникали у отдельных авторов, свидетельствует фиксация в источниках такого, например, слова, как *очиновление* “пожалование чином”: *Для самых лутчих и которые .. в послугах своих отечеству обрѣтаются для очиновления тех .. учинить как послѣдует*. Слтков Пропоз.; слово сопровождается пометой *Един.* [18: 157]. Не исключено, что подобные слова могли быть в живой речи, так как в некоторых случаях слова, вошедшие в Словарь только по материалам лексикографических собраний XVIII века, находят подтверждение в новых источниках. Например, глагол *зоторговать* “начать торговать” включен в Словарь только по фиксации его в САР¹, однако в грамотах Антониево-Сийского монастыря отмечается причастие *зоторгованный* “купленный”: *Что же ваше высокопреподобие изволите приказыват брат намъ зоторгованой хлѣб а у кого и къмъ зоторгованъ о томъ не толко я но и братия никто не знаютъ и не торговали*.²⁸

Замечания рецензентов касаются и включения в Словарь некоторых производных слов. Так, в рецензии на 14-й выпуск Словаря отмечалось, что “словник отрезка с не-образованиями неоправданно расширен. В него включены слова, не образующие с отрицанием новые понятия. Так, не вижу оснований включать слово *незасохлый* “невысохший”, поскольку на соответствующем месте в словнике помещено слово *засохлый* “высохший, за-

²⁵ Фелицына В. П. Указ. раб. – С. 214.

²⁶ Словарь русского языка XVIII века. Проект. – Л., 1977. – С. 26.

²⁷ Там же.

²⁸ Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). – М.; Смоленск, 2001. – С. 71.

твердевший” (вып. 8, стр. 94)”. Рецензент называет также слова *незатхлый, незастенчивый, незасвидетельствованный, незавитый, незадбланный, незагаженный, незаимствуемый, незакладной, незакрытый, незаповеданный, незвонкий* и др. “Полагаю, что авторам и редакторам следует уточнить принципы включения в словник образований с отрицанием. Было бы очень хорошо, если бы эти принципы были сообщены пользователям в каком-либо примечании к тому”.²⁹ К сожалению, пожелание рецензента не было выполнено: в 14-м выпуске не поместили никаких комментариев к показу слов с *не-*. Но разработка слов *незатхлый, незастенчивый* и под. на самостоятельном алфавитном месте мотивируется общим принципом показа лексемы в Словаре в орфографии источника: слитное написание данных слов с *не-* рассматривается как отражение процесса лексикализации (подобные случаи встречаются и с другими приставками, например, *за благо, заблаго, за верно и заверно*).

2. Одним из важнейших научных достижений создателей Словаря во многих рецензиях называется введение специальных графических знаков для представления процессов изменения лексического состава на протяжении столетия: “Удачным лексикографическим новшеством являются точные указания на динамику словоупотребления посредством знаков, означающих новацию, выход из употребления и т. под.”.³⁰ “Современная лексикография располагает ограниченным набором приемов и средств, чтобы изобразить слово в его развитии на страницах словаря: пометы устарелое и устаревающее, датировка слов, значений и цитат, соблюдение исторической последовательности при выведении значений слов. Новый Проект стремится сделать лексикографическую форму описания более живой и гибкой, которая позволила бы отразить в Словаре не только результаты процессов, но и сами процессы. Для этой цели предлагаются новые приемы описания и новые знаки”.³¹ “Не только полнота словаря или полнота семантических разработок слов представляет ценность Словаря. Все это можно показать статично, как неподвижные картины ушедшего периода в истории языка, ушедшей жизни. Главное достижение Словаря – его динамика, во всяком случае стремление показать языковые коллизии в тот сложный период. Здесь мы найдем и лексику устойчивую, составляющую основной стержень национального русского языка, и лексику, которая стала обильно проникать в русский язык XVIII в., и лексику уходящую”.³²

Однако эта лексикографическая находка является и одним из самых уязвимых моментов, например, указание на новацию (белый треугольник) или дата входа иноязычного слова. Картотека при всей своей обширности и разнообразии своих источников (более 2300000 карточек-цитат из почти 2000 источников) все-таки не является исчерпывающей. Новые источники нередко уточняют дату вхождения слова, заставляют снимать знак новации или утраты в XVIII в. того или иного слова. Например, слово *навиан* показывается со знаком входа (что сомнений не вызывает) и с указанием ранней

²⁹ Черепанова О. А. Рец. на 14-й вып., 1996 г. (рукопись).

³⁰ Hüttle-Folter G. Указ. раб. – С. 99.

³¹ Шмелева И. П. Рец. на Проект Словаря, б/г (рукопись).

³² Попов И. А. Рец. на 5-й вып., 1985 г. (рукопись).

даты его фиксации по Картотеке (1763 г.) [18: 168], однако в “Примечаниях к “Ведомостям”” за 1735 г. (памятнике, который давно вошел в круг источников Словаря), уже после сдачи 18-го выпуска в издательство обнаружилась более ранняя фиксация. Тем более уточняют даты ранних фиксаций новые источники, в том числе и региональные: *балык*: в Картотеке 1800 г. – в новых источниках – 1720 г.; *весновальский*: 70-е гг. – 1726 г.; *вывертка* – конец 80-х гг. (АТ) – 1710 г.; *вымерзнуть*, *выпороток*, *вытечь*: в Картотеке нет материалов первой трети века – 1710 г., *заверточный*: 1792 г. – 1726 г., 1736 гг.; *зачетный*: конец века – 1710, 1722, 1725, 1730 гг.; *игольник*: 1755 г. – 1725 г.; *лобковый* (мех): конец века (САР¹) – 1710 г.; *недопроданный*: конец века (САР¹) – 1723 г.; *оплотина*: 1795 г. – 1725 г.; *покал*: 1725 г. – 1710 г. и др.

Это ни в коем случае не может быть укором авторам Словаря, это наглядный пример необходимости расширения источников за счет ввода региональных письменных памятников, содержащих материал, который или не входил в источники других жанров, или фиксировался в них в более позднее время.³³

Замечания, касающиеся проблем с показом новаций XVIII века, высказывались разными критиками. “Необходимо сказать еще об одном опасении более общего характера, которое напрашивается при чтении Словаря. Слова, не зафиксированные в русской и советской лексикографии для периодов, предшествующих XVIII веку, рискуют быть зачислены в неологизмы русского литературного языка нового типа, независимо от того, в какой период и на какой территории России они возникли. Это касается особенно лексического наследия Юго-Западной Руси, проникшего с середины XVII в. в Московскую Русь, которое до сих пор не изучено. ... Заимствовались как слова поздней украинской редакции церковнославянского языка, так и европеизмы, которые появились в Юго-Западной Руси, как правило, значительно раньше, чем в Москве. Ввиду сказанного нельзя исключать, что, например, слова, датированные в Словаре как заимствования петровской эпохи, проникли в русский язык значительно раньше, так как они употребляются в юго-западных источниках с начала XVII в.: *автор*, *аллегоричный*, *алхимик*, *апелляция*, *амнистия*, *апробация*, *апробовать*, *аудиенция*, *армия*, *архитектура* и др. При настоящем положении наших знаний о лексике восточнославянских языков и церковно-славянского разных редакций не существует возможности выяснить такие вопросы. По этой причине нельзя упрекнуть редакторов и составителей словаря XVIII в., если та или иная датировка не всегда точная. С другой стороны, рецензент не мог обойти молчанием эту проблематику”³⁴

Другой рецензент также поднял эту проблему: “Из первых 100 слов выпуска более половины (58) помечены знаком вхождения. К сожалению, я не нашла ни в Проекте, ни в правилах указания на то, каким образом устанавливается статус нового слова. Полагаю, что это – обращение за справками

³³ См.: Малышева И. А. Новые источники “Словаря русского языка XVIII века” // “Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность”: Сб. научн. тр. памяти З. М. Петровой. – СПб., 2007. – С. 261–275; Малышева И. А. Региональные памятники деловой письменности XVIII в. как новые источники “Словаря русского языка XVIII века” // Историческая лексикология и лексикография. – Вып. 8. – СПб., 2010. – С. 86–98.

³⁴ Hüttle-Folter G. Указ. раб. – С. 101–102.

в Картотеку ДРС, в Словарь русского языка XI-XVII вв., а также в словари, изданные в XVIII веке. Если это так, то значок нового слова, наверное, надо снять у слов *закуриться, закута, закутатися, залавок, залетовать, залечится, заливной* (7 слов), а 2 слова (*закурение* и *залгати*) надо проверить, так как их значения несколько не отличаются от значений, представленных в Словаре XI-XVII вв., откуда я и взяла все эти 9 слов”.³⁵

Таким же спорным моментом является, как уже сказано, приведение даты вхождения при новом иноязычном заимствовании (даты приводятся только по материалам Картотеки), тем не менее рецензенты замечают, что “при всей уязвимости принципа показа дат вхождения слов в язык его не следует заменять более обобщенными и приблизительными указаниями на десятилетия или “в начале” и “в конце века”. Такие обобщения мало что дают для точного знания о времени появления слова”.³⁶ Справедливости ради следует сказать, такие обобщенные указания в Словаре даются только в том случае, если нет точной датировки источника.

Замечания рецензентов вызывали и факты несовпадения указанной даты появления слова и подтверждающей цитаты: “В тех случаях, когда отмечается точная дата первого употребления слова по данным Картотеки, первая иллюстрация совсем не совпадает с датой хронологически. Например, *аллея*, 1719, а пример из Карамзина; *адрес*, 1710, а пример из Радищева”.³⁷ Следует сказать, что авторами Словаря не ставится задача проиллюстрировать именно первую фиксацию слова (иногда это трудно сделать, например, из-за обширности необходимого фрагмента текста, из-за наличия текста, более интересного в семантическом отношении). Задачи и характер иллюстрирования были изложены в Проекте Словаря,³⁸ и основной целью иллюстрирования определяется необходимость “наиболее полно раскрыть семантику слова, продемонстрировать его употребление, подтвердить стилистические характеристики. Оно важно и как возможный способ показа вариантности слова, его грамматических форм и синтаксической валентности”.³⁹ Иначе говоря, выбор иллюстрации определяется целым рядом моментов, принципиально важных для лексикографического описания слова, но в то же время специально не ставится задача показать именно раннюю фиксацию слова.

3. Основным принципом расположения слов в Словаре является алфавитный. Для заголовочного слова было принято правило воспроизведения его в соответствии с орфографией источников, и в отношении слов с приставками на *-з/-с* в Проекте сказано следующее: “Единообразно размещаются приставочные образования с приставками на *-з/-с* (*воз-/вос-, раз-/рас-, без-/бес-* и др.) независимо от того, каково написание в каждом конкретном слове, напр., слова, зарегистрированные в картотеке только в написании *безконечный, безтрудный, возкрепить, возкрамольствовать, обезпамятеть, обезпечение* будут даны (по правилам написания этих при-

³⁵ Фелицына В. П. Указ. раб. – С. 213.

³⁶ Попов И. А. Рец. на 2-й вып. Словаря, 1976 г. (рукопись).

³⁷ Акимова Г. Н. Рец. на 1-й вып. словаря, 1975 г. (рукопись).

³⁸ Словарь русского языка XVIII века. Проект. – С. 123–127.

³⁹ Там же. – С. 123.

ставок перед глухим согласным, действующим и в XVIII в.) в алфавите на месте слов *бесконечный, беструдный, воскропить, воскрамольствовать, обеспамятеть, обеспечение*”.⁴⁰ Следование этому правилу привело к нарушению алфавитных мест слов, и в связи с этим серьезную критику вызвал 1-й вып. Словаря. Тем не менее на практике этому принципу не последовали, и в связи с этим серьезную критику вызвал 1-й вып. Словаря за расположение слов с приставкой *без-/бес-* по принципу точного следования орфографии источников: “заглавные слова с приставкой *без-* в Словаре приведены с тремя перерывами и прямо вопреки собственному указанию: “единообразно размещаются приставочные образования с приставками на *з-/с-* (*воз/вос, раз/рас, без/бес* и др) независимо от того, каково написание в каждом конкретном слове по правилам современного написания этих приставок” ... Такая путаница не может вызвать замешательства у читателей Словаря”.⁴¹ Надо сказать, что это коснулось не только русских приставочных образований, но и заимствованных слов, например, слово *адвисбриф* находится между словами *адвиз* и <*адвиз корабль*> [1: 24–25]. В последующих выпусках словаря от этого правила в отношении приставочных образований на *з-/с-* отказались, и например, слова с приставками *воз-/вос-, из-/ис-* расположены в Словаре с ориентацией на современное написание с показом вариативных написаний XVIII столетия.

При общем алфавитном расположении слов в Словаре используется прием частичного гнездования. Этот прием, по мнению авторов Словаря, был принципиально важен: “Синхронное описание фактов языка предполагает выявление системных отношений в нем, характерных для данного состояния, ... Это предопределяет широкое использование указаний на парадигматические связи с другими словами и – в силу этого – применение принципа частичного гнездования в расположении слов”.⁴² Большинство рецензентов приняли идею частичного гнездования: такой прием “удобен и как экономное средство подачи очень большого материала, какой имеется в картотеке Словаря, и как способ наглядного показа словопроизводных возможностей слова”.⁴³

В связи с принципом гнездования высказывалось пожелание показывать дополнительно слова, включенные в гнездо, и на своем алфавитном месте с отсылкой: “Хочется высказать сожаление, что, по правилам Словаря, загнездованная лексика не приводится на своем алфавитном месте в общем алфавите”.⁴⁴ Однако составители сознательно от этого отказались, чтобы не загромождать Словарь (“На алфавитном месте слов, вошедших в какое-либо гнездо, отсылки не даются”⁴⁵): заявленный принцип гнездования уже говорит пользователю, что однокоренные слова следует искать в гнезде исходного слова (если производное слово не расходится в семантике с исходным, в противном случае оно толкуется отдельно на своем алфавитном месте).

⁴⁰ Там же. – С. 129.

⁴¹ Hüttle-Folter G. Указ. раб. – С. 98.

⁴² Словарь русского языка XVIII века. Проект. – С. 8, 27. Принципы гнездования см.: – С. 28–30.

⁴³ Ильинская И. С. Рец. на 1-й вып., 1975 г. (рукопись).

⁴⁴ Гайкович Т. И. Рец. на 12-й вып., 1994 г. (рукопись).

⁴⁵ Словарь русского языка. Проект. – С. 28.

Если в целом идея частичного гнездования была поддержана, то некоторые конкретные случаи вызвали целый ряд замечаний: “Гнездование лексем вызывает ряд вопросов и прежде всего в отношении подачи прилагательных. Остается неясным, почему в одних случаях прилагательное выносится в отдельную статью, в других дано в словарной статье существительного. Так, существительные *мазанка*, *мазаница* и прилагательные *мазанковый* и *мазаночный* разработаны в отдельных статьях, а прилагательные *мазный*, *мазильный*, *мазейный* включены в словарную статью *мазь*”;⁴⁶ “неясно, почему существительное *кльбтчонка* вошло в гнездо на слово *кльбть*, а *кльбтушка* дается в алфавите самостоятельно, хотя они полностью совпадают семантически. Почему на самостоятельном алфавитном месте стоит существительное с экспрессивно-оценочным суффиксом *-очек* (*каточек*), а не в гнезде на *каток*”;⁴⁷ “в связи с заявленными принципами гнездования слов не всегда убедительным оказывается объединение в одной словарной статье или разведение по разным словарным статьям отдельных слов; напр.: *нечестивый*, *нечестиво*, *нечестивость* – в одной словарной статье, а *нечестие* и *нечестный* – в разных”.⁴⁸ Подобные замечания можно продолжить.

Все замечания, связанные с включением или невключением в гнездо конкретных слов, вызваны тем, что рецензенты не до конца поняли, в каком случае слова объединяются в гнездо, в каком разрабатываются самостоятельно. Слово включается в гнездо исходного слова только в том случае, если оно не имеет собственных особенностей в семантике, сочетаемости, стилистической характеристике и т. д. Например, слово *нечестие* не могло войти в гнездо слова *нечестный*, поскольку имеет три значения (в отличие от однозначного прилагательного) [15: 123], у слова *буйность* выделен оттенок значения, что не позволило включить его в гнездо прилагательного [2: 158] и т. д.

Анализ критических замечаний, высказанных в адрес “Словаря русского языка XVIII века”, еще раз убедил в том, насколько продуманной, научно аргументированной, четкой является разработанная концепция данного исторического словаря и насколько последовательно ее воплощение в словарном материале. Однако как любой лексикографический труд Словарь не лишен неточностей в разработке лексического материала, что объясняется как сложностью поставленных задач, так и высокой степенью сложности словарного состава русского языка XVIII века и в связи с этим необходимостью решения очень непростых вопросов при его лексикографическом представлении.

⁴⁶ Черепанова О. А. Рец. на 12-й вып., 1994 г. (рукопись).

⁴⁷ Лутовинова И. С. Рец. на 10-й вып., 1991 г. (рукопись).

⁴⁸ Аверина С. А. Рец. на 15-й вып., 1997 г. (рукопись).

Irina Malysheva

ABOUT THE EXTERNAL CRITICISM OF *THE DICTIONARY OF RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY*

The article is devoted to questions of external criticism of lexicographical works. The published and handwritten reviews of *The Dictionary of Russian Language of the 18th Century* written both on the published editions of *The Dictionary*, and on those being in process of preparation are considered. The remarks concerning structure of the vocabulary of *The Dictionary*, display of evolution of lexis, determination of lexical innovations of the 18th century, the placing of words in a dictionary nest, etc. are analyzed.

VLOGA KRITIKE V SLOVENSKEM SLOVAROPISJU

Uvod

0 Kritika se na slovarje, v katere je bodisi v iztočnični ali ustreznični vlogi vključena tudi slovenščina, opazneje in odmevneje odziva od srede 19. stoletja dalje. Kritičnega odmeva ni mogoče pričakovati ob rokopisnih slovarjih, ki so v 17. in 18. stoletju prevladovali, saj so bili dostopni le redkim posameznikom. Tudi na prve tiskane slovarje, v katere je bila vključena slovenščina, ni bilo neposrednih javnih kritičnih odmevov.¹ Kritična odzivnost je naraščala sorazmerno s širjenjem kroga uporabnikov slovarjev, z dozorevanjem zavesti o njihovem namenu in pomenu, pa tudi s povečevanjem števila poznavalcev slovaropisja.

1 Slovarska kritika od začetka 19. do srede 20. stoletja

1.1 V 19. stoletju so se na nove slovarje pričeli kritično odzivati jezikoslovci, ki so v njih iskali raznovrstne podatke, slednje pa kot poznavalci jezikovnega sistema in kot razgledani uporabniki domačih in tujih slovarskih priručnikov znali tudi ovrednotiti, neredko tudi primerjalno. H kritični presoji so bili še posebej nagnjeni tisti, ki so se sami lotevali slovarskega dela ali imeli slovaropisne načrte.

1.2 Kali kritike, ki zadeva Pohlino slovensko-nemško-latinski slovar (1781), vsebujejo pripombe, zapisane v okviru prikaza Pohlinove slovnice v uvodnem delu Kopitarjeve slovnice (*Kopitar* 1809 (1808): 127–148). Mnenje, da Pohlino zaradi rojstva v Ljubljani in življenja v mestu ni poznal čistega ljudskega govora, da so bile njegove ortografske rešitve, predstavljene v slovnici in uresničene v slovarju, slabe, in da so njegove besedne novotvorbe večinoma neustrezne, potrjujejo tudi mesta v Kopitarjevi korespondenci (*Orel-Pogačnik* 1996: 145–146).² Očitke glede zajetega besedja, ki jih je Kopitar v prvi vrsti naslovil na Pohlino slovnico, so kasnejši kritiki ponavljali pri ocenah oz. omembah njegovega slovarja.³

---

¹ Delni vrednotenjski pretres so zgodnejša slovarska dela doživela šele v okviru obsežne Breznikove obravnave slovenskih tiskanih in rokopisnih slovarjev (od slovaropisnih začetkov v 16. stoletju do srede 19. stoletja) iz leta 1926 (z dopolnitvami v nadaljevanju iz leta 1938), ki le-te analizira glede na slovarske in druge vire, na katere so se slovaropisci naslanjali pri izdelavi slovarjev in od koder so jemali besedje. Breznik pri predstavitvi besedja v različnih slovarjih npr. govori o dobrih, tehničnih besedah (ob Kastelčevem rokopisnem slovarju (1680–1688); 1926: 130), o dobrem in slabem gradivu (ob Pohlinoem trijezičnem slovarju (1781); 1926: 143), poudarja, da je imel Pohlino slovar veliko posebnosti, nepotrebnih tujk, samovoljnih skovank in potvorb (1926: 144), kot njegovi odliki pa izpostavlja, da je slovenil pismeni besedni zaklad (1926: 144) in da je zabeležil mnogo lepih ljudskih izrazov (1926: 165). Enako velja tudi za Gutsmanna (1789): naredil in nabral je veliko dobrih izrazov (1938: 18–19).

² Iz Kopitarjevih pisem so ugotovljiva tudi njegova mnenja o sočasno nastajajočih slovarjih, zlasti o Vodnikovem, ki je kljub objavljeni napovedi izida ostal v rokopisu (*Orel-Pogačnik* 1996: 145–150).

³ Cigale v predgovoru k svojemu nemško-slovenskemu slovarju prikazuje dotedanji razvoj slovenskega slovaropisja. Pohlino slovar je v tem okviru npr. deležen kritične ocene, da poleg številnih tujih besed navaja tudi »monfröle Wortdichtungen« in besede iz drugih slovanskih jezikov,

1.3 Prvo celovitejšo kritiko je kmalu po izidu dolgo pripravljane, obsežnega dvojezičnega nemško-slovenskega slovarja (1860)⁴ objavil Fran Levstik (1860).⁵ Njegova kritika je zadevala predvsem dotedanji način izdelave slovarjev in zajeti besedni zaklad. Slovarju je očital naslednje pomanjkljivosti:

- gradivo je v veliki meri zbrano s pomočjo prevajanja tujih slovarjev (zlasti Heinsiusa), ki zrcalijo drugačno besedno bogastvo, kot ga izkazuje slovenščina;
- gradivo, ki je bilo zbrano že pred desetletji (velik del predstavlja Vodnikovo), bi moralo biti za slovar izbrano po strožjih merilih;
- sodelavci bi morali manjkajoče besede zbrati med ljudstvom (ustrezno izbiro bi jim omogočilo le dobro poznavanje jezika, le-to pa življenje med ljudstvom);
- prevzete besede, suženjski prevodi in neologizmi niso primerno nadomestilo za zapolnitev poimenovalnih vrzeli; nove besede bi smeli po Levstikovem prepričanju tvoriti le jezika večši pisatelji, slovaropisci pa naj bi segali po že preizkušanih in uveljavljenih neologizmih;
- slovar bi moral bolj upoštevati naglas (za merilo naj bi npr. vzel notranjsko narečje); poleg jakostnega bi bilo treba označevati tudi tonemski naglas (»potegnjeni« in »dvojno potegnjeni«: *vrát* in *vrât* (Levstik 1978 (1860): 150)).

Levstikova ocena Cigaletovega nemško-slovenskega slovarja je hkrati tudi programska, saj je v njej s premišljenimi očitki metodološkega in vsebinskega značaja nakazoval pot bodočemu slovaropisju.⁶ Menil je, da bi moral biti že pred nemško-slovenskim slovarjem, ki ga kljub pomanjkljivostim označuje kot najboljši dotedanji slovenski slovar, izdelan slovensko-nemški del.

1.3.1 Strogo Levstikovo kritiko je po več desetletjih v tretjem nadaljevanju razprave o slovenskih slovarjih ob obravnavi Cigaletovega slovarja kot neutemeljeno zavrnil Breznik (1938: 148–155). Breznik poudarja, da je Cigaletovo »delo samostojno, znanstveno zanesljivo in zrelo« (Breznik 1938: 148), da virov ni prevajal in da jih je uporabljal kritično, neredko le posvetovalno. Tudi že obstoječih domačih slovarjev ni prepisoval, ampak je zajeto gradivo kritično vrednotil ter ločeval dobre tvorbe od slabih. Podobno je ravnal tudi z novimi knjižnimi tvorbami in zbirkami ljudskih izrazov.

1.4 Slovar, kakršnega je Levstik leta 1860 tako močno pogrešal, je izšel dobra tri desetletja kasneje. Znan je pod imenom »Pleteršnikov slovar« (1894–95), ker je bilo uredništvo slovarja, ki naj bi temeljil na desetletja nastajajoči, heterogeni gra-

---

zlasti čehizme (*Cigale* 1860: V), medtem ko številne glasoslovne, tvorbenne in druge spodrsrljaje, ki niso v skladu z duhom slovenskega jezika, pripisuje nerazvitosti slovanskega jezikoslovja (*Cigale* 1860: IV–V). Glonar (1919: 56–57) že znanim očitkom slovarju glede zajete leksike pridružuje še novega: ne vedno posrečeno opozarjanje na starost besed, poudarja pa tudi neobčutljivost glede rabe nemških tujk.

⁴ Slovar je poznan pod imenom »Cigaletov slovar«, ker je bil njegov urednik in glavni avtor Matej Cigale.

⁵ Fran Levstik je kot pisatelj, pesnik, dramatik, kritik, jezikoslovec in časnikar deloval v drugi polovici 19. stoletja.

⁶ Slovar je po Levstikovem prepričanju »delo, v katerem so kolikor mogoče vse besede, izrazi in fraze kakega jezika zbrane in urejene, po svojem pomenu določene in slovniško, kolikor je potrebno, tudi sintaktično razložene« (Levstik 1978 (1860): 142–143).

divski zbirki, poverjeno Maksu Pleteršniku.⁷ Kljub dvojezični zasnovanosti gre za nacionalno pomembni, temeljni slovar splošnega značaja, saj je bilo vanj sprejeto to, »kar se v literaturi nahaja in kar narod govori« (*Pleteršnik* 1894: VII).

1.4.1 Obsežni, informativno bogati dvojezični slovar je od izida prvega snopiča dalje (1892) doživljal tudi kritične odzive. Med kritiki je bil tudi najpomembnejši sočasni slovenski jezikoslovec pater Stanislav Škrabec, ki je slovarju namenil poseben sestavek na platnicah *Cvetja z vertov sv. Frančiška* (*Škrabec* 1994 (1895): 240–242, 246). Kljub nekaterim kritičnim pripombam⁸ je slovar visoko cenil. Prikazoval ga je kot velik slovaropisni dosežek in kot nepogrešljiv priročnik, kar velja za vse jezikovne ravnine (*Bokal* 2006: 137–143).

1.5 Rezultat kritičnega odnosa do izbire besedja, prikazanega v Pleteršnikovem slovarju, hkrati pa tudi rezultat kritike Breznik-Ramovševega pravopisa iz leta 1935, je Glonarjev *Slovar slovenskega jezika* (1936).⁹ Glonar je v konceptualno spremenjenem enojezičnem slovarju v nasprotju s Pleteršnikovim dvojezičnim, ki je imel namen predstaviti besedno bogastvo pisanega in govorjenega slovenskega jezika od njegovih začetkov dalje, nameraval prikazati sočasno rabljeno besedje, kar je terjalo izpisovanje zvrstno različnih novejših besedil. Glonar si je svoj slovar zamislil kot jezikovni in pravopisni priročnik, ki bi na osnovi tega, kar je prevladovalo v živi rabi, na osnovi dobrega iz tradicije in skladnega s sistemom jezika, normativno urejal knjižni jezik (*Hajnshek-Holz* 1997: 20).

2 Značilnosti slovarske kritike od srede 20. stoletja dalje

2.1 Ker se je zlasti v drugi polovici dvajsetega stoletja slovarska produkcija zelo povečala, je posledično naraslo tudi število kritičnih odmevov na slovarje, ki so bili z natisom izročeni v uporabo. Sledili so izidu vseh vrst slovarjev: pravopisnim, zelo številnim dvojezičnim, terminološkim, narečnim, etimološkim, zgodovinskim in drugim vrstam specialnih slovarjev, pa tudi *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* kot temeljnemu sodobnemu enojezičnemu slovarju. Število kritičnih odzivov kaže na veliko odvisnost od širine uporabe slovarja: kolikor širšemu krogu je bil slovar namenjen, toliko ostrejšje polemike so praviloma spremljale njegovo informativnost. Velika pozornost je bila po izidu namenjena zlasti temeljnim slovarskim delom.

Na izid slovarjev so se s poljudnejšimi poročili in ocenami najhitreje odzvali kritiki v dnevnem tisku (v novejšem času npr. v *Književnih listih* dnevnika *Delo*),

⁷ Tako kot za Cigaletov nemško-slovenski slovar (1860) se tudi za Pleteršnikovega slovensko-nemškega (1894–95) občasno uporablja naziv »Wolfvov slovar«, ker je obe deli financiral ljubljanski knezoškof Anton Alojzij Wolf.

⁸ Škrabca je jezikoslovno nagnjenje k glasoslovju in naglasoslovju usmerjalo zlasti k presoji naglasnih, tonemskih in pravorečnih rešitev v slovarju, pri katerih je zaznal tudi nekaj pomanjkljivosti. Obžaloval je, da Pleteršnik ni uporabil njegovih razločevalnih znamenj za zapis e-jev in o-jev in da je nenaglašene besede pustil brez znamenj, saj bi onaglasitev prispevala k uzavešenosti resnične podobe slovenskega samoglasniškega sestava (*Bokal* 2006: 137–143).

⁹ Glonar (1919: 10–11) meni, da je bil prvotni namen Pleteršnikovega slovarja (»podati samo živo blago našega jezika«) pravilno določen, žal pa na osnovi raznovrstnega gradiva, neprimernege ravnanja z njim in kolebanja med znanstvenimi zahtevami in praktičnimi potrebami ni mogel biti ustrezno uresničen. Ostrejšo in določnejšo kritiko pa namenja besednemu izboru v Pleteršnikovem slovarju v uvodu svojega slovarja, saj večino sopomenk označuje kot »mrtvorrojena deca in mumificirani spački« (*Glonar* 1936a: VIII).

nekoliko kasneje, hkrati pa obsežneje in temeljiteje v strokovnih revijah, namenjenih problematiki jezika (npr. v *Jeziku in slovstvu* in *Slavistični reviji*, ki ju izdaja (različno poimenovano) Slavistično društvo Slovenije, v *Jezikoslovnih zapiskih*, ki so glasilo Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, itd.).

2.2 Motivi kritičnih zapisov ob izidu slovarskih del so bili različni. Praviloma so se oglašali dobri poznavalci slovenskega jezika – pri dvojezičnih slovarjih običajno obeh vključenih jezikov –, slovaropisja, področij, ki so jim pripadali slovarji (npr. dialektologije), specialisti za posamezna jezikoslovna področja (npr. naglasoslovje), vsakdanji uporabniki slovarjev itd. K pisanju ocene jih je spodbudilo bodisi navdušenje ob izidu priročnika, ki so ga praviloma uravnovešali z navedbo opaženih pomanjkljivosti, večkrat tudi razočaranje, ki je izviralo iz neskladja med pričakovanim in uresničenim.

Številni prikazi slovarskih del ostajajo strogo na ravni poročil in ne prestopajo niti na ocenjevalno niti na kritiško raven.

2.3 V prispevku bo zarisan obseg kritičnih odmevov ter predstavljenih nekaj vzorčnih kritik za različne tipe slovarjev iz druge polovice 20. in iz prvega desetletja 21. stoletja. Slednje zadoščajo zlasti za tipološki oris kritične misli, ki spremlja izide slovarjev različnih vrst in ki posredno prispeva k dvigovanju in utrjevanju slovaropisne norme, hkrati pa s problemskimi razmišljanji bogati sodobno slovensko jezikoslovje.

3 Kritika in pravopisni slovarji

3.1 Na Slovenskem so najštevilnejši kritični odmevi strokovne in ljubiteljske javnosti spremljali izide **pravopisnih slovarjev**, vse od prvega – to je Levčevega pravopisa (1899) – dalje. Odmeve so spodbujali tudi ponovni izidi pravopisnih priročnikov, ne glede na to, ali so izhajali v spremenjeni ali nespremenjeni obliki. V novejšem času se je kritika pričakovano ostro in intenzivno odzvala tudi na predhodno izdana pravila ali celo osnutke pravil. Nekatera pravopisna pravila so izzivala posebej ostre reakcije in se razraščala v prave »pravopisne vojne«. ¹⁰ H. Dobrovoljc v pregledu pravopisne dejavnosti na Slovenskem, ki vključuje tudi spremne kritične odmeve, povzema: »Odzivi ob izidu vsakega pravopisnega priročnika že tradicionalno odražajo dve težnji: na eni strani se pojavlja želja po večji, bolj očitni predpisovalnosti novega pravopisa, po manj variantni in natančneje definirani knjižni normi, katere posledica bi bila tudi večja obveznost priročnika za uporabnike knjižnega jezika; na drugi strani pa je v odzivih pudarjena težnja po večji dogovornosti tega priročnika, po upoštevanju čim širšega kroga javnosti pri liberalnem uzakonjanju jezikovnih rešitev in zato širjenju meja knjižnojezikovne norme« (*Dobrovoljc* 2004: 43). ¹¹

¹⁰ Posebej ostra polemika je vse od prvega pravopisnega priročnika (1899) dalje tekla glede zapisovanja samostalnikov s priponskim obrazilom *-lec* (*bralec* ali *bravec*). Levčev pravopis zapis tipa *bralec* pod Škrabčevim vplivom prepoveduje. Prepoved, ki ni bila usklajena z večinsko rabo, je bila strokovno utemeljena. Nasprotovali so ji Perušek, Ilešič in Bežek. Spor okrog pisave *bralec* – *bravec* se je ob pravopisu iz leta 1962 zaostрил do take mere, da je bilo normativno načelo, ki je zahtevalo zapis delujočih oseb s priponskim obrazilom *-vec* namesto z *-lec* z zakonom preklicano. Novak (1963/64: 62–65) v sklepu prikaza stališč pravopisne vojne ugotavlja, da je šlo za merjenje sil med tradicionalnimi in novimi pogledi na knjižni jezik (Novak 1963/64: 65). Z zakonom določena praksa je upoštevana tudi v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika*.

¹¹ O kritičnih odmevih na slovenske pravopise od Levčevega dalje prim. *Gložančev* 1997: zlasti

3.2 Prvi slovenski pravopis, ki ga je leta 1899 izdal Levec, je temeljil na Pleteršnikovem slovarju (1894–95) in na Škrabčevem pojmovanju norme.¹² Zato je v polemiko s kritiki pravopisa (s Peruškom in Ilešičem) posegel tudi Škrabec. Med rezultate njegovega razmišljanja o pravopisni problematiki spada tudi poskus normativne slovnice *Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo* (1893–95), ki je s poglavji o pravopisni problematiki lahko služila kot vzorec za naslednje pravopisne priročnike.¹³

3.3 Po dveh desetletjih (1920) je izšel naslednji pravopisni priročnik, ki ga je izdelal Breznik. Delo je sledilo večjemu številu Breznikovim člankov o pravopisni problematiki, ki so izšli v prvem desetletju 20. stoletja, in *Slovenski slovnici*, ki jo je Breznik izdal leta 1916. Drugi in zadnji slovenski individualni priročnik je sicer zbudil nekaj kritičnih odmevov,¹⁴ ostrejših polemik pa ne. Obema pravopisoma so sledili izidi jezikovnih (purističnih) priročnikov, ki so obravnavali le izbrano, posebej perečo pravopisno problematiko.

3.4 Tretji slovenski pravopis (1935) sta podpisala dva avtorja (Anton Breznik in Fran Ramovš), izdala pa ga je ustanova (pravopisna komisija Znanstvenega društva v Ljubljani). Priročnik je doživel številne odklonilne kritike.¹⁵ Nekaj jih je spodbudilo protipuristično stališče avtorjev ter posledična liberalnost pravopisa, ki je od uporabnikov zahtevala več jezikovnega znanja in suverenosti pri izbiri jezikovnih sredstev (prim. *Dobrovoljc* 2004: 60–61).¹⁶ Poleg vsebinskih zamer so kritiki opozarjali tudi na napake ter na nedoslednost in neusklajenost priročnika. Strokovno najbolj utemeljeno kritiko je napisal Glonar (1936). Objavil jo je v uvodu svojega *Slovarja slovenskega jezika* in v posebni knjižici.

3.5 Kot kaže podnaslov Glonarjevega slovarja (*Slovar slovenskega jezika*) iz leta 1936 (»pravopisni, kulturni, frazeologični« slovar), je tudi ta prvotno imel pravopisno ambicijo, ki ni bila ustrezno uresničena. Kritiki mu med drugim očitajo, da je izbira besed v njem subjektivna, da je premalo obvestilen o zapisovalnih in izgovornih posebnostih posameznih besed in da besede označuje s prepovedovalnim namenom (prim. *Dobrovoljc* 2004: 65).

3.6 Mala izdaja popravljenega in skrajšanega Breznik-Ramovševega pravopisa, ki je izšla leta 1937, je spodbudila manj kritičnih odmevov kot njena velika predhodnica. Na prošnjo Slavističnega društva je bila leta 1937 z odlokom uradno priznana kot priročnik za šolsko rabo (prim. *Suhadolnik* 1987: 500).

88–89, 91–93, 95–97, *Dobrovoljc* 2004: zlasti 43–112, obstajajo pa tudi pregledi kritičnih odmevov na posamezne pravopise (npr. *Štrekelj* 1911, *Suhadolnik* 1987, *Müller* 1991: 192–193).

¹² Škrabec je menil, da mora sodobni knjižni jezik ostati na realnih tleh zgodovinsko znanega jezika (meja je 16. stoletje). Norma naj bi se opirala na izreko glavnega narečja. Prilagajal naj bi se ji tudi pravopis (*Dobrovoljc* 2004: 46).

¹³ S kritikami, ki so na različne načine zadevale razmerje med slovarsko osnovo pravopisa, ki jo je predstavljal Pleteršnikov slovar, ter med živo izrazno podobo jezika, hkrati pa zadevale tudi ob vprašanje zajete problemske širine (poleg pravopisne bi bila zaželeno tudi vključitev pravorečne, oblikoslovne in stilistične), sta se ukvarjali, jih povzemali in hkrati sooblikovali tudi knjižici *Smeri našega pravopisa in pravorečja* (Tominišek 1904) in *O Levčevem pravopisu in njega kritikah* (*Štrekelj* 1911).

¹⁴ Med »težje« očitke se uvršča Ilešičev, da je delo v večji meri prepovedovalni slovar kot pravi pravopis (*Ilešič* 1920).

¹⁵ Od izida pravopisa leta 1935 do popravljenega male izdaje leta 1937 je izšlo skupno 23 kritik (*Dobrovoljc* 2004: 69). Pravopis pa je doživel tudi nekaj pohval. V. Levstik je npr. kot odliko izpostavil enoumno predpisano pravorečje (*Levstik* 1936: 113–116).

¹⁶ Breznik je na očitke odgovarjal leta 1936 v časopisu *Slovenec*.

3.7 Kritični odmevi¹⁷ so sledili tudi pravopisu iz leta 1950, prirejenem po Breznik-Ramovševi izdaji iz leta 1935. Pravopis je skupinsko delo, izdala pa ga je Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Največ očitkov se nanaša na izbor in obravnavo besedja knjižnega jezika ter na nedoslednost normativnih načel (*Dobrovoljc* 2004: 75).

3.8 Vse večja razdalja med jezikovnim predpisom in živo jezikovno rabo je spodbudila priprave na naslednji pravopis, ki je izšel leta 1962. Na spremembo koncepta so v veliki meri vplivale jezikoslovne novosti, zlasti upoštevanje funkcijskega vidika. Zamenjava uveljavljenega priponskega obrazila *-lec* z *-vec* pri vršilcih dejanja, ki jo je predpisal pravopis, je sprožila hudo nasprotovanje.¹⁸ Spor je bil razrešen z uradnim preklicem veljave pravopisne reforme. Priročniku je bilo hkrati tudi očitano, da je zasnovan bolj kot slovar knjižnega jezika in manj kot pravopisno-pravorečni priročnik (*Urbančič* 1963/64: 104).

3.9 Normativne naloge na področju pravopisnih, pravorečnih, naglasnih in tonematičnih vprašanj je v obdobju do izida naslednjega pravopisa (2001) opravljal *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (1970–1991), ki je definiran kot »informativno-normativen« (*SSKJI* (1970): XI). Slovar udejanja nov način normiranja, ki ni več črno-belo vrednotenje. Informativno normativni prikaz knjižnega jezika dosega s slovnično, pomensko in zvrstno razčlenjenostjo ter z določitvijo hierarhičnega razmerja med besedami (prim. *Vidovič-Muha* 1993). Pomisleke ob taki zasnovi slovarja so izrekli zlasti starejši jezikoslovci, mlajši pa so mu zamerili predvsem teoretično neposodobljenost (*Dobrovoljc* 2004: 83).

3.10 V okvir priprav na novi pravopis spada izid *Načrta pravil za novi slovenski pravopis* (1981) in izid *Slovenskega pravopisa 1 – Pravila* (1990), ki je do pete izdaje leta 1997 doživel precej sprememb in prenovitev.

3.10.1 *Načrt pravil za novi slovenski pravopis* (1981) je pripravil uredniški odbor, glavna sestavljalka pa sta bila Jože Toporišič in Jakob Rigler. Rezultat široke in burne javne razprave, ki je sledila izidu, je več kot sto tiskanih odzivov in polemik, ki so jih v pravopisni komisiji skušali upoštevati (*Dobrovoljc* 2004: 88). Predstavljena pravopisna načela so bila obravnavana na več okroglih mizah. Kritična razprava je na eni strani pravilom očitala preveč sistemskosti in premalo praktičnosti, na drugi pa prav sistemskost izpostavljala kot odliko pravopisnih načel, neredko je celo prestopila pravopisne meje in se obregnila ob (Toporišičevo) jezikoslovno izrazje.

3.10.2 V priročniku *Slovenski pravopis 1 – Pravila* (1990) naj bi bile po zagotovilih pravopisne komisije upoštevane vse sprejemljive pripombe, izrečene v javni razpravi. Zasnova, ki jo je izkazoval *Načrt*, pa je ostala nespremenjena. Večvrstni kritični odzivi so sledili vsem izdajam pravil – od prve (1990) do pete (1997). Pisali so jih tradicionalno usmerjeni pisci, ki so v preteklosti iskali vzorce za poenostavitev pravil, pa tudi strokovnjaki, ki so ob pravopisno problematiko zadevali v okviru lastnega dela. Večje število poznavalskih praktičnih predlogov je sledilo tudi objavi Toporišičevega programskega koncepta slovarskega dela

¹⁷ Med najodločnejše kritike se uvršča Vodušek (1950 in 1952).

¹⁸ Prim. opombo 10.

pravopisa z naslovom *Teoretična podstava slovarja novega slovenskega pravopisa* (1994).

3.10.2.1 Pripombe z dodanimi predlogi reševanja so se nanašale zlasti na prikaz nezajete ali neustrezno oz. nedosledno reševane (drobnejše) problematike: npr. na izbiro velike začetnice pri pridevniku *božji* (*Gložančev* 1993/94b), ki je zadevala ob širši slovnični problem razmejevanja svojilnosti in vrstnosti (konkretno v primeru netipičnega obrazila, kakršno je *-ji*), na pisavo nazivnih in funkcijskih določil v posebnih besedilnih položajih (*Gložančev* 1993/94a: 8–17), na način zapisa oblik za prebivalca pri naselbinskih in sploh krajevnih imenih ter na (preskromen) podatkovni obseg lastnoimenskih enot itd.¹⁹ Več tehtnih in hkrati uresničljivih kritičnih pripomb, ki so za povrh zadevale probleme splošnejšega pomena oz. širšega obsega in ne le ozko specialnih ali celo skrajnih primerov, je bilo pri izdelavi slovarskega dela že upoštevanih. Objavljeni odzivi so vključevali tudi opozorila na odlike zamisli pravopisa in na prednosti izbranih načel, ki so bila prav tako teoretično in navadno tudi izkušnjsko utemeljena. Čeprav so pozitivni odzivi redkejši, jasno kažejo na dvopolnost kritike.

3.10.2.2 Del kritike, ki je spremljala nastajanje slovarskega dela pravopisa, je mogoče opredeliti kot »pozunanjeno« notranjo kritiko, saj so konkretne predloge prispevali sodelavci pravopisa (npr. *Gložančev* 1993–1996, *Weiss* 1993/94, 1999 itd.). Slednja je deloma že vplivala na izboljšavo slovarskega postopka, na dokončnost slovarskih rešitev in na povečano informativnost priročnika. Poleg praktično preizkušenih pravopisnih predlogov k poznavanju jezikovnega ustroja slovenskega knjižnega jezika in k izpopolnjevanju slovničnega vedenja o njem prispevajo tudi številna drobna opozorila na nujnost reševanja manjših ali večjih slovničnih dilem.

3.10.3 Plaz kritičnih odmevov je sledil izidu informativno zelo obsežnega *Slovenskega pravopisa* leta 2001. Slovarski del je glede na *Načrt* izpred dveh desetletij (1981) izkazoval precej sprememb. Tudi ob tem delu je kritika izzvenevala v očitke splošnejšega značaja, hkrati pa se poznavalsko lotevala podrobnosti.

3.10.3.1 Ob izidu so dnevnikarji hkrati s poudarjanjem potrebnosti priročnika ter dragocenosti konkretnih podatkov in prilagojenosti sodobnemu času glede izbire vključenih gesel v poročila vpletali tudi očitke, ki neredko nasprotujejo pohvalam. Osnovna sta dva: da smo na pravopis predolgo čakali in da je za navadnega uporabnika strokovno prezahteven in preobsežen, ob njih pa še, da so pravila preobsežna, in celo, da so avtorji vanj skušali vključiti preveč slovnice in leksike, da so prezrte nekatere prevzete, vendar dovolj uveljavljene besede. Gre za splošne očitke, ki povzemajo in sooblikujejo javno mnenje, na razvoj stroke pa ne vplivajo. Grajana je bila prevelika avtoritarnost priročnika in dan praktični nasvet, da naj bi pri razvrstitvi dvojnic usmerjalo stanje, kakršno zrcali korpus in ne morda občutek urednikov. Zlasti v mejah nestrokovne kritike se je dogajalo, da je kritika bodisi kot odlika ali kot slabost večkrat obravnavala isto vsebinsko sestavino pravopisa. Izbiranje in vključevanje lastnih imen je npr. postalo pred-

¹⁹ Na umestnost predloga kaže njegovo upoštevanje v končni izdaji pravopisa: imena so opremljena s kratkimi, identifikacijskimi pojasnili enciklopedijskega značaja (osebno ime *Puškin* je npr. opremljeno s pojasnilom [ruski pesnik] (*SP* 2001: 1308)).

met graje, ker vključeni priimki niso bili razumljeni kot pravopisno problematični, ampak kot odsev družbene vrednostne hierarhije.

3.10.3.2 Poznavalska strokovna kritika (oglašali so se npr. lektorji, ki so jih presenetile nekatere dovoljene dvojnice ter priporočani vrstni red dvojnic, kakršnega niso bili vajeni, po drugi strani pa primeri neprilagojenosti sodobni izreki in (pre)hud tradicionalizem, ki se je pokazal ob upoštevanju zastarelega in nepriznavanju že uveljavljenih, splošno razširjenih, novih izgovorih variant itd.) se je npr. obregnila ob predstavitev izgovorne in naglasne problematike v pravopisu in ob nekatera manj sprejemljiva pravila. Zaznala pa je tudi nekatere koristne novosti, kakršna je npr. bila navajanje pogovornega nedoločnika. Pogrešala je vključenost večjega števila izgovorno dvoumnih slovenskih priimkov, še več identifikacijskih razlag, več preverjanja ustaljenosti posameznih izgovornih oblik in več nazornosti pri urejanju pravorečnih problemov.²⁰ Obsežno in sistematično vsebinsko kritiko s predlogi izboljšav je *SP* 2001 namenil Lenarčič.²¹ V njej se osredinja zlasti na napake pri zapisovanju prevzetih besed in lastnih imen, na manjkajoče besede, na premalo domišljena in neustrezna pravila in na raznovrstne druge pomanjkljivosti.

3.10.3.3 Kritiki *SP* 2001 je bila posvečena posebna številka *Slavistične revije* (*Slavistična revija* LI (2003), št. 2). V njej so ponatisnjeni prispevki z okrogle mize z naslovom *Kaj je novega v slovenskem jeziku? – Ob izidu Slovenskega pravopisa*,²² ki jo je zasnovala A. Vidovič Muha. Na njej je sodelovalo devet jezikoslovcev in poznavalcev pravopisne problematike. Prispevali so bolj ali manj kritične poglede, zlasti glede obravnave problematike, s katero so se sami raziskovalno intenzivneje ukvarjali.²³ Kritiki se v prispevkih ne lotevajo le reševanja tipičnih pravopisnih vprašanj, ampak pozornost posvečajo tudi osnovnemu poslanstvu oz. bistvu pravopisnega priročnika in njegovemu razmerju do drugih jezikovnih priročnikov, razmerju med predpisom in opisom, relevantnosti (oz. aktualnosti) jezikovnega gradiva itd. (*Korošec* 2003: 114).

Protiutež kritičnemu vrednotenju slovarja kot pravopisnega priročnika poleg Toporišičevih odgovorov predstavljata dva pojasnjevalna prispevka (*Dular*²⁴ in *Snoj*).

3.11 Polemični odzivi na pravopisne priročnike so v prvi vrsti vplivali na spreminjanje predpisa, z argumentiranimi razmišljanji pa so hkrati prispevali tudi k reševanju načelnih jezikovnih vprašanj (*Dobrovoljc* 2004: 46).

²⁰ C. Šeruga Prek (2002: 25–30) npr. v novem pravopisu pogreša izgovorno problematična lastna imena, hkrati pa tudi preverjanje ustaljenosti oblik z anketnimi vprašalniki.

²¹ Lenarčičeva kritika *Slovenskega pravopisa* 2001 je predstavljena v več zaporednih sestavkih, ki jasno kažejo tudi na njeno postopno vsebinsko in problemsko razraščanje. V celotnem obsegu je objavljena v knjigi leta 2004.

²² Prvič so bili objavljeni že v zborniku 38. seminarja slovenskega jezika, literature in kulture leta 2002.

²³ Širok spekter pripomb, ki segajo od neaktualnosti gradiva, rabe nekaterih splošnih normativnih ter zvrstnih in stilnih oznak, do razumevanja pojma pridevniške vrstnosti, je npr. prispevala A. Vidovič Muha (2003: 117–122). Pripombe zadevajo tudi način reševanja različnih pravopisnih tem (npr. pisanje skupaj in narazen, normiranje polcitatnih lastnih imen itd.), opozorjeno je na problematiko prikaza govornega knjižnega jezika, zlasti z vidika knjižne norme (*Tivadar, Jurgec* 2003: 203–220) itd.

²⁴ Prvi (*Dular* 2003: 123) pojasnjuje specifičnost priročnika kot rezultat kompromisov med načeli sistemskosti, izročila in rabe.

4 Kritika in *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (1970–1991)

4.1 Drugo delo, ki je zaradi svojega pomena sprožilo veliko raznovrstnih kritičnih razmišljanj, je bil *Slovar slovenskega knjižnega jezika* kot največja slovenska slovaropisna naloga doslej. Izhajal je v letih 1970–1991. Kritična misel ga je spremljala vse od predstavitve zamisli (1964) dalje.²⁵ Raznovrstne odmeve na slovar, kritične in drugovrstne omembe, pisne in govorne, daljše in krajše, domače in tuje, podpisane in anonimne, je kot potreben uvod v pripravo enozvezkovnega razlagalnega slovarja slovenskega jezika zbral J. Müller.²⁶ Leta 1996 objavljeni seznam šteje 604 enote. Müller jih je glede na vrsto omemb (kritika, ocena, prikaz, pripomba, poročilo itd.) tipološko opredelil in razvrstil ter zgoščeno predstavil glede na obravnavano problematiko: kritika je zadevala ob slovarski prikaz norme, ob način slovarskega prikaza besed, ob zajeto besedje, ob prikaze frazeologije,²⁷ pravopisa, pravorečja z naglasoslovjem, oblikoslovja, zvrstnosti, pomenskosti, ob ponazoritve (Müller 1996: 187–190).²⁸ Kot izkušen slovaropisec²⁹ in leksikolog je kritiko slovarja ne le tematsko predstavljal, ampak nanjo mestoma tudi kompetentno odgovarjal.³⁰

Kmalu po izidu celotnega *SSKJ* so se začela vrstiti vse bolj nestrpna opozorila, da bi slovar potreboval prenovu in ažuriranje, saj so bili nekateri iztržki vsebinsko zastareli, pa tudi jezikoslovje je prispevalo več spoznavnih novosti, ki bi jih bilo treba pri novem slovarskem prikazu slovenskega knjižnega jezika upoštevati. Računalniška dostopnost vse večjih količin gradiva bi vsekakor omogočila prenovu in dopolnitve.

5 Kritika kot spremni pojav raznovrstnih slovarjev

5.1 V številnih ocenah **slovarjev različnih tipov**, ki so bile na Slovenskem v minulih desetletjih objavljene v dnevnem in revijalnem tisku, zlasti pa v strokovnih revijah – večinoma so jih napisali jezikoslovci in poznavalci slovaropisja –, so praviloma izpostavljene slabosti (nedoslednosti in pomanjkljivosti) posameznih slovarjev. Preko kritičnih odzivov nanje se je s primerno posplošitvijo mogoče seznanjati tudi z značilnimi potezami različnih tipov slovarjev ter slutiti obrise idealne slovarske zamisli.

²⁵ Obsežnejšo kritiko je slovarski zamisli, ki je bila predstavljena v obliki poskusnega snopiča (1964), npr. namenil Jakopin (1964).

²⁶ Zapisi in izjave o slovarju so bili zbrani z namenom, da bi bili ugotovljeni problemi in mesta, ki v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* niso najbolje rešeni (Müller 1993: 52, 1996: 190).

²⁷ Sestavek, ki kritično obravnava prikaz frazemov v *SSKJ*, je npr. vreden posebne omembe, saj prinaša tudi jednat povzetek sodobnega vedenja o frazemih. Na osnovi prikazanega načina razumevanja frazema določa kriterije, ki bi jih morala upoštevati leksikografska obdelava (Petermann 1988: 302–303). Kritična presoja slovarja upošteva le dva vidika izmed predvidljivih osmih, ki sta zaobsežena s preverjanjem obsega, načina in kakovosti prikaza frazeologije v slovarju.

²⁸ Müller (2009: 17–21) upravičenost priznava zlasti naslednjim očitkom: glede označitve ali razlage nekaterih besed ali besednih zvez; glede virov – med izpisanimi viri je bilo premalo publicističnih in žurnalističnih virov, docela odsoten pa je bil govorjeni jezik; glede rabe kvalifikatorjev – standardizirane oznake, ki zvrstno določajo slovarsko enoto, so sicer temeljna kvaliteta *SSKJ*, potrebne pa so sistemske in distribucijske preureditve; upravičena je zahteva po ločenem prikazu prislova in členka itd.

²⁹ Kot urednik je naveden pri štirih knjigah *SSKJ* (1975, 1979, 1985 in 1991).

³⁰ Müller (1993: 55–56) npr. pojasnjuje in utemeljuje s slovarskimi oznakami nakazana hierarhična oz. vrednostna razmerja med jezikovnimi enotami, ki kažejo na uporabo knjižnega jezika oz. zrcalijo uporabnostno razčlenjeno normo.

Kritika se je smiselno odzivala zlasti na poskusne zvezke raznovrstnih slovarjev, saj je bila s predogledom zasnove in uporabljenih metod dana možnost njihove presoje in strokovno utemeljenega vplivanja na dokončno zamisel slovarja.

5.2 Seznanjevalno-kritični zapisi so praviloma z majhnim časovnim zamikom (leto ali dve) pospremili tudi izide velikega števila novejših³¹ **dvojezičnih slovarjev** s slovenskim jezikom v iztočnični ali ustreznični vlogi (npr. slovenščina v kombinaciji s slovanskimi jeziki v slovarjih: slovensko-srbskohrvatski in srbsko-hrvatsko-slovenski, slovensko-slovaški in slovaško-slovenski, slovensko-češki in češko-slovenski, slovensko-poljski, slovensko-makedonski, slovensko-ruski itd.).³² Slednji niso imeli več značaja vseslovenskega splošnega slovarja, kakršna sta npr. bila Cigaletov (nemško-slovenski) in Pleteršnikov (slovensko-nemški) slovar. Ocenjevanja so se praviloma lotevali posamezniki, ki so bili dobri poznavalci obeh vključenih jezikov. Med njimi so bili tudi tujci.³³ Prav poznavanje jezikov jim je omogočalo kompetentno presojo ustreznosti slovarskega prikaza zajetih jezikov, zlasti pa maternega. Kritiki večinoma slovarje presojujejo z jasno zavestjo, da gre za zahtevno delo, ki mora slediti hitremu razvoju slovaropisja, hkrati pa temeljiti na poznavanju sodobne norme zajetih jezikov (*Lipovec* 1977: 268).³⁴ Čas, v katerem sta nastala slovar in njegova kritična presoja, je v marsičem pogojeval oboje, tako slovar kot tudi vsebinskost in temeljitost kritike.³⁵ Ocene dvojezičnih slovarjev (npr. slovensko-češkega, ki je izšel leta 1976) vključujejo tudi razmišljanje o namenu dvojezičnih slovarjev in o njihovi idealni informativnosti, ob konkretnih slovarjih pa opozarjajo tudi na odmike od nje.³⁶ Očitek, ki zadeva primanjkljaj ali odsotnost stilnih kvalifikatorjev, je npr. oprt na zavedanje tovrstne vrednosti besedja. K slednji je pri slovenskih presojevalcih v veliki meri pripomogla označenost besed v *SSKJ*. Očitek so kritiki ponavljali z vidika ideala, ki je – prikazati dejansko, živo rabo jezikov, pri izbranih besedah pa značilne skladenjske povezave³⁷ – presojali tudi ustreznost izbire ilustrativnega gradiva. Zaradi potekajočih družbenih sprememb in sprememb, ki jih izziva razvoj znanosti, se tudi jeziki hitro spreminjajo, zato so sodobni slovarji glede besedne izbire lahko

³¹ Podobno se je dogajalo tudi ob izidu starejših dvojezičnih slovarjev. Izidu *Grško-slovenskega slovarja* (1915) je npr. že leto kasneje sledil prikaz (*Samsa* 1916), ki je opozoril na številne odlike (in le na nekaj manjših pomanjkljivosti) slovarja, hkrati pa tudi na njegov praktični pomen pri pouku grščine v srednjih solah.

³² Slednji se medsebojno razlikujejo po obsegu, metodologiji, namenu itd.

³³ V reviji *Jezik in slovstvo* je npr. izšlo več prevodov ocen, ki so jih napisali tuji ocenjevalci dvojezičnih slovarjev: ruski (*Gudkov* 1969), češki (*Novakova* 1969/70), slovaški (*Michalus* 1984/85), poljski (*Darasz, Ślawski* 1999/2000) itd.

³⁴ Na trdno zavest o potrebnosti kritičnih ocen občasno kažejo tudi opozorila na njihovo vlogo. V uvodu kritike slovensko-ruskega slovarja iz leta 1967 je npr. navedeno, da vrednotenje slovarjev posledično prispeva k izpopolnitvi slovarskega dela (*Gudkov* 1969: 262).

³⁵ Na vsebinsko zasnovo kritike in izpostavljenost problematiko je poleg družbenih okoliščin, v katerih sta obstajala in se uporabljala slovarska soočena jezika, večkrat vplivala tudi ožja strokovna specializiranost pisca. V oceni Jurančičevega *Srbohrvatsko-slovenskega slovarja* (1972) se npr. kritik (*Šimundić* 1973/74: 129–132) omejuje na predstavitev načina prikazovanja razlikovalnosti srbskega in hrvaškega jezika, zlasti glasovne in naglasne narave, v manjši meri pa poimenovalne.

³⁶ Med najopaznejšimi so: slovenščina kot izhodiščni jezik ni pravilno predstavljena; prednost je večkrat dana tujki, čeprav obstaja ustrezno domače poimenovanje, izbor bi moral dajati prednost stilno nevtralnemu besedju, pri določanju besednih vrst niso upoštevana novejša jezikoslovna razmišljanja in spoznanja, potrebna bi bila informacija o vezljivosti glagolov, pridevnikov in nekaterih samostalnikov itd. »Ker je dvojezični slovar prvi informativni priročnik v dvojezični komunikativni situaciji, mora vsebovati središčno, standardno besedišče« (*Lipovec* 1977: 269).

³⁷ Prim. *Lipovec* 1977: 269.

aktualni le kratek čas in v omejeni obliki. Zastarelost zajetega besedja – zlasti navajanega v ustreznični vlogi – je neredko posledica naslonjenosti na drugovrstne slovarske zglede,³⁸ ki glede na uporabljeno gradivo segajo več desetletij v preteklost. V novejšem času na vse manjše zadovoljstvo s slovarsko besedno izbiro vpliva dejstvo, da obstajajo zvrstno bolj ali manj uravnoteženi korpusi, ki pa jih je težko hitro in ustrezno slovarsko uporabiti.

Prav med ocenami dvojezičnih slovarjev z vključeno slovenščino, ki so izšle v zadnjih petdesetih letih, je mogoče zaslediti tudi največje kontraste glede ostrine prikaza pomanjkljivosti ter glede strpnosti sprejemanja kritike in odziva nanjo.³⁹

Priložnost za upoštevanje opozoril na pomanjkljivosti se je ponujala ob ponovnih izdajah dvojezičnih slovarjev, saj so le-te omogočale predelave in razširitve. Opozorila bi lahko upoštevali tudi kasneje izdelani obrnjeni slovarji, zlasti če je bil avtor isti. Ponavljano izpostavljanje istih pomanjkljivosti pa prispeva k oblikovanju in uzaveščanju enotnejše, kakovostno zahtevnejše slovaropisne norme, ki naj bi bila upoštevana pri izdelavi bodočih dvojezičnih slovarjev.

Glede na vsebinske in oblikovne elemente, ki so jih kritiki presojali ob pregledu dvojezičnih slovarjev kot tipološko in funkcionalno specializirane slovaropisne zvrsti, so med pomanjkljivostmi pogosteje omenjali:⁴⁰

- neustrezen izbor iztočnic, ki je neredko posledica naslonitve na slovarski zgled (prim. *Novakova* 1969/70: 158 o Bradačevem češko-slovenskem slovarju);⁴¹ ob njem se ocenjevalci večkrat sprašujejo po kriterijih, ki so vplivali na bolj ali manj ustrezno izbiro iztočnic;⁴²

³⁸ Neustrezen izbor gesel je npr. povzročala naslonitev na enojezične razlagalne slovarje (pri Bradačevem češko-slovenskem slovarju iz leta 1967 npr. naslonitev na razlagalni slovar Františka Trávníčka), ki se od dvojezičnih konceptualno razlikujejo tudi glede širine zajetega besedja, saj praviloma vključujejo tudi pogovorno, zastarelo, narečno besedje itd.

³⁹ Vzorec manj strpne kritike in hkrati polemike, ki je sledila Jurančičevi oceni večavtorskega *Slovensko-srbohrvatskega slovarja* in podrobnemu, mestoma glede na očitke prizadetemu odgovoru S. Škerlja kot prvega avtorja (1965), predstavlja Jurančičev odziv (*Jurančič* 1967: 26–31), saj se v njem strokovni očitki mešajo z osebnimi diskvalifikacijami. Ocena, ki je sledila izidu angleško-slovenskega *Velikega modernega poslovnega slovarja* (*Šega* 1997), pa je nasprotno primer duhovite, blage kritike, ki poznavalsko opozarja na številne odlike (npr. izredna sistematičnost dela, številni ponazoritveni primeri tipične kontekstualizacije), hkrati pa tudi na nekaj pomanjkljivosti dela (npr. prevelika ožina ali celo nepotrebnost področnih oznak, nedoslednost glede vztrajanja pri zgolj poslovnem izrazju (*Klinar* 1997/98)).

⁴⁰ Med dvojezične slovarje, ki so si prislužili pohvalo tako glede prikaza aktualnega temeljnega besedja kot glede naglaševanja, slovničnega označevanja in premišljenega sistema (stilnih) kvalifikatorjev, npr. spada *Slovensko-poljski slovar* iz leta 1996 (*Slawski* 1999/2000: 100; *Darasz* 1999/2000: 104–105). Darasz opozarja tudi na navajanje razlikovalnih skladijskih lastnosti besed. Ločnico med pohvalo in grajo v konkretnih primerih pomaga določati presoja približanosti slovaropisnim idealom, ki so splošno priznani, hkrati pa tudi individualizirani: Gudkov npr. že leta 1969 izpostavlja jasnost in jednatost izražanja ter popolnost pomenoslovnih in slovničnih obvestil (*Gudkov* 1969: 263).

⁴¹ Slovensko-srbohrvaškemu slovarju (1964) kritik (*Jurančič* 1965: 28) npr. očita širok izbor iztočnic, med katerimi je precej arhaizmov, lokalizmov, barbarizmov itd., pa tudi izposojenk iz nemščine. Omejenemu obsegu *Slovaško-slovenskega slovarja* (1976) ocenjevalka dela J. Meze pripisuje izpust nekaterih tipov tvorjenk (npr. abstrakt, manjšalnica itd.), zmanjšano število mednarodno uveljavljenih besed, ne vključevanje besed, ki so v obeh jezikih enake itd. (*Meze* 1976/77: 266).

⁴² A. Lipovec npr. pri slovensko-češkem slovarju pogreša dvobesedne poimenovalne zveze tipa *dnevna soba – obývací pokoj*, saj bi bila z njimi po njenem mnenju slovenska jezikovna resničnost bolje predstavljena (*Lipovec* 1977: 270).

- nenaglašenost ali neustrezna naglašenost slovenskega besedja;
- neuskklajenost z veljavnimi pravopisnimi pravili v slovarsko zajetem tujem jeziku (npr. v češčini);⁴³
- omejevanje na razlago s pomensko nediferenciranimi, večkrat neustrezno ločenimi ali celo napak izbranimi ekvivalenti;⁴⁴
- neobvestilnost glede morebitne pomenske različnosti prevzetih besed, ki jih vključujeta oba slovarsko soočena jezika;
- odsotnost stilnega vrednotenja besedja, kar posledično pomeni nerazločevanje med nevtralnimi in stilno označenimi, ali izbira napačnega vrednotenja, bodisi pri izhodiščnem, ustreznem ali pri obeh vključenih jezikih (očitek, da se nevtralnemu besedju ne loči od narečnega in zastarelega, velja za Kotnikov slovensko-ruski slovar (1967; prim. *Gudkov* 1969: 263); podobno tudi *Michalus* 1984/85: 63 o slovensko-slovaškem slovarju; očitek češko-slovenskemu slovarju iz leta 1967 (*Novakova* 1969/70: 159), kjer so brez ustreznih stilnih oznak navedene tudi starinske, zastarele, narečne, pa tudi ekspresivne pogovorno rabljene besede);
- neustrezna izbira ilustrativnega gradiva, ki bi moralo prikazovati živo rabo besed z značilnimi zvezami, frazemi itd.;
- tehnične pomanjkljivosti.⁴⁵

Glede na značilne poteze ali značilne okoliščine rabe vključenih jezikov je bil v ocenah izpostavljen tudi način prikaza le-teh. V kratki oceni ameriškega kritika (*Paternost* 1968: 200–201), ki je sledila izidu prvega večjega angleško-slovenskega slovarja (1967), je bilo npr. opozorjeno na dejstvo, da v slovarju, ki poleg vsakdanjega angleškega jezika zajema tudi nekaj strokovnega izrazja, prevladujejo britansko-angleške variante, redke navedene ameriške in avstralske variante pa so za povrh površno obravnavane. Med pomanjkljivostmi slovarja so izpostavljene: odsotnost dela vsakdanjega besedja, neupoštevanje tujk, pomenska nerazločenost angleških in ameriških variant ali celo napačna pomenska opredeljenost nekaterih gesel.

5.3 Kritične obravnave jezikoslovcev, ki so bili praviloma tudi slovaropisci, so spodbudili tako izidi poskusnih zvezkov terminoloških slovarjev kot tudi izidi terminoloških slovarjev, ki pri strokovni javnosti predhodno niso posebej preverjali ustreznosti koncepta slovarja. Med rezultate tovrstnih obravnav se uvršča vse jasnejša izoblikovanost in uzaveščenost kakovostno zahtevnih in visoko naravnanih slovarskih normativov. Praktično upoštevanje danih opozoril in na-

⁴³ Na tovrstno pomanjkljivost Bradačevega češko-slovenskega slovarja iz leta 1967 je npr. opozorila Novakova (1969/70: 161), na »spregled« novejšega načina naglaševanja zloga *ije* v Jurančičevem *Srbohrvatsko-slovenskem slovarju* (1972) v prikazu slovarja opozarja tudi Šimundić (1973/74: 131).

⁴⁴ Očitke bi bilo mogoče povzeti tudi kot neupoštevanje večpomenskosti in neprimerna izbira sopomenk (slednje npr. slovensko-češkemu slovarju očita Lipovec (1977: 270)). Oboje npr. Kotnikovemu slovensko-ruskemu slovarju (1969) očita tudi Gudkov, ki glede na gostoto nepravilnih razlag posebej izpostavlja mednarodne besede (*Gudkov* 1969: 263).

⁴⁵ Natančna presoja tehnične urejenosti *Makedonsko-slovenskega slovarja* (1982), ki jo je poznalsko opravil Gjurin, je npr. povsem zadoščala za kvalifikacijo neslovarskosti dela in za ugotovitve, da slovar ostaja pod doseženim nivojem slovenskega slovaropisja (*Gjurin* 1983a: 238–247). Ocena našteva raznovrstne pomanjkljivosti in nedoslednosti, ugotovljene v uvodu (npr. neustrezne formulacije, uporabljene oznake) in slovarskem delu (npr. glede razvrstitve homonimov, navajanja oblik oblikoslovnih paradigem, urejenosti razlagalnega dela slovarskih sestavkov, glede izbire stilno neizenačenih ekvivalentov itd.).

svetov bi lahko privedlo tudi k vsebinski izčiščenosti in razmejenosti slovarjev različnih tipov.⁴⁶

5.3.1 Enega najtemeljitejših kritičnih pretresov je doživel *Poskusni snopič Glasbenega terminološkega slovarja* (1983). Opravil ga je V. Gjurin (1983). Usklajen je z avtorjevim širšim teoretičnim razmišljanjem, ki vključuje tudi spoznanje, da je slovarsko informativnost tipološko mogoče zajeti v desetih točkah: slovarji »jezikoslovnega tipa«⁴⁷ (1) ponujajo (abecedno, pojmovno, področno ali kako drugače) urejen seznam besediščnih enot, obveščajo (2) o pisni in (3) glasovni podobi teh enot, o njihovih (4) slovničnih in (5) zvrstno-stilnih značilnostih, (6) dajejo pomen (razlagalno, z drugojezično ustreznico ipd.) teh enot in (7) prikazujejo njihovo rabo s ponazarjalnim gradivom, obveščajo (8) o njihovi zgodovini znotraj jezika in (9) o njihovem izvoru oz. etimologiji, lahko pa dajejo še (10) različna druga obvestila (tudi zunajjezikovna). Kritika je zaradi teoretične domišljenosti⁴⁸ in temeljitosti postala metodološki zgled za številne kasnejše kritične presoje vzorčno predstavljenih ali že dokončanih slovarskih del. Gjurin je *Poskusni snopič Glasbenega terminološkega slovarja* obravnaval le s prvih šestih, za slovar posebej aktualnih stališč, saj slovarski prikaz za preostale ni nudil gradiva. Konkretno ugotovitve so bistveno prispevale k vse jasnejši zavesti, da je predpogoj slehernega dobrega slovarskega opisa ustrezen in zadosten korpus. Ob podrobnem, problemskem pregledu informativnih segmentov, ki je potekal uglašeno z aktualnim jezikoslovnim razmišljanjem,⁴⁹ so piscu kritike uspevale tudi drobne teoretične dopolnitve obravnavane problematike (npr. glede umeščenosti žargonskih izrazov in profesionalizmov znotraj terminologije in glede njihovega prehajanja v normotvorna besedila in pridobivanja zbornega statusa (*Gjurin* 1983b: 307–308)),⁵⁰ posledično pa tudi dvig slovaropisne norme.⁵¹

5.3.2 Daljši niz kritičnih obravnav terminoloških slovarjev ali njihovih vzorčnih prikazov so prispevali leksikografi in hkrati leksikologi z Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša, ki so po tej poti nekajkrat ocenjevali tudi delo (starejših) sodelavcev. Slednji so bili kot slovaropisci vključeni v pripravo terminoloških slovarjev.

⁴⁶ Poleg prevladujočih ocen, ki so jih napisali posamezniki, obstajajo tudi kolektivno izdelane kritike. Mednje npr. spada kritika Černičevega *Slovenskega zdravstvenega besednjaka*, 1957, ki je kljub podpisanemu avtorju A. Koširju delo članov medicinske sekcije pri terminološki komisiji SAZU. Kritiki vidijo vzrok za številne pomanjkljivosti obsežnega dela (popisane v razdelkih, namenjenih navajanju tiskovnih, strokovnih ter jezikovnih pomanjkljivosti in napak) v individualni izvedbi.

⁴⁷ Mednje med drugim sodijo tudi terminološki slovarji (*Gjurin* 1983b: 289).

⁴⁸ Značilne sestavine ocene so tudi razmišljanja o sočasno aktualni jezikoslovnih problematiki (npr. o besedotvornem statusu sestavin poimenovanja *boogi-woogi*, o omejitvah glede rabe pridevnikov in pridevniških besed v prislovnem določilu itd.).

⁴⁹ Slednje je npr. zadevalo skladiščno rabo vrstnih pridevnikov (*Gjurin* 1983b: 293).

⁵⁰ Med manj tipične kritične pripombe, ki pa razodevajo izjemno poznavanje področja slovarske predstavitve, spada opozorilo na vrzeli, ki jih ustvarja nezajetost predvidljivih poimenovanj (npr. nazivov za izvajalce na posameznih glasbilih, kot so npr. *vibrafon*, *ksilofon*, *helikon*, *virginal*, *tamtam*, *liro* itd.).

⁵¹ Med zahteve, ki predvidevajo večji obseg in višji nivo slovnične obvestilnosti tudi pri terminoloških slovarjih, spada npr. označevanje živosti, vida, prehodnosti. Drobni prispevek k izboljšavi slovarske metodologije prinaša tudi večstopenjsko preizkušanje ustreznosti podatkovnega zaporedja pri navajanju dvojnic kot dvojnih iztočnic, dopolnjenih z izgovorom (*Gjurin* 1983b: 305–306). Z njim avtor nazorno predoča urejevalne zadrege in se postopno bliža idealni obliki. Kot dober slovaropisni pripomoček in hkrati metodološki nasvet, ki bi lahko prispeval k povečanju sistematike pri obravnavi in pomenski predstavitvi zajetih gesel, se kaže tudi vzporedno izdelana krovna shema (*Gjurin* 1983b: 311–314).

5.3.2.1 P. Weiss (1991/92: 239–241) se je z več vprašanji ter upoštevanja vrednimi poznavalskimi pripombami in predlogi odzval na *Poskusni snopič novega gozdarskega slovarja* (1990),⁵² tudi v tem primeru z jasno izraženo željo, da bi bil zasnovani slovar čim boljši. Z bogatim slovaropisnim predznanjem je kritično pregledal vse sestavine slovarskega sestavka, primerjalno pa tudi vse vzorčno navedene sestavke, in opozoril na pomanjkljivosti zamisli⁵³ ter nedoslednosti izvedbe (opozarja npr. na nerodnosti pri oblikovanju razlag, pa tudi na abecedne in pravopisne spodrseljaje). Weisova kritika je pogosto večdimenzionalna. Tudi v kritično obravnavo poskusnega snopiča gozdarskega slovarja je npr. vpletel kritični pogled na eno izmed (po njegovem spornih) načel, upoštevanih pri pripravi slovarskega dela nastajajočega pravopisa.⁵⁴

5.3.2.2 Strokovno pretehtana kritična odziva sta doživela tudi *Gradivo za pomološki slovar* (1995) in poskusni snopič *Bibliotekarskega terminološkega slovarja* (1996). Za prvo delo je kritično oceno napisala Maja Košmrlj-Levačič (1997), za drugo pa Polona Gantar (1997). M. Košmrlj-Levačič se je v kritičnem pregledu obravnavanega dela dotaknila tudi (nedorečenega) razmerja med sadjarstvom in pomologijo ter izrazne prekrivnosti s sosednjimi strokovnimi področji (zlasti prekrivnosti pomološkega in botaničnega izrazja – slednjega kot soavtorica *Botaničnega terminološkega slovarja* (2011)⁵⁵), ki postaja vprašljiva tudi zaradi neopredeljenosti načel glede izbora strokovnega izrazja. Pri analizi se je zauzstavljala zlasti ob slovaropisnih pomanjkljivostih, vezanih na tip slovarja in na področje, zajeto s konkretnimi poimenovanji,⁵⁶ zaradi česar je tudi ta kritična predstavitev konkretnega slovarja pomemben prispevek k uzaveščanju slovarske prikaza terminološke problematike.

5.3.2.3 P. Gantar je pri kritični presoji poskusnega snopiča *Bibliotekarskega slovarja*, ki je mestoma oblikovana po Gjurinovem vzoru,⁵⁷ upoštevala sedem vidikov, ki jih kot vsebinsko relevantne v uvodu navaja tudi *SSKJ*. Slednji zadevajo: 1. zasnovo in nastanek slovarja, 2. gradivo za izdelavo, 3. značaj, vsebino in obseg, 4. zgradbo in tehnično ureditev, 5. ustroj gesla z njegovo pomensko in slovnično informativnostjo ter ilustrativnim gradivom, 6. kvalifikatorje, 7. druge informacije. Ocena prinaša opozorila na številne metodološke nedoslednosti, teoretično manj domišljene rešitve,⁵⁸ ki slabijo vtis sistemske urejenosti, in na informativne pomanjkljivosti slovarskega vzorca. Posebej ostro izpostavlja primanjkljaj informacij, kakršna je npr. natančen prikaz obsega izpisanih strokovnih virov.

⁵² Avtorji so poskusni snopič izdali v želji, da bi dobili potrditev uporabljene metodologije.

⁵³ Med posebej tehtne pripombe spada opozorilo, da bi morala biti sopomenska razmerja jasno normativno izoblikovana (Weiss 1991/92: 240).

⁵⁴ Gre za določilo, da se pri pridevnikih iz lastnih imen, ki zaznamujejo duhovno last, daje prednost zapisu z malo začetnico, čeprav se dopušča tudi pisanje z veliko začetnico (Weiss 1991/92: 240–241).

⁵⁵ Poznavanje botanične terminologije in slovaropisja ji je omogočilo kompetentno predstavitev razlik glede odnosa pomologije in botanike do njune predmetnosti, posledično pa tudi odkrivanje pomanjkljivosti pri pomenskem prikazu gesel (Košmrlj-Levačič 1997: 236).

⁵⁶ Posebej izpostavlja primere neustreznega prikaza večpomenskosti, ki so tesno povezani s primanjkljajem ustrezne terminografske razčlenjenosti, motečo rabo sopomenk, za katero bi bilo treba znotraj stroke poiskati ustrezno rešitev, ter vprašanje pisave sortnih imen (Košmrlj-Levačič 1997: 236–237).

⁵⁷ Prim. Gjurin 1983b.

⁵⁸ Opozorjeno je na neustrezno ločevanje svojilnih in vrstnih pridevnikov (Gantar 1997: 211 in 213).

5.3.2.4 Krajši zapis predstavitevno-kritičnega značaja (*Bokal* 1997) je npr. pospremil tudi izid *Javnozdravstvenega terminološkega glosarja* (1994), ki poleg omembe nekaterih pomanjkljivosti – zlasti slabših rešitev slovnično-slovaropisnega značaja – vključuje tudi razmišljanje o zakonitostih vraščanja novih poimenovanj v terminološke leksikalne sisteme (*Bokal* 1997: 203–204).⁵⁹

5.3.3 Tudi na Koroškem nastali dvojezični slovar pravnega in ekonomskega jezika (1989) je predstavljen v kratki, zgoščeni, hkrati pa izčrpni oceni, ki jo je na osnovi teoretičnih in praktičnih izkušenj, pridobljenih pri izdelavi nemško-slovenskega slovarja, napisal J. Gradišnik (1991/92). Naštevava primanjkljaje, ki bi morali biti v ponovni izdaji odpravljeni. Mednje sodijo: odsotnost naglasov in podatka o izgovoru, negospodarnost navajanja podatkov, premalo podatkov o rabi besed in njihovi stilni vrednosti, navajanje ustreznice, ki so izven Koroške nepoznane, napačne razlage, izbira ustreznice, ki niso usklajene s sodobno slovensko normo, itd.

5.4 O problematiki slovenskega **etimološkega slovarja** je že pred izidom prvega zvezka slovarja kritično razmišljal France Bezlaj kot snovalec in (prvi) avtor slovarja.⁶⁰ Temeljit strokovni prikaz, ki je sledil izidu tretjega zvezka slovarja (1995), je prispevala A. Šivic-Dular (*Šivic-Dular* 2000).⁶¹ Namenjen je predvsem mednarodni strokovni javnosti. Avtorica v njem izpostavlja informativno bogastvo slovenskega etimološkega slovarja,⁶² še posebej pa strokovne prispevke obeh mlajših Bezlajevih sodelavcev, ki so tako vsebinske kot metodološke narave. Posebej omenja rekonstrukcijo kot osrednjo slovaropisno metodo ter primere novih, originalnih etimoloških razlag praslovenskih besed. Ob navedenih vzorčnih primerih zarisuje več problemskih dimenzij. Nakazuje tudi možnost korekcije nekaterih razlag in opozarja na redke slovarske pomanjkljivosti, kakršno npr. predstavljajo primeri odsotnosti primerjalnih podatkov.

5.4.1 Domači (*Zorman* 2004) in tuji prikaz (*Blagus Bartolec* 2005), ki sta sledila drugi izdaji (2003) Snojeve poljudnejše verzije etimološkega slovarja,⁶³ izkazujeta predvsem predstavitevni namen. Slovenska ocenjevalka posebej opozarja na novosti dopolnjene izdaje, na aktualnost izbora besedja, na razlike med Bezlajevim *Etimološkim slovarjem slovenskega jezika* in Snojevo poljudno verzijo in na avtorjev izvorni prispevek slovenski etimologiji. Kritičnost se omejuje na željo po podatkovno izčrpnem uvodnem prikazu razvoja indoevropskih samoglasnikov in po dodanih indeksih.

5.4.2 Snojev *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen* (2009) je pričakovano zbudil tudi zanimanje geografov. Prikaz v *Geografskem vestniku* (*Kladnik*

⁵⁹ Prikaz, ki je sledil (*Vojnovič* 2000) izidu *Gumarskega slovarja* (1995), opravlja predvsem seznanjevalno vlogo, saj je v njem omenjenih le nekaj drobnih nedoslednosti. Avtorica navaja tudi osnovni motiv prikaza: opozoriti na dolgotrajno in težaško delo sestavljalcev terminoloških slovarjev, na katero se običajno pozablja (*Vojnovič* 2000: 221).

⁶⁰ Slovar sta nadaljevala in dokončala mlajša sodelavca Metka Furlan in Marko Snoj.

⁶¹ Na izid tretje (1995) in četrte knjige (2005) slovarja se je z obsežnima strokovnima sestavkoma odzvala tudi ruska etimologinja Ljubov' Viktorovna Kurkina (1997 in 2010).

⁶² Avtorica omenja, da slovar prinaša številne detajle, ki na osnovi slovenskega gradiva širijo in izpopolnjujejo vedenje o posameznih besedotvornih, arealnih in drugih karakteristikah praslovenske leksike (*Šivic Dular* 2000: 358).

⁶³ Ljubov' Viktorovna Kurkina je tako kot znanstveno izdajo slovenskega etimološkega slovarja ocenila (1998) tudi prvo izdajo Snojeve poljudnejše različice, ki je izšla leta 1997.

2009) je predvsem poročevalne narave. Kritični sta le pripombi, da je nekaj meril, uporabljenih pri izboru in slovarski etimološki obravnavi zemljepisnih imen, subjektivnih in nesistemskih in da opremljanje gesel z geografsko zanimivimi podatki ni dosledno izpeljano.

V dnevnem časopisju je kritiko, ki se ji zdi metoda iskanja izvora zemljepisnih imen v (staro)slovenskih ali staronemških zapisih preširoko uporabljena in večkrat zgrešena, številne rešitve pa premalo ali preveč poljudne, objavil znani uporabnik, poznavalec in presojevalec novejših slovenskih slovarjev Simon Lenarčič. Kritik se pri ugotavljanju izvora imen zavzema za upoštevanje večjega števila meril, zlasti pa za upoštevanje geografskega okolja in njegove zgodovine. Za vrsto navedenih etimologij navaja drugačne razlage.

5.5 Tudi informativnost redkih izdelkov **zgodovinskega slovaropisja** kritikov ni zadovoljevala. Kritičnih pripomb so bili deležni tako prvi poskusi kot kasnejši izdelki.

5.5.1 Na Stabejevo preobrnitev Megiserjevega *Thesaurusa Polyglottusa* (1977) je v kratkem kritičnem zapisu opozoril Jakopin (1977). V prikazu posebej opozarja na preobrnitev⁶⁴ kot slovaropisno metodo, ki je bila v tedanjem času še preizkušana novost, opozarja pa tudi na nekaj slabosti slovarja. Slednje so večinoma posledica (presmelega) posodabljanja, ki ni dovolj upoštevalo razvojnih zakonitosti slovenskega jezika.

5.5.2 Kar dve kritiki (*Narat* 2007 in *Ulčnik* 2007), ki sta sicer različno zasnovani, sta bili naslovljeni na *Slovar stare knjižne prekmurščine* Vilka Novaka (2006).⁶⁵ Izidu slovarja sta sledili že naslednje leto. Ulčnik v oceni omenja informativno okrnjenost, ugotovljivo na osnovi primerjave z domišljenim slovarskim konceptom, kakršnega predstavlja poskusni snopič (1988). V podrobni oceni J. Narat so tipizirano našteje raznovrstne pomanjkljivosti, ki so v slovarju ostale kljub opravljenim urejevalnim posegom sodelavcev z Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU (npr. prečrkovalne napake, ki se odražajo tudi pri glasovni podobi iztočnic, nedoslednosti in pomanjkljivosti pri navajanju iztočničnih dvojnic, oblikoslovnih podatkov, pri navajanju in razlagi stalnih zvez, pri izbiri ponazarjalnih zgledov, pri navajanju krajšav itd.). Obe kritični obravnavi prispevata k seznanjenosti s slovarjem in z uporabljenim gradivom, hkrati pa uzaveščata slovaropisne postopke, značilne za tip zgodovinskega slovarja, in opozarjata na nujnost notranje usklajene in poenotene rabe slovaropisnih rešitev.

5.5.2.1 J. Narat je kritično brala tudi slovarski del monografije *Začetki prekmurskega časopisja*, ki jo je napisala Natalija Ulčnik (2009). Ocenjevalka pri zaporedni analizi obvestilnih sestavin slovarskih sestavkov (npr. iztočnic, prečrkovanja, pregibnostnega vzorca, naglasa, oblikoslovja, obravnave besednozveznih

⁶⁴ Gre za preureditev prvotnega večjezičnega slovarja z latinskim izhodiščem v slovar s slovenskimi iztočnicami, ki jim sledijo kot najaktualnejše latinske in nemške ustreznice (prim. *Merše* 2000: 157–158).

⁶⁵ Slovar je v letih 1981–1987 izdelal Vilko Novak. Temelji na gradivu, ki je bilo zbrano deloma s popolnim, večinoma pa s kombinacijo popolnega in izbirnega izpisa iz 25 del (iz obdobja 1715–1886). Ker je slovar potreboval še nekaj urejevalnih posegov in slovaropisnih izboljšav, ki so jih opravili sodelavci Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, je bil tisk odložen skorajda za dve desetletji.

poimenovanj itd.) izpostavlja predvsem odstopanja od splošno uveljavljenih slovarskih standardov (npr. glede funkcionalnosti podatkov ter glede ustreznosti in doslednosti izvedbe).

5.5.3 Po več kot dveh desetletjih sistematičnega zbiranja in urejanja gradiva za slovar slovenskega knjižnega jezika v 16. stoletju, to je v obdobju njegovega nastanka in hitrega nadaljnjega razvoja, je leta 2001 izšel poskusni snopič slovarja (Merše, Novak, Premk 2001). Delo, ki predstavlja zamisel razlagalnega zgodovinskega slovarja, temelječega na gradivu, zbranim s popolnim izpisom vseh knjižnih izdaj s slovenskim besedilom iz obdobja 1550–1603, je bilo doma in v tujini pozorno sprejeto. Medtem ko so tuje ocene predvsem informativnega značaja,⁶⁶ pa domača, ki jo je napisal izkušeni slovaropisec, slovaroslovec in leksikolog Peter Weiss, prinaša obsežno, temeljito, podrobno, premišljeno in poznavalsko kritiko tako slovarske zamisli v celoti kot njene konkretne predstavitve v obliki poskusnega snopiča. Razgrinja jo v razdelkih, namenjenih analizi uvoda (158–160), makrostrukture (160–163), vseh elementov mikrostrukture (163–181) in tehničnih podrobnosti (181–188). V sklepnem delu dodaja razmislek o smiselnosti izdajanja poskusnih snopičev in o pomenu slovarja, predstavljenega z ocenjevanim poskusnim snopičem. Čeprav kritik oceno končuje z ugotovitvijo, da je »Zasnova slovarja slovenskega jezika protestantskih piscev 16. stoletja, kot se kaže v poskusnem snopiču /.../ med najcelovitejšimi in najbolj vsestranskimi v slovenskem slovaropisju doslej« (Weiss 2002: 189), ji namenja dolgo vrsto pripomb, opozoril na slabše rešitve in pomanjkljivosti,⁶⁷ pa tudi predlogov za izboljšavo.⁶⁸ Upoštevanje vsega naštetega bi nedvomno pripeljalo k boljšemu slovarskemu izdelku, vendar bo uresničevanje zamisli in približevanje idealu odvisno tudi od drugih (objektivnih) okoliščin.⁶⁹

5.6 Tudi izidu nekaterih **narečnih slovarjev** so sledile kritične ocene, ki so jih napisali bodisi dialektologi ali/in dobri poznavalci jezikoslovne problematike in slovaropisja.

5.6.1 Več odmevov je npr. spodbudil izid *Slovarja beltinskega prekmurskega govora* (1985), ki ga je izdelal kmet France Novak, dopolnil in uredil pa avtorjev brat, etnolog in slovenist Vilko Novak. Na slovar kot na dragoceno študijsko gradivo za preučevanje prekmurščine in panonskih narečij je opozoril Barbarič (1985/86: 296–297). S triletnim zamikom je slovarju sledila kritična ocena, ki jo je prispeval ameriški jezikoslovec Marc L. Greenberg (1988) kot izjemen poznavalec prekmurskih govorov, pa tudi glasovne in naglasne problematike.

⁶⁶ Ermina Harambašić (2001: 374–375) v oceni poskusnega snopiča posebej opozarja na pomen izdelave slovarske zamisli že pred začetkom priprave slovarja. Moszyński (2004: 172) tehtno kritično pripombo namenja prikazovanju besedotvornih razmerij in svetuje rekonstrukcijo sufiksov.

⁶⁷ Weiss (2002: 158–160) npr. iz praktičnih razlogov svetuje ponoven razmislek glede slovarske (ne)uvrstitve lastnih imen, glede rabe slovničnih oznak *povedkovnik*, *deležnik* in *deležje* (Weiss 2002: 164), glede prikaza frazemov in terminoloških zvez (Weiss 2002: 177–180) itd.

⁶⁸ Zelo dragocena so opozorila na konkretne, odpravljive napake ter na nedoslednosti in pomanjkljivosti slovaropisne izvedbe, ki jih opaža kot izkušen slovaropisec. Med težje uresničljive predloge se uvršča želja po izpopolnjenem, brezhibnem kazalnem sistemu, v katerega naj bi bile v pomoč uporabniku vključene tudi današnje sopomenke (Weiss 2002: 162).

⁶⁹ Med drugim bo odvisno od števila redaktorjev in njihove strokovne usposobljenosti za zahtevno delo, od časa, ki bo namenjen izdelavi, okoliščin itd. Odvisnosti izvedbe od objektivnih pogojev zanjo se zaveda tudi Weiss (prim. Weiss 1998: 189).

V kritičnem zapisu se osredinja na analizo slovarske informativnosti izgovora in naglašenosti besedja. Uvodnemu poudarjanju pomena slovarja kot priložnika živega prekmurskega govora, ki seznanja s svojskim narečjem in prinaša (tudi študijsko uporabno) bogato narečno gradivo, sledijo navedbe pomanjkljivosti.⁷⁰ Slednje kritik odkriva zlasti pri preverjanju ustreznosti fonološkega zapisa besed in njihovega naglaševanja ter pri prikazu oblikoglasja in oblikoslovja. Ocena posebej izpostavlja uporabnost slovarske posredovanega gradiva pri rekonstrukciji praslovanskega naglasa, opozarja pa tudi na posebno razvrstitev neobstojnega polglasnika na koncu osnove, na katero bi moral slovar jasneje in dosledneje pokazati (*Greenberg* 1988: 455–456).

5.6.2 Knjigi Stanka Koširja, ki je izšla v samozaložbi pod naslovom *B's'dnjak rutaršče 'n srenščê šprašê, Slovar rutarške in srenške govoric* (1997), je bila izkazana pozornost s sestavkom predstavitvene narave (*Škofic* 1998). Avtorica ga končuje s kritično sklepno mislijo, da bi delo moralo nastajati v sodelovanju s strokovnjaki – jezikoslovci, dialektologi, leksikologi, če bi želelo pridobiti strokovno vrednost (*Škofic* 1998: 199).

5.6.3 Strokovno predstavitev je zelo hitro doživel tudi narečni slovar Bernarda Rajha (2010), ki je namenjen prikazu severozahodnoprleškega govora. Podnaslovljen je kot »gradivo za narečni slovar«. Ocenjevalka (*Benko* 2011) je odlike in slabosti dela prepoznavala na osnovi teoretičnih zahtev nemškega leksikografa Wieganda in ugotovitev, ki jih je prispevalo načrtno, večinoma ožje osredinjeno raziskovanje dosežkov slovenskega slovaropisja (zlasti *Kenda-Jež, Weiss* 1999 in 2010). Kot posebno odliko dela izpostavlja dejstvo, da je slovar z ustaljenim naborem najnujnejših slovarskih informacij predstavil izbrano, zanimivo, živo, vendar deloma že zastarevajoče besedje v celotnem abecednem razponu in ne le delno, kot se pri obvestilno bolj ambicioznih narečnih slovarjih vse pogosteje dogaja.

5.6.4 Prikaz dela *Panonsko lončarsko in kmetijsko izrazje ter druge dialektološke razprave* avtorice Mihaele Koletnik (2008), kjer je v posebnih poglavjih slovarsko prikazano narečno izrazje, izpostavlja metodološko novost, ki jo znotraj slovenskega narečnega slovaropisja predstavlja slikovno-tematska oblika slovarčkov (*Benko* 2009: 89–91).

5.7 Tudi številne analitično zasnovane razprave, ki se osredinjajo na način slovarskega zajetja in prikaza izbrane problematike, neredko hkrati izzvenevajo kritično in načrtovalno (npr. *Weiss* 1998 – o načinih predstavljanja besedišča v treh narečnih slovarjih, ki so izšli v letih 1995–1997; 1999⁷¹). Weissovi kritični odzivi na več vrst slovarjev so oprti na neposredne slovaropisne izkušnje, pridobljene pri izdelavi narečnega slovarja⁷² in pravopisa ter pri študiju različnih vrst

⁷⁰ Kritik-dialektolog se uvodoma sprašuje, če je avtor slovarja zaradi svoje življenjske poti zares dovolj zanesljiv informator za beltinški govor (*Greenberg* 1988: 453).

⁷¹ Avtor v sestavku obravnava problematiko izgovora določenih črkovnih skupin, zaznavnih v števniskih sklopih in tvorjenkah iz njih, ki je jezikovni priložniki ne obravnavajo. Sestavek poleg kritičnega opozorila na premalo učinkovito in nepazljivo normiranje *SP* 2001 (*Weiss* 1999: 170) prinaša tudi predlog obravnave v novih slovarskih priložnikih splošnega značaja.

⁷² Njegov poskusni zvezek *Slovarja govorov Zadrecke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami* (1998), ki zajema črke A–H, je v pregledu slovenskega narečnega slovaropisja označen kot »model za izdelavo sinhronnega enonarečnega slovarja« (*Kenda-Jež* 2006: 27), obsežnejša ocena pa je izšla v tujini (*Konickaja* 1998).

slovarjev. Zasleduje več ciljev: predočiti idealno obliko in svetovati pot, ki bi vodila k dobremu izdelku, vendar cilj v zaželeni obliki običajno iz objektivnih razlogov ni dosegljiv. Kritiko treh narečnih slovarjev uvaja razmišljanje o specifikih narečnih slovarjev, ki zadeva prednosti in slabosti individualne izvedbe, obseg zajetega besedja in način izvedbe. Posebej omenja pogojevalne komponente slovarskega dela, med katere spadajo znanje, čas in zmožnosti (Weiss 1998: 189). Izpostavlja tudi dileme glede narečnega slovarja kot razlikovalnega v odnosu do knjižnega jezika. Na obravnavane tri narečne slovarje, ki so jih pisali govorniki – nejezikoslovci, naslavlja kritiko glede na naslednja presojevalna merila:

- informativnost uvoda (uvodi so večinoma prekratki; razlikovalnost ni opredeljena);
- zapis gesel: gesla so zapisana v narečni, nepoknjiženi obliki;
- obseg na novo zapisanega besedja;
- način prikaza; kritik našteva osnovne napake (nedoslednosti, odvečno, manjkajoče); njihova odstranitev bi lahko bistveno prispevala h kakovosti izdelka.

5.8 Strokovna kritika se je pričakovano odzivala tudi na izide **specialnih slovarjev**, zlasti pa na predhodno izdane poskusne snopiče. Zaradi njihove vsebinske specifičnosti so jih praviloma pisali le dobri poznavalci zajete jezikoslovne in hkrati slovaropisne problematike.

5.8.1 Zelo strokovna kritika je sledila izidu **frazeoloških slovarjev**.

5.8.1.1 Ocena (*Suhadolnik* 1961), ki jo je spodbudil izid slovensko-hrvatsko-latinsko-nemško-francosko-angleškega frazeološkega slovarja (*Pavlica* 1960) kot prvega tovrstnega priročnika na Slovenskem, navaja tako odlike kot slabosti dela, vendar je seznam zadnjih znatno daljši. Kritika priročniku očita zlasti neenotno in premalo premišljeno ureditev, prirojavanje fraz in pregovorov, prilagajanje slovenskih zgledov tujim vzorcem, neustreznost prevodov, pa tudi naslanjanje na zastarele tuje zglede.

5.8.1.2 Dva tehtna in glede izraženih pripomb skorajda prekrivna odmeva je doživel *Poskusni zvezek Frazeološkega slovarja slovenskega jezika* (2003),⁷³ ki ga je pripravil Janez Keber. Napisala sta ju dva jezikoslovca, ki se raziskovalno intenzivno ukvarjata s frazeologijo (Erika Kržišnik (2004) z Univerze v Ljubljani in Jürgen Petermann (2004) z Univerze v Mannheimu, ki je kritiko oblikoval na osnovi teoretičnega poznavanja področja in slovaropisnih izkušenj). Oba obžalujeta, da se je prepotrebnega, zahtevno zasnovanega, enojezičnega razlagalnega frazeološkega slovarja, glede katerega smo bili Slovenci v primerjavi z drugimi Slovani v veliki zamudi,⁷⁴ lotil posameznik in da ga ni oprl na uravnotežen korpus. Oba izpostavljata in analizirata značilne sestavine slovarja, opozarjata pa tudi na razlaganje izvora frazemov in na pripis tujejezičnih frazemov kot na posebej opazni, hkrati pa netipični sestavini slovarja. Avtorju kompetenco odredkata zlasti za pripis tujejezičnih frazemov. V podrobni metodološki in vsebinski

⁷³ S poskusnim snopičem napovedano delo je pod naslovom *Slovar slovenskih frazemov* izšlo leta 2011. V časopisu *Delo* mu je naglo sledila poljudnejša kritika (*Lenarčič* 2012), v kateri je izpostavljenih le nekaj očitnejših spodrseljavev pri izbiri in razlagah frazemov.

⁷⁴ Petermann (2004: 345) poudarja, da je slovensko zamudništvo na tem področju hkrati pozitivno in negativno, saj obstajajo številni tuji zgledi frazeoloških slovarjev, ki jih je mogoče posnemati, hkrati pa le-ti postavljajo težko dosegljivo normo.

analizi E. Kržišnik je izpostavljenih nekaj odlik (npr. razporeditev gradiva po abecednem in slovničnem principu) in nekaj problematičnih redakcijskih načel, ki napovedujejo pomanjkljivosti slovarja: npr. zamisel uporabe zvrstnih, stilnih in drugih oznak, omejena uporaba slovničnih oznak in z njimi povezane prisotnosti sintagmatskega vidika, nedefiniranost razmerja med uporabo sopomenk in pomensko sorodnih frazemov, nakazana obravnava frazeoloških variant kot dela paradigmatske frazeme,⁷⁵ načela izbire ponazarjalnega gradiva itd. Podobne očitke niza tudi Petermannova ocena, kot pozitivno pa izpostavlja zlasti omejitve obravnave na besednozvezne frazeme.

Avtorjeva napoved vsebinskega obsega slovarja, ki vključuje omembe nezajetega, posredno zadeva ob definicijo frazema in ob obseg frazeologije, hkrati pa tudi ob slabše definirane pojave, kakršni so npr. krilatice, pa tudi modifikacije in prenovitve frazema, ob pogršanem pa npr. ob zajetost t. i. pragmatičnih frazemov.⁷⁶

5.8.1.3 Podobno kot so kritike večjezičnih slovarjev, v katere je bil v eni izmed možnih vlog vključen tudi slovenski jezik, prihajale izpod peres tujih jezikoslovcev in hkrati poznavalcev slovaropisja, so se slovenski jezikoslovci kritično odzivali tudi na slovarje s tujim izhodiščem, hkrati pa z vključenim slovenskim jezikom, ki so nastali na tujem. Ustreznost slovenskega deleža v hrvaško-slovanskem slovarju (2006) primerjalnih frazemov je npr. ocenila I. Stramljič Breznik (2007).⁷⁷

5.8.2 Odmeve, ki so bili predvsem obveščevalne oz. seznanjevalne, le v manjši meri pa kritične narave, je doživljalo tudi **imensko slovaropisje**.

5.8.2.1 Izidu leksikona *Slovenska krajevna imena* (1985) je npr. sledila kritika (1987/88), ki so jo spodbudili zapisi krajevnih imen (in izpeljanih poimenovanj) iz obmorskega področja. Njen cilj je bil vplivati na popravek navedb v ponovni izdaji leksikona, vendar so avtorji leksikona v odgovoru (1987/88) večino predlogov zavrnil, saj se niso ujemali z zasnovo dela, ki je upoštevala uradna poimenovanja. Kritiko so kljub nesistemsosti predlaganih popravkov pozdravili zaradi navedenih novih stvarnih podatkov.

5.8.2.2 Izčrpno poročilo z vključenim ocenjevalnim segmentom je sledilo tudi imenoslovnemu delu Pavleta Zdovca *Slovenska krajevna imena na avstrijskem Koroškem* (1993). Pripravila ga je A. Šivic Dular (1994/95) kot dobra poznavalka področja in njegove problematike. Avtorica opozarja tako na sociološke vidike rabe imen in njihovih dvojnic kot na načine njihove slovarske predstavitve, ki kažejo podrejenost normativnosti.

5.8.3 Sestavek, ki ga je spodbudil izid poskusnega zvezka *Besednodružinskega slovarja slovenskega jazika* (2004) Irene Stramljič Breznik, je v prvi vrsti

⁷⁵ Obravnava frazeoloških variant prinaša tudi teoretično zanimivo razčlenitev na oblikoslovne, besedotvorne, skladienske in sestavinske variante (*Kržišnik* 2004: 205–206). Avtorica na osnovi analize obravnave variantnosti in sopomenskosti frazemov opozarja, da gre za težko razumljivo neenotnost.

⁷⁶ Prim. *Kržišnik* 2004: zlasti 200–203.

⁷⁷ Ocenjevalka poudarja, da je Erika Kržišnik kot avtorica slovenskega dela slovarja imela pri izbiranju ustreznikov dve zelo zahtevni nalogi: a) na osnovi gradiva, ki ni bilo načrtno zbrano za uporabo v specializiranem slovarju, je morala opraviti optimalen frazeološki izbor; b) težavo je povzročalo tudi hrvaško izhodišče. Kljub vsemu ugotavlja, da je bila avtorica slovenskega deleža v okviru večjezičnega slovarja uspešna (*Stramljič Breznik* 2007: 75–76).

predstavitvene narave. Avtorica (*Snoj* 2006) opozarja na gradivsko izčrpnost in veliko informativnost poskusnega zvezka, saj slednji razgrinja vse potencialne rešitve načrtovanega slovarja. Poznavalsko presoja njihovo ustreznost, izpostavlja ključne pojme (npr. definicijo iztočnice) in posebej primerne rešitve (npr. navajanje hipotetičnih tvorjenk in gradovsko nezajetih motivirajočih besed), kritične pripombe, ki zadevajo konceptualno primernost zamišljenega slovarja, pa jedrnato strnjuje v nekaj točk – predlogov: nanašajo se zlasti na (naglasno in besednovrstno) neenotnost, ki je posledica upoštevanja različnih virov in zato predvidoma odstranljiva.

Kritični prikaz je dragocen tudi zaradi opozarjanja na temeljnost in težavnost nekaterih vprašanj (npr. glede pojmovanja in prikaza konverznih tvorjenk pri samostalniku, glede (pomenskih) kriterijev, ki odločajo o tem, ali gre za glagolske izpeljanke s prostomorfemsko sestavino ali ne, in podobno) in na načine reševanja izbrane, slovarske aktualne problematike.

5.8.4 Tudi tipološka umestitev *Velikega slovarja tujk* (2002) v slovensko leksikografijo, ki jo je v okviru posebnega sestavka opravila N. Holz, vsebuje nekaj elementov kritičnosti. Ocenjevalka navaja, da gre zaradi velikega števila zajetih tujk dejansko za terminološki slovar velikega obsega in da je uresničeni koncept v času izida že neaktualen, saj nalogo prikaza vključenih terminologij, etimologije in splošnega besedja uresničujejo drugovrstni (terminološki, etimološki, splošni) slovarji (*Holz* 2005a: 98). Bolj kritično pa sta bili obravnavani knjižna in elektronska verzija priročnega slovarja tujk (2005), narejeni na osnovi velikega slovarja. Zanju velja, da po eni strani zajemata zelo splošno in pogosto rabljeno besedje, po drugi pa zelo redko rabljeno. Posebne zamere veljajo nesodobnemu pregledovalniku elektronske verzije slovarja (*Holz* 2005b: 74–75).

5.8.5 Znani slovenski leksikolog in leksikograf S. Suhadolnik je kot dober poznavalec slovaropisne problematike opravil tudi kritični pretres dveh enciklopedičnih slovarjev (*Male splošne enciklopedije* (1973) in *Leksikona Cankarjeve založbe* (1973)), ki sta bila v času izida slovaropisna novost. Oba izkazujeta tesno naslonjenost na tuja izvirnika. Sestavni del ocene (*Suhadolnik* 1974), ki kakovost del presoja po ustaljenih leksikološko-leksikografskih merilih (glede na: izbor gesel, obseg člankov, vsebinskost, oblikovanost in stilnost razlag, usklajenost, pravopis in pravorečje ter drugo), je tudi uvodna zvrstna opredelitev priročnikov ter prikaz razlik med slovarjem in enciklopedijo.

5.8.6 Kritično pozornost si je prislužila tudi elektronska zbirka besed z naslovom *Amebisov besedni zaklad*. Gre za zbirko najpogostejših besed in njihovih oblik, zbranih s predhodnim slovenskim elektronskim slovarskim založništvom. Enote so opremljene z oblikoslovnimi podatki, med katerimi kritika (*Logar* 2003) odkriva tudi napačne oz. neustrezne, kar je posledica grajane ne vključenosti jezikoslovcev.

6 Vloga notranje kritike v sodobnem slovenskem slovaropisju

6.1 Zlasti pri obsežnejših, skupinsko uresničevanih slovarjih splošne(jše)ga značaja je neizogibna sestavina dela tudi **notranja kritika**. Spodbuja jo dejstvo, da

so skupine praviloma sestavljene iz sodelavcev z različnim predznanjem, z različnimi strokovnimi izkušnjami, pa tudi z različnimi raziskovalnimi prioriteta in strokovnimi usmeritvami. Pričakovana in koristna je v vseh fazah priprave slovarja, zlasti pa v začetni, ki jo predstavlja oblikovanje trdnega, kakovostnega koncepta slovarja. Notranja kritika je nujen sestavni del strokovnih razmišljanj, ki dopolnjujejo in izboljšujejo zamisel slovarja, vplivajo pa tudi na usklajeno in kakovostno izvedbo slovarskega dela. Še posebej dragocena je v primerih, kadar opozarja na prezrte vidike ali pozabljena načela in pravila, ki veljajo za skupinsko uresničevano slovarsko delo. Njena učinkovitost je praviloma odvisna od teže upoštevanih strokovnih argumentov, neredko pridobljenih tudi z namensko opravljenimi analizami in raziskavami. Občasno je med njene neposredne ali posredne rezultate mogoče prištevati tudi spoznanja, ki prispevajo k poznavanju jezikoslovnih značilnosti slovenskega jezika (ali katerega izmed njegovih področij) v sedanjosti ali preteklosti, zlasti tedaj, kadar so le-ta v obliki strokovnih sestavkov posredovana tudi širši strokovni javnosti.

6.2 Natančnejši vpogled v notranjo kritiko, ki spremlja nastajanje konkretnega slovarja, omogoča udeležnost v slovaropisnem procesu, manj natančen pa bi bil možen tudi preko verodostojnih zapiskov ali zvočnih oz. avdiovizualnih posnetkov, če bi obstajali. Velik del notranje kritike je praviloma skrit očem javnosti. Če ne postane s pomočjo objav obravnavane problematike javna in s tem »zunanjka«, zanjo vedo le soudeleženci strokovnih pogovorov o slovarski problematiki konkretnega slovarja.⁷⁸

6.2.1 Med značilnosti notranje kritike, ki spremlja slovarsko delo v veččlanskih kolektivih, spadajo nasprotujoča si mnenja, občasno pa tudi odklonilna mnenja, ki niso vedno spodbujena z resničnimi pomanjkljivostmi slovarske zamisli ali slovaropisne prakse, kakršne kritik zaznava bodisi na osnovi dobrega poznavanja jezikovne problematike in presežne strokovnosti ali pa predvsem na osnovi praktičnih preizkusov. Kadar kritike ne motivira strokovno utemeljeno odkrivanje pomanjkljivosti znotraj celovite slovaropisne zamisli ali pri njeni realizaciji, kadar ne temelji na zadostni analizi obravnavane problematike in kadar obvelja kljub nasprotujočim strokovnim argumentom, so njene posledice lahko tudi negativne, trajnostno omejene na krajše ali daljše obdobje.

6.3 Pri pripravi slovarja slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja, ki poteka pod delovnim naslovom *Slovar jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja*, je bilo na osnovi bolj ali manj premišljene ter bolj ali manj strokovno utemeljene notranje kritike opuščeni tudi nekaj obvestilnih razsežnosti, ki jih je predvidevala prvotna zasnova slovarja, predstavljena v poskusnem snopiču (*Merše, Novak, Premk* 2001). Notranja kritika je npr. ob upoštevanju zahteve po hitrejši pripravi slovarja vplivala na spremembo načina razvrščanja zgledov in na opustitev posredne obvestilnosti glede izkazanih skladijskih vlog: zgledi se razvrščajo po časovnem zaporedju, opuščeno pa je opozarjanje na uresničene skladijske vloge in na njihovo aktualnost. Prispevala je tudi k večji shematiziranosti in informativni zgoščenosti oblikoslovnega zaglavja slovarskega sestavka, k natanč-

⁷⁸ Včasih kaže na aktivnost notranje kritike tudi količina objavljenih del posameznikov o posameznih slovarskih vprašanjih.

nejšim in formalno ustrežnejšim pomenskim opredelitvam, k hierarhično bolj urejenemu prikazu besednih pomenskih struktur itd.

6.3.1 Ob konkretnem primeru je mogoče ugotovljati, da zunanja (predstavljajo jo odmevi na *Poskusni snopič Slovarja jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja*) in notranja kritika kot sestavina potekajočega slovarskega dela nista vedno uglašeni: prva stremi k popolnosti slovarskega izdelka, druga pa mora upoštevati realne okoliščine in številne izvedbene zadrege.

7 Zaključek

Skleniti je mogoče s spoznanjem, da so ocene različnih vrst slovarjev, ki so se zvrstile od srede 19. stoletja dalje, koristen spremni pojav slovenske slovaropisne dejavnosti,⁷⁹ saj v večji ali manjši meri izpostavljajo uresničene ali pogrešane in zaželene značilnosti in z večkratnim omenjanjem utrjujejo zavest o specifičnosti posameznih vrst slovarjev. Z izpostavljanjem odlik in slabosti oz. pomanjkljivosti slovarjev sooblikujejo slovaropisno normo in prispevajo k njenemu kakovostnemu izboljševanju.

Tako utemeljena notranja kot zunanja kritika⁸⁰ sta gibalni številnih slovaropisnih izboljšav: tako praktičnih slovarskih kot izboljšav slovaropisne metodologije, vezane na tip slovarja⁸¹ ali univerzalnega značaja, neredko pa prispevata tudi k širjenju in izboljšavam jezikoslovnega védenja.

VIRI IN LITERATURA (V IZBORU)

Barbarič Štefan 1985/86: Ob priročnem slovarju beltinskega govora. *Jezik in slovstvo* XV, št. 8, 296–297.

Benko Anja 2009: Mihaela Koletnik: Panonsko lončarsko in kmetijsko izrazje ter druge dialektološke razlage, 2008. *Jezik in slovstvo* LIV, št. 6, 89–91.

— 2011: Bernard Rajh: Gúčati po antujoško. Građivo za narečni slovar severozahodnopreškega govora. *Slavia Centralis* 4, št. 1, 154–159.

Bežek Viktor 1901a: Zaščitnikom Levčevega pravopisa v preudarek. *Ljubljanski zvon*, 392–401.

— 1901b: Zaščitnikom Levčevega pravopisa vnovič v preudarek. *Ljubljanski zvon*, 757–766, 844–850.

Blagus Bartolec Gordana 2005: Dobar jezikoslovni priručnik. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, knjiga 31, 483–485.

Bokal Ljudmila 1997: Javnozdravstveni terminološki glosar. *Jezikoslovni zapiski* 3, 201–206.

— 2006: S. Škrabec o Pleteršniku in njegovem slovarju. *Škrabčeva misel* V. Nova Gorica, 137–143.

Breznik Anton 1926: Slovenski slovarji. *Razprave*. Izdaja Društvo za humanistične vede v Ljubljani, III, 110–174.

⁷⁹ Obstaja tudi del kritike, ki mu iz različnih vzrokov (npr. zaradi nezadostnega upoštevanja jezikoslovnih dejstev, nesistemskega pristopa, prevelike tradicionalnosti ali preočitne vezanosti na ozke, osebne interese) ni mogoče priznavati produktivnosti.

⁸⁰ Obseg sodobne slovenske slovarske kritike širijo in dopolnjujejo tudi kritične misli, vpletene v sicer drugače naravnane obravnave izbrane jezikoslovne problematike. Več elementov kritike npr. vsebujejo teoretična dela (npr. *Vidovič-Muha* 2000), ki nastajajo ob upoštevanju konkretnih slovarskih del in ki so hkrati spodbujena z razmišljanjem in praktičnimi izkušnjami, pridobljenimi ob njihovi pripravi. Tudi ta udejanjajo pozitivno namero kritike, ki je, pokazati na potrebe ali načine novega reševanja težavnih, za slovaropisje neredko temeljnih vprašanj, prispevajo pa tudi k odstranjevanju manjših pomanjkljivosti.

⁸¹ Zunanja kritika, ki sledi izidu slovarja, z utemeljenimi opozorili na njegove pomanjkljivosti (npr. na nedoslednosti, na nesistemske rešitve, na prezrtost problematike, na neustrezne rešitve oz. metode itd.) pripravlja upoštevanja vredne elemente novega istovrstnega ali podobnih slovarjev.

- 1936: Ocenjevalcem Slovenskega pravopisa. I–VII. *Slovenec* 262, 263, 265, 266, 267, 269, 272.
- 1938: Iz zgodovine novejših slovarjev. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 33, 17–32, 87–98, 147–165.
- Cigale Matej* 1860: *Deutsch-slovenisches Wörterbuch*. Laibach.
- Darasz Jaroslav* 1999/2000: Dve oceni Slovensko-poljskega slovarja. *Jezik in slovstvo* XLV, št. 3, 103–105.
- Dobrovoljc Helena* 2004: *Pravopisje na Slovenskem*. Ljubljana.
- Dular Janez* 2003: Pravopisni kompromis ali kompromisni pravopis? *Slavistična revija* LI, št. 2, 123–126.
- Gantar Polona* 1997: Kritični preteres poskusnega snopiča Bibliotekarskega terminološkega slovarja. *Jezikoslovni zapiski* 3, 207–218.
- Gjurin Velemir* 1983a: Neslovarskost Makedonsko-slovenskega slovarja. *Slavistična revija* XXXI, št. 3, 238–247.
- 1983b: O glasbilih in izvajalcih. *Slavistična revija* XXXI, št. 4, 289–318.
- Glonar Joža* 1919: *Naš jezik*. Ljubljana.
- 1936a: *Slovar slovenskega jezika*. Ljubljana.
- 1936b: *Slovenski pravopis*. Ljubljana, samozaložba.
- Gložančev Alenka* 1993/94a: Pisava nazivnih in funkcijskih določil v posebnih besedilnih položajih. *Slava* VII, št. 1, 8–17.
- 1993/94b: Vprašanje velike začetnice pri pridevniku BOŽJI (Prispevek k izhodišču za temeljitejšo obravnavo in utemeljitev). *Slava* VII, št. 1, 3–7.
- 1995/96: Nekaj pripomb k Teoretični podstavi slovarja novega SP. *Slava* IX, št. 1. Ljubljana, 3–15.
- 1997: Kratek pregled slovenskega pravopisja od konca devetnajstega stoletja do danes. *Jezikoslovni zapiski* 3, 85–104.
- Gradišnik Janez* 1991/92: Besednjak s Koroškega. *Jezik in slovstvo* XXXVII, št. 6, 170–171.
- Greenberg Marc L.* 1988: *Slovar prekmurskega govora*. *Slavistična revija* XXXVI, št. 4, 452–456.
- Gudkov Vladimir* 1969: *Slovensko-ruski slovar*. *Jezik in slovstvo* XIV, št. 8, 262–264.
- Hajnshek-Holz Milena* 1997: *Glonar – slovaropisec*. *Glasnik Slovenske matice* 21, št. 1–2, 12–20.
- Harambašič Ermina* 2001: *Uzorni ogled za povijesni rječnik*. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, knjiga 27, Zagreb, 373–377.
- Holz Nanika* 2005a: Mesto Velikega slovarja tujk v slovenski leksikografiji. *Jezik in slovstvo* L, št. 1, 87–99.
- 2005b: *Mirjam Beranek (ur.): Priročni slovar tujk*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2005. XVI + 904 str. – *Mirjam Beranek (ur.): Priročni e-slovar tujk*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2005. CD-ROM. *Jezik in slovstvo* L, št. 6, 73–76.
- Ilešič Fran* 1920: *Slovenski pravopis*. *Slovenski narod* (19. 11. 1920), 1–2.
- Jakopin Franc* 1964: *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (Ob izidu poskusnega snopiča). *Jezik in slovstvo* IX, št. 6, 222–224.
- 1977: *Megiserjev Thesaurus* v prirejeni izdaji. *Jezik in slovstvo* XXII, št. 7, 222–224.
- Jakopin Franc, Korošec Tomo, Logar Tine, Suhadolnik Stane* 1987/88: *O krajevnih imenih v izol-ski občini*. *Jezik in slovstvo* XXXIII, št. 7–8, 240–242.
- Jurančič Janko* 1965: *Pomembno in težko pričakovano slovarsko delo*. *Jezik in slovstvo* X, št. 1, 26–29.
- 1967: *Še o slovensko-srbohrvatskem slovarju*. *Jezik in slovstvo* XII, št. 1, 26–31.
- Kenda-Jež Karmen* 2006: *Slovenska dialektologija v drugi polovici 20. stoletja*. *Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah*. *Zora* 41. Maribor, 22–30.
- Kenda-Jež Karmen, Weiss Peter* 1999: *Posebnosti (slovenskega) narečnega slovaropisja*. *Zbornik predavanj*. Ljubljana, 27–46.
- 2010: *Slovenski narečni slovarji: kako je*. *Izzivi sodobnega slovenskega slovaropisja*. *Zbornik povzetcov*. Maribor, Pišece.
- Kladnik Drago* 2009: *Marko Snoj: Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. *Geografski vestnik* 81, št. 2, 123–125.
- Klinar Stanko* 1997/98: *Odličen dosežek slovenskega slovaropisja, nujen prevajalski priročnik*. *Jezik in slovstvo* XLIII, št. 6, 296–299.
- Konickaja Elena* 1998: *Peter Weiss, Slovar govorov Zadrebčke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami*. *Poskusni zvezek (A–H)*. *Slavistica Vilnensis* 50, št. 2, 224–228.

Kopitar Jernej 1809 (z letnico 1808): Grammatik der Slavifchen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach.

Korošec Tomo 2003: Soočenje jezikoslovnih nazorov. Slavistična revija LI, št. 2, 113–114.

Košir Alija 1958: Slovenski zdravstveni besednjak. Jezik in slovstvo III, št. 4, 179–183.

Košmrlj-Levačič Maja 1997: Ob Gradivu za pomološki slovar. Jezikoslovnii zapiski 3, 229–341.

Kržišnik Erika 2004: Poskusni zvezek slovenskega frazeološkega slovarja. Slavistična revija LII, št. 2. Ljubljana, 199–208.

Kurkina Ljubov' Viktorovna 1997: F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga. P–S. Dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana, 1995. Etimologija 1994–1996. Moskva, 184–208.

— 1998: M. Snoj. Slovenski etimološki slovar. Založba »Mladinska knjiga«. Ljubljana. 1997. 900 s. Voprosy jazykoznanija 3, 165–170.

Lenarčič Simon 2002: Čeri v slovenskem slovaropisnem morju. Sodobnost, 31–48, 301–314.

— 2004: Popravopis. Kaj je narobe in kaj manjka v novem Slovenskem pravopisu? Ljubljana, Samozaložba.

— 2011: Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Delo, Književni listi, 13. januarja 2011.

— 2012: Slovar, ki reče bobu bob, reklam pa samo frazemii. Delo, Književni listi, 15. maja 2012.

Levstik Fran 1978 (1860): Das deutsch-slovenische Wörterbuch. Blätter aus Krain IV, Laibacher Zeitung, 180–188. Zbrano delo, Deseta knjiga, 129–141. Nemško-slovenski slovar. Prevod, 142–152.

Levstik Vladimir 1936: Okoli slovenskega pravopisa. Ljubljanski zvon, 113–116.

Lipovec Albina 1977: O slovensko-češkem slovarju. Jezik in slovstvo XXII, št. 8, 268–270.

Logar Nataša 2003: Amebisov besedni zaklad. CD-ROM. Ljubljana: Amebis, 2002. Jezik in slovstvo XLVIII, št. 3–4, 113–116.

Merše Majda 2000: Dosežki in naloge slovenskega zgodovinskega slovaropisja. Zbornik slavističnega društva Slovenije 10. Ljubljana, 155–166.

Merše Majda, Novak France, Premk Francka, 2001: Slovar jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. Poskusni snopič. Ljubljana.

Meze Joža 1976/77: Slovaško-slovenski slovar. Jezik in slovstvo XXII, št. 8, 266–268.

Michalus Štefan 1984/85: Slovensko-slovaški slovar. Jezik in slovstvo XXX, št. 1–2, 62–64.

Morato-Vatovec Jelka 1987/88: Vprašanje poimenovanja naselij in zaselkov v izolski občini. Jezik in slovstvo XXXIII, št. 4, 127–129.

Moszyński Leszek 2004: Słownik języka starosłowiańskiego. Rocznik slawistyczny, Revue slavistique, T. LIV, Kraków, 170–173.

Müller Jakob 1991: Novo slovensko pravopisje (Slovenski pravopis 1, Pravila 1990). Jezikoslovnii zapiski 1, št. 1, 191–199.

— 1993: Slovar in kritika (1964–1992). Vprašanja slovarja in zdomske književnosti. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 3. Ljubljana, 51–64.

— 1996: Slovar slovenskega knjižnega jezika in kritika z bibliografijo (1960–1992). Razprave 15. SAZU, Razred za filološke in literarne vede. Ljubljana, 187–234.

— 2009: Kritične misli in zamisli o SSKJ. Strokovni posvet o novem slovarju slovenskega jezika, 23. in 24. oktober 2008. Ljubljana, 17–21.

Narat Jožica 2007: Slovar stare knjižne prekmurščine. Slavistična revija LV, št. 4, 681–686.

— 2011: Model zgodovinskega slovarja. Jezikoslovnii zapiski 17, št. 2, 181–188.

Novak France 1963/64: Najvažnejša stališča v pravopisni vojni. Jezik in slovstvo IX, št. 2–3, 62–65.

Novakova Ljudmila 1969/70: Češko-slovenski slovar Frana Bradača. Jezik in slovstvo XV, št. 5, 158–161.

Orel-Pogačnik Irena 1996: Kopitar in slovarstvo slovenskega jezika. Obdobja 15. Kopitarjev zbornik. Ljubljana, 139–154.

Paternost Jože 1968: Ob izidu angleško-slovenskega slovarja. Jezik in slovstvo XII, št. 6, 200–201.

Pavlica Josip 1960: *Frazeološki slovar v petih jezikih*. Ljubljana.

Petermann Jürgen 1988: Frazeologija v Slovarju slovenskega knjižnega jezika (I–IV). Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura. Obdobja 8. Ljubljana, 301–311.

— 2004: Frazeološki slovar slovenskega jezika. Slavistična revija LII, št. 3, 345–352.

Pleteršnik Maks 1894/95: Slovensko-nemški slovar. Ljubljana.

Pohlin oče Marko 1781: TU MALU BESEDISHE TREH JESIKOV. Laibach.

Rode Matej 1976: Frazeologija v Jurančičevem slovarju. Slavistična revija XXIV, št. 2–3, 299–302.

- Samsa Janez* 1916: Grško-slovenski slovar. Dom in svet 29, št. 1–2, 20–24.
- Slavistična revija* 2003: Kaj je novega v slovenskem jeziku? – Ob izidu Slovenskega pravopisa, LI, št. 2.
- Slawski Franciszek* 1999/2000: Dve oceni Slovensko-poljskega slovarja. Jezik in slovstvo XLV, št. 3, 99–102.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika* 1970–1991. I (1970): A–H; II (1975): I–Na; III (1979): Ne–Pren; IV (1985): Preo–Š; V (1991): T–Ž, Dodatki. Izdala Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik, založila Državna založba Slovenije. Ljubljana.
- Slovenski pravopis* 2001. Izdala Slovenska akademija znanosti in umetnosti in Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. Ljubljana.
- Snoj Jerica* 2006: Besednodružinski slovar slovenskega jezika. Slavistična revija LIV, št. 2, 259–263.
- Stramljič Breznik Irena* 2007: Željka Fink Arsovski: Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Jezik in slovstvo LII, št. 5, 73–76.
- Strokovni posvet o novem slovarju slovenskega jezika*, 23. in 24. oktober 2008, 2009. Ljubljana.
- Suhadolnik Stanislav* 1961: Josip Pavlica: Frazeološki slovar v petih jezikih. Jezik in slovstvo VI, št. 6, 200–205.
- 1974: Dvoje novih leksikografskih del. Slavistična revija XXII, št. 3, 340–352.
- 1984: 1984: Glonarjev slovar slovenskega jezika. Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 5. Ljubljana, 505–516.
- 1987: Utrditev in uzakonitev Slovenskega pravopisa 1937. Obdobje socialnega realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 7. Ljubljana, 499–506.
- Šeruga Prek Cvetka* 2002: Izgovorni in naglasni problemi Slovenskega pravopisa 2001. Nova revija, 26–30.
- Šimundič Mate* 1973/74: Janko Jurančič: Srbohrvatsko-slovenski slovar, 2. razširjena izdaja, 1972. Jezik in slovstvo XIX, št. 4, 129–132.
- Šivic-Dular Alenka* 1994/95: Novo v slovenski imenoslovni literaturi. Jezik in slovstvo XL, št. 8, 316–323.
- 2000: Bezljaj France, Etimološki slovar slovenskega jezika. Dritter Band P–S. Linguistica 40, št. 2, 353–363.
- Škerlj Stanko* 1966. Ob Slovensko-srbskohrvatskem slovarju (1964) (Nekaj odgovora njegovim kritikom). Jezik in slovstvo XI, št. 5, 162–167.
- Škofic Jožica* 1998: Stanko Košir, B's'dnjak rutaršče 'n srenščē šprašē, Slovar rutarške in srenške govornice. Jezikoslovni zapiski 4, 197–199.
- Škrabec Stanislav* 1994 (1895): Novi slovar. Cvetje z vertov sv. Frančiška, XIV. tečaj, 11. in 12. zvezek. Jezikoslovna dela 2. Nova Gorica, 240–242, 246.
- Štrekelj Karel* 1911: O Levčevem pravopisu in njega kritikah. Opomnje o slovenskem glasoslovju in rabi nekaterih oblik in besed. Ljubljana, Samozaložba.
- Tivadar Hotimir, Jurgec Peter* 2003: Podoba govorjenega slovenskega knjižnega jezika v Slovenskem pravopisu 2001. Slavistična revija LI, št. 2, 203–220.
- Tomineš Josip* 1904: Smeri našega pravopisja in pravorečja (Ponatisk iz »Slovana« 1904). Ljubljana, Samozaložba.
- Toporišič Jože* 1994: Teoretična podstava slovarja novega Slovenskega pravopisa. Slavistična revija XLII, št. 4, 455–473.
- 2003: Z združenimi močmi nad novi Slovenski pravopis. Slavistična revija LI, št. 2, 159–175.
- Ulčnik Natalija* 2007. Bogastvo panonskega besedja. Slavistična revija LV, št. 4, 675–679.
- Urbančič Boris* 1963/64: Naš novi pravopis. Jezik in slovstvo IX, št. 4–5, 103–118.
- Vidovič-Muha Ada* 1993: Slovnična obvestilnost slovarja slovenskega knjižnega jezika. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 3. Ljubljana, 35–49.
- 2000: Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govornica slovarja. Ljubljana.
- 2003: Kaj je novega v knjižnem jeziku? – Ob izidu slovenskega pravopisa. Slavistična revija LI, št. 2, 117–122.
- Vodušek Božo* 1950: Pripombe k Slovenskemu pravopisu. Novi svet. II. knjiga, 947–953, 1045–1052, 1147–1150.
- 1952: O Slovenskem pravopisu in jezikovnih načelih. Slovenski poročevalec, 1–10.
- Vojnovič Nastja* 2000: O Gumarskem slovarju. Jezikoslovni zapiski 6, 213–222.
- Weiss Peter* 1991/92. Poskusni snopič novega gozdarskega slovarja. Jezik in slovstvo XXXVII, št. 8, 239–242.

- 1993/94a: Pomišljaj in vezaj v Slovenskem pravopisu 1994. Slava VII, št. 1. Ljubljana, 108–122.
— 1993/94b: Uvrščanje priimkov s predimki v enciklopedična in slovarska dela. Slava VII, št. 1. Ljubljana, 18–29.
— 1998: Trije narečni slovarji. Jezikoslovni zapiski 4, 189–196.
— 1999: Šestdeset in šeststo petdeset šestdelnih šesstopenjskih petdejanjk. Jezikoslovni zapiski 5, 169–177.
— 2002: Majda Merše, France Novak, Francka Premk, Slovar jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja, Poskusni snopič (Ljubljana 2001). Jezikoslovni zapiski 8, št. 1, 157–191.
Zorman Marina 2004: Marko Snoj, Slovenski etimološki slovar. Slavistična revija LII, št. 3, 357–359.

KRAJŠAVE

SP = Slovenski pravopis

SSKJ = Slovar slovenskega knjižnega jezika

ZRC SAZU = Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti

Majda Mershe

THE ROLE OF CRITIQUE IN SLOVENE LEXICOGRAPHY

A critical response to dictionaries that include Slovene either in headwords or in equivalents begins in earnest in the middle of the 19th century. Critiques followed publication of all kinds of dictionaries: orthographical, numerous bilingual, terminological, dialectal, etymological, historical, and other kinds of specialized dictionaries, including the *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (1970–1991) [*The Dictionary of Standard Slovene*] as the fundamental modern monolingual dictionary. The number of critical reactions shows a high correlation with the significance of the dictionary and the broadness of its application. Lexicographical critique (external and internal) can be considered a valuable byproduct of the Slovene lexicographical endeavors, as it highlights accomplishments as well as deficiencies of dictionaries. By their reiteration it also raises awareness of the specific traits of individual kinds of dictionaries. Last but not least, highlighting the virtues and shortcomings of dictionaries contributes to shaping lexicographical norm, improving its quality, and often to dissemination and advancement of linguistic knowledge.

О ВЕРИФИКАЦИИ ДАННЫХ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

Русская диалектная региональная лексикография переживает пору своего расцвета. Причем, следует отметить, что это в большей степени заслуга вузовской науки. Накапливаемые с послевоенных лет в картотеках вузов лексические материалы последние десятилетия реализовывались в областных словарях, некоторые из них уже закончены и работа идёт либо над дополнениями, либо над переизданием, другие продолжают, над частью планируемых изданий работа только разворачивается. И все же на территории материнских русских говоров Европейской части России существуют не охваченные лексикографическим описанием говоры некоторых регионов.

Кроме того, в настоящее время выходит в свет все больше авторских диалектных словарей (или осуществляется работа), в которых описывается лексикон говора части какого-либо региона, либо отдельный говор, говор населенного пункта, одной семьи, одного диалектоносителя.

Близка к завершению работа над сводным “Словарем русских народных говоров” (идет составительская работа над материалами на букву “у”).

При наличии большого количества лексических диалектных данных они не только все шире используются как вспомогательные при историко-этимологических исследованиях, но и нередко служат основным материалом для различного рода штудий. Получение новых качественных диалектных лексических данных в ходе полевых сборов вызывает сейчас большие затруднения и заставляет интенсивнее использовать диалектные словарные и рукописные источники. Априори включая те или иные словарные лексические данные как дополнительные сведения для анализа, мы не подвергаем сомнению их научную достоверность. Однако в любом словаре имеется такой материал, который затруднителен для лексикографической обработки. В СРНГ, например, лексика фольклора, не функционирующая в русском языке вне его произведений, включается в диалектные словари [Сороколетов 1974] даже несмотря на то, что ее лексикографическая разработка нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Именно фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по поводу его лексикографической репрезентации, причем следует отметить, что слова с пометой *фольк.* довольно многочисленны в СРНГ – 3237 единиц (по выпускам: 1 – 0, 2 – 38, 3 – 19, 4 – 7, 5 – 71, 6 – 24, 7 – 65, 8 – 10, 9 – 16, 10 – 23, 11 – 63, 12 – 66, 13 – 44, 14 – 78, 15 – 156, 16 – 75, 17 – 97, 18 – 145, 19 – 66, 20 – 110, 21 – 126, 22 – 61, 23 – 55, 24 – 115, 25 – 22, 26 – 28, 27 – 1, 28 – 5, 29 – 0, 30 – 52, 31 – 91, 32 – 56, 33 – 149, 34 – 195, 35 – 138, 36 – 110, 37 – 157, 38 – 149, 39 – 182, 40 – 245, 41 – 127, 42 – 197, 44 – 96). Очевидно, для такого рода данных потребуется специализированное издание.

В настоящее время многие диалектные лексикографические источники подвергаются всесторонней критике, хотя следует отметить, что такого рода работы, выходящие в свет, не являются чем-то новым, так, например, критические замечания в адрес диалектных словарей начали появляться в печати с момента выхода в свет “Опыта областного великорусского словаря” 1852 года. Известна достаточно критичная оценка, данная А. И. Соболевым работе Г. Куликовского “Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении” в связи с выдвиганием этого труда в 1901 г. на соискание Ломоносовской премии [Соболевский 1903]. Труд П. Дилакторского “Словарь вологодского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении” не был рекомендован к печати из-за отрицательных рецензий и остался как рукописный источник. А. Е. Анкин в своем словаре “Этимологический словарь русский диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков” предположил невозможность существования некоторых лексем на территории русских говоров, которую описывает “Словарь русских говоров Забайкалья” Л. Е. Элиасова [Элиасов]. Хотя А. А. Бурькин имеет другую точку зрения на данные этого источника [Бурькин 2002], в данном случае использование ареально-этимологического метода верификации диалектных данных привело к совершенно противоположным результатам. Однако в словарях одного говора или группы родственных говоров трудности описания обычно сводятся к разрешению проблем лексикографического описания собранных данных. Иное дело, когда речь идет о диалектном словаре, в котором сводятся в одну систему как лексикографический конструкт материалы различных русских говоров. В этом случае трудности репрезентации сопровождаются сложностями конструирования виртуальных комплексных словарных единиц, отсутствующих в реальном диалектном языке. Именно поэтому довольно часто критические стрелы направлены в адрес сводных диалектных словарей. И, например, СРНГ, вышедший к настоящему времени в 44-х томах, в основе материалов которого лежат общерусские данные (в том числе и рукописные) источников XIX века, составляют благодатную почву для любого рода осмысления (нередко – критического).

Все критические работы можно дифференцировать в зависимости от того, анализом каких параметров словаря они оперируют. Значительная часть критики относится к опровержению существования предлагаемой в словаре заголовочной формы слова. Некоторая часть таких единиц, помещенных в словник того или иного слова, может появиться в результате неправильного прочтения рукописных данных¹. И только в результате этимологических разысканий можно установить корректность или ошибочность заголовочной формы слова. Так, например, одна из таких заголовочных единиц **пáчетать** ‘рассказывать’ (Прионеж.; СРНГ 25: 302), была принята нами за неправильно прочитанную единицу, близкую к довольно частотному слову вепсского языка: *pagišta* ‘говорить, разговаривать’ (СВЯ: 389) однако при анализе графического облика слова в картотеке СРНГ было установлено написание буквы **ч**, что возводит эту лексему к другому вепсскому слову – *pačotada* ‘сильно ругать’ (СВЯ: 387).

¹ На таком анализе построены критические работы А. Ф. Журавлева.

Была установлена некорректность заголовочной формы единицы **кянь** ‘приспособление для вязания рыболовных сетей’ (Кандалакш.; СРГК 3: 84), исходя из ареала, следует предполагать саамский источник, который, однако, имеет форму *kiepp^a*, *kiebp^(?)* ‘игла для вязания сетей’ (KOLTKS: 119), ср. также вепс. *käbü*, люд. *käbü* ‘иглица для вязания сетей’ (SKES: 261). Вероятно, в СРГК заголовочную форму следует читать – **кяпъ**.

В редких случаях критики ведут речь о фальсификации, ошибке при выделении заголовочного слова. Такого рода анализ обычно основан либо на этимологической базе (этимологическая критика): А. Е. Аникин, И. Г. Добродомов, А. Ф. Журавлев (см. Литературу), либо на сопоставлении с историческими источниками. В ряде случаев поиск фантомов основывается большей частью на собственной языковой интуиции, языковом опыте, что на уровне диалектных данных весьма опасно, поскольку мотивационная, ассоциативная, трансформационная база диалектного слова может иметь достаточно широкое поле, при несомненном учете возможности неисконного происхождения (если лексема отмечается в зоне языковых контактов). Такого рода критические работы, трактуемые нами как интуитивно-ассоциативные, нередко предлагают аргументированные и дельные рекомендации по улучшению качества словаря (см. ряд статей А. Ф. Журавлева “Лексикографические фантомы”). Однако опора в основном на свой языковой опыт критически настроенного исследователя не всегда имеет четкие критерии верификации.

Всевозможные критические замечания по словарям относятся не только к заголовочному слову, но и к точности толкования, корректности ареальной локализации. Последняя, например, имеет большое значение при этимологических исследованиях неисконной лексики субстратного происхождения, ввиду узкой географической привязки субстрата.

Семантическая сторона диалектных данных, отраженная в толкованиях, также иногда требует корректировки. В СРГК слово **күгровина** дано с неверным толкованием ‘веранда’ в общенародном значении ‘терраса вдоль стены дома’, тогда как информанты, приводя в качестве синонима лексему **верáнда**, имели в виду ее диалектное значение ‘куча сучьев на подсеке’: – *Кугровина и веранда одно и то же* (Медвежьегор., СРГК 3: 49).

В ряде случаев ареальная локализация, имеющая большое значение для диалектного слова, может подтвердить или опровергнуть существование какой-либо единицы. Так, например, в Словаре Даля фиксируются варианты **рóвга**, **рóвка**, **рóвда** “поддина, лед в земле под почвой, в глубине; вечный мерзлый пласт, который никогда не оттаивает (Арх.)” и далее: “ровда, земляная вода, мокредь, выступающая весною в ростополь из земли (Орл.). *Уж ровда из земли пошла, оттого и сыро*” (Даль 4: 99). Мурзаев, компилируя данные всех известных лексикографических источников, представляет эти же варианты: **ровга**, **ровда**, **ровка** “почвенный лед; земля, охваченная вечной мерзлотой; береговой лед, покрытый первой весенней водой (северные обл.); в Карелии – испарение снега и вообще влаги в первые весенние солнечные дни; в Орл. обл. – грунтовая вода, весенняя лужа” (Мурзаев, 1984, 482). Но помета Орл. у Даля, превратившаяся в Орл. обл. у Мурзаева, скорее

всего, в первоисточнике является опечаткой – должно быть Олон. (Олонецкая губерния), на что обратил внимание еще Калима (Kalima 1915: 292).

На наш взгляд, критика сущностных параметров словаря² (заголовочное слово, смысл толкования), а не интерпретационных (омонимия, иерархия значений, вариантность и т.д.) возможна только в сопоставлении с источниками: полевыми, историко-архивными, лексикографическими. Наши критические замечания к материалам диалектных словарей основаны на их комплексном анализе, подразумевающем знание в той или иной мере лексической системы говора. Так, например, зафиксированные нами значения некоторых диалектных лексем не вполне соотносятся с их лексикографической репрезентацией.

Педэнить ‘гадать’ (Устюжен. Волог.; КСРГК; СРГК). Отмеченное в СРГК значение ‘считать, перебирая’ вряд ли корректно при иллюстрации: – *Бусеринку-то кинем, а потом и педеним, сколько осталось времени до свадьбы* (СРГК 4: 419). Ср.: фин. *pettää* ‘обманывать, мошенничать’ (SKES: 533), кар. *petteä* ‘обманывать, мошенничать’ (KKS 4: 321).

Пулька ‘о мелкой ягоде – в сравнении’ (Тихв.; КСРГК). В СРГК для единицы **пулька** представлено значение ‘ягода’ при следующей иллюстрации: *Мы однажды набрали земляники, вот таки пульки были с палец* (Тихв.; СРГК 5: 347). Это, на наш взгляд, не вполне корректно.

Вряд ли в отношении методов верификации словарных данных можно предложить что-либо определенное. Однако совершенно очевидно, что диалектные словари, материалы которых были собраны в полевых условиях, а затем обработаны лексикографически одними и теми же специалистами, имеют гораздо меньше случаев искажения как сущностных, так и интерпретационных параметров словаря. Хотя, конечно, данные словарей, основанные на недавних полевых материалах, и словари, создаваемые на базе архивных источников, предлагают различные степени сложности их описания. Кроме того, только комплексный анализ гнезда с его вариантами: фонетическими, деривационными, этимологическими (восходящими к одному этимону, но имеющими различную форму) – может весьма условно предложить основательность анализа и критического осмысления (если в этом будет необходимость) диалектных лексикографических источников. Однако следует подчеркнуть, что задача толковой лексикографии состоит в репрезентации и в ведении в научный оборот собранных словарных материалов, а не в их этимологическом прочтении. Причем следует отметить, что лексическая эмпирическая база таких данных – словарные картотеки – чаще всего гораздо шире их публикуемой части в словарях. Исходя из этого, следует отметить, что обычно критические статьи строятся на анализе словарных данных без учета рукописных источников, что ставит под сомнение правомерность такой критики.

² Следует отметить, что намеченная нами трактовка параметров словаря не может быть постоянной в силу того, что в ряде случаев, в зависимости от организации материала, возможен переход интерпретационных параметров в сущностные. Так, например, показ вариантов слова в СРКГ таким образом, что установка географической локализации слова не представляется возможной, переводит этот параметр в разряд сущностных.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин 1997 – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Новосибирск, 1997. – 774 с.
- Аникин 2000 – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск, 2000. – 768 с.
- Бурыкин 2002 – Бурыкин А. А. Замечания к проблеме лексического состава русских старожильческих говоров Забайкалья и некоторые соображения о роли ареальных критериев в этимологических исследованиях диалектной лексики иноязычного происхождения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1999. – СПб., 2002. – С. 46–54.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – Т. 1–4. – М.; СПб., 1880–1882.
- Дилакторский 1902 – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Рукопись КСРНГ.
- Добродомов 1998 – Добродомов И. Г. Средневожское слово лашман // Язык: изменчивость и постоянство. – М., 1998. – С. 42–56.
- Доп. Опыт – Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”. – СПб., 1858.
- Журавлев – Журавлев А.Ф. – Лексикографические фантомы. I. СРНГ – А-3 // Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С.183-193.
- КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей.
- КСРГН – Картотека Словаря русских народных говоров.
- Куликовский – Куликовский Г.И. “Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении”. СПб, 1898.
- Мурзаев, 1984 – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- Подвысоцкий – Подвысоцкий А.И. Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- СВЯ – Словарь вепсского языка. Сост. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Л., 1972.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Г. ред. А.С. Гед. Тт.1-6. СПб., 1994-2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. ТТ. 1-44. М., Л., СПб., 1965-2011.
- Соболевский, 1903 – Соболевский А.И. Разбор Словаря Олонекского наречия Г. Куликовского. СПб., 1903. Отд. Отг.: Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1901г.
- Сороколетов, 1974 – Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектная лексика // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 193-204.
- Элиасов – Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- Эрдман – Эрдман Ф.И. Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря” по Новгородской губернии // Уч. зап. Казанск. у-та, 1857. Кн. 2. С. 106-167.
- Kalima, 1915 – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1- 6 // LSFU, XVI, 1-6. Helsinki, 1968-2005.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955- 1981.

Ключевые слова:

Лексикография диалектный верификация источники
Lexicography dialectal verification sources.

ABOUT VERIFICATION OF DATA IN REGIONAL DIALECT DICTIONARIES

The analysis of data in dialect dictionaries is presented in the article. The various research approach to their critical judgment is noted. The dialect dictionaries, which materials were collected in field conditions, and then processed lexicographic by the same experts have much less cases of distortion both intrinsic, and interpretative parameters of the dictionary.

ОСОБИНЕ СТЕРЕОТИПА МАЈКА НА МАТЕРИЈАЛУ ТЕЗАУРУСНОГ РЕЧНИКА САВРЕМЕНОГ СРПСКОГ ЈЕЗИКА

1.0. У раду су, на лексикографском материјалу тезаурусног *Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ* (Р. САНУ), представљене оне особине српског стереотипа МАЈКА које су потврђене у полисемној структури лексеме *мајка*, њеним изразима (*војничка / ђачка / сиротињска мајка, мајка земља, задушна мајка, часна мајка, Мајка Божија* и др.), бројним фразеологизмима, као и њеним творбеним дериватима (*мајчин, мајчински, материнство, мајковић, мајкица / мајчица, мајчурина / мајчетина, мајкоубица* и др). Особине стереотипа МАЈКА у српском језику, утврђене на семантичком и творбеном плану, испоређивне су са особинама овог стереотипа у неким другим словенским језицима: руском, бугарском и пољском, и то углавном на основу лексикографског материјала у дескриптивним речницима ових језика.¹

1.1. У етнолингвистичком представљању овог стереотипа у пољском језику на комплетном језичком материјалу, утврђено је да аксиолошку позицију мајке у језичкој слици света (ЈСС) одређује породична, национална и верска традиција. Истакнуто је да је ова аксиолошка база заснована на универзалној искуственој бази, заједничкој многим културама и језицима, јер појам МАЈКА спада у групу основних егзистенцијалних појмова, као што су 'дом', 'породица', 'земља', 'народ' [Бартмињаки 2011: 195].

1.2. Међутим, сваки језик, па и српски показује црте тог појма које одражавају специфичност националног идентитета. Утврђено је да у српској традицији функционишу формуле односно симболи, слични као у пољском, руском и бугарском језику: *рођена мајка* (пољ. *rodzona matka*: 195), *земља мајка* (пољ. *ziemia matka*: 195, рус. *природа-мать*: 715, буг. *мајката земля, мајката природа*: 47), *мајка Србија* (пољ. *Mater Polonia, matka Polka*: 195, рус. *родина-мать, мать-родина*: 715, буг. *мајката родина*: 47), док се симбол у споју *Мајка Божија*, за разлику од пољског језика (*Matka Boska*: 195), у српско језу чува углавном у екскламативним изразима са избледелим значењима. За српски језик карактеристичне су још две формуле: *мајчина љубав* (рус. *материнская любовь*: 698, *материнские чувства*: 698–699) и *мајчино срце* (у руском језику и *правда-матка*: 705, а у бугарском *маминая скупт*: 52).

¹ За пољски језик испоређени примери су узети из преведене монографије Ј. Бартмињског, у којој је представљен стереотип МАТКА [Бартмињски 2011: 195–217], па се за њих и за примере преузете из речника руског и бугарског језика (ССРЈА 6, РСБКЕ 2) наводи само податак о страни, при чему се, из разлога економичности, неће наводити извори, о којима су дати подаци у библиографији. За бројне потврде из Р. САНУ, из истог разлога, не наводе се ни стране које су наведене у библиографији, а уз контекстуалне примере, који су у Р. САНУ преузети из књижевних дела, наводе се имена писаца, по потреби и извор из кога је речнички пример преузет.

2.0. На основу семантичких инваријанти лексеме *мајка*, њених творбених еквивалената, као и илустративног контекста њихове употребе, у смислу појмова прототипа и идеалних когнитивних модела, како их, према Бартмињском, постулира Џорџ Лејкоф (1986), у српском језику, као и пољском, за стереотип МАЈКА утврђени су следећи модели: 1) модел рађања, основни: 'жена која је родила'; 2) генетски модел: 'жена која предаје потомству генетски материјал'; 3) хранитељско-васпитни модел: 'жена која храни и васпитава дете'; 4) брачни модел: 'жена која је очева супруга'; 5) генеалошки модел: 'жена која је најближи предак женског пола' [нав. дело: 195–196]. Њима су одређене суштинске, језгрене особине овог појма, које га издвајају из надређеног категоријалног појма 'жена', што се у идеалном смислу перципира као „типична“ мајка. Међутим, у сазнању носилаца језика овај појам се реализује у ограниченом а не идеалном смислу, јер се типичне особине на нивоу друштвене норме ограничавају семантичким или прагматским факторима, што се на плану језика, према М. Ивић, сигнализира употребом „одредбе категоризовања“, као у примерима типа: *Она је пре свега мајка* [Ивић 1995: 226] односно *Она је права мајка*, *Она је добра мајка* и *Она је идеална (узорна) мајка* [исп. Ивић 1995: 233, 236 и Бартмињски 2011: 199, 206].²

2.1. Осим наведених модела, заснованих на биолошким и друштвеним (социјалним) елементима, на основу лексикографског материјала, за српски стереотип МАЈКЕ, утврђени су и други модели, и то: 6) модел не-рођене мајке, који је у српском језику, као и у пољском потврђен пословицом: *Није мајка она која је родила, него она која је одгајила* (пољ. *Nie ta matka, co urodziła, ale ta, co wychowała*: 198, 210, 216), са следећим подмоделима: 6а) 'жена која доји нерођено дете, дојиља': *мајка по млеку* (пољ. *mleczna matka*: 200), заснован на биолошко-егзистенцијалним елементима; 6б) 'жена која усваја туђе дете': *помајка*, заснован на социјалним елементима подизања, старања и васпитавања и 6в) 'маћеха која је као „права“ мајка': *мајка-маћеха*³, заснован на психолошким елементима љубави, нежности, пожртвованости;⁴ затим 7) породични модел 'мајка као стожер породице, породичног дома', заснован на психолошким елементима топлине, сигурности и социјалним елементима присности и заједништва са „својима“ и 8) заштитнички модел: 'особа која има мајчински однос према некоме': *српска (сиротињска, војничка, ђачка и сл.) мајка*, заснован на етичким елементима узорности.

3.0. У српском језику осим лексеме *мајка*, у истом значењу, али различитог нормативног статуса и територијалне дистрибутивности,

² О одредбама категоризовања, као и о прагматској заснованости „прототипског детерминатора прави“ в. Ивић 1995: 225–253, а о „типичним“ и „правим“ особинама МАЈКЕ в. Бартмињски 2011: 199, 203–206.

³ У руском језику маћ-и-мачеха и мат-мачеха јавља се као назив биљке: 716.

⁴ Због овакве могућности у успостављању „договорних“ и нетипичних родбинских односа, у српском језику за исказивање типичних односе употребљава се придев рођени: рођена мајка, рођена сестра за разлику од: мјака по млеку (дојиља), помајка, полусестра и сл. О разликама између детерминације придевом рођени и прототипског детерминатора прави показаним на примерима типа: Не би га препознала ни рођена мајка према неовереном примеру *Не би га препознала ни права мајка и То ми је рођена сестра према примеру То је права сестра, в. Ивић 1995: 232–233 (в. нап. 6).

јављају се и варијанте: *мати*, *матер* и *матера*, чији су полисемне структуре и творбени еквиваленти, такође узимани у обзир при реконструкцији стереотипа МАЈКЕ.

3.1. У тезаурусном Речнику САНУ лексема *мајка* представљена је у 5 главних значења и 7 подзначања у оквиру главних. На основу њих су издвојене основне семантичке особине које чине базу, језгро стереотипа МАЈКА у српском језику, и из њих изведене особине које чине његову периферију, а које се на основу различитих аспекта могу сврстати у семантичке поткатогеорије, фасете. Ове семантичке особине, осим типичних карактеристика, обухватају и све оне карактеристике које у сазнању носилаца српског језика граде стереоти „праве“ МАЈКЕ (исп. т. 2.1. и нап. 2). Тако су за српски стереотип МАЈКА издвојене исте карактеристике као и за пољски стереотип МАТКА, које је Ј. Бартмињски као фасете именовано и означио на следећи начин: 1. биолошке карактеристике – ВЮ, 2. психолошке карактеристике – Р; 3. социјалне карактеристике (однос према другим људима) – S; 4. карактеристике вазане за свакодневни живот – Ž; и 5. етичке карактеристике – Е [нав. дело: 216].

3.2. Особине стереотипа МАЈКА у прва два значења лексеме *мајка*, са подзначањима, заснована су на биолошким аспектима, треће значење на психолошким, четврто са два подзначања на друштвеним аспектима и пето значење на аспектима који су издвојени као шеста аксиолошка семантичка покатогеорија – А фасета. Осим наведених реализација, велики део употребе ове лексеме представљен је у посебном делу речничког чланка, под „изрази“, у коме се наводе и обрађују устаљени спојеви, фразеологизми, народне пословице и изреке, при чему велики број устаљених спојева показује да је лексема *мајка* у народним говорима прошла кроз веома продуктиван процес терминологизације, дајући велики број ботаничких и зоолошких номината у виду двочлане и вишечланих јединица.

3.3. Као основно, примарно значење под одредницом *мајка* издваја се ово: „жена у односу на дете, децу коју је родила“. Ова дефиниција, слична дефиницијама којим се у речницима пољског, руског и бугарског језика дефинишу основна значења лексема *matka*, *мать*, *мајка*, узима у обзир, како истиче Бартмињски, категоријалне (есенцијалне) особине својствене свим десигнатима класе 'мајки', а то су: (1) 'бити жена' и (2) 'имати дете' [нав. дело: 197].

3.4. Иако је оваква лексикографска дефиниција основног значења таксономска и ограничава се само на нужне и довољне особине за издвајање *мајке* из надређене класе 'жена' [нав. дело: 198], сав други језички материјал, представљен у тезаурусном речнику, заједно са контекстима употребе ове лексеме, као и лексема из њеног деривационог гнезда, показује да је МАЈКА у свакодневном језичком осећању и комуникативној пракси носилаца српског језика, као и пољском језику, много више од жене која је родила дете, што налази своју потврду у централном, језгреном значењу лексеме *мајка* и њених деривата.

4.0. У даљем излагању биће представљене оне особине стереотипа МАЈКА у ЈСС носилаца српског језика, које потврђује лексикографски

материјал и које ће бити обележене фасетном припадношћу и идентификоване и према наведеним моделима.⁵

4.1.1. Појам МАЈКА одећен је основним значењем лексеме *мајка* 1.а. „жена у односу на дете, децу коју је родила“, из кога се издвајају следеће језгрене особине овог стереотипа: особина (1) „жена“ указује на надређену категорију појма; (2) „има дете, децу“ (= 'рађа'), заснована је на биолошким аспектима, ВІО фасета, у оквиру модела рађања, а потврђује је традиционална формула: *рођена мајка* и пример: *Не познаје га ни рођена мајка*.⁶ На основу наведених примера, као и примера *бити мајка (мати, матер)* некоме издвајена је следећа особина стереотипа у оквиру генеолошког модела, особина (3) 'најближи предак женског пола'. Истој, ВІО фасети, припада особина (4) „доји“, потврђена дериватом *мајчин* у примеру: *слатко мајчино млијеко* (рус. *всосать (впитать)* что-либо с молоком матери: 715).

4.1.2. У оквиру овог хранитељског модела преко особине „доји“ у сазнању носилаца српског језика развио се и шести модел не-рођене мајке, са подмоделом ба) и особином (4а) „жена која доји туђе дете, дојиља“, потврђен примером *мајка по млеку* и покрајинским примером *млијечна мати* „жена која је дојила (или прва задојила) туђе дете“: У родство броје и кад једна жена задоји какво дијете, оно је зове *млијечњом матером* (Богишић В.); док се преко особине „храни“ развио и девети хранитељско-породични модел са особином (5) „припрема храну, храни своју породицу“, заснован на аспектима свакодневног живота, Ž фасета, а потврђен примером употребе варијантне лексеме *мати*: *Мати* је увијек напомињала да је кухиња огледало куће и обитељског живота (Јелић В., Република 1959, 9/2).

4.2.1. На основу социолошких аспеката заснован је велики број особина стереотипа МАЈКА, и оне припадају социјалној – S фасети. Тако је особина (6) „очева супруга“, у оквиру брачног модела, засведочена примером фигуративне употребе варијантне лексеме *мати*: *Ми, сестре ... смо њој и мати и отац* (Петровић В.) (буг. *Ти баца, ти майка* у народном говору: 47), као и дериватом *мајкавић* „брат по мајци, а не по оцу“. Истој фасети припада и особина (7) „живи за своју децу“, потврђена изразима: *бити мајка, живети као мајка* и примером употребе деривата *мајковати*: *Престала / је/ младовати и већ давно /је/ мајковала* (Јамбречак Д., Виенац 1871, 331); особина (8) „штити, чува своје дете, децу, жртвује се“, засведочена је изразом *бити мајчино дете* 'бити заштићен', као и дериватима *материн* и *матерњи* у примеру: *Зар ми нисмо материни синови, или смо ваљда кучкини?* (Московљевић М.) (рус. *маменький сынок*: 582 и *матушкин сынок*: 714), као и у спојевима *материње њежности, значај материњи* (рус. *материнство* 2: 700).

4.2.2. Високо друштвено вредновање МАЈКЕ садржано је у особини (9) „заузима важну, најважнију позицију“, потврђено лексемом *мати* у значењу „старешина женског манастира, игуманија“, која се употребљава у обраћању

⁵ Издвајање особина стереотипа МАЈКА у српском језику и њихово разврставања у фасете рађено је по моделу Ј. Бартмињског, којим је представљен стереотип МАТКА у пољском језику [Бартмињски 2011: 195–217].

⁶ О оваквој емфатичној употреби придева рођени уз родбинске називе (рођена мајка, рођена сестра) в. Ивић 1995: 232–233 (в. нап. 4).

или упућивању игуманији, без употребе личног имена или уз име (пољ. *matka przeiiona* „настојница манастира“: 200; рус. *матушка* 3: 713, *матушка-игуманья*: 714), (висока позиција у руском језику потврђена је и примерима: *женицина матъ*, *матъ-героиня*: 715 и *матка* 4: 704). У српском језику висока аксиолошка позиција потврђена је и фигуративним, метафоричним значењем лексеме *мајка* 5. „основ нечега, оно на чему се нешто заснива, темељи“, и то бројним примерима у виду пословица и изрека: *Понављање је мајка знања*, *Опрезност је мајка мудрости*, *Чиста је љубав мајка идеала*, *Садашњост је мати будућности*, *Леност је мати свију зала*; као у виду конкретних значења: покрајинско значења лексеме *мати* „део млина на ветар на коме лежи доњи камен“ (рус. *матица*, 703–704). У оквиру седмог породичног модела и „родног дома“ развила се особина МАЈКЕ (10) „пружа уточиште, сигурност, топлину“, потврђена изреком: *Мајка је стожер породице, родног дома*, као и фигуративном употребом лексеме *мати*: Сад нам је *шума мати* а борба све (Поповић Ј.).

4.2.3. На основу високог друштвеног вредновања МАЈКЕ и особине „пружа уточиште“ развио се једанаести родољубиви модел стереотипа МАЈКА преко фигуративног значења лексеме *мајка* 4.б. „домовина, завичај“, што је реализовано у виду традиционалне симболичке формуле: *мајка Србија (мајка Босна)*. На симболичном плану *мајка домовина*, како потврђују примери њене употребе, повезује се са симболом *Мајке Божије*, на основу чега се у ЈСС носилаца српског језика заснивају следеће особине МАЈКЕ: (11) „спремна да жртвује своју децу“, (12) „мученица је, пати због страдања своје деце“ и (13) „сурова је у својој спремности на жртву“: Да ли ће ... да се наше тежње ... потпуно остваре у овој *намученој мајци Србији* (Домановић Р.); Наши најбољи јунаци ... служе другоме, а *мати Србија циви* (Игњатовић Ј.). *Сурова и врлетна мајка Босна* ... не да ти ни у последњим тренуцима растанка да се нагледаш свога најрођенијега (Ђопић Б.).

4.2.4. Из симболичног споја *Мајка Божија* у значењу „Богородица“, развио се дванаести заштитничко-опроштајни модел стереотипа МАЈКА са особинама (14) „штити своју децу“ и (15) „опрашта својој деци“, заснованим на социјалним и етичким аспектима, што потврђује пример: Само једна жеља ју пресвајаше: да што прије клекне на хладне степенице олтара, пред ону стару слику *мајке божје* (Лесковар Ј.), особинама које се са социјалног становишта, у одређеним ситуацијама, нпр. борбе или рата, негативно вреднују као ’одсуство самопоуздања, храбрости’, што показују окационални деривати: *мајкобожарски* и *мајкобожар* „онај који се узда само у молитве, у заштиту Мајке Божје (о неборбеним војницима)“ и примери њихове употребе у књижевном делу М. Крлеже: То су *мајкобожари*, а не домобрани; Срамота би и била на такву *мајкобожарску сатњију* пушком. Друге употребе показују десемантизацију овог симбола у српском језику у екскламативним изразима, и то у говорним чиновима заклетве: *Тако ми мајке Божје!* и клетве: *Мајка те божја убила!*

4.2.5. У српском језику МАЈКА у свим лексичким варијанти реализује и симболичну формулу *мајка црква (матер, матера црква)*, која се на

основу васпитно-породичног модела заснива на следећим социјалним, психолошким и етичким особинама стереотипа МАЈКА: (16) „окупља све чланове породичне заједнице“, (10) „пружа уточиште“, (17) „брине о својој деци“ и (18) „узор је љубави и праштања“, што показују следеће потврде: *матера црква, света матера црква, света матера црква римска, љубити свету матеру цркву*. На етичким аспектима заснована је и особина МАЈКЕ (19) „узор части“ засведочена синтагматским спојем: *часна мајка* у значењу „редовница, калуђерица, опатица“.

4.2.6. На биолошким егзистенцијалним особинама „рађа“ и „доји“, ВІО фасета, засновано је фигуративно значење у *мајка* 4.а. у виду традиционалне формуле *мајка земља*, са варијантним лексемама *мати (матера, мајчица) земља*, у значењу „она која је извор животних добара, која храни, хранитељка, родитељка“, што је засведочено примерима употребе: *утроба матере земље, набрекну мати земља као добра родилца*. Контексти употребе показују сложени смисао ове традиционалне формуле, који потврђује високу личну и друштвену вредност МАЈКЕ у свести носилаца српског језика, на основу чега се може издвојити више особина овог стереотипа. Из употребе ове форме у заклетви: Тако је то, *брате, ове ми мајке земље* – сви ћемо у њу (Весел. 10, 2), издваја се следећа особина МАЈКЕ: (20) „има драгоцену вредност за своје дете“, заснована на психолошким, емотивним аспектима и припада аксиолошкој – А фасети. Истој фасети припада и особина (21) „деца су за мајку светиња“, потврђена у примеру: *Милосно се клања земља мајчица светоме кораку своје дјеце* (Цесарец А.). Употреба у примеру: Та ... *везаност за мајку земљу, даје ... независност* (Шубић З.) показује особину (22) „пружа деци сигурност и независност од ’другог’, ’туђег’“, засновану на социјалним и егзистенцијалним аспектима. На истим аспектима заснована је и особина: (23) „деца су захвална мајци“, потврђена у примеру: *Нека је хвала природи мајци нашој земљи* (Хорват Ј). Амбивалентно вредновање показује пример: *Моћна драма мајке земље /као/ ... кржаве страсти* коју сељак осећа за њу, *оне до злочина љубоморе* којом се она чува (Богдановић М.), из кога се могу издвојити следеће особине МАЈКЕ, које се у примеру нижу у градацији: (24) „љубав деце према мајци је јака и страсна“, (25) „деца су спремна да се жртвују за мајку“ и (26) „деца су спремна да почине злочин у одбрани мајке“, особине које се на емотивној скали високо вреднују, а које, међутим, на социјалној скали могу бити проблематичне са етичког становишта.

4.3.1. На психолошким, емотивним аспектима, Р фасета, засновано је више особина, у којим се испољава обострани однос: однос мајке према деци и деце према мајци. Однос деце према мајци, потврђен формулом *моја мајка*, показује снажну емотивну везу исказану формама за ословљавање и бројним адресативним хипокористицима: *мама, мамица, мајчица* и др.; формама говорних чинова заклетве и заклињања: *мајке ми* и *мајке ти* за потврђивање истинитости исказа од стране говорника односно саговорника, на основу којих се издвајају особине (27) „мајка се воли“ и (28) „дете има потребу за мајчинском топлином“, исказна и примером: *Дете потребује материнску топлоту*, као и високо аксиолошко позицирање МАЈКЕ у личној и друштвеној сфери.⁷

4.3.2. Из емотивног односа мајке према деци издвојена је више особина МАЈКЕ са позитивним значењем: особина (29) „поносна на своју децу“: *постати, бити дика материна*; особина (30) „брижна, нежна, осећајна, опрашта“, потврђена традиционалном формулом *мајчино срце* и другим примерима: *Мајкино ухо слуша сваки мој дах, узвишена материнска чувства, с материном нежношћу гледати*; формама за обраћање деци: *срце материно, очи материне*, прилогом *матерински*: *погледати некога меко матерински*. Особина (31) „саосећа са својим дететом, својом децом“, потврђена је примером: *Осећати у свом материњем срцу сву муку синовљевоу*; особина (32) „емотивна је, повређује је непажња, груби поступци и сл. детета“, потврђена примером: *дубоко увријеђена њена материнска душа*; као и непожељна особина у личној сфери: (33) „строга“, потврђена примером: *ослободити се мајчине руке*.

4.3.3. На психолошким и социјалним аспектима, фасета PS, у оквиру породичног модела, заснована је више особина МАЈКЕ: (34) „она према којој се нежно и осећајно понашамо“, потврђена у примеру: *Узе са стола слику своје мајке и пољуби је нежно* (Васић Д.); (35) „милостива, сажалјива“, засведочена дериватом *мајчити* са значењем „називати некога мајком“ и примером употребе: *Тко остане, нека кугу мајчи*, лакша би му била око врата (Мартић Г.).

4.4. На етичким аспектима, Е фасета, у оквиру васпитног и заштитничког модела, заснована је следећа особина МАЈКЕ (36) „узор за понашање“, потврђена у фигуративној употреби лексеме *мајка* 3. „(често са атрибутима српска, „војничка“, „ђачка“, „сиротињска“ и сл.) особа која има заштитнички, родитељски однос према некоме, која се племенито, хумано односи према некоме“ следећим примерима: *Био је и податне руке ... што се рекне, сиротињска мајка* (Ђоровић С.); *Убрзо [се] сазнало ... да је његов отац био мајка за сироти народ* (Радић Д.); *Волим да се мој старешина насмеје мајка је он а не старешина* (Ђосић Д.); *Био је нема шта, војничка мајка* (Винавер С.); *У Биограду везир славни Хаџи-Мустајпаша ... је Србе тако пазио и чувао ... и кажу да је он био српска мајка* (Карацић Стефановић Вук); дериватима: *мајчити* и *мајчимити* „обраћати се коме као мајци, називати мајком“ и примерима њихове употребе: *Моју мајку мајчимила*, | *А сестру сестримила* (Народна песма). *Цара и очими и мајчими!* (Гавриловић М.); као и изразом *имати мајчинске црте* „имати склоност за заштиту слабијег“. Истој фасети припадају следеће особине МАЈКЕ: особина (37) „узор племенитости, саосећања, душевности“, потврђена изразом *задушна мајка*, у примеру: *Каза му да је то попадаја ... најдушевнија ... жена у браству, права задушна мајка* (Мататавуљ С.); особина (38) „узор за меру љубави, пожртвовања“, потврђена традиционалном формулом: *мајчина љубав* и другим примерима: *мајчинска љубав*, *гледати добрим, мајчинским очима*, *мајчинско миловање*, *мајчинска брига*; под *материнским старањем*

⁷ За стереотип МАЈКЕ и њену аксиолошку позицију у личној и друштвеној сфери важан је однос, понашање других према мајци, што се у домену друштвене норме и културе опхођења реализује у виду „језичке етикеције“ односно у обичају да се о мајци говори с поштовањем. На овом културном контексту засновано је разумевање увредљивости и тежина увреде у поовању нечије мајке [в. Шипка 1999: 45 и Ристић 2010: 198].

учити се животу; *Љубав материњег срца* не може умријети; прилогом *матерински* „као мајка, на начин својствен мајци, брижно, с пуно љубави, нежно, топло“: *тешити некога матерински*, *Пита нас матерински* јесмо ли гладни, *матерински нежна*, *даривати некога мудро и матерински*.

4.5. На карактеристикама везаним за свакодневни живот, Ћ фасета, засновано је више особина МАЈКЕ: особина (39) „деца се у невољи сећају мајке, траже заштиту мајке“, потврђена дериватима *мајкати (се)*, *мајкање* „звати, дозивати, помињати мајку“; особина (40) „удаје ћерку“: *Матер ју је много наговарала на удају*; особина (41) „подстиче, развија код деце храброст, одважност“, потврђена покрајинском употребом деривата *мајкан* у значењу „јуначина, делија“ и *мајковић 1.* „онај који се одликује храброшћу, одважношћу, смелошћу, отреситошћу, делија, јуначина, јунак“: Србима необично драго што се нашао такав *мајковић* да се пред агом испрси (Божић Г.); особина (42) „мази своју децу“, потврђена изразом: *мамина (материна) маза*, казационалним дериватима *мајчинац* у значењу „мамина маза, мезимац, мамин син“ и *матерић* са значењима „размажено мушко дете“ и „слабић, кукавица“; особина (43) „свађа се са својом децом“: У њеној кући је ... пакао од свађе између ње и њене мајке (Андрић И.) и особина (44) „жали, пати за својим дететом“, потврђена примерима: *мајчине муке* и *мајчина сјета*, као и контекстом: Сваки камен преливен [је] сузама *ојађених жена и мајака!* (Ђоровић С.).

5.1. На периферији значења лексема *мајка* излази из људске сфере, јер у сазнању носилаца српског језика биолошке компоненте ’рађање’, ’женски пол’, ’предавање генетског материјала’, проширују представу, појам МАЈКЕ и на друга бића, биљке и животиње, па и на друге ентитете којима се приписују неке од наведених биолошких особина. Тако значења лексема *мајка 1.в.* „женка животиње која је на свет донела младунче, која има младунчад“; *мајка 2.а.* „једина плодна женка међу пчелама исте кошнице, матица“, па и лексема *матица* у наведеном значењу, проширују генеалогски модел особином ’најближи предак женског пола’, док значење *мајка 2.б.* „биљка са изданцима, младицама, матична биљка“ проширује генетски модел особином ’јединка која предаје другој јединки генетски материјал’. Биолошке особина ’родити’ и из ње изведене егзистенцијалне компоненте ’дати, одржавати живот’ и ’створити’, реализоване на периферији значења лексема *мајка* и њених деривата у номинатима: *ћелијица мати* у значењу „матична ћелија“, *материца* „унутрашњи женски полни орган у коме се развија плод од зачећа до порођаја, плодница, uterus“, *матичњак* „већа ћелија у пчелином саћу у којој се леже матица“, као и изведена компонента ’порекла, потицања’, реализована у номинату *материнска (матична) стена*, проширују појам МАЈКА у сазнању носилаца српског језика и на друге ентитета изван сфере бића.

6. Стереотип МАЈКА у српском језику, представљен на основу семантичких карактеристика лексема *мајка* и њених основних деривата датих у тезаурусном Речнику САНУ, потврђује велики број особина, које у ЈСС носилаца српског језика граде представу како „типичне“ тако и „праве“ мајке, засноване на породичној и друштвеној традицији која је

својствена српском језику и српској култури. Лексикографски материјал овог тезаурусног речника, који обухвата два века у развоју српског језика, мноштвом својих примера употребе лексеме *мајка* и њених деривата из различитих функционалних стилова и жанрова, из књижевног и народног језика, стандардних и супстандардних говора, пружа богату грађу за етнолингвистичка истраживања и реконструкцију језичких стереотипа. На основу те грађе у раду је представљен базични комплекс особина и профилисање друштвене норме и језичко-културне слике МАЈКЕ у српском језику. Иако у раду, због ограниченог обима, није разматрана целокупна грађа лексеме *мајка* са свим дериватима, запажено је да је највећи број особина стереотипа МАЈКА у српском језику, као и у пољском, заснован на социјалним аспектима [исп. Бартмињски 2011: 216], и да се друштвено профилисање овог стереотипа у српском језику може употпунити анализом етнолингвистичког материјала, представљеног у Речнику САНУ, и то нарочито под одредницама *мајчинство*, *матица* и *матични*.

ЛЕКСИКОГРАФСКА ДЕЛА

РСБКЕ 2 – Речник на съвременния български книжовен език : Т. 2 (Л – П), Българска академия на науките, Институт за български език, София, 1957. – 51–52 с. (*мама*, *мамин*); 47 с. (*майка*).

Р. САНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика : 1–18 том (*а – оцарити*), Српска академија наука и уметности, Београд, 1959–2010.

Р. САНУ 11 – Речник српскохрватског књижевног и народног језика : том 11 (*кукутка – маква*), Српска академија наука и уметности, Београд, 1981. – 779–782 с. (*мајка – мајкоша*); 792–793 с. (*мајчевина – мајчурина*).

Р. САНУ 12 – Речник српскохрватског књижевног и народног језика : том 12 (*маквен – мозурица*), Српска академија наука и уметности, Београд, 1984. – 61 с. (*мама*); 66–67 с. (*малица*¹); 182–183 с. (*матер – матерешка*).

ССРЛЯ 6 – Словарь современного русского литературного языка : Т. 6 (Л – М), Академии наук СССР, Институт русского языка. Москва – Ленинград, 1950. 714–716 с. (*мать*); 698–700 с. (*материнский – материться*); 701 с. (*матерний*); 702–703 с. (*матерь*); 703–705 с. (*матица – маткин*).

ЛИТЕРАТУРА

Бартмињски 2011 – Бартмињски Ј. Језик – Слика – Свет. / Приредио Ајдачић Д. Превела Бјелетић М. / – Београд: Slovo Slavia, 2011.

Ивић 1995 – Ivić M. O odredbama kategorizovanja. / u O zelenom konju / Novi lingvistički ogledi, Biblioteka XX vek 82 /. – Beograd: Slovograf, 1995. – 225–236 с.

Ристић 2010 – Ristić S. Diskurs psovki u srpskom jeziku. / u Diskurs i diskursi / : zbornik radova u iast Svenki Savijz. / urednik Vasijz V. /. – Novi Sad: Filozofski fakultet, 2010, 195–212 с.

Шипка 1999 – Шипка Д. Опцене речи у српском језику. – Београд – Нови Сад: ЦПЈ, Прометеј, 1999.

FEATURES OF THE STEREOTYPE „MOTHER“ BASED ON THE THESAURUS DICTIONARY OF THE CONTEMPORARY SERBIAN LANGUAGE

Based on the lexicographical material for the thesaurus *Dictionary of Serbo-Croatian Literary and Vernacular Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts*, the paper shows that the core of the stereotype MOTHER in the Serbian language is organized in the form of zones with a vast number of basic models and semantic subcategories, facets, that, on the periphery of the stereotype, these open-ended categories are being filled radially and expanded, accommodating new models and facets outside the human sphere, simultaneously connecting this concept with other concepts from the sphere of other entities, objects, and abstract ideas.

ЧТО В ХОРВАТСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАГЛАВНЫМ СЛОВОМ

---

1. Введение

В лексикографических исследованиях чаще всего речь идет о правой стороне словаря, поскольку из-за своей сложной структуры она вызывает большое число спорных вопросов. С левой стороной обычно связана проблема выбора слов, то есть вопрос о том, почему одни слова вошли в словарь, а другие нет. Критический обзор современных хорватских словарей позволяет в настоящей работе наибольшее число замечаний сделать в адрес их заглавных слов. Во многих словарях, включая хорватские, именно на левой стороне наиболее часто встречаются ошибки. Хотя лингвистическая литература предлагает множество неплохих решений, лексикографы, будучи достаточно консервативными, не склонны менять устоявшиеся приемы в составлении словарей. В настоящее время в мире уже существует достаточное число лексикографических пособий, сборников и журналов, так что в совершении крупных упущений оправданию более нет места.

В Хорватии лишь в 1979 году (Братанич – Bratanić 1979) была опубликована первая работа о лексикографических терминах, затем в восьмидесятые годы появилось несколько работ, посвященных рассмотрению отдельных лексикографических проблем с теоретической точки зрения (Тафра – Tafra 1986, 1988, 1989). Развитию лексикографической теории в Хорватии способствовали международные лексикологическо-лексикографические научные конференции,¹ которые с 1989 года проводит Комитет лексикографии при ХАНУ (HAZU) – Хорватской академии наук и искусств (ранее – JAZU, Югославской академии). В настоящее время существует немало теоретических работ, а положительным моментом является то, что молодых ученых интересует, как составляют словари.

В данной статье мы будем заниматься в основном заглавным словом и попытаемся на нескольких примерах показать, в чем заключаются недостатки левой стороны хорватских словарей, причем в первую очередь толковых одноязычных словарей, а также некоторых других. Прежде чем приступить к анализу, мы дадим несколько терминологических и теоретических пояснений, из которых которых мы будем исходить в дальнейшем анализе.

2. Термины

2.1. Заглавное слово

В хорватской лексикографии в качестве заглавия словарной статьи принято употреблять термин *natuknica* (заглавное слово). Заглавное слово явля-

---

¹ Большие заслуги в инициировании работы этих конференций принадлежат покойному академику Рудольфу Филиповичу.

ется основной словарной единицей, которая выделена графически, имеет в словаре начальное положение и является предметом лексикографического описания. Чаще всего оно представляет собой то же самое, что и языковая единица лексическо-грамматических классов (видов слов), но не обязательно, о чем речь пойдет ниже. В лингвистической литературе вместо термина *natuknica* (*заглавное слово*) нередко употребляется термин *lema* (*лемма*). Для одних исследователей лемма то же самое, что и заглавное слово, а для других – это заглавное слово с основными грамматическими пометами (присношение, склонение, род и т.п.), то есть все то, что указывается перед дефиницией. В сербском языке это термин *odrednica*, в словенском *iztočnica* и *geslo*, в русском *заглавное слово* и *заголовочная единица*, в македонском *заглавие*, в польском *hasło słownikowe*, в чешском *heslo*, словацком *stavba hesla*. Английские лексикографы наряду с термином *lemma* употребляют еще два термина: *headword* и *entry*, с тем, что все три термина в сочетаниях нередко появляются и как синонимы.

Natuknica (*заглавное слово*) в большинстве случаев, хотя и не обязательно, находится на левой стороне словаря, так что о перечне заглавных слов зачастую говорят как о левой стороне словаря. Толкование заглавного слова, его обработка составляет правую сторону словаря. В лексикографическом языке принято говорить о левой и правой стороне словаря, так что и в данной работе эти термины будут употребляться таким же образом. Заглавные слова обычно выделены жирным шрифтом (*bold*). Если в зависимости от типа словаря вводят заглавные слова и из другого языка (латинские, итальянские... но в настоящее время все чаще – английские), которые не адаптированы, то их необходимо означить другим типом букв, например, жирным курсивом: *allegro, yo-yo, walkman*. Рекомендуется примеры, иллюстрирующие синтаксические, терминологические и фразеологические связи заглавного слова, печатать другим типом букв, отличающимся от заглавного слова. Иногда авторы выделяют жирным шрифтом, применяющимся для заглавного слова, и подобные словосочетания, придавая им таким образом одинаковый ранг в словарной статье, хотя они не одинакового ранга.

Форму заглавного слова обычно называют *исходной формой* (*kanonski oblik*)² слова (Згуста – Zgusta 1991, Ландау – Landau 1993), но его можно называть и словарной формой. Чаще всего она совпадает с основной грамматической формой (основой) изменяемого слова, являющейся представителем грамматической парадигмы, различаясь при этом в зависимости от языка (например, в латинском 1 лицо настоящего времени индикатива используется в качестве основы глаголов). Однако в большинстве языков «исходные формы в настоящее время установлены традицией и лексикограф поступит правильно, если не станет отступать от этой традиции, если только причины ее менять действительно веские и если лексикограф составляет словарь, который действительно будет иметь предписывающее значение» (Zgusta 1991: 116). Тем не менее исходная словарная и грамматическая формы не

² В хорватском необходимо различать слово форма (*lik*), употребляемый для обозначения основной формы слова, и облик, т.е. форма (*oblik*) для изменяемых форм слова.

всегда совпадают. Поэтому для различения этих двух форм мы вводим два новых термина: *rječnica*³ и *gramatičnica*. *Rječnica* – исходная форма заглавного слова, а *gramatičnica* исходная форма слова в грамматике. В обоих случаях речь идет об основных, исходных формах, в словаре – словарной статье, его заглавия, а в грамматике – парадигмы изменяемых слов. Грамматическая принадлежность виду слова дает слову статус заглавного слова. При таком совпадении заглавное слово является одновременно представителем определенного лексическо-грамматического класса, и потому носителем грамматических элементов, а также единицей лексической системы, обладающей семантическим содержанием. И если в грамматике термин исходная форма считается приемлемым, поскольку в грамматике исходят всегда из именительного падежа, инфинитива, положительной степени и т.д., в словаре такой термин неприемлем, так как в качестве заглавных слов могут стоять формы слов, префиксы, префиксоиды, буквы, знаки единиц измерения, сокращения и т.п. – в зависимости от лексикографической традиции в той или иной среде, а также от концепции самого лексикографа. Так, в хорватских словарях свое место заглавного слова обрели косвенные формы личных местоимений *meni*, *tebi* (Анич – Анић), что, разумеется, не относится к исходным формам слова.

2.2. Опорное слово заглавной единицы и подзаглавное слово

Nadnatuknice (опорные слова) как правило имеются в тезаурусах, имеющих концептуальную структуру, причем они появляются и в фразеологических словарях, например:

ISTINA

istini za volju

pogledati / gledati istini u oči (lice) (HFR)

Под опорным словом **ISTINA** даются две фраземные заголовочные единицы: **istini za volju** и **pogledati / gledati istini u oči (lice)**.⁴ Опорные слова приводятся в особых словарях, хотя чаще всего в большинстве словарей словарные статьи построены таким образом, что начинаются с заглавной единицы, то есть существует отношение одно заглавное слово = одна словарная статья. Тем не менее есть словари, в которых в одной словарной статье имеется несколько заглавных слов. К примеру, в одноязычных словарях, построенных в силу экономичности по словообразовательным гнездам, основным словом является исходное заглавное слово, а все производные в статье – также заглавные слова, лексикографически равноправные, будучи в то же время грамматически произведены из основного слова.

В словаре HER производные слова и часть ономастической лексики (топонимы и имена известных исторических личностей, в то время, как фамилии, как производные рассматриваются внутри словарных статей) имеют собственные словарные статьи. Остальные лексические единицы, изначально являющиеся производными, толкуются вместе в одной статье,

³ В хорватском языке названия различных типов лексических единиц в основном образуются с помощью суффикса *-ica*: *tvorenica*, *višerječnica*, *isto značnica*, *umanjenica*, *uvećanica*, *posuđenica*, *prevedenica* ...

⁴ В данном случае нет примера толкования.

например, *kry*, *krvarenje*, *krvarina*, *krvariti*, *krvav*, *krvavica*, *krvaviti*, *krvavo*, *krvca*, *krvni* и т.д. Поскольку они даются в алфавитном порядке и графически выделены (напечатаны жирным шрифтом), все они являются заглавными словами, несмотря на то, что не все находятся на левой стороне словаря. Критерий применяется непоследовательно, поскольку вне такой словарной статьи имеются отдельные заглавные слова со своими словарными статьями – ботанические термины *krvara*, *krvavica*, *krvnik*, хотя мотивированность их появления прозрачна.

Подзаглавные слова приводятся по грамматическим или семантическим причинам или просто в целях экономии пространства. По грамматическим причинам приводятся подзаглавные слова лексических единиц, относительно которых словари обычно указывают лишь грамматическое значение. Чаще всего речь идет о возвратном глаголе, о наречии, образованном от прилагательного, отглагольном существительном или о морфологическом варианте заглавного слова, как, например, форма единственного или множественного числа, так что множественное число появляется как подзаглавное слово. К примеру, у Шонье (Šonje) отглагольные существительные указываются жирным шрифтом в конце статьи с глагольным заглавным словом лишь с пометой *gl im*. Подзаглавное слово *odgovaranje* находится под заглавным словом *odgovarati*, *smjeranje* под *smjerati* и т.д. По семантическим причинам указывается подзаглавное слово, если одна форма имеет другое значение, например множественное число имеет новое значение, которого не имеет единственное.⁵ Буйас (Bujas, 1983) ввел новшество, состоявшее в том, что под заглавными словами указывал в качестве подзаглавных его парадигматические формы, к примеру, под заглавным словом *nos* находятся и подзаглавные слова *nosa*, *nosu*, *nosom*. В двуязычном словаре подобное решение имеет практическое значение, потому что обычно формы входят в состав устойчивых оборотов и фразем (*pred nosom*, *dobiti po nosu*).

3. Принципы расположения заглавных слов

Принципом расположения заглавных слов чаще всего является алфавитный порядок. Существуют и другие принципы по видам слов, например, только имена, как в сербском словообразовательном словаре Гортан-Премк и др. (Gortan-Premk i dr., 2003), или по семантическим полям, как это имеет место в тезаурусах, или комбинированным способом, например, в алфавитном порядке по заглавным словам словообразовательных гнезд, а внутри них – по словообразовательным критериям или снова в алфавитном порядке. В частотных словарях принципом расположения является частотность появления в определенном корпусе той или иной лексической единицы. В обратном словаре принцип, по которому организован ряд заглавных слов опять-таки алфавитный порядок, но справа налево. В хорватской лексикографии в прошлом, особенно в 18 веке, были словари, в которых порядок заглавных слов структурирован концептуально, хотя чаще всего придерживались алфавитного порядка.

⁵ Подробнее об этом ниже.

4. Облик заглавных слов

Основные единицы грамматики (*gramatičnice*) и словаря (*rječnice*) явления различные, в большинстве случаев они совпадают, но есть и несоответствия. Следуя грамматике, хорватская левая сторона словаря следует грамматическому делению слов на виды. Таким образом, результата образования, лексикализации и конверсии видны и на левой стороне словаря, поскольку благодаря им возникают новые слова. Проблемы возникают при установлении идентитета слов (см. часть 6). Слово как основная языковая единица, наряду с остальными лексическими единицами, является главным материалом словника. Можно установить правило, по которому в словник входит все то, что является продуктом деривации, а то, что является продуктом флексии, и не входит⁶. Причина заключается в факте, что флексия не меняет лексическое значение, а деривация меняет.⁷ Исключения возникают в случаях, когда грамматические категории высказываются лексически, например, категория числа в слове *čovjek/ljudi, ja/mi*. Супплетивы одновременно являются и не являются исключениями; исключения они потому, что речь идет об изменении, а не об образовании. Не исключения, поскольку меняются лексические морфемы (*čovjek/ljudi*), как будто речь идет о новых лексических единицах. Исключение и когда перемена значения влияет на флексию, например, когда значение абстрактных и вещественных существительных опредмечивается, когда из существительных *singularia tantum*, получив множественное число, они переходят в исчисляемые существительные (*vino* 1. *sg. t. piće* от *grožđa*⁸ 2. *mn. vina* а. *vrste toga pića* б. *boce toga pića*), но в таких случаях не требуется вводить какое-либо другое заглавное слово, поскольку речь идет о грамматической и лексической многозначности слова.

Отдельные отступления чаще всего вызваны грамматическими причинами, причем они выявляются уже при разработке концепции словаря. Более значительные отступления должны уже опираться на новую прочную основу. В соответствии с традицией установлено правило, согласно которому все, что является продуктом словообразования, помещается на левой стороне словаря, поскольку это проще и облегчает работу лексикографа, даже если существуют спорные вопросы относительно разграничения флексии и деривации (например, наречия типа *bolje*), поскольку большинство случаев ясны.

Отступления от совпадения слова как основной единицы в словаре и грамматике могут быть более значительными. В Хорватии первым, кто разорвал зависимость заглавного слова от грамматики, стал Буйас (Вујас 1983), у которого статус заглавного слова имеют, например, такие лексические единицы: *bolji, otparan, -nje, nj* (местоим), *njega* (местоим.), *ona*¹ (личн.

⁶ Это один из возможных критериев для ряда заглавных слов. Разумеется, его не обязательно применять в других лексикографиях, поскольку в различных языках существуют различные отношения между грамматикой и лексикографией.

⁷ Это правило, которое, как всегда, имеет и исключения. Деривация не всегда меняет лексическое значение (*čitalac, čitatelj*), и в том случае мы говорим о словообразовательных дублетах, то есть о синонимах.

⁸ В данной работе определения упрощены.

местоим. ж.р. ед.ч.), *ona*² (личн. местоим. с.р. мн.ч.), *ona*³ (указ. местоим.), а как подзаглавные слова могут стоять формы, выделенные жирным шрифтом и снабженные цифрами (**glas, 1. glas, 2. glasa, 3. glasu, 4. glasom, 5. glasovi** и т.д.), что облегчает пользователю работу со словарем. Было необходимо на основании практики, существовавшей до сих пор, установить более или менее четкие грамматические критерии, с тем, чтобы их можно было в дальнейшем дорабатывать. Если мы решим выбрать какие-либо новые критерии, они снова будут опираться на грамматику, поскольку грамматика и словарь являются частью единого описания языка.

Супплетивы могут самостоятельно вступать во фразеологические отношения, и по этой причине они могут выступать в качестве заглавного слова. Поэтому ожидается, что фразеологический словарь не будет приводить фраземы, включающие слова *ljudi, gori, bolji* и т.п. под заглавными словами *čovjek, zao, dobar*, где находятся такие фраземы, как: *šaka ljudi, biti bolje sreće, bolja polovica, gori od Turčina, vratiti žao za gore* (Матешич – Matešić 1982). Последовательность подобного подхода обеспечивает легкую ориентацию в словаре. Существует и иной подход, который для пользователя словаря более приемлемый, так как не требует знания грамматики. Так, пользователь не должен знать, что в русском языке *лучше* – сравнительная степень от *хороший* для того, чтобы перевести фразем *лучше поздно, чем никогда*, поскольку найдет его под *лучше* (Менац и др. – Menac i dr. 1979). В любом случае самым неудачным решением будет отсутствие определенного лексикографического критерия, то есть непоследовательность. В словаре Анича (Анић) оиз супплетивных компаративов лишь *gori* имеет свое заглавное слово.

Грамматическая неполнота глагольных парадигм является причиной отступления от правила, состоящего в том, что глаголы в словаре приводятся под инфинитивом. Существуют морфологически неполные глаголы, не имеющие инфинитива, а лишь какую-либо одну форму. Такая форма получает статус заглавного слова и соответственно становится и основной лексикографической формой, например, *hajde, nemoj, velim*⁹. Но существуют и глаголы, которые имеют все формы, морфологически являются «полными», но в действительности употребляются лишь отдельные их формы, чаще всего третье лицо, так что с точки зрения употребления они являются неполными, например, *svanuti, svitati, kišiti, razdaniti (se), pomrijeti, poskapati, ojanjiti se, omaciti se* и т.д. Анич (Анић) под *razdaniti (se)* в качестве морфологической информации помещает третье лицо единственного числа, но в случае *pomrijeti* помещает первое лицо, являющееся лишь неупотребительной языковой возможностью; или же в случае *kišiti* деепричастие настоящего времени и отглагольное существительное, а в *sniježiti* 3 лицо единств. числа настоящего времени, деепричастие настоящего време-

⁹ Поскольку глагол *velim* неполный, он нуждается в полном словарном толковании. Анич своим толкованием сбивает пользователя с толку. Заглавное слово – *velim*, настоящее время *velim*, имперфект *veljah*. Отсутствует деепричастие настоящего времени *veleći* (в третьем издании оно добавлено), а по различию заглавного слова и настоящего времени выходит, что это не одни и те же формы, но в таком случае непонятно грамматическое определение заглавного слова.

ни и отглагольное существительное. Ни в одной из статей нет упоминания об ограниченном употреблении форм этих глаголов.¹⁰

Отдельную проблему представляют собой варианты заглавные слова. Их обрабатывают различно даже в одном и том же словаре. Например, Шонье (Šonje) приводит акцентный вариант как второе заглавное слово в скобках, например, *pròvīzija (provīzija)*, в то время как фонемные варианты имеют свои заглавные слова, к примеру, *sport* и *šport*, с тем, что описание дается под заглавным словом *šport*, которое в качестве синонима приводится рядом с первым вариантом вместо определения. В словаре Анича (Anić) наоборот, *šport* отсылает к слову *sport*.

Что в историческом или диалектном словаре будет заглавным словом в случае наличия нескольких фонологических вариантов? Словарь (*Rječnik*) Академии в таком случае все сводит к новоштокавскому заглавному слову: *Dionice, Bjelostjenac*, вместо кайкавских форм *Delnice i Belostenec*.

Речь идет о двух проблемах. Одна из них фонологическая вариантность одной и той же лексемы (ударная и фонемная), а вторая – богатая синонимия, особенно та, которая охватывает однокоренные лексемы. Первый случай в историческом словаре может появиться вследствие различий, возникших в результате исторического развития (*sarce – srce*) или в процессе заимствования из-за различной адаптации (*mahrama – marama*). В словаре диалекта вариантность является фактом системы (*mного – mlogo, kašket – kašket*). В литературе существуют различные подходы. Согласно одним, необходимо установить архилексему как заглавное слово, то есть конструкт, абстрактную общую форму всех конкретных ее реализаций. Под таким заглавным словом толковались бы все варианты. Согласно другому мнению, с которым мы можем согласиться, все варианты являются равноправными, и потому каждый должен иметь свое заглавное слово. В целях экономии пространства, полное семантическое толкование можно предложить в одном заглавном слове, в конце которого можно с ссылкой *usp.* (= ср. сравни) отослать ко всем другим вариантам, в которых вместо определения дается формула «то же, что и». Что в таком случае будет заглавным словом или архилексемой? Можно применить механический критерий и в качестве основного заглавного слова взять первое по алфавиту, можно применить критерий частотности или этимологический критерий – означающий, что берется та лексема, которая меньше всего подверглась изменениям и может считаться исходной структурой для остальных вариантов. Во всех вариантах необходимо указать сведения о местном наречии, об ударении, о фразеологических связях или о каком-либо развитии нового значения. То же самое относится и к синонимам. Необходимо выбрать один из них, который грамматически и семантически описывается с отсылкой ко всем остальным, а те другие с формулой «то же, что и» или какой-либо иной формулировкой или знаком отослать к доминанте.

¹⁰ Можно предположить, что носитель языка это знает, но одноязычным словарем пользоваться и не носитель языка. Кроме того, предположения не могут быть лексикографическим критерием.

5. Структура заглавных слов

По своей структуре заглавные слова могут состоять из одного слова, из двух или нескольких слов. Они могут быть сокращениями и единицами, меньше лексемы (аллолексы, префиксоиды, суффиксоиды, буквы ...). Хорватская лексикография отдает предпочтение заглавным словам, состоящим из одного слова, хотя все чаще – особенно что касается терминологических словарей – встречаются заглавные единицы, состоящие из нескольких слов. Критерии выбора заглавных слов, состоящих из одного слова в основном совпадают с принадлежностью слова к определенному лексическо-грамматическому классу, в то время как для остальных заглавных единиц, например, заглавных единиц, включающих нескольких слов и сокращений, критерии пока не разработаны.

5.1. Заглавные единицы из одного слова

Большинство заглавных единиц состоят из одного слова. Среди них большое число референтной лексики, но есть и грамматические слова. В словарь нередко включают и префиксоиды, суффиксоиды, сокращения, знаки (для единиц измерения), формы флексий, особенно супплетивы. Столетняя лексикографическая традиция работы над *Словарем (Rječnik)* Академии создала лексикографическую школу, в которой единицы, состоящие из нескольких слов, сводились к заглавным единицам из одного слова. Так, в словарях Шонье (Šonje) и Анича (Anić) фитонимы *babin zub* (*Tribulus terrestris*) и *babino uho* (*Peziza aurantia*) по традиции толкуются под заглавным словом *babin*, хотя эти термины являются классическим примером лексикализации, ибо ни один из компонентов не имеет лексического значения (см. часть 5.4).

5.2. Подлексемные заглавные слова

Заглавные единицы, больше или меньше одного слова, постепенно проникают в хорватские словари, но все еще отсутствуют четкие критерии, которые позволяли бы все такие заглавные единицы включать в общие толковые словари большего объема. В первую очередь, это, конечно же, могут быть префиксоиды (*eko-*, *hipo-*, *socio-*, *mikro-* ...) и суффиксоиды (*-teka*, *-fob*, *-logija* ...), но могут появиться и фреквентные префиксы, например, *na-*, *do-*, *iz-*, частицы типа *god*, встречающиеся в сложных словах (*tkogod*), и самостоятельно (*tko god*) и т.д. Для того, чтобы единицы, меньше слова нашли свое место в словаре, необходимо при разработке концепции еще до составления словаря определить, какие единицы войдут как заглавные слова. В целях экономии Анич (Anić) в качестве заглавных слов включил часто встречающиеся компоненты сложных слов, такие как *godišnjak* (*dvogodišnja*, *stogodišnjak* ...), *-godišnji* (*dvogodišnji*, *stogodišnji*), *-godišnjica* (*stogodišnjica*, *petogodišnjica* ...), *tamno-* (*tamnozelen*) и т.д., что явилось новостью в хорватской лексикографии. В сравнении с другими словарями Анич (Anić) и Голдштайн (Goldstein) в своем словаре имеют намного больше префиксоидов и суффиксоидов в качестве заглавных слов, что вполне понятно, поскольку речь идет о словаре иностранных слов.

5.3. Сокращения

Поскольку в настоящее время в языке образуется все большее число сокращений и составляются словари сокращений, в хорватских одноязычных словарях в качестве заглавной единицы как правило нет ни сокращений, ни часто встречающихся аббревиатур (UN, EU, UNESCO и т.п.). В основном отдельные сокращения и знаки можно найти рядом с каждой буквой, например, под заглавным словом *m/M* помимо лингвистического значения приводятся также значения, существующие в физике Шонье (Šonje).

5.4. Заглавные единицы, состоящие из нескольких слов

В лингвистике длительное время ведутся дискуссии о лексических единицах, включающих в себя более одного слова, но для них еще не выработано терминов и тем более не определен их статус в словаре. В хорватском языке существует несколько терминов для их обозначения: *kolokacije*, *vezane leksičke skupine*, *sintagme*, *izrazi*, *izričaji*, *sveze*, *sveze riječi*, *višeleksičke jedinice*, *višeleksičke sveze*, *višerječne natuknice*, *višerječne jedinice*, *višečlani termini*, *višerječne sveze*, *skupine riječi*, *skupovi riječi*, *sintagmemi*, *leksičke jedinice veće od riječi*. Тафра (Taфра, 2000) предлагает термин *višerječnica* (англ. *multi-word lexical units*) для лексикализованных сочетаний, которые должны найти свое место в словаре в качестве заглавной единицы. Речь идет о словосочетаниях типа *lijepa kata*, *volovsko oko*, *vučja noga* (фитонимы), *božja ovčica*, *morski pas*, *sljepi miš* (зоонимы). И в других языках мы находим сходные примеры: фр. *tout de suite*, *pomme de terre*, рус. *железная дорога*. Словосочетание *sljepi miš* Анич (Анић) дает под заглавным словом *miš*, хотя речь не идет о виде мышей, так же, как и *crni bor* не является разновидностью дуба. В общих толковых хорватских словарях очень мало заглавных единиц, состоящих из нескольких слов, поскольку для их включения необходимо четко определить, что считается лексической единицей, состоящей из нескольких слов, которая в лексическом фонде имеет место как лексема. До сих пор свое прочное место в них как подзаглавные слова, состоящие из нескольких слов, обретали лишь фраземы, а также имена (онимы), если их вносили в словари, в то время как термины из нескольких слов в нетерминологических словарях редко толковались под своим заглавным словом. По сути такие сочетания слов имели совершенно неопределенный статус в хорватских словарях, что хорошо показал Шонье (Šonje), в чьем словаре *morski konji* даются под заглавным словом *morski*, а *morski psi* под заглавным словом *pas*, в то время, как Анич (Анић) дал одинаковый статус фраземе *morska ideja* и термину *morski pas*, истолковав их вместе в статье под заглавным словом *morski*.

Двучленным (многочленным) заглавным словом в общих словарях может быть только связанная лексическая группа (топонимы, напр., *Gorski kotar*; термины, в которых значение обоих членов или только существительного не связано с их первичным значением, например, *crveni vjetar* мед., *vučja noga* бот.). Остальные лексические группы (фраземы, например, *nositi dušu u nosu*; термины, если прилагательное означает подвид того, что обозначено существительным, к примеру, *bijeli dud*) не ставятся в качестве заглавного слова и толкуются внутри словарной статьи в особых разделах.

В хорватской лексикографии принципиально принято именно так, однако на практике есть немало расхождений в понимании степени лексикализации отдельных лексических групп. Расхождения в подходе к этой проблематике встречаются и в других лексикографиях. Так, в хорватских словарях *morski krstavac* дается как s. v. *krstavac* (Анич – Anić), а во французских словарях лексические единицы *point de vue* и *pomme de terre* даются под своим заглавным словом (*Le petit Robert*), поскольку считается, что они полностью лексикализированы и отождествлены со словом.

Особую проблему представляют грамматические единицы из нескольких слов, которые как правило не получают статус заглавного слова, например, *bilo što, ma što, makar koji, s obzirom na to da, budući da, u tijeku ...* Причина состоит в том, что и хорватские грамматики не решили статус этих языковых единиц, так что словари толкуют их весьма различно, а зачастую вообще не толкуют, хотя известно, какую функцию они осуществляют, например, *s obzirom na to da, samo što, ma gdje, tako da, zato što ...* употребляются в функции союзов; *u vezi sa, u tijeku, u usporedbi sa ...* в функции предлогов; *sve u svemu, tako reći, na sreću ...* в функции частиц; *za svagda, od jutros, do danas ...* в функции наречий; *ma što, bilo što, bilo koji, kakav bilo...* в функции местоимений. Лишь отдельные сложные союзы (*kao što, budući da*) могут стоять как заглавное слово (Анич – Anić). В процессе исследования сложных союзов *tim više što, tim prije što, utoliko više što, utoliko prije što, to više što* Кордич (Kordić 2002: 129) приходит к выводу: «Эти сложные союзы до сих пор не упоминались ни в одной из грамматик HS и не описывались ни в одном словаре HS». Кордич приводит сведения из литературы, показывающие, что сходная ситуация существует и в чешской лингвистике.

Общие словари нередко включают в алфавитный перечень и энциклопедические заглавные слова, особенно географические названия, но без объяснения критериев и их процента по отношению к общей лексике. Хотя название из нескольких слов не может быть разделено на свои компоненты, Шонье (Šonje) обрабатывает топоним *Gorski kotar* под заглавным прилагательным *gorski*, и *Ravna Gora* и *Ravni kotari* также под прилагательным *ravan*. Вместе с тем собственные заглавные слова имеют названия городов *San Jose* и *San Juan*.¹¹

6. Дилеммы при определении заглавного слова

При определении левой стороны словаря перед лексикографом встают вопросы:

- а) какую лексику включить в свой словарь
- б) какие лексические единицы могут иметь статус заглавного слова
- в) какую форму должно иметь заглавное слово.

Первая дилемма связана с типом словаря; выбор лексики зависит от того, составляется ли современный или исторический словарь, общий или специализированный, стандартного языка или диалектный и т.п. Объем словаря также играет большую роль в выборе лексического материала для словаря. В принципе эти критерии могут быть заданы заранее, но лекси-

¹¹ В словаре в качестве заглавных слов имеются столицы государств.

кограф нередко будет в недоумении, столкнувшись с теми или иными словами. К примеру, в одноязычном словаре большего объема сложно будет определить степень включения названий и терминов, коллоквиализмов, архаизмов, диалектизмов, прагмем (например, приветственных формул), слов, которые в словаре зачастую имеют лишь словообразовательное значение (отглагольные существительные, имена с уменьшительными и увеличительными суффиксами, женские моционные пары, отрицания, видовые пары глаголов) и т.д. Поскольку в Югославии до ее распада словари были рассчитаны на совокупный югославский рынок, в хорватских словарях во множестве имелись слова, которые в Хорватии никогда не употреблялись, даже в разговорном языке. После девяностых годов прошлого столетия во многие словари, включая даже словарь Шонье (Šonje), считающийся самым нормативным по сравнению с другими, попали и такие слова, как *azot*, *bioskop*, *boranija*. Почему такие слова имеются в новейших хорватских изданиях? Дело в том, что более старые словари послужили источником для новых, а это доказывает, что словари нередко составляют посредством компилирования. Так, Буйас (Bujas) в 1983 г. приводит все три указанных заглавных слова, правда, с отсылкой к словам *dušik*, *kino* и *mahunе*, но он переносит их и в словарь 1999 года. Вместе с лексическим материалом нередко перенимали и методы составления словарей.

После решения вопросов вида лексики и ее отбора, встает дилемма о решении того, какая языковая единица может быть заглавным словом, следует ли толковать различные значения под одним или двумя заглавными словами и в какой форме будет подаваться заглавное слово. Здесь мы остановимся на вопросе, каким семантическим и грамматическим условиям должна удовлетворять лексическая единица, чтобы стать заглавным словом, и как эти условия реализуются в хорватских словарях. Мы уже коснулись вопроса о форме и структуре заглавного слова, а теперь рассмотрим несколько проблем общего лексикографического порядка, а не только хорватской лексикографии.

Лексикограф должен решить вопрос о том, что является заглавным словом, будут ли заглавные единицы из одного слова или нет, будет ли он включать языковые единицы больше или меньше слова; он должен провести границу между омонимией и полисемией, лексикализацией и синтагматизацией, лексикализацией и идиоматизацией, конверсией и полисемией. Универсального критерия нет, поскольку в отдельных лексикографиях одинаковые примеры обрабатываются различно. К примеру, в английской лексикографии омография будет играть большую роль, чем в хорватской, и дилемма будет состоять в том, надо ли все омографы обработать в одной словарной статье или же нет, невзирая на то, идет ли речь о различных видах слов. Аткинс и Рандел (Atkins, Rundel 2009: 194) приводят примеры из английских словарей, в одном из которых есть только одна словарная статья с заглавным словом *paramilitary* без подзаглавного слова, в другом две словарные статьи *paramilitary*¹ adj. и *paramilitary*² n., а в третьем одна словарная статья с нумерованными подстатьями для прилагательного и существительного. На этом только одном примере видно, что применяются все способы толкования этих омографов. В русском языке должно быть два

заглавных слова для омонимов 1. *лук* растение и 2. *лук* оружие, а в хорватском словаре их не следовало бы толковать как омонимы, поскольку эти два слова имеют различные ударения и не являются ни омографами, ни омофонами, хотя именно омография и омофония являются одним из основных условий, позволяющих вообще говорить о омонимии. С другой стороны, в английском словаре зоологическое и экономическое значение существительного *bear* будет толковаться как полисемия (1. *zool* вид животного, 2. *ek* биржевой маклер), а в хорватском словаре, если толкуется и второе значение, – как омонимия (1. *medvjed*, 2. *medvjed*), поскольку между двумя этими значениями нет никакой мотивационной связи (второе значение в хорватском является семантическим заимствованием), в то время как в английском она имеется (второе значение связано с торговцами медвежьими шкурами в 19 веке).

Самым большим недостатком является то, что хорватские словари не применяют на практике лексикологические и грамматические исследования, в которых им предлагаются решения. Поэтому в них есть немало примеров неразличения омонимии и полисемии, отсутствия учета результатов конверсии и лексикализации, а также «невидение» слов с грамматически непрототипными характеристиками, как, например, имена существительные *singularia* и *pluralia tantum* или глаголы с неполными парадигмами. Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами.

Омонимы в словарях следовало бы нумеровать¹² как особые заглавные слова. В хорватском языке омонимы должны быть словами одного вида, одинакового выражения, а это значит, что они должны быть омографами и омофонами и не могут иметь ни одной интегральной семы в своих семантических структурах. Поэтому в хорватских словарях слова, имеющие одинаковую фонематическую последовательность, но различные ударения, не могут быть омонимами; ими не являются и слова, имеющие одинаковое выражение (омографы и омофоны), но принадлежащие к разным видам слов, хотя такие примеры толкуются как омонимы. Ошибочно обозначаются как омонимы слова, которые различаются долготой ударения (заглавные слова в хорватских одноязычных словарях как правило снабжены ударениями): *pas* ‘домашнее животное’ и *pas* ‘пояс’, *luk* ‘растение’ и *luk* ‘оружие’, а также *pasti* ‘упасть’ и *pasti* ‘пастись’, глаголы, различающиеся и ударением и видом, затем *pasati* gl. ‘опоясываться’ и *pasati* m. mn. ‘ветры, дующие у экватора’,¹³ два различных вида слова, к тому же различающихся ударением и никак не связанных между собой ни планом выражения ни содержанием. Подобно тому, как слова *bal* и *bol* не могут быть омонимами, не могут ими быть и *pas* и *pas*; и в русском языке *свѣдение* и *сведѣние* не омонимы с учетом того, что ударение имеет различительную функцию, как и фонема. Хотя теоретически все это совершенно ясно, все же случается, что и словари не следуют теории, и научная литература предлагает неприемлемые решения. С научной точки зрения необоснованно провозглашать

¹² Заглавные слова-омонимы могут быть означены и каким-либо графическим знаком, но в основном они имеют номер перед заглавным словом или экспоненту после заглавного слова.

¹³ Примеры взяты из словаря Шонье.

омонимами современное слово и архаизм, значение которого малоизвестно: *brod* (рус. *корабль*) и *brod* (рус. *брод*), стандартное и нестандартное слово: *džin*¹⁴ (рус. *джин*) и *džin* (рус. *гигант*), различные виды слов: *dobro im.* (рус. *благо*), *dobro pridj. sr. r.* (рус. *доброе*), *dobro pril.* (рус. *хорошо*), как это делает Samardžija (Самарджия, 1989). Ни омография, ни омофония не могут быть единственными критериями для лексическо-семантических отношений. Омографические словари могут быть полезными в изучении иностранного языка, но тогда они и должны так называться. Когда речь идет о парадигматических лексических отношениях, основным условием является принадлежность слов к одному лексическо-семантическому классу. А когда речь идет об отношениях омонимии, тогда никоим образом нельзя ставить в связь слова одного словообразовательного класса, как это имеет место в последнем примере. Они не соответствуют критериям, чтобы быть омонимами не только потому, что являются различными видами слов и устанавливается связь между исходными формами (именительный падеж существительного) и формами слова (средний род прилагательного), но и поскольку все три слова имеют общие семантические характеристики, происходя от прилагательного *dobar*.

После критических замечаний к первому изданию (Тафра – Tafra 1992), что лексические единицы *bit* и *bit* (информационный и философский термины) не являются омонимами и их не следует нумеровать как омонимы, поскольку они различаются ударением (краткий и долгий слог), во втором издании Анич (Анић) устранил их нумерацию и применил ее в основном только к омонимам, что является единственно правильным. Пронумерованы омонимы типа *zavijati* ‘заматывать’ и *zavijati* ‘вить, орать’, но вместе с тем и некоторые омофоны, не являющиеся омонимами, например, *njega* (G и A местоимения *on* и *ono*¹⁵) и *njega* (существительное). Шонье (Šonje) же не разграничил омонимию и полисемию и полисемию и конверсию. Когда речь идет о пограничных случаях, которые трудно разделить, тогда лексикографу лучше следовать традиции и навыкам пользователя словаря. Касательно омонимов, возникших в результате деполисемизации, лингвисты к согласию не придут, поскольку часть их в этих примерах и далее будет усматривать полисемию. Тафра (1986) предлагает два заглавных слова 1. *park* и 2. *park*, поскольку эти слова не имеют никакой семантической когезии, обладают отдельными словообразовательными группами: 1. *parkovni, park-šuma, 2. parkirati, parkiralište, parking, parkometar* и появляются в различных коллокационных словосочетаниях: 1. *renesansni park, gradski park, 2. tenkovski park, automobilski park, vozni park*. Одни лингвисты с этим согласятся, но другие и далее будут видеть одно многозначное слово.

Когда совершенно очевидно, что речь идет об омонимах, а такими случаями являются все примеры, в которых слова относятся к одному лексическо-грамматическому классу, обладают одинаковым выражением и различ-

¹⁴ По-хорватски *div*.

¹⁵ Анич имеет только мужской род. Этот пример показывает, что супплетивная форма может стать заглавным словом. Единственный недостаток состоит в том, что нет критерия, какие супплетивы появляются как заглавные слова.

ным значением без общей семантической характеристики и при этом еще и с различной этимологией – лексикограф должен предложить два заглавных слова. На примере имен существительных 1. *list* и 2. *list*, которые Шонье (Šonje) толкует как одно полисемичное заглавное слово, можно видеть, что лексикограф вообще не должен применять этимологический метод для того чтобы выяснить, одно это слово или два. Касательно слова *list* Скок (Skok) приводит два этимона (*list* и *lystь*), но и семантический анализ показывает, что это одно полисемичное слово, в котором два значения имеют архисему ‘плоский’, в то время как задняя часть голени (второе слово *list*) имеет прямо противоположный вид – выпуклый. Точно такую же ошибку сделали и все три современных хорватских автора одноязычных словарей (Анич – Anić, HER, Шонье – Šonje), которые не распознали омонимы 1. *ključ* и 2. *ključ*, хотя посредством применения синхронических методов в разграничении омонимии и полисемии как раз на примере двух словообразовательных групп этих слов доказано, что речь идет о двух омонимах (Тафра – Tafra 1986).

В терминологических словарях приняты заглавные единицы, состоящие из нескольких слов, но для их включения достаточно, чтобы многочленные термины были нормированы, несмотря на вид семантической связи между составляющими. Помимо многочленных терминов как подзаглавные слова нередко появляются и терминологические коллокационные сочетания, классический пример чему большой *Rječnik prava* Милицы Гачич (Milica Gačić). В общих словарях в качестве многочленных заглавных единиц должны появляться лексические группы, в которых составляющие подавляют отдельные значения, и лишь сочетание как целое обладает значением. То есть, семантическое преобразование отдельных членов сочетания должно быть таким, чтобы каждый член утратил свою самостоятельность – так что такие единицы принадлежат лексическому, а не синтаксическому уровню, например, *božja pomoć* в противоположность *božja ovčica* (божья коровка). Первый пример состоит из двух языковых знаков, *x* и *y*, каждый из которых имеет свое самостоятельное лексическое значение, а второй представляет собой один языковой знак с одним лексическим значением:

(*x*)Lz + (*y*)Lz в противоположность (*x+y*)Lz.

Такие примеры как *hrast lužnjak*, *tvrdi disk*, *stolna lamp* возникли не посредством лексикализации, а явились результатом синтагматизации. В таких сочетаниях каждая составляющая обладает своим значением. В качестве примера укажем, что *vučja noga* (часть тела) является синтагмой, *vučja noga* (вид растения) представляет собой лексическую единицу, возникшую в результате лексикализации или же семантической демотивации, а *vučji apetit* является фраземой, возникшей посредством метафоризации и фразеологизации. К сожалению, словари все еще не видят этих различий, потому в словарях они и не проявляются.

Лексикализация в лингвистике имеет различные значения. Здесь она рассматривается не вообще как процесс возникновения слов, а как постепенный исторический процесс семантических изменений, которые приводят, с одной стороны, к обретению самостоятельности отдельной мор-

фологической формой, а, с другой – после демотивации – к уравниванию лексической группы со словом. Для того, чтобы форма слова стала лексической единицей, она вначале должна деграмматизироваться, а затем лексикализироваться. В литературе этот процесс иллюстрируется примерами, как, например, субстантивация англ. суффикса *-ism* и лат. компаратива *senior* (Рамат – Ramat 1992). Таким образом, процесс протекает следующим образом:

деграмматизация → лексикализация → конверсия.

Суффикс *-izam* утрачивает свое грамматическое значение, становится лексической единицей, получает категории существительного. Свое место как заглавное слово он нашел в словаре Анича (Anić) с толкованием, что как суффикс он «самостоятельный и субстантивирован», то есть, прошел путь от лексикализации через конверсию, стал единицей лексической системы, что доказывает пример употребления, приведенный в словаре Анича (Anić): *On je slikao po svome i nije slijedio sve te brojne izme koji su se smjenjivali za njegova života*. В предложении *Učinjeno je to greškom* слово *greškom* не имеет более грамматического значения творительного падежа единственного числа существительного женского рода и как таковое деграмматизировалось, чтобы стать лексической единицей, которая в грамматике относится к наречиям. Лексикализация относится к языковым универсалиям, но отличается и особенностями в отдельных языках, например, в языках с развитой флексией существует возможность обретения самостоятельности отдельными морфологическими формами. Хотя такой способ возникновения новых лексических единиц в кроатистике отмечен достаточно поздно (Тафра – Taфра 2000), словари, следуя грамматическим описаниям, включали наиболее часто встречающиеся наречия, возникшие в результате лексикализации, например, *srećom, noću, većinom, doma* (Анич – Anić). По структуре лексические единицы, возникшие в результате лексикализации, могут быть из одного или нескольких слов. К первым относятся *производные (izvedenice)*, возникшие путем нулевой деривации от формы изменяемых слов (*većinom, pomoću, putem*), или *сращения (sraslice)* (*očenaš, boktepitaj, budiboksnama*), а другие – единицы из нескольких слов, составляющие которых не имеют своего значения (*lijepa kata, salamonov pečat* бот.). Выявление лексических единиц, включая возникшие в результате лексикализации и конверсии, является первым шагом в разработке любого словаря.

Особую проблему в словарях представляет обработка омографов (в хорватском к тому же и омофонов), принадлежащих к разным видам слов. Хотя эта проблема представлена как омография, по сути речь идет о конверсии, нулевой деривации, когда новое слово возникает в результате перехода из одного лексическо-грамматического класса в другой (Тафра – Taфра 1998). Этот способ возникновения нового слова в некоторых языках более продуктивный, в некоторых менее. В русском языке довольно часто субстантивация прилагательных (*рабочий, дежурный, двудомные, числительное ...*), особенно в последнее время, в то время, как в польском это процесс непродуктивен, так что «многие русские субстантиваты не могут быть дословно переведены на польский язык» (Князев 2007: 171). Словари не

могут последовательно отслеживать такие процессы, но прежние «старые» субстантивированные прилагательные¹⁶ в любом случае следовало бы отмечать, тем более, что в хорватском языке их меньше. В словарях примеров мало, потому они и непоследовательно обработаны. У Шонье (Šonje) имеются два заглавных слова, прилагательное *višnji* ‘божественный’ и существительное *Višnji* ‘Бог’, но только одно заглавное слово – прилагательное *velečasni*, хотя есть и существительное *velečasni*. Очевидно, что лексикограф правильно поступил в первом случае только из-за большой буквы в написании имени.

В словарях встречаются разные подходы. Формальный критерий применяет, например, словарь OED, в котором в таком случае заглавное слово – форма без грамматического содержания, а словарная статья поделена первично по категориальному значению заглавного слова (существительное, прилагательное, *pridjev* ...), а вторично – по лексическому значению. Зачастую в словарях нумеруют омографы в качестве особых заглавных слов, например, словарь *Le petit Robert* нумерует омографы, принадлежащие к одному виду слова, так что в данном случае речь идет об омонимах, например, глаголы 1. *sortir*, 2. *sortir*, 3. *sortir*; словарь нумерует и слова, принадлежащие к различным видам слов, к примеру, существительным и междометиям: 1. *gare* и 2. *gare*. У Шонье (Šonje) нумеруются таким образом *samouk* сущ., и *samouk* прил., *zelen* прил. и *zelen* сущ., *dobro* сущ. и *dobro* нареч., *blago* сущ., *blago* нареч., *blago* межд. Все эти примеры не только принадлежат к различным лексическо-грамматическим классам, но отличаются и ударением, так что нет никакой причины, ни с точки зрения выражения, ни с учетом содержания, устанавливать между всеми этими заглавными словами какую бы то ни было связь посредством нумерации. Мы видели, что Анич (Anić) в новых изданиях уже не толкует гетерофонные омографы (*bit i bit*, *luk i luk*) как омонимы, но и далее нумерует заглавные слова с одинаковым ударением, но принадлежащим к различным видам слова: *lijep* прил. и *lijep* сущ., *spor* сущ. и *spor* прил. Если не учитывать тождественность в обработке омонимии и конверсии¹⁷ (в обоих случаях заглавные слова пронумерованы), то мы увидим, что Анич (Anić) результаты конверсии обработал как отдельные слова, что и должно быть, например, в словаре три заглавных слова *solo*: существительное, прилагательное и наречие. С другой стороны, есть только одно заглавное слово *Bog*, а уже из грамматического комментария к ней (*Bože, bogovi/bozi*) видно, что речь идет о двух словах: *Bog*, существительное, употребляющееся только в единственном числе,¹⁸ *bog* существительное с полной категорией числа и третье слово, требующее отдельного заглавия: *bog* межд.

Приведем еще несколько примеров конверсии. Анич (Anić) считает заглавное слово *putem* только наречием, приводя примеры *pismenim putem* и *putem pošte*. При этом за заглавным словом *putem* в скобках он добавляет дополнение в родительном падеже (*čega*) – в связи с чем становится оче-

¹⁶ Чаще всего приводится пример *mlada* ‘девушка в день свадьбы’

¹⁷ Конверсию мы не считаем видом омонимии (Тафра 1998).

¹⁸ Поэтому ни в коем случае не может быть прописной буквы в фразе *skidati Bogove*, как это имеет место у Шонье.

видным, что в данной словарной статье имеется немало ошибок. Поскольку речь идет о адвербиализации (*objasnit ću ti putem*) и о переходе в предлог (*putem pošte*), следовало бы привести два заглавных слова.

Конверсия все еще не обработана должным образом в грамматиках, поэтому неудивительно, что и словари не толкуют ее, как следует. Если взять грамматическое толкование слов *tisuća* и *milijun*, мы увидим, что эти слова чаще всего считаются именами существительными. Однако, когда они обозначают неопределенное множество, они выступают как имена существительные, имеющие все падежи: *milijuni ljudi umiru od gladi*, но когда означают число, тогда эти слова не склоняются: *bez milijun eura, s milijun eura*. На наш взгляд верно, что в словаре NJHUR встречаются такие заглавные слова как: *Hundert* и *hundert*, *Tausend* и *tausend*, хотя в том же словаре находим лишь написание *Million*.¹⁹ Потребность в двух заглавных словах в хорватских, а также в других словарях, показывает пример разграничения числительного *milijun* и имени существительного *milijun*, а также порядкового числительного *drugi* и прилагательного *drugi*:

Пример 1: Различия между лексемом *milijun*¹ и *milijun*²

характеристики	<i>milijun</i> , числ.	<i>milijun</i> , имя
категория числа	–	+
категория падежа	± ²⁰	+
уменьшительное	–	<i>milijunčić</i>
порядковое числ.	<i>milijunti</i>	<i>milijunski</i>
с определением	–	<i>mali milijun</i>
значение	10 ⁶	‘velika količina, mnoštvo’

Пример 2: Анич (Anić)

drugi²¹ *prid.* (*druga ž, drugo sr*) **1.** redni broj prema glavnom broju dva; koji je po redu za prvim [*~i red parketa*] **2.** *prid.* koji se razlikuje od spomenutoga ili opisanoga; drukčiji [*to je ~i način rada*] **3.** ostali [*doći s ~ima*] **4.** strani, oni koji nisu svoji, koji nisu prisutni ili nije poželjno da budu prisutni [*raditi pred ~ima; govoriti pred ~ima*]

Δ **~a strana .... ~i kraj ... ~a mladost....** (толкование значения)

□ **na ~o brdo tkan... ~im riječima ....** (толкование значения)

¹⁹ Этот словарь следовал правилу правописания ном. 48 в правописании (Дуден – Duden, 21 издание 1996 г., стр. 38), согласно которому числа меньше миллиона необходимо писать строчными буквами. Несмотря на отсутствие логики в том, что все числительные в немецком правописании пишутся заглавными буквами, а также то, что слова, обозначающие неопределённое количество, множественность, не являются существительными, в немецком языке из-за морфологических и синтаксических соображений слово *Million* (и иные слова более крупных чисел – 10⁹, 10¹² и т.д., а также неопределённые количества) считается существительным. Особую признательность выражаю немецкому слависту проф. Гельмуту Кайперту, который обратил внимание на то, что моё понимание количественных числительных не может быть в полной мере соотнесено применительно к немецкому языку.

²⁰ *Milijun* как числительное по сути не склоняется: *s milijun kuna, bez milijun kuna*, но возможность склонения остается: *ostao je bez milijuna (kuna)*.

²¹ В данной работе ударения мы в основном не указываем по техническим причинам.

Предложение толкования:

drugi br. *redni broj od glavnoga broja dva, koji dolazi iza prvoga u redu istovrsnih predmeta*: други брак; други и третий нараштај; друго столјеће

- **druga mladost***; **iz druge ruke** v. рука

drugi prid. **1.** *ostali (u redu istovrsnih predmeta)*: суши се јела и друго дрвеће; постаје досадан себи и другима **2.** *drukčiji nego prije, različit*: наставак рата другим средствима; постао је сасвим друга особа **3.** *za stupanj viši od najnižega*: обратити се на другу инстанцију; школ. други ступањ **4.** *koji je do glavnoga (lošiji, sporedni ...)*: вагон другог разреда; спорт друга постава **5.** *koji je kao pravi*: он је други Моцарт **6.** u im. službi **a.** *sljedeći, idući*: нека уђе други **b.** *u svezi s jedan pri suprotstavljanju označava osobu ili predmet*: један је био писац, а други предсједник државе; ни једно ни друго **c.** *bilo koji*: није било друге у мом животу **7.** (mn.) *nepoznati*: štiti pred drugima

- **biti u drugom stanju** v. станје; **druga strana*** **medalje**; **drugi par*** **rukava**; **gledati drugim očima** v. око; **jedno*** **s drugim**; **nema druge** v. немати; **otići na drugi svijet***; **s druge strane** v. страна; **to je drugi padež***

Конверсия отмечена лишь частично, реже дается как выделенное заглавное слово, как, например у Анича (Анић) переход в междометие глагольной формы *jest*, а иногда она присутствует в определениях, несмотря на то, что заглавное слово не имеет адекватного грамматического определения. Так, Анич (Анић) заглавное слово *umrli* определяет как прилагательное в функции существительного, а в определении смешивает прилагательное (“*koji je umro ...*”) с существительным («*pokojnik*»). Сходным образом представлено и заглавное слово *zeleni*. Грамматически оно определено как определительное прилагательное, а дефиниция дана как существительному («*1. opaj koji ... 2. pripadnik*»). Поскольку сейчас по всему миру активны партии зеленых, очевидно, что речь идет о субстантивации прилагательного, о существительном *zeleni* как политическом термине. Словари всегда на шаг отстают от лингвистических открытий, поскольку над ними долго работают и при составлении часто прибегают к компиляции. Но если в лингвистической литературе нет согласия, то лексикограф будет более склонен идти по проторенному пути, и в данном случае это означает, что он не станет вносить существительное *zeleni*. Ракич (Rakić, 2002–2003) абсолютно не прав, когда высказывает предположение, что Тафра (1998) «имела в виду немецкую ситуацию» (стр. 202), в которой существует термин *Grüne*. Существительное *zeleni* связано с немецким лишь постольку, поскольку возникло в результате калькирования, но во всех кругах, где зеленые действуют как политическая партия, существует и имя существительное, которому должно быть отведено место в словарях. В случае прилагательного и фамилии *porov* и *Porov*, которые Ракич (Rakić) приводит как пример омонимии, речь идет о двух процессах:²² конверсии и онимизации, и никоим образом об

* ссылка на заглавное слово, под которым толкуется фразама

²² О грамматическо-семантических процесса возникновения слова ср. Тафра и Кошутар (Taфра, Košutar 2008).

омонимии. Эти два слова в словаре нумеровать не следует, поскольку они не имеют лексическо-семантических отношений.

Проблема конверсии для лексикографии представляется несколько более широкой, нежели для грамматики, поскольку грамматика не занимается отдельными случаями, а лексикография должна это делать. Конверсию очень трудно отличать от употребления одного слова в функции другого. Если лексикограф считает, что в каком-либо случае речь идет не о конверсии, ему следует по крайней мере отметить перемену функции слова. Поскольку классическое деление слов на виды все еще выступает главным критерием для определения заглавного слова, в одной словарной статье не следовало бы помещать два определения вида слова. Новое грамматическое определение вида одновременно и мерило для установления нового заглавного слова. Оно является знаком, что речь идет о новой лексической единице, которая грамматически и семантически отличается от своей омографической пары. Если по причинам экономичности или следования лексикографической традиции лексикограф примет иное решение и в одной статье истолкует лексические единицы, принадлежащие к двум видам слова, к примеру, наречия, мотивированные прилагательным, подобное толкование необходимо во введении обосновать и в словаре последовательно применять.

Многие лингвисты считают конверсию главным способом образования омонимии (Ахманова 1957, Котельник 1982, Лакова 1995). Это мнение можно оспорить, ибо слово, возникающее в результате конверсии, имеет с основным словом как минимум одну интегральную сему, являющуюся условием конверсии, но это основное препятствие для установления омонимических отношений, основывающихся на семантической несоприкасаемости. И при конверсии и при омонимии речь идет об омографах²³ с тем, что в первом случае они принадлежат двум видам слова и по значению перекрывают друг друга, а во втором они принадлежат одному виду слова и значения их не соприкасаются (Тафра – Taфра 1986). Помимо одинакового плана выражения их объединяет и невозможность контекстуальной заменяемости. Поскольку слова, возникшие в результате конверсии, не стоят в омонимических отношениях, их заглавные слова в словаре нумеровать не следует.

После изучения конверсии с лексикографической точки зрения (Тафра – Taфра 1998, 2005b) словари стали принимать ее во внимание. Так, в сербском словообразовательном словаре Гортан-Премк и др. (Gortan-Premk i dr. 2003) видно, какое слово возникло путем конверсии, поскольку оно не разбито на морфемы. Желька Финк и сотрудники во фразеологических словарях, публикуемых в последнее время, впервые во фразеологии различным способом подают конверсию и полисемию. В качестве иллюстрации приводим пример представления полисемии и конверсии в словаре Менац и др. (Menac i dr. 2011):

prva liga

1. *odličan, izvvrstan*/ первый класс, высшей марки, что надо, хоть куда

²³ Отступления в таких примерах, как *sljedeći* и *sljedeći* можно оставить без внимания, поскольку графема для старого «ять» могла быть и иной, скажем, ѣ, так что омография бы не нарушилась.

2. /*odabrani (istaknuti) sloj društva*/ высший класс, лучший из лучших**kao grom**A) /*izvrstan, brz, jak, žestok*/ хоть куда, что надо, первый сортB) /*izvrсно, jako, brzo*/ как нельзя лучше, хоть куда, на все сто, что надо.

При разработке левой стороны словаря лексикограф очень часто задается вопросом, нужно ли помещать в качестве заглавного слова какую-либо морфологическую форму, в каких случаях заглавное слово имеет форму множественного числа, какие производные будут иметь свое заглавное слово, а какие будут толковаться с основным словом и является ли сходство лексических единиц результатом варьирования или дублетности. На первый взгляд, не следовало бы вообще сомневаться, что каждый лексикограф знает, к какому лексическо-грамматическому классу принадлежит каждое отдельное слово и потому большинство проблем он может решить, следуя грамматике. Но потребовалось длительное время, чтобы сначала в научных статьях в примерах *sunčana strana* и *sunčana pjega*, *žučna rasprava* и *žučna kesica* были выявлены пары с прилагательными (Бабиц – Babić 1986). Исследование этой проблемы с лексикографической точки зрения (Тафра – Taфра 1988) побудило авторов словаря (Шонье, Гортан-Премк и др. – Šonje, Gortan-Premk i dr. 2003) внести в свои словари два заглавных слова, одно для описательного прилагательного с суффиксом -an, а второе для относительного прилагательного с суффиксом -ni. Тот факт, что некоторые формы описательного прилагательного (*zračan: zračna soba*) в плане выражения совпадают с формами относительного (*zračni: zračna struja*) является все еще причиной их непонимания. Шонье (Šonje) дал им образцовое толкование, например:

kültūran (ž -rna, s -rno) prid [G -rna, odr kùltūrni, G -ōga, -ōg] 1. koji je ispunjen kulturom; prosvijećen, izobražen: ~ čovjek, ~ zemlja 2. koji sadržava kulturu; uljudan, pristojan: ~ odgovor, ~ nastup

kùltūrni (ž -ā, s -ō) prid [G -ōga, -ōg] 1. koji se odnosi na kulturu: ~ događaj, ~ djelatnik, ~ program 2. koji se uzgaja, obrađuje; uzgojani, obradivi: ~ biljka, ~ tlo • ~ **revolucija** his etapa u političkom životu Kine ...

Слишком большое сходство в плане выражения и содержания были частой причиной толкования двух прилагательных как одного. Анич (Anić) не только смешал описательные и относительные прилагательные, но и все относительные, проявляющиеся через отношение к материалу (*gradivni pridjev*), типа *kositreni* в зоне морфологических сведений (сведения о виде слова) означил как определенные прилагательные. Если посмотреть хорватские грамматики, то речь идет не об определенных прилагательных, потому что согласно им лишь описательные прилагательные имеют определенную и неопределенную форму, а если смотреть лингвистическую литературу о категории неопределенности/определенности, тогда можно прийти к выводу, что эта семантическая категория не является категорией слова, тем более категорией прилагательного, но фактом актуального син-

таксиса, категорией текста, и в таком типе словаря на том месте данные о ней не помещают.

Сходство в плане выражения и содержания вообще является довольно частой причиной ошибок при установлении заглавных слов. Исследования показали (Тафра – Tafra 2005a), что грамматики и словари смешивают собирательные числительные типа *dvoje, troje* и числовые прилагательные типа *dvoji, troji*. *Hrvatska gramatika* в примере *dvoje hlače* видит собирательное числительное, хотя речь здесь идет о прилагательном, что легко можно заметить по согласованию с существительным в числе, роде и падеже (*dvojih hlača, dvojim hlačama*). И сербские грамматики не дают соответствующего описания таких слов. Так, Станойич и Попович (Stanojčić, Popović 2004: 103) считают, что собирательное числительное *dvoje* имеет множественное число *dvoji*. При этом получается, что формы единственного числа собирательных числительных начинаются со слова *dvoje*, а множественного – со слова *jedni*, и формы единственного числа не имеют категорию рода, а множественного имеют. Хорватские словари приводят заглавные слова с собирательными числительными и числовыми прилагательными, но встречаются ошибочные примеры употребления. Так, Анич (Anić) *dvoje hlače* толкует под заглавным словом *dvoje*, а *dvoje čarape* под заглавным словом *dvoji* вместо того, чтобы дать их в одной статье, поскольку речь идет об одном слове (числовое прилагательное *dvoji*).

Вследствие сходства на плане выражения и содержания в словарях зачастую остаются «неузнанными» паронимические пары (Тафра – Tafra 2005a). По аналогии с *atomni* и *atomski*, *dijalekatski* и *dijalektni* считается, что и прилагательные *imenički* и *imenični*, а также *zamjenički* и *zamjenični* синонимы. Однако они не синонимы, а паронимы. В этих случаях речь идет о различных словообразовательных основах: *imenik* и *imenica*, *zamjenik* и *zamjenica*. И Анич (Anić) и Шонье (Šonje) приводят все четыре существительных как заглавные слова, но ни один не приводит все четыре прилагательных, мотивированных этими существительными. Насколько трудно порой распознать паронимы, показывает название словаря *Asocijativni rečnik srpskoga jezika*. Словарь содержит перечень славянских словарей, в названиях которых имеется одинаковое прилагательное (например, рус. *ассоциативный*, болг. *асоциативен*). Хорватская лексикография не имеет таких словарей, но было бы неплохо, в случае, если они будут составляться, вначале определить название. Дело в том, что в хорватском языке существуют два прилагательных: *asocijativan* ‘который вызывает ассоциации, основывается на ассоциациях; который может соединиться, соединимый, который связывает’ и *asocijacijski* ‘который относится к ассоциации и ассоциациям’. Таким образом, словарь, метод, теория ... не могут быть ассоциативными. Словарь может быть ассоциативным, если напоминает о каком-либо другом или о чем-то другом, но если описывает вербальные ассоциации и вскрывает ассоциативные связи слов, он сам не является ассоциативным. В сербском языке, разумеется, су-

²⁴ Было бы лучше назвать словарь ассоциаций (*rječnik asocijacija*), нежели ассоциативный (*asocijativni*).

существует прилагательное *asocijacioni*, так что следовало бы разграничить эту паронимическую пару.²⁴

Исключая существительные *pluralia tantum*²⁵ лексикографы редко выработывают критерии касательно того, какие еще заглавные слова должны иметь форму множественного числа. И общие словари должны были бы учитывать, что многие термины, особенно являющиеся частью какой-либо таксономии, не имеют полной парадигмы числа, то есть или принадлежат существительным *singularia tantum*: *bukva* (*Fagus sylvatica*), *kisik*, *obujam*, *masa* ..., или *pluralia tantum*: *bukve* (*Fagaceae*), *mačke*, *alkali*, *četinjače* ... У Шонье (Šonje) заглавное слово *mačka*, то есть, форма единственного числа, а подзаглавное слово в той же словарной статье – *mačke*, форма множественного числа в терминологическом значении («семейство млекопитающих»). Однако зачастую в таком случае форма множественного числа не указывается, а дается как полисемия, под другим номером с грамматической пометой (*mn.*). Правильнее было бы привести подзаглавное слово, причем по двум причинам. Во-первых, и множественное число может быть многозначным, например, *mačke mn.* 1. семейство диких животных 2. семейство морских рыб. Во-вторых, имя существительное может иметь несколько форм множественного числа, как, например, в случае множественного числа *oka* и *oči*, *akta*, *akti* и *aktovi*, *uha* и *uši*, и тогда необходимо отдельно приводить каждую форму множественного числа. Грамматическая многозначность (различные формы множественного числа) не являются достаточной причиной включения двух заглавных слов: 1. *oko* (*mn. oči*) и 2. *oko* (*mn. oka*), как это делает Шонье (Šonje). Это неоправданно, поскольку таким образом нельзя получить полную картину развития метафорических и метонимических значений этого полисемичного слова. Еще один пример грамматической и лексической многозначности стал причиной того, что Шонье (Šonje) привел два заглавных слова, словно они являются омонимами: 1. *bol m. r.* ощущение телесного страдания (*osjet tjelesne patnje*) и 2. *bol ž. r.* ощущение психического страдания (*osjećaj psihičke patnje*). В хорватском языке есть сравнительно много существительных двух родов (*pelud*, *glad*, *davež*, *torpedo* и т.д.), но лишь слово *bol* дается под двумя заглавными словами. Если изменяемость грамматических обозначений категорий числа и рода рассматривать как многозначность, аналогичную лексической многозначности, в конечном итоге возникает непростой вопрос: до каких границ простирается многозначность, то есть, когда она начинает распадаться. Мы считаем, что изменения грамматических обозначений в данном случае не являются достаточными, чтобы говорить о двух словах. Дело в том, что и здесь необходимо отталкиваться от лексического значения. Поскольку среди указанных значений существует семантическая когезия, деполисемизация не могла произойти. Последствия были бы слишком велики, если бы любое отступление во флексии от прототипной реализа-

²⁵ В хорватском языке все существительные принадлежат к одному из трех родов, а некоторые из них – к двум. Это общезвестно, но непонятно, почему у Анича некоторые существительные из группы *pluralia tantum* не имеют обозначения рода, например, *kliješta*, *naočale*, *vrata* и т.д. Словно речь идет о русском языке!

ции провозглашалось новой лексической единицей. Тогда мы имели бы, к примеру, три слова *drvo*: 1. *drvo*, G *drveta* (*zbirna drveće*) *stablo*: *rastu dva drveta*, 1. *drvo*, G *drva*, sg. t. tvar: *kuća od drva*, 3. *drvo*, G *drva*, G mn. *drvâ ogrjev*: *dočekati zimu bez drva*, а также два слова *propalica* (opći rod, muški i ženski).²⁶ Лексикографы применяют различный подход к толкованию грамматической и лексической многозначности. Если сравнивать только русские одноязычные словари *on-line*, будет заметно большое различие в толковании двух существительных: *лес* и *леса*. Должны ли в словаре быть два заглавных слова или только одно, если принять во внимание, что *леса* являются множественным числом от *лес*? Ушаков имеет одно заглавное слово – *лес* с четырьмя значениями: 1. лес 2. (только ед. ч.) древесина, корабельная древесина 3. перен. (только ед. ч.) множество каких-либо предметов 4. (только множ.ч.) леса. Ожегов и Шведова под заглавным словом *лес* дают три значения: 1. лес, 2. строительный материал 3. множество чего-либо и *леса* удочка. Ефремова под заглавным словом *лес* указывает три значения: 1. лес, 2. перен. множество чего-л., 3. древесина, – однако удивляет, что под заглавным словом *леса* приводятся два значения, хотя нельзя говорить о полисемии ни по семантическим, ни по грамматическим характеристикам: 1. ж.р. удочка 2. мн. временное сооружение из досок.

Русское существительное *лес* в значении ‘лес’ имеет формы единственного и множественного числа, а в значении ‘вещество’ только единственное. Существительное *леса* в значении ‘строительное сооружение’ имеет только множественное число. Этот пример хорошо иллюстрирует различие в подходах. Мы считаем, что существительное *леса* должно иметь свое заглавное слово, поскольку не появляется в единственном числе, его основная форма: *леса*. Все существительные *pluralia tantum*, а это существительное к ним относится, являются самостоятельными словами. Разумеется, можно задаться вопросом, почему и *singulare tantum* не является третьим, также новым словом. Оно не является отдельным словом, потому что от него можно образовать множественное число (например, существительное *dušik* не имеет множественного числа, но его можно образовать: *dušici*), в то время, как в случае существительных *pluralia tantum* формы единственного числа невозможно образовать даже теоретически, они имеют только одну-единственную форму – множественного числа.

С другой стороны, в хорватских словарях только заглавное слово *izbor* имеет грамматические сведения о множественном числе. Существительное *izbor* абстрактное, неисчисляемое, *singulare tantum*, так что слово *izbori* не может считаться его формой множественного числа,²⁷ но исключительно новым словом, которое в процессе терминологизации (юридический термин) своим выражением заняло соответствующее пустовавшее место. Оно с самого начала имеет совершенно иной колоокационный объем и в словаре должно было бы иметь собственное заглавное слово. Во француз-

²⁶ В литературе такие существительные называются и двуродовыми (Мельчук 2000: 260), говорится даже о двух лексемах, рус. *сирота*₁ (м.р.) и *сирота*₂ (ж.р.), с чем мы не могли бы согласиться.

²⁷ Анич прав, когда помещает рядом помету *pl. tantum*.

ском существительному *izbor* соответствует *le choix*, а существительному *izbori* – *l'élection*; в английском это слова *choice* и *elections*. Этот факт не является решающим, поскольку номинационные системы в языках различны, но наряду с морфологическими и дистрибуционными различиями он может влиять на разделение этих значений в двух словах.

Существительно *okovi* также возникло в результате лексикализации; оно более не представляет собой множественное число от существительного *okov*. Есть два слова: 1. *okovi* N mn. (od *okov*) ‘металлические связки, заклепки, посредством которых крепятся части мебели и строительной столлярки’ (*okovi* как существительное могут появиться в качестве названия на дверях магазина, торгующего скобяными изделиями) и 2. *okovi* pl. tantum, в двух значениях, как историзм, означающий кандалы, которые рабам или осужденным ставили на ноги, и в переносном значении – то, что связывает (*bračni okovi*). На основании этих значений появились и фразеологические (*zbaciti okove*), которые не могут быть истолкованы развитием значения от 1. *okovi*. Существительные *izbori* и *okovi* показывают, что грамматические изменения являются следствием семантических изменений, что явилось достаточным для лексикализации и терминологизации. Приведенные примеры являются переходными, пограничными и как таковые с лексикографической точки зрения представляют особый интерес.

7. Заключение

Существует много причин, по которым словари содержат ошибки, показанные нами. Одна из причин в том, что лексикографы чаще пользуются предшествующими словарями и в меньшей степени лингвистической литературой, ибо работа над словарем сама по себе всегда длится довольно долго, так что более быстрым способом составления представляется сбор сведений из существующих словарей, чем изучение обширнейшей литературы.

Корпус, являющийся опорой макроструктуры словаря, когда-то составлялся на основе письменной картотеки, а в настоящее время его составляют на основании электронного корпуса. Словари нередко составляют и посредством компилирования существующих словарей, особенно если речь идет об учебных или же небольших по объему словарях. Техника позволяет составлять компиляцией и большие словари. Так составлен HER на основе словарей Анича (Anić) и Анича и Голдштайна (Anić, Goldsteina). Недостаток таких словарей в том, что скорость составления (метод «copy & paste») приводит к повторению прежних ошибок. При составлении двуязычного словаря также нередко используют другие двуязычные словари с тем же исходным языком, но и с прежними ошибками. Главный источник всех неудач в составлении любого словаря заключается в сложности выявления идентитета лексической единицы, являющейся кандидатом в заглавное слово, и в определении формы ее представления. Только после решения этого лексикограф может приступить к вызовам правой стороны словаря.

ЛИТЕРАТУРА

- Ahmanova 1957: О. С. Ахманова, *Очерки по общей и русской лексикологии*, Москва.
 Akademijin Rječnik: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–XXIII, JAZU, Zagreb 1880–1976.

- Anić: Vladimir Anić, *Rječnik hrvatskoga jezika*, Novi Liber, Zagreb, 1998.
- Anić i Goldstein: Vladimir Anić, Ivo Goldstein, *Rječnik stranih riječi*, Novi Liber, Zagreb 1999.
- Atkins, Sue B. T., Michael Rundell, 2008: *The Oxford Guide to Practical Lexicography*, Oxford Univesity Press, New York.
- Babić, Stjepan, 1986: *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Nacrt za gramatiku, JAZU–Globus, Zagreb.
- Bratanić, Marija, 1979: Prilog za dvojezičnu leksikografsku teoriju, *Jezik*, 27 (1): 1–9.
- Bujas, Željko, 1983, 1989: *Hrvatsko ili srpsko-engleski enciklopedijski rječnik*, Grafički zavod Hrvatske, Zagreb, vol. I, 1983; vol. II, 1989.
- Bujas, Željko, 1999: *Veliki hrvatsko-engleski rječnik*, Nakladni zavod Globus, Zagreb.
- Gačić, Milica, 2010: *Englesko-hrvatski rječnik prava*, Školska knjiga, Zagreb.
- Gortan-Premk, Darinka, i dr., 2003: *Semantičko-derivacioni rečnik*, Filozofski fakultet, Novi Sad.
- HER: *Hrvatski enciklopedijski rječnik*, ur. Ranko Matasović i Ljiljana Jojić, Novi Liber, Zagreb 2002.
- HFR: Antica Menac, Željka Fink-Arsovski, Radomir Venturin, *Hrvatski frazeološki rječnik*, Naklada Ljevak, Zagreb 2003.
- Hrvatska gramatika*: Eugenija Barić i dr., *Hrvatska gramatika*, Školska knjiga, Zagreb 1995.
- Knjazev 2007: Ю. П. Князев, *Грамматическая семантика*, Языки славянских культур, Москва.
- Kordić, Snježana, 2002: Riječi na granici punoznačnosti, *Hrvatsak sveučilišna naklada*, Zagreb
- Koteljnik 1982: Котельник, Ф. С. Конверсионная омонимия и ее трактовка в словарях, *Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях*, АН СССР, Кишинев.
- Lakova 1995: Лакова, М., Конверсия при словоформы в съвременния български книжовен език в съпоставка с руския, полския и английския език, *Проблеми на граматичната система на българския език*, Българска академия на науките, София.
- Landau, Sidney I., 1989: *Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography*, Cambridge Univerisity Press, Cambridge.
- Le petit Robert*, ur. Josette Rey-Debove, Alain Rey, Paris, 2003: Dictionnaires Le Robert.
- Matešić, Josip, 1982: *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*, Školska knjiga, Zagreb.
- Meljčuk 2000: И. А. Мельчук: *Курс общей морфологии (Cours de morphologie générale)*, III, “Языки русской культуры” – Wiener slawistischer Almanach, Moskva – Beč 2000.
- Menac, Antica, i dr., 1979: *Rusko hrvatski ili srpski frazeološki rječnik*, Školska knjiga, Zagreb.
- Menac 2011: Antica Menac, Željka Fink Arsovski, Irina Mironova Blažinam Radomir Venturin, *Hrvatsko-ruski frazeološki rječnik – Хорватско-русский фразеологический словарь*, Knjigra, Zagreb.
- NJHUR: *Njemačko-hrvatski univerzalni rječnik*, redaktor Josip Matešić, Nakladni zavod Globus – Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb 2005.
- OED: *The Oxford Dictionary of English*, ur. Judy Pearsall, Oxford Univesity Press, New York, 1999.
- Rakić, Stanimir, 2002–2003: O problemu konverzije prideva u imenice, *Naš jezik*, XXXIV (3–4): 195–208.
- Ramat, Paolo, 1992: Thoughts on degrammaticalization, *Linguistics*, 30 (3): 549–560.
- Samardžija, Marko, 1989: Homonimi u hrvatskom književnom jeziku, *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*, 24: 1–70.
- Skok: Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, JAZU, Zagreb 11971–1974.
- Stanojčić, Živojin, Ljubomir Popović, 2004: *Gramatika srpskoga jezika*, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Beograd.
- Šonje: Jure Šonje, ur., *Rječnik hrvatskoga jezika*, Leksikografski zavod – Školska knjiga, Zagreb 2000.
- Tafra, Branka, 1986: Razgraničavanje homonimije i polisemije (leksikološki i leksikografski problem), *Filologija*, 14: 381–393.

Taфра, Branka, 1988: Razgraničavanje opisnih i odnosnih pridjeva (leksikološki i leksikografski problem), *Rasprave Zavoda za jezik IFF*, 14: 185–197.

Taфра, Branka, 1989: Što su brojevi? (gramatički i leksikografski problem), *Rasprave Zavoda za jezik IFF*, 15: 219–237.

Taфра, Branka, 1992: Crtice o Anićevu rječniku, *Jezik*, 39 (1992) 4: 112–119.

Taфра, Branka, 1998: Konverzija kao gramatički i leksikografski problem, *Filologija*, 30–31: 349–361.

Taфра, Branka, 2000: Leksikalizacija kao leksikološki i leksikografski problem, *Jezična norma i varijeteti*, zbornik / savjetovanje Hrvatskog društva za primijenjenu lingvistiku, Opatija, 8–9. svibnja, 1998. (ur. B. Pritchard et al.), Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, Rijeka– Zagreb, 2000: 575–582.

Taфра, Branka, 2005a: *Od riječi do rječnika*, Školska knjiga, Zagreb.

Taфра, Branka, 2005b: Бранка Тафра, *Između ređaka*, *Грани слова*, Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко, ред. М. Алексеенко и д., Издательство ЭЛПИС, Москва, 245–252.

Taфра, Branka, Petra Košutar, 2009: Rječotvorni modeli u hrvatskom jeziku, *Suvremena lingvistika*, 67 (1): 87–107.

Zgusta, Ladislav, 1991: *Priručnik leksikografije* (preveo D. Šipka), Svjetlost, Sarajevo.

http://slovonline.ru/slovar_ushakov/b-1/id-27273/les.html (Pristupljeno 3. 2. 2012.)

http://slovonline.ru/slovar_ojegov_shvedova/b-1/id-14073/les.html (Pristupljeno 3. 2. 2012.)

http://slovonline.ru/slovar_efremova/b-1/id-40982/lesa.html (Pristupljeno 3. 2. 2012.)

Branka Taфра

THE SIGNIFICANCE OF THE HEADWORD IN CROATIAN LEXICOGRAPHY

While determining the composition of the left side of the dictionary entry, i.e. the list of headwords, the lexicographer faces the following questions: 1. the choice of lexis to be included in the dictionary, 2. which lexical units may assume headword status, and 3. which form the headword should take. This paper discusses the second and third question, namely which semantic and grammatical requirements a lexical unit must meet in order to appear as a headword, as well as how these requirements are met in Croatian dictionaries. Prior to the analysis, the author provides the theoretical framework (lexicographic terminology, the principles of listing headwords, the form and structure of headwords), then goes on to examine dilemmas in deciding on headwords, citing dictionary examples. The final conclusion is that any unsuccessful attempt at dictionary-making is primarily caused by the problem of determining the identity of the lexical unit that is being considered as the headword, as well as determining its form. It is only after the lexicographers have addressed this problem that they may face the challenges of the right side of the dictionary.

ОШИБКИ СЛОВАРЯ И ЛИЧНОСТЬ АВТОРА

Заявленная тема чрезвычайно широка, поэтому предлагаемые далее наблюдения следует воспринимать в рамках уточнения задачи, а не ее полномасштабного решения. Связь между индивидуальной ошибкой и личностью автора настолько очевидна, что в общеметодологическом плане здесь, пожалуй, нет предмета для дискуссий. Однако некоторые частности заслуживают более детального рассмотрения. Далее рассматриваются в первую очередь лексикографические описания украинских слов в восточнославянской лингвистической традиции.

Источники ранней лексикографии не всегда имели статус классики, поэтому возврат к ним и внимательное прочтение бывают поучительными. Фортунат Михайлович Пискунов в ряде случаев предлагает такую грамматическую трактовку описываемых лексем, которая не может не обратить на себя внимание, например:

«Шпаргалити – бросать, швырять. *В грубу так таки і впре шпаргаля все.* Артемовський» (Пискунов 1882: 297). Современный глагол *шпаргалити* значит ‘списывать на экзамене’, в значении ‘бросать, швырять’ он вряд ли представлен где-либо, кроме данного словаря. В современном издании стихотворения, послужившего источником иллюстративного примера, здесь стоит собирательное существительное *шпаргалля*, которое уже труднее принять за деепричастие в таком написании: «Побачить сам здоров, що там ладу біс має, То в грубу так- таки і впре шпаргалля все!..» [Гулак-Артемовський 1984: 51]. Украинское *шпаргалля* – (собр.) ‘бумаги; записки; рукописи’.

Возникает вопрос, как корректно интерпретировать индивидуальную грамматическую трактовку такого рода. Здесь видится несколько возможных решений. Самое простое – считать это ошибкой по незнанию, возникшей по аналогии с русскими деепричастиями. Однако бывают еще и ошибки по невнимательности. Приведем пример, указанный проф. И. Г. Добродомовым. Полвека назад вышла книга «Живой как жизнь» К. И. Чуковского, где шестая глава была посвящена тяжкому недугу языка:

«Имя недуга – к а н ц е л я р и т (по образцу колита, дифтерита, менингита)» [Чуковский 1962: 109]. Уже в узких рамках оттепельных свобод было разрешено и предписано затронуть один аспект стилистических разногласий между властью и интеллигенцией: «Писатель вместо простых и хороших русских слов пользуется словарём протоколов. Например, вместо «подарил» он пишет «преподнёс», вместо «пошёл» – «направился», вместо «сказал» – «заявил», вместо «живёт» – «проживает». Что-то есть индюшачье и глуповатое в этом стиле» [Паустовский 1954: 198]. Книга Чуковского развивала эту популярную тогда тему в области культуры речи, но контекст, взятый из оглавления или названия главы

«Глава шестая. Канцелярит» [Чуковский 1962: 110] мог получить и другую грамматическую трактовку: «В умной интересной и поучительной книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь» есть грустная и гневная глава

«Канцелярит». Это слово сопоставляется в нашем сознании с такими словами как *морозит, дождит, светает, темнеет, лихорадит*. Все эти глаголы – безличны» [Головин 1966: 130]. Как видим, Б. Н. Головин, которого трудно заподозрить в незнании грамматики, допустил по невнимательности ошибку опознания части речи по единичной изолированной форме. Этот пример дает уникальную возможность не реконструировать, а получить из первых рук сведения о ходе рассуждений Чуковского (по аналогии с *колит, дифтерит, менингит*) и Головина (на основе *морозит, дождит, светает, темнеет, лихорадит*). Обычно у нас нет такой возможности. В дальнейшем этот фрагмент опускался [Головин 1979: 101; Головин 1980: 176, 177]. И наконец, разбираясь в такого рода ошибках, связанных с неправильным определением части речи по изолированной форме, нельзя забывать о языковой игре. Для словаря этот фактор вряд ли уместен, но в текстах, используемых в качестве источника словаря, не исключен.

Еще два случая, обнаруживаемых в словаре Ф. М. Пискунова, связаны не с ошибочным определением части речи, а с неточным указанием начальной формы и грамматического рода имени существительного:

«**Поверся** – этаж» (Пискунов 1882: 192). Укр. местный падеж единственного числа *на поверсі* (на этаже) послужил источником при реконструкции данного заглавного слова, здесь была неправильно восстановлена исходная форма, которая восходит к имени существительному мужского рода *поверх* – этаж. Сходные проблемы недоучет второй палатализации создает и в русской диалектной и жаргонной лексикографии: нереальна в описании выражения из речи семинаристов форма им. п. мн. ч.: «**ВОЗДУСЯ**, -ей, мн. ♦ **Выдрать (выпороть, высечь) на воздухах**. Семин. Преп. Наказание, при котором провинившегося держали за руки, за ноги и секли со всех сторон» (Анищенко 2007: 64). Начальная форма – *воздух*, или им. п. мн. ч. церковнослав. *воздуси*. Вероятно, можно принять и народное *воздуха*. Однако очевидно, что *на воздухах* – это еще один пример старого местного падежа мн. ч. в дополнение к фольклорному песенному *во лужях* (Фасмер II: 531, под *лужь*; СРНГ 17: 185).

«**Осел** – заль. “Одного разу поїхав царевич на охоту, та там і забарився аж три дні; а жінка ёго ходить по оселах, тай плаче.” Сказки А. Рудченко. Вып. I. ст. 97» (Пискунов 1882: 171). Укр. *по оселях* ‘по домам’, от *оселя* – 1) жилище, обитель, обиталище; 2) диал. селение, поселение; 3) диал. крыша. В цитируемом издании также с ошибкой *по оселях*: «От одного разу, поїхав царевич на охоту, та там и забарився аж три дні; а жінка його ходить по оселах, тай плаче» [Рудченко I: 97, № 46]. Видимо, опечатка в источнике (*а* вместо *я*) способствовала ошибочному определению начальной формы.

Невнятности грамматической трактовки – случай довольно редкий. Обычным же для практики раннего этапа лексикографии является отсутствие грамматических помет. Если говорить о словариках, построенных по

типу глосс $A = B$, то в историческом контексте сегодня возникает вопрос о реконструкции на основе текста словаря не только образа автора, но и образа читателя. Обратимся к первому изданию «Энеиды» [Котляревский 1798]. Адресат словаря «Собраніе Малороссійскихъ словъ, содержащихся въ Энеидѣ...» И. К. Каменецкого, как можно убедиться, чтобы правильно понимать толкования, должен был обладать весьма необычным, с точки зрения нашего современника, русским лексиконом: «Волоцюга, волокита» [Котляревский 1798: 5], ср. курское и калужское *волокита* ‘бездомный скиталец, бродяга, странник, нищий’ (Даль, I: 237); «Гиря, стрига» [Котляревский 1798: 7], ср. *стрига* ‘кто коротко острижен’ (Даль, IV: 340) и т. д. Интересно наличие русских диалектных слов, которые составителем словаря отбирались для пояснения, но нам уже мало понятны. Встречаются и архаизмы:

«Секстерень, тетрадка» [Котляревский 1798: 21]. Первое – с латинским корнем ‘шесть’, второе – с греческим корнем ‘четыре’. Можно предполагать, что исторически (и денотативно) это не абсолютные синонимы. Видимо, в одной традиции учащиеся изготовляли себе тетрадки, сгибая стандартный лист в три слоя, а потом прошивая его по перегибу, чтобы получалось шесть листов, а в другой традиции лист сгибали пополам вдоль и поперек, что и давало тетрадку из четырех листов.

Иногда словарик отражает утраченные стилистические различия:

«Скрипка, скрипица» [Котляревский 1798: 21]. В ряде случаев словаря русского языка не дают слов, представленных в толковании: «Призьба, загалина» [Котляревский 1798: 18], ср. *завалинка* ‘земляная насыпь вдоль стен’; «Стегно, ляшка, стіогЪ» [Котляревский 1798: 21], в последнем случае слово толкования не имеет точных параллелей, ср. по значениям довольно отдаленное: «Стѣг, м. 1. Кнут. *Стегом выгнал из ямы и погнал.* Новг., 1970. 2. Палка, дубина. Амур., 1913-1914. *А как не слушается, так стегом по затылку и надават.* Бурят. АССР» [СРНГ, 41: 111].

Одним из парадоксов лексикографии приходится признать то, что заглавное слово, будучи объектом пристального внимания, довольно часто и искажается при записи и копировании, например, сомнительное *n* в слове *бадилля*. «Б А Н Д Ы Л Л Я , стволы и вѣтви травянистыхъ растений, если они смѣшаны съ цвѣтомъ или съ листомъ травы, для чего нибудь приготовленной» (Афанасьев-Чужбинский 1855: 6).

При этом под влиянием стремления к сохранению соседства однокоренных (или предположительно однокоренных) может и нарушаться строго алфавитный порядок. Например, не по алфавиту поставлены после *Базаринка*: «Б А З А В Л У К Ъ , (?) (Запорож.) Г. Скальковскій, можетъ быть, неправильно записаль это слово. Онъ говорить въ Истор. Нов. Сѣчи часть 3. стр. 47. «Что значить *базавлукъ* — не знаю, одни говорятъ, что это выюкъ съ пшеномъ, другіе, что это вообще съѣстные припасы.» Убивъ человекъ 70 неприятеля, и, кромѣ скота, получили въ добычу 60 сѣдель, *базавлука* и разнаго одѣянія достаточно... (тамъ же стр. 47)»; «Б А З А Л У Ч Ч Я , разный хламъ: *И старе залъзо, и веревки, и усяке базалучья*, и старое желъзо, и веревки и разный хламъ» (Афанасьев-Чужбинский 1855: 4). Рассматри-

вается ныне как тюркизм: *базалучья* ‘різний мотлох’ (ЕСУМ I: 113). Вариант *базавлук* в ЕСУМ не отмечен. Для большинства читателей предпочтительным является изложение в словаре только однозначной информации, монолог лексикографа в этом случае авторитетен и прост. Однако в словаре историческом важны крупницы любой информации. В описании слова *базавлук* А. С. Афанасьев-Чужбинский выступает уже в качестве историка и критика, дает пересказ и оценку сведений о слове, которое ему лично не было известно. Словарная статья разрастается, становится диалогичной.

Любопытны в словаре при грамматике А. Павловского признаки зарождения лексикографической традиции: «Джкгутъ – линіокъ» (Павловский 1818: 33) точно соответствует написанию и толкованию при помощи флотского термина, выбранному в [Котляревский 1798: 7], при этом широко известное русское *жгут* в толковании не использовано.

Словарь напечатан шрифтом с трехмачтовой *т*. По этой причине трудно решить, что отражает запись: «Жлутко – кадка, въ которой бѣлье парять, бучать, букъ» (Павловский 1818: 35). Сочетание *тк* могло отразить специфическое произношение, ср. *жлутю* ‘то же’ (ЕСУМ II: 201), или, учитывая особенности шрифта, ошибку прочтения.

Некоторые подходы к анализу старых словарей небезынтересны для современной восточнославянской лексикографии. Дело в том, что опыт – это категория индивидуального измерения. Есть определенная академическая традиция, но есть и народная, условно говоря, или любительская лексикография. Всё, что было однажды расставлено по алфавиту и снабжено толкованиями, в дальнейшем может попадать в сводные словари разного статуса. Например, словари русского жаргона отразили слово *антрамент* – крепленое вино (Мильтяненков 1992: 78; БСЖ 2000: 37); польск. *atrament* чернила, латинизм. В начале XX века отмечалось словарями украинского литературного языка наличие двух конкурентных синонимов (устаревшего ныне) *атрамент* и *чорнило* ‘чернила’, равно как и в белорусском языке этого периода [Скопненко 2007: 18]. В русских словарях отражено переносное употребление и диалектное произношение украинского слова. Иногда описание слова подвергается искажению: «**Костур** – полка» (Мильтяненков 1992: 145) и др.; укр. *ко́стур*, польск. *kostur* ‘палка, трость’. Ошибка в толковании вызвана визуальным смешением *о* и *а*, а ее повтор в ряде словарей дополнительно усиливает подозрение, что все они тиражируют единственную запись слов *антрамент* и *костур*.

Кроме того, украинский язык распространен вперемежку с южными и северными диалектами русского языка на большой территории за пределами Украины. Словарь пионера донской диалектологии содержит ряд фиксаций, в которых можно предположить как произвол собирателя, так и отражение объективного процесса смешения языков: «Причёлка (?) – Пабью окна, пабью причёлки, ой, выходи ка, детка, сначевки» (Миртов 1929: 395). Ср. другой образец русификации украинизма: «Вечёра – ужин» (Миртов 1929: 41). Ср. *вечеря*, вариант *вечёра отсутствует (Словарь дон.

1: 68). Следовательно, вероятнее с сохранением мужского рода *причёлка = укр. *причілок* ‘фронтон, карниз’. Ср. *причёлка* ‘фронтон’, вари-

ант *причёлка отсутствует (Словарь дон. 3: 64). «Гамора – громкий крик» [Миртов 1929: 57]. Контекста нет, скорее мужского рода, ср. укр. *гамір*. Ср. также в словаре русского жаргона: «Гамор (*м<жду>н<ародное>*.) – шум; ссора» (Миляненок 1992: 102).

Наряду с шероховатостями грамматической квалификации украинизмов или слов из речи украинского населения на территориях смешанного заселения в словарях отражаются и неточности записи и копирования: *коро́чва* ‘знамя, флаг’ (Ткаченко 1997: 119), укр. *коро́гва* ‘хоругвь’, смешение *г* – *ч* в рабочей записи; «2. Марко, нареч. Напрасно. Ворон., 1964» (СРНГ, 7: 374), укр. *ма́рно* ‘напрасно’ и мн. др.

Искажению записи не всегда препятствует и обращение к языку-источнику: «ЗАВАЛТУВАТЬ, ту́ю, ту́ешь, сов. По пьянке завалтували одну туристочку. [Укр. *звалтування* – «изнасилование»]» (Грачев 2003: 301), точнее: *звалтувати, звалтування*. Фонетические причины такой трансформации представить чрезвычайно трудно, скорее это визуальная ошибка.

Недоучет вероятного участия украинского лексического материала может приводить к гипотезе о фантомности зафиксированного русского диалектизма: «Натекну́ть, ну́, не́шь, сов., *неперех*. Намекнуть. Дон., 1876» (СРНГ, 20: 217); «Или все-таки *намекнуть*? Рукописное *м* со слишком высоким начальным штрихом, особенно в середине слова, легко смешивается с небрежным «трехлинейным» *т*» [Журавлев, 4: 269]. Из другого источника донское слово подтверждается вторично: «Натекнуть – намекнуть. I-3а <хутор Дубровский Кочетовской станицы>» (Миртов 1929:200). Реальное донское слово, имеет отношение к укр. *натяк* ‘намёк’.

Любопытно отметить, что не отраженный в СРНГ глагол *марновать* ‘тратить попусту [напрасно], терять (напрасно); расточать’ (южнорусский аналог украинского *марнувати*), известный, по крайней мере, в кубанских говорах: *марнувать, марэнувать* ‘волокитить, тратить время зря, издеваться’ (Ткаченко 1998: 134), – воспринимается народной лексикографией как формально не вполне ясный вариант глагола *мариновать*. Такие процессы характерны для живой речи.

У лексикографов не всегда доходят руки до жанра примечаний в тексте изданий. Однако этот объект также относится к малым лексикографическим жанрам. Издательские пояснения к украинским словам в русских текстах заслуживают критического анализа. Ограничимся одним примером. В воспоминаниях «Далекое близкое» И. Е. Репина в контексте «– Да что с тобой, прихвостом, тут время нивизать¹» необычный глагол *нивизать* получил пояснение редактора К. И. Чуковского: «¹Терять» [Репин 1937: 95, прим. 1]. На принадлежность загадочного глагола украинскому языку редактор указывал и в позднейших изданиях. Видимо, репинская запись отражает в искаженном виде украинское *нівечити* – портить, губить [Шаповал 2007: 151]. Решение редактора о сохранении такого авторского написания не вполне обычно.

Всё это доказывает, что изучение источников украинской лексикографии с точки зрения способов организации диалога между автором и адресатом, реконструкция образа автора и его представления о читателе

перспективны и в более широких рамках восточнославянской диалектной лексикографии.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Анищенко 2007 – Анищенко О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2007. – 368 с.

Афанасьев-Чужбинский 1855 – Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович. Словарь малорусского наречия, составленный А. С. Афанасьевым-Чужбинским: Тетр. 1.– СПб.: Тип. ИАН, 1855. – 2,

176 стб. (Известия императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. – СПб., 1855. – Том IV. – Тетрадь VII).

БСЖ 2000 – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.

Грачев 2003 – Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.

Даль, I/IV – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – М.: Русский язык, 1978-1980.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. – Т. 1-5. – К.: Наукова думка, 1982-2006.

Миляненков 1992 – Миляненков Л. А. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. – СПб.: Дамы и господа, 1992. – 320 с.

Миртов 1929 – Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 415 с. (Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Н.-и. институт изучения местной экономики и культуры при Северокавказском государственном университете. Вып. 6.)

Павловский 1818 – Павловский А. Краткий малороссийский словарь // Павловский А. Грамматика малороссийского наречия. — СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1818. – С. 24-74.

Пискунов 1882 – Пискунов Ф. М. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южань Российской и Австро- Венгерской империи. – К.: Тип. Е. Я. Федорова, 1882. – 2, VI, 304, IV с.

Словарь дон. 1-3 – Словарь русских донских говоров. – Т. 1-3. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1975-1976.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-24. / гл. ред. Ф. П. Филин / ред. Ф. П. Сорокалетов. – М.; Л.: Наука, 1965-1989. Вып. 25-

41. / гл. ред. Ф. П. Сорокалетов. – СПб.: Наука, 1990-2007. Вып. 42-43. / гл. ред. Ф. П. Сорокалетов / ред. С. А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010.

Ткаченко 1998 – Ткаченко Петр. Кубанский говор. Опыт авторского словаря: Справочное издание. – М.: Граница, 1998. – 240 с.

Фасмер, I-IV – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986-1987.

ЛИТЕРАТУРА

Головин 1966 – Головин Б. Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи. – Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1966. – 208 с.

Головин 1979 – Головин Б. Н. Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи / 2-е изд., испр. – Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1979. – 260 с.

Головин 1980 – Головин Б. Н. Основы культуры речи: Уч. пос. – М.: Высшая школа, 1980. – 335 с.

Гулак-Артемовский 1984 – Гулак-Артемовский П. П. Поетичні твори; Гребінка Є. П. Повісті та оповідання. – К.: Наукова думка, 1984. – 606 с.

Журавлев, 4 – Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н-О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография.- М.: Наука, 2001. – С. 265-281;

Котляревский 1798 – Котляревский И.П. Енеида, на малороссийский языкъ перелицованная И. Котляревскимъ. - СПб.: [без изд-ва], 1798. – 148, 26 с.

Паустовский 1954 – Паустовский К. Г. Большие надежды // Новый мир. – 1954. – № 11. – С. 198-202.

Репин 1937 – Репин И. Е. Далекое близкое / 1-е изд. – М.; Л.: Искусство, 1937. – 624 с.

Рудченко, I-II – Рудченко И. Я. Народные южнорусские сказки. – Т. I- II. – Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1869-1870.

Скопненко 2007 – Скопненко Олександр. Процеси нормалізації в українській та білоруській термінології в 20-30-х рр. XX ст.: пуристичний досвід // Лексикографічний бюлетень. – Вип. 15. – Київ, 2007. – С. 40-44.

Чуковский 1962 – Чуковский К. И. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). – М.: Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1962. – 174 с.

Шаповал 2007 – Шаповал В. В. Українське (?) “*нивизать* – *терять*” [‘губити (час)’] у І. Репіна // Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск одиннадцать. – Донецк, 2007. – С. 149-151.

ОПЫТЫ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СЛОВАРЕЙ В РАННЕЙ РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В работе [Шестакова 2011] нами была дана характеристика раннего периода в истории русской авторской, или писательской, лексикографии (1860-е – 1910-е гг.). Там, в том числе, отмечалось, что к этому периоду относится и начало лексикографической критики в данной области словарного дела. Следует определенно сказать, что первые словари языка писателей не получали отклика в виде множества рецензий, какой позднее получил, например, четырехтомный «Словарь языка Пушкина» (СЯП). Это были, скорее, отдельные упоминания исследователями готовящихся или вышедших словарей и словарных материалов, содержавшие иногда и оценочный компонент. В этой связи можно вспомнить статью В. Ф. Саводника «К вопросу о Пушкинском словаре» [Саводник 1904], в которой характеризовалась работа В. А. Водарского по составлению «Материалов для словаря пушкинского прозаического языка» (Водарский 1901–1905). Саводник, в частности, отмечал: «... словарь г. Водарского составляет по системе “конкорданций”, так что при каждом отдельном слове приводится ряд цитат из произведений Пушкина, в которых данное слово употребляется. К сожалению, автор не дает в своем предисловии никаких объяснений ни относительно общего плана своей работы, ни относительно некоторых важных частных: напр., остается неизвестным, приводятся ли в словаре все отдельные места, в которых встречается какое-либо слово, или же только некоторые, и притом, чем руководствуется составитель при выборе цитат. Г. Водарский не ограничивается одной лишь художественною прозой Пушкина, но привлекает к анализу также и его черновые наброски и письма; мы находим этот прием вполне правильным, нужно только заметить, что за последние 10–15 лет опубликовано много пушкинских писем, не вошедших таким образом в издание Литературного Фонда, которым исключительно пользуется составитель: поэтому весьма значительный материал остается им неиспользованным. Тем не менее труд г. Водарского является вполне почтенным и заслуживающим полного внимания» [Саводник 1904: 16–17]. Ср. и оценку Материалов Водарского С. А. Венгеровым, руководителем также раннего проекта по составлению словаря поэтического языка Пушкина: «Раз говоришь о пушкинском словаре, нельзя не отметить работы В. А. Водарского. <...> помимо того, что она касается только прозы Пушкина, она ведется не столько в форме словаря, сколько в форме филологического комментария» [Венгеров 1914: XVIII].

Первой полноценной рецензией на словарь писателя стала рецензия В. И. Чернышева на «Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина», составленный К. П. Петровым (Петров 1904). Прежде чем говорить об этой

рецензии, охарактеризуем вкратце сам словарь, объем которого – 646 столбцов на страницах большого формата – был для ранней писательской лексикографии очень значительным.

При подготовке общего словаря Фонвизина составитель пользовался разными изданиями художественных сочинений, переводов и деловой прозы писателя, но главным образом, как он пишет, изданием 1888 года, представляющим собой «Первое полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина, как оригинальных, так и переводных 1761–1792. Изд. книгопродавца Клавдия Кузьмича Шамова» [РАЛ 2003: 422]. В кратком предисловии Петров не вполне точно называет свое сочинение «первым опытом словаря к русскому писателю» и благодарит за содействие в издании академиков А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, В. И. Ламанского и др. Не раскрывая принципов словаря, автор перечисляет некоторые свои «недосмотры» и ошибки, а именно: «1) Выписываемые слова не всегда поставлены на своем месте вследствие нашего колебания относительно их орфографии. 2) Так как многие слова имеют несколько значений, которые и отмечены особыми цифрами, то в группировке примеров к ним встречаются нередко сбивчивость и неточность. 3) При многих примерах не указано, из какого сочинения Фонвизина они взяты. 4) На некоторые слова приведено излишнее количество примеров и пр.» [Там же]. Эти авторские «недосмотры» подсказывают, что словарь Петрова – алфавитный, содержит иллюстрации, при описании многозначных слов значения нумеруются цифрами и сопровождаются примерами. Близкое же знакомство со словарем свидетельствует, что по общей направленности этот словарный труд может быть определен как конкорданс – с попыткой разведения слов по значениям: основное его содержание составляет алфавитный перечень слов с немногочисленными иллюстрациями (отдельные слова, правда, сопровождаются пятью и более примерами; см. статьи к лексемам: *который*, *красота*, *обряд* и др.). Заголовочное слово дается без ударения, омонимы либо включаются в одну статью (различаясь грамматической характеристикой или примерами), либо разводятся. Определения значений слов Петров дает в случаях их семантической затемненности в виде кратких пояснений в скобках. Приведем в качестве примеров несколько словарных статей:

Аврора. — Багряница рождающейся Авроры. Иос. 755а.

Болона (*шишка, нарость*). — На глазу болона. Вен.

Градъ. — 1. Столичный градъ. Рейт.

2. Острый градъ поразилъ (*класы*) до корня. Иос. 725б.

Жарь. — 1. Которыя въ жары... легко получить можно (*лихорадки*). Род. Жарь и духота были такіе... Род.

2. Въ живости и жару крови. Ярт.

3. Баталія продолжалась съ великимъ жаромъ. Голб.

4. Священный жарь приводить... въ сладкое забвеніе... Сф. 447.

Недоросль. — Пока Митрофанъ еще въ недоросляхъ. Недор. д. 1, я. 6.

Обогащать, обогатить.

Обогащать чужестранцевъ. Двор. 632а.

Обогащаль науками разумъ. Сф. Кн. 2.

Обогатить их дарами. Люб. 613а.

Благость, которою она меня обогатила (*благость судьбы*). Люб. 611а.

Анализ словаря Петрова был проведен и представлен в развернутой рецензии известным филологом и лексикографом В. И. Чернышевым (рецензия была опубликована в 1906 г. в Известиях Отделения русского языка и словесности АН, в наше время – во втором томе Избранных трудов ученого [Чернышев 1970]). Чернышев проанализировал, по его словам, количественные и качественные недостатки словаря. К первым он отнес пропуски разного рода – отсутствие слов и отдельных значений слов.

Из лексических единиц, которые оказались пропущенными в словаре, рецензент приводит следующие (сопровождая их соответствующими примерами): *апробованный, безнедоимочно, взмилить* (Тому уж года три, боярыня живет. Все плачет да грустит, не *взмилит* ей и свет, «Корион». Соч., стр. 125), *извороваться, приобреташий, щелливый, щечить*. Среди пропущенных слов определенной части речи Чернышев называет частицы *от, тка*, встречающиеся у Фонвизина [Чернышев 1970: 313–314]; среди пропущенных значений слов – «интересное», по выражению рецензента, переносное значение у существительного *квартира*, встреченное Чернышевым в письме Фонвизина к О. П. Козодавлеву: «Наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержит глаголы в неопределенном. Теперь (когда Академия решила ставить в словарь глаголы в первом лице настоящего времени) надобно переводить их на новые квартиры: *быть* из литеры *Б* отправить в литеру *Е* – *есть*; *слать* из литеры *С* в литеру *Ш* – *шлю*, и проч.» [Там же: 314].

Анализ словаря в рассмотренном аспекте позволил Чернышеву сделать методологически важное заключение о словнике и характере отражения в словаре семантики и грамматики авторского языка: составляя словарь к тому или иному писателю, «необходимо собрать не только полный перечень употребляемых слов, во всех разнообразных их значениях, но нужно обращать внимание и на грамматические формы слов. Если в склонении, в спряжении, в управлении слов есть у данного автора какие-нибудь особенности, их очень желательно видеть в словаре. Для примеров лучше всего брать слова именно с такими особенностями» [Там же: 314–315]. С точки зрения рецензента, составитель словаря «поступал так во многих случаях, но не всегда». Заметим, что в своем внимании к особенному у автора Чернышев сближался с акад. Я. Гротом, составителем «Словаря к стихотворениям Державина» (ср. у Грота: «Изучение языка какого-нибудь писателя должно, конечно, иметь предметом знание особенностей, с которыми является у него язык», цит. по: [Шестакова 2011: 152]).

Основным качественным недостатком словаря Чернышев считал отсутствие в нем толкований (хотя Петров ориентировался, возможно, на существовавшие зарубежные образцы таких словарей). «Этот недостаток, – подчеркивал рецензент, – огромный, лишаящий словарь и практического и научного значения» [Там же: 315]. При этом он счел необходимым сделать одно ценное, в плане описания лексической семантики в авторском словаре, замечание о возможности дифференциального подхода к объяснению

слов: «Конечно, нет нужды в словаре к какому-либо писателю давать объяснения всех слов, какие у него встречаются. Многие слова отличаются устойчивостью своих значений. Необходимо, однако, объяснить все те слова, которые отличают его сочинения. Отличия эти могут быть трех родов: 1) сравнительно с языком предшествующих писателей, 2) сравнительно с языком современников, 3) сравнительно с языком последующих эпох» [Там же]. Понимая, что соблюсти эти идеальные требования трудно, Чернышев счел возможным «ограничиться наименьшим: 1) объяснять слова, которые стали неупотребительны или малоупотребительны в наше время, 2) объяснять также слова, значение которых впоследствии изменилось» [Там же: 315–316]. В перечень слов, не объясненных, но требовавших объяснения в словаре, рецензент включил, например, такие: *буде, дефиниция, диссимуляция, камзол, капальный, кафтан, литера, в рассуждении, сентимент, содомно, содом, шильник, шпынь, шпынять* и др. подобные.

Особое внимание Чернышев обратил на описание в словаре стихотворного материала. В этом случае в качестве недостатков указывалось несколько моментов. При общем отсутствии в словаре ударения постановка его в словах из стихотворных строк была бы, на взгляд рецензента, целесообразной – она показала бы особенности акцентуации в таких словах, как *кроме, делят, третьяго, кони, дома, возьмут, режутся* и др. Вообще поэзия прозаика должна отражаться в общем словаре писателя адекватным образом, что не всегда отмечается в словаре языка Фонвизина: «Стихи часто выписываются неполными строчками и печатаются как проза. Читатель не видит, – замечает рецензент, – что это стих, и не может определить его размера» [Там же: 318]. Так, вместо строк:

*Слух есть, что сделан вновь в Приказе приговор,
Чтоб чаще был такой во всем уезде сбор –*
в словаре дано: *Сделан вновь в приказе приговор,*

«т. е., – заключает рецензент, – стих совсем испорчен» [Там же]. Интересно, что Чернышев обращает внимание и на рифменную составляющую стихов Фонвизина, а точнее на грамматические данные, заключенные в рифмах этого автора. Заметим, что отмеченные рецензентом принципы описания слов из поэтических текстов (корректная подача стихотворной строки, постановка ударения, маркирование рифмы) стали реализовываться в писательской лексикографии гораздо позже.

К числу недостатков словаря Чернышев отнес также непоследовательность в организации словника, прямые нарушения алфавита. Так, причастия и деепричастия даны как отдельные словарные единицы (у рецензента это не вызывает возражений), но расположены иногда не по алфавиту. В качестве примера приводятся слова *жить, живучи, живущий*, данные автором именно в таком порядке. Следует заметить, что сам принцип подачи названных глагольных форм в отдельных статьях, выбранный Петровым, получил продолжение в писательской следующих периодов (см., например, современный «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП)). И сегодня – это одна из черт, отличающих писательскую лексикографию от общезыковой.

Среди интересных замечаний рецензента выделяется его комментарий относительно пословиц и поговорок, встречающихся в текстах Фонвизи-

на. Чернышев справедливо замечает, что те «особенности, которые есть в языке пословицы, лексические и грамматические, нельзя относить к языку автора, их употребившего. <...> Поэтому пословицы в словарях писателей необходимо оговаривать. Еще лучше выбирать и помещать отдельно. Этим будет оказана помощь собиранию и исследованию пословиц; это даст наглядное указание того, как относился к пословицам данный автор» [Там же: 320]. В этом высказывании содержалась, очевидно, новаторская идея, касающаяся выделения и представления в словаре писателя «чужого текста» как определенного стилистико-языкового маркера. И эта идея стала воплощаться в писательских словарях более позднего времени (см., например, «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» (САТГ), где пословицы и поговорки – важная составляющая стиля трилогии М. Горького – обозначались специальным знаком).

Чернышев не обошел стороной и такой вопрос, как имена собственные в словаре Петрова. Рецензент напомнил, что сам Фонвизин был против внесения таких имен в словари. Писатель, как замечает Чернышев, «рассуждал так: “Собственные имена отнюдь не составляют существа языка, а у м е н ь ш и т е л ь н ы е их еще меньше, и если *Ивану* нет места в лексиконе, тем менее *Ваньке* такая претензия прилична”. Далее он делал очень основательные возражения против доводов членов Российской Академии, настаивавших на праве собственных имен занимать место в словаре <...>. Главное дело, впрочем, – заключал Чернышев, – не в том, помещать или не помещать эти имена, но как помещать» [Там же]. Этот вопрос составитель словаря не прояснил, поэтому трудно понять, чем он руководствовался, включая в словарь одни имена собственные и не включая другие. По наблюдениям Чернышева, в словаре присутствуют имена: *Митрофанушка*, *Простаков*, *Стародум* (правда, как название журнала, а не имя лица), *Милон*, *Скотинин*, *Цыфиркин*, *Кутейкин*, *Вральман*, *Тришка*, но отсутствуют: *Митрофан* (Терентьевич), *Еремеевна*, *Правдин*, *Софья*, *Софьюшка* (*Софьин*, *Софьюшкин*, производные прилагательные от имени *Софья* и его варианта *Софьюшка*, в словарь попали).

Обратим внимание на то, что вопрос о включении / невключении имен собственных в словарь писателя Чернышев подробно не рассматривает, полагая, по-видимому, что этот вопрос призван решать составитель каждого конкретного словаря. Однако, если он решен в пользу первого варианта, то должны быть выработаны принципы отбора и описания собственных имен и их производных. И в этом случае Чернышев затронул проблему, которая до сих пор обсуждается и по-разному решается в авторских словарях.

Кроме разобранных нами, Чернышев сделал и другие замечания, касающиеся, в том числе, форм подачи и объяснения отдельных слов, неточного подбора цитат [Там же: 320–321]. Заключая всё сказанное, он еще раз отметил наличие в словаре крупных и мелких недостатков, число которых возросло бы при взгляде на труд К. Петрова «с более идеальной точки зрения». «Мы были бы несправедливы, – писал, однако, рецензент, – если бы сделали свою оценку на основании одних недостатков словаря. Наши заметки – следствие изучения словаря. Это изучение привело нас к убеждению, что составитель

словаря взялся за труд большой, тяжелый, требующий много внимания и времени. Он довел свою работу до желанного конца. Если бы пишущий эти строки желал перечислить всё любопытное и ценное, что есть в словаре, то он без сомнения написал бы гораздо больше, чем теперь» [Там же: 322].

Первая большая научная рецензия на словарь писателя, как отмечал ее автор, была посвящена «кругу практических задач». «Мы держались таких взглядов на дело, – писал он, – от которых не может отступить никакой составитель подобного словаря» [Там же], т. е. полного словаря языка писателя. Поэтому внимание Чернышева было сосредоточено на важных вопросах, касающихся словника (его полнота / неполнота), способа организации материала (алфавитный / неалфавитный), места в словаре единиц определенного лексического класса (имена собственные), объяснения слов, описания единиц из стихотворных текстов автора – по преимуществу прозаика и др. Высота планки, которая была задана данной рецензией, определялась и тем, что в рецензии затрагивались, как мы отмечали, методологически значимые для писательской лексикографии вопросы, связанные, в частности, с представлением в словаре языковых особенностей автора. Сказанное касается даже тех вопросов, которые были только упомянуты Чернышевым – например, чрезвычайная важность выбора источников для словаря писателя.

«Мы не сравнивали его [Петрова] труд, – подчеркивал Чернышев, – с тем отвлеченным представлением о словаре к писателю, которое можно составить теоретически и к которому можно стремиться на практике» [Там же]. Вместе с тем детальное рассмотрение им «Словаря к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» высветило многие черты писательского словаря как словаря отдельного типа.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Водарский 1901–1905 – Водарский В. А. Материалы для словаря пушкинского прозаического языка // Филологические записки. – Воронеж, 1901–1905.

Петров 1904 – Петров К. Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина. – Спб.: Типо-лит. А. Э. Винке, 1904. – 646 стб.

САТГ – Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с приложением словаря имен собственных. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974–1990.

СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956–1961.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IV. / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. – М.: Языки славянской культуры, 2001–2010–.

ЛИТЕРАТУРА

Венгеров 1914 – Венгеров С. А. Предисловие // Пушкинист: Историко-литературный сборник. – Спб., 1914. – С. V–XXIV.

РАЛ 2003 – Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Сост. Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, Л. Л. Шестакова; Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2003. – 512 с.

Саводник 1904 – Саводник В. Ф. К вопросу о Пушкинском словаре [Доклад, чит. в заседании Пушкинск. комиссии Моск. о-ва любителей российской словесности]. – Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. – 40 с.

Чернышев 1970– Чернышев В. И. [Рец.] Петров К. Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина // Чернышев В. И. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Просвещение, 1970. – С. 313–322.

Шестакова 2011 – Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

Shestakova Larisa

EXPERIENCES OF REVIEWING OF THE EARLY RUSSIAN AUTHOR LEXICOGRAPHY DICTIONARIES

Article is devoted to questions of dictionary criticism of Russian author lexicography of the early period. It is marked that created at this time the dictionaries of writers language normally didn't receive a reaction in the form of reviews. The first high-grade scientific review was written by famous philologist V. I. Tchernyshev on the Dictionary of D. I. Fonvizin's language compiled by K. Petrov (1904). The detailed study of this dictionary allowed the reviewer to reveal its quantitative and qualitative shortcomings concerning a completeness of a word list, an explanation of word meanings, of methods of representation of proper names, etc. V. I. Tchernyshev has explicated some ideas that were methodologically important for understanding of specifics of the writer's dictionary as dictionary of autonomous type.

АСНОЎНЫЯ КРЫТЭРЫ І АЦЭНКІ ТЛУМАЧАЛЬНЫХ СЛОЎНІКАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ БЕЛАРУСКІХ СЛОЎНІКАВЫХ РЭЦЭНЗІЙ)

Праведзенае намі вывучэнне зыходнага матэрыялу для дадзенага даклада – некалькіх дзесяткаў беларускіх слоўнікавых рэцэнзій на тлумачальныя слоўнікі розных тыпаў і моў – паказала, што першыя такія рэцэнзіі (напрыклад, на слоўнік У.І. Даля) былі апублікаваны беларускімі даследчыкамі яшчэ ў сярэдзіне XIX стагоддзя [Микуцкий 1864], калі пра тлумачальныя слоўнікі беларускай мовы яшчэ ніхто нават і не чуў. На наш погляд, гэта звычайная з’ява для слоўнікавай практыкі: перш чым стварыць свой слоўнік, спачатку вывучаюцца (і заадно рэцэнзуюцца) лепшыя ўзоры створанага ў галіне лексікаграфіі больш развітымі народамі.

Напрыклад, першыя энцыклапедычныя выданні, падрыхтаваныя выдавецтвам “Беларуская Савецкая Энцыклапедыя”, пабачылі свет толькі ў канцы 1960-х гадоў, а рэцэнзіі беларускіх даследчыкаў на ўніверсальныя і галіновыя энцыклапедыі, апублікаваныя выдавецтвам “Вялікая Савецкая Энцыклапедыя”, друкаваліся ўжо ў 1920-я гады [Зьвязда 1928; Барычэўскі 1929]. Аналагічным чынам рэцэнзіі беларускіх мовазнаўцаў на акадэмічныя тлумачальныя слоўнікі славенскай і літоўскай моў [Супрун, Булахаў 1970; Чэжман 1976] былі апублікаваны яшчэ да выхаду з друку першых тамоў ТСБМ. Такім чынам, тэрэтычныя звесткі аб прынцыпах укладання тлумачальных слоўнікаў, асабліва слях іх макра- і мікраструктуры, крытэрыях ацэнкі іх зместу назапашваюцца нацыянальнай металексікаграфіяй нават тады, калі няма яшчэ сваіх нацыянальных слоўнікаў тлумачальнага тыпу.

Дарэчы, пра неабходнасць вывучэння зместу ўжо апублікаваных тлумачальных слоўнікаў рускай, польскай, чэшскай, балгарскай і славацкай моў пры стварэнні першых сваіх тлумачальных слоўнікаў лексікографамі іншых славянскіх краін гаварыў на VII Міжнародным з’ездзе славістаў і выдатны ўкраінскі лексікограф Л.С. Паламарчук: “Вядома, што расіяне, палякі, чэхі ўжо маюць па некалькі тлумачальных слоўнікаў і добрыя традыцыі ў справе іх падрыхтоўкі, а балгары, славакі, стварыўшы тлумачальныя слоўнікі сваіх нацыянальных моў, развіваюць назапашаны вопыт. Зразумела, што ўкраінскія лексікографы, як і слоўнікаўцы іншых славянскіх народаў, што ўпершыню ствараюць тлумачальныя слоўнікі сваіх нацыянальных моў, проста не могуць абмінуць гэтых фундаментальных прац, якія маюць велізарнае навуковае і культурнае значэнне не толькі ў жыцці названых славянскіх народаў, але і ў гісторыі сусветнай лексікаграфіі, усёй філалагічнай навуцы” [Паламарчук 1973: 3].

Па ўказаных вышэй прычынах пры фармаванні зыходнага масіву даных для дадзенага даклада намі ўлічваліся не толькі апублікаваныя і рукапісныя рэцэнзіі айчынных даследчыкаў (А. Баханькова, С. Бердніка,

М. Булахавя, С. Грабчыкава, М. Гуліцкага, М. Даніловіча, Я. Камароўскага, А. Кандрусевіча, Я. Карскага, А. Каўруса, Р. Ключава, В. Краснея, І. Лепешава, М. Лобана, А. Наркевіча, В. Протчанкі, В. Рабкевіча, В. Рагойшы, П. Садоўскага, М. Станкевіча, М. Судніка, Т. Сушы, П. Сцяцко, Т. Тамашевіча, В. Трайкоўскай, В. Феранца, І. Шадурскага, У. Юрэвіча і інш.) на беларускія тлумачальныя слоўнікі розных тыпаў, але таксама іх крытычныя водгукі на тлумачальныя слоўнікі іншых моў (гэта рэцэнзіі А. Баханькова, М. Булахавя, Б. Нормана, А. Супруна, В. Чэсмана і інш.). Першапачаткова ў склад сфармаванага намі зыходнага масіву даных трапіла амаль паўсотні слоўнікавых рэцэнзій беларускіх даследчыкаў.

Разам з тым, больш глыбокае азнаямленне са зместам гэтых рэцэнзій паказала, што далёка не ўсе з іх уяўляюць цікавасць пры абмеркаванні праблемы вылучэння асноўных крытэрыяў ацэнкі тлумачальных слоўнікаў. У прыватнасці, не змяшчаюць карыснай інфармацыі для абмеркавання ўказанай праблемы наступныя групы слоўнікавых рэцэнзій: 1) многія газетныя рэцэнзіі на тлумачальныя слоўнікі, паколькі гэтыя рэцэнзіі маюць нязначны аб'ём і выконваюць пераважным чынам толькі інфармацыйную функцыю; 2) асобныя часопісныя слоўнікавыя рэцэнзіі, якія маюць выключна кампліментарны характар або вызначаюцца невысокім прафесійным узроўнем; 3) усе рукапісныя слоўнікавыя рэцэнзіі, паколькі яны даступныя далёка не для ўсіх удзельнікаў абмеркавання ўказанай праблемы, г.зн. звесткі з такіх рэцэнзій не могуць быць імі правяраны; 4) усе рэцэнзіі на такія тлумачальныя слоўнікі (напрыклад, СМЯК), якія не ўваходзяць у межы тлумачальнай лексікаграфіі, разглядаемай у вузкім сэнсе [Шчэрбін 2011: 295]. Такім чынам, для мэты дадзенага даклада падыходзяць толькі два дзесяткі беларускіх слоўнікавых рэцэнзій, асобныя палажэнні якіх і будуць далей выкарыстоўвацца пры абмеркаванні разглядаемай праблемы.

У сваім папярэднім дакладзе “Тэорыя і практыка беларускай слоўнікавай крытыкі”, прачытаным на апошнім пасяджэнні Камісіі па лексікалогіі і лексікаграфіі пры МКС, якое адбылося ў кастрычніку 2010 г. у Гродне, мне ўжо даводзілася называць асноўныя крытэрыі ацэнкі слоўнікаў, прапанаваныя амерыканскім прафесарам Дж.Б. Макміланам. Такіх крытэрыяў усяго тры: колькасць інфармацыі, якасць інфармацыі і эфектыўнасць яе прадстаўлення ў слоўніку. Пры гэтым кожны з гэтых універсальных крытэрыяў аб'ядноўвае ў сабе шэраг больш дробных слоўнікавых паказчыкаў. Напрыклад, крытэрыі колькасці інфармацыі “уключае лік артыкулаў, лік дэфініцый, лік новых тэрмінаў (у параўнанні з іншымі слоўнікамі), частату выкарыстання прадметна-тэматычных характарыстык, сінонімаў, этымалогій і транскрыпцый» [Landau 1996: 306].

Тым не менш, не падлягае сумненню, што ў працэсе вивучэння зместу слоўнікаў пэўнага тыпу згаданыя вышэй універсальныя крытэрыі ацэнкі слоўнікавай прадукцыі непазбежна будуць трансфармавацца, г.зн. змяняць склад аб'ядноўваемых імі больш дробных слоўнікавых паказчыкаў такім чынам, каб максімальна поўна ўлічыць спецыфіку слоўнікаў дадзенага тыпу. Паспрабуем прадэманстраваць гэта на прыкладах выкарыстання крытэрыю колькасці інфармацыі ў слоўнікавых рэцэнзіях на тлумачальныя

слоўнікі. Так, крытычны разгляд акадэмічных тлумачальных слоўнікаў, пры вызначэнні рээстраў якіх лексікографы абапіраюцца не на свае ўласныя густыці прыхільнасці, а на лексічныя багацці адпаведных фундаментальных картатэк [Паламарчук 1973: 6], з неабходнасцю патрабуе ўлічваць пры выкарыстанні крытэрыю колькасці інфармацыі не толькі лік артыкулаў, лік дэфініцый, лік новых тэрмінаў і да т.п. адзінак у тлумачальным слоўніку, але і колькасныя паказчыкі той слоўнікавай картатэкі, на базе якой ён ствараўся. У ліку такіх паказчыкаў – колькасць тэкставых крыніц розных жанраў, якія ляглі ў аснову картатэкі; працягласць храналагічнага перыяду, які прадстаўлены гэтымі тэкставымі крыніцамі і многае інш.

У прыватнасці, вядомыя французскія металексікографы А. Рэй і С. Дэлесаль прыводзілі на карысць такой пастаноўкі пытання наступныя аргументы: “У залежнасці ад таго, у якой меры пры арганізацыі слоўнікавага артыкула прыцягваецца матэрыял, узяты з літаратурных і дыдактычных тэкстаў, любы крытычны аналіз слоўніка будзе арыентаваны на разгляд аднаго з наступных двух пытанняў: а) у якой ступені дадзены корпус тэкстаў адлюстроўвае і прадстаўляе мову і “ідэалагічную кампетэнцыю” моўнага калектыву ў апісваемы перыяд часу? б) у якой ступені выбар адзінак і іх слоўнікавыя тлумачэнні прадстаўляюць паслядоўную мадэль дадзенай мовы і дадзенай кампетэнцыі?” [Рэй, Делесаль 1983: 284].

У гэтай сувязі цалкам лагічнай для дасягнення мэты нашага даклада будзепастаноўканаступнагапытання: наколькі поўна ўлічваецца ў беларускіх слоўнікавых рэцэнзіях адзначаная вышэй спецыфіка выкарыстання крытэрыю колькасці інфармацыі пры ацэнцы тлумачальных слоўнікаў? Аналіз зместу такіх рэцэнзій паказвае, што, у адрозненне ад складальнікаў ТСБМ і ТСБЛМ, аўтары многіх беларускіх слоўнікавых рэцэнзій адэкватна разумелі гэту спецыфіку, прама ўказваючы на залежнасць, якая існуе паміж рээстравай паўнатай тлумачальнага слоўніка і колькаснымі паказчыкамі той слоўнікавай картатэкі, на базе якой ён ствараўся. Напрыклад, В.М. Чэкман у рэцэнзіі на першыя дзевяць тамоў LKZ (1941-1973) піша пра гэта наступнае: “З самага пачатку LKZ быў задуманы як поўны слоўнік літоўскай мовы. У ім павінны быць адлюстраваны ўсе словы старажытнай літоўскай і сучаснай літаратурнай мовы, уся зафіксаваная дыялектная лексіка, навуковая тэрміналогія, інтэрнацыянальная лексіка і словы гутарковай мовы. ... У кожным канкрэтным выпадку абавязковай з’яўляецца спасылка на крыніцу: старажытныя пісьмовыя помнікі, граматыкі, слоўнікі; дыялектныя запісы, слоўнікі, апублікаваныя ў XIX-XX стст., рукапісы неапублікаваных слоўнікаў; мастацкія, навуковыя, публіцыстычныя творы, перыядычны друк і г.д.” [Чэкман 1976: 64–65].

Колькасныя паказчыкі слоўнікавай картатэкі і іншых крыніц СУМ бярэ пад увагу і А.Я. Баханькоў, калі піша аб тым, што складальнікі СУМ абапіраліся ў сваёй працы “на багатую лексічную базу, якая была ў іх распараджэнні: слоўнікавую картатэку, што налічвала звыш 5 мільёнаў картак, разнастайныя слоўнікі, старыя і новыя, а таксама на іншыя матэрыялы, якія адлюстроўваюць лексіка-фразеалагічны склад украінскай літаратурнай мовы ў шырокіх храналагічных межах – ад І.П. Катлярэўскага

да цяперашняга часу” [Баханькоў 1983: 76]. У сваю чаргу, М.Г. Булахаў у якасці дадатных рысаў ВТССУМ адзначае тое, што яго “укладальнікам удалося ўключыць каля 250 тыс. простых і складаных лексічных адзінак, якія належаць да кадыфікаваных сродкаў літаратурна-пісьмовай мовы, а таксама да вуснай (размовной) разнавіднасці ўкраінскай нацыянальнай мовы, уключаючы дыялектызмы розных тэрыторый. Каб улічыць лексіку, найбольш характэрную для ўкраінскай мовы апошняга часу, укладальнікі выкарысталі звыш 50 лексікаграфічных выданняў XX – пачатку XXI ст. Сярод іх ёсць энцыклапедыі, тлумачальныя, перакладныя, вузкагаліновыя тэрміналагічныя і дыялектныя слоўнікі на ўкраінскай і часткова на рускай мове” [Булахаў 2007: 124].

Шчыльную сувязь паміж колькасцю інфармацыі ў пяцітомным тлумачальным слоўніку славенскай літаратурнай мовы і колькаснымі параметрамі яго картатэкі раскрывае ў сваёй рэцэнзіі на гэты слоўнік і А.Я. Супрун: “У картатэку слоўніка было сабрана 6 млн. картак, на якіх зафіксавана каля 300 тыс. слоў (не ўлічваючы ўласных імён і іншамойных цытат). 182976 слоў картатэкі, не ўключаныя ў асноўны корпус слоўніка, былі змешчаны як спіс у спецыяльным двухтомніку, які выйшаў абмежаваным тыражом у 1987 г.” [Супрун 1992: 76].

Далей, А. Каўрус у сваёй рэцэнзіі на ТСБМ паказвае, як пралікі пры стварэнні фундаментальнай картатэкі беларускай мовы самым адмоўным чынам адбіліся на рээстравай паўнаце гэтага акадэмічнага слоўніка: “Нягледзячы на вялікі аб’ём Слоўніка (больш за 100 тыс. слоў), у яго не ўвайшлі многія патрэбныя, жывыя ў беларускай мове словы. А пры ўяўнай сваёй вялізнасці (ён займае 10 старонак) спіс крыніц аказваўся закрытым для шэрага неабходных пры падрыхтоўцы ТСБМ выданняў і аўтараў. ...У ТСБМ не знайшлося месца (гэта прынцыповая ўстаноўка) для заснавальніка новай беларускай літаратуры В. Дуніна-Марцінкевіча і паэта-дэмакрата Ф. Багушэвіча. ...І Ф. Багушэвіч, і іншыя пісьменнікі, публіцысты XIX – пачатку XX вв. праігнараваны не выпадкова. У ТСБМ прадстаўлена лексіка і фразеалогія сучаснай беларускай мовы, якая існуе, згодна разуменню аўтараў ТСБМ, апошняе паўстагоддзя (лічачы да сярэдзіны 70-х гг., да выхаду першых тамоў Слоўніка). Праўда, М. Лобан, кіраўнік работы па стварэнню ТСБМ, выказваўся за пашырэнне храналагічных рамак крыніц слоўніка, за ўключэнне моўных матэрыялаў, пачынаючы з першых дзесяцігоддзяў XX века” [Каврус 1987: 163], аднак тагачасны дырэктар акадэмічнага Інстытута мовазнаўства, член-карэспандэнт АН БССР М.Р. Суднік не прыслухаўся да яго думкі, паколькі за ўзор пры стварэнні ТСБМ быў узяты МАС, у першым выданні якога “быў прадстаўлены стан слоўнікавага складу рускай літаратурнай мовы 40-50-х гадоў” [Прэдисловіе 1981: 5].

Слушнасьць выказаных у рэцэнзіі А. Каўруса папрокаў у бок складальнікаў ТСБМ пацвярджае і В.П. Лемцюгова, якая кіравала аддзелам лексікалогіі і лексікаграфіі Інстытута мовазнаўства ў 1980-2000-я гады: “З прадмовы да ТСБМ вынікае, што яго рээстр складаецца загульнаўжывальнай лексікі і фразеалогіі беларускай мовы XX ст. Аднак спіс выкарыстаных у слоўніку крыніц уключае толькі публікацыі 1951-1976 гг. Выходзіць,

што слоўнік фіксуе лексіку і фразеалогію далёка не ўсяго стагоддзя, бо цалкам выпаў перыяд беларускага нацыянальнага адраджэння (пачатак ХХ ст.)” [Лемцюгова 2010: 32]. Цікава, што пасля выдання апошняй кнігі ТСБМ і пачатку моцнай крытыкі ў яго бок з нагоды выдавочнай непаўнаты гэтага слоўніка сам М.Р. Суднік пачаў лічыць асноўнай задачай ТСБМ “адлюстраванне лексіка-семантычнага стану беларускай літаратурнай мовы ад пачатку 20 ст. да 1970-х гг.” [Суднік 1987: 259], але словамі, як кажуць, справе не паможаш і дапушчаныя пры складанні ТСБМ пралікі ўжо не выправіш.

У працэсе крытычнага аналізу зместу тлумачальных слоўнікаў беларускія рэцэнзенты абапіраліся не толькі на колькасныя паказчыкі адпаведных лексічных картатэк, але і на іншыя слоўнікавыя паказчыкі, што ўваходзяць у склад крытэрыю колькасці інфармацыі (лік артыкулаў; лік вылучаемых значэнняў у рэестравых слоў; лік уключаемых у рэестр слоўніка тэрмінаў, дыялектызмаў, гістарызмаў, гутарковых слоў і іншых лексічных разрадаў; лік этымалагічных даведак і г.д.). Так, многія з беларускіх рэцэнзентаў ТСБМ лічаць, што лік артыкулаў у ім яўна заніжаны па прычыне таго, што яго складальнікі свядома не ўключылі ў яго рэестр многія шырока пашыраныя дыялектызмы [Красней 1978: 85; Рагойша 1978: 13; Сцяцко 1979: 248; Садоўскі 1986: 169; Бугаёў 1987: 208], навуковыя тэрміны [Красней 1978: 85; Садоўскі 1986: 177; Каврус 1987: 164], гутарковыя і прастамоўныя словы [Красней 1978: 85; Булахаў 1979: 3; Сцяцко 1979: 248; Садоўскі 1986: 174, 176], гістарызмы [Рагойша 1978: 13; Садоўскі 1986: 168], фалькларызмы [Садоўскі 1986: 175], назвы жыхароў беларускіх гарадоў [Садоўскі 1986: 180]; пэўныя групы прыметнікаў і прыслоўяў [Юрэвіч 1978: 7; Булахаў 1979: 2; Каврус 1987: 165]; літарныя абрэвіятуры [Булахаў 1979: 2] і інш. У выніку рэцэнзенты школьных тлумачальных слоўнікаў і ТСБЛМ у якасці іх дадатнай рысы адзначаюць падачу імя многіх тысяч слоў, якія не трапілі ў рэестры ТСБМ і вялікіх акадэмічных слоўнікаў перакладнога тыпу [Сцяцко 1976: 92; Наркевіч 1997: 7].

Акрамя таго, у многіх рэцэнзіях на ТСБМ адзначаецца пропуск або невылучэнне асобных агульнавядомых значэнняў або іх адценняў у часткі рэестравых слоў [Красней 1978: 85; Рагойша 1978: 13; Сцяцко 1979: 250; Садоўскі 1986: 180]. Між тым, як слушна заўважыў С. Грабчыкаў, “галоўнае ў тлумачальным слоўніку любога тыпу – раскрыццё сэнсу слова. Якасць слоўніка ў першую чаргу залежыць ад таго, наколькі вычарпальна раскрыта значэнне слова, наколькі лагічна і стылістычна бездакорныя самі тлумачэнні” [Грабчыкаў 1973: 241]. Асобныя рэцэнзенты ТСБМ і ТСБЛМ адзначаюць непаслядоўную падачу імя этымалагічных даведак пры многіх рэестравых словах іншамоўнага паходжання [Камароўскі, Шадурскі 1978: 3; Суша 1998: 123]. Адначасова ўказваецца на празмернае выкарыстанне ў ТСБМ і ТСБЛМ рэестравага, дэфініцыйнага і іншага матэрыялу з рускіх тлумачальных слоўнікаў: “Замест таго, каб вывучаць лексіку з літаратуры 80-90-х гадоў (навуковай, тэрміналагічнай у тым ліку, мастацкай), складальнікі абралі больш лёгкі і прасты шлях – спісванне артыкулаў з расійскіх тлумачальных слоўнікаў, асабліва аднатомнага “Словаря русского языка” С. Ожагава (як і іх

папярэднікі – складальнікі ТСБМ). З слоўніка Ожагава ёсць не адзінкавыя, а шматлікія артыкулы ТС-96” [Сцяцко 1998: 236].

Такім чынам, вывучэнне зместу існуючых беларускіх слоўнікавых рэцэнзій на тлумачальныя слоўнікі розных тыпаў і моў дазваляе шмат у чым удакладніць пералік слоўнікавых паказчыкаў, якія ўваходзяць у склад асноўных крытэрыяў ацэнкі тлумачальных слоўнікаў.

ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫЯ ПРАЦЫ

ВТССУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ “Перун”, 2007. – 1736 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981–1984.

СМЯК – Слоўнік мовы Янкі Купалы: Т. 1-6 / Пад рэд. У.В. Анічэнкі. – Мн.: БелЭн, 1997–2003.

СУМ – Словник української мови: В 11-и т. / За ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1970–1980.

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мн.: БелЭн, 1996. – 784 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т. (6-ці кн.). / Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мн.: БелСЭ, 1977–1984.

LKZ – Lietuviu kalbos zodynas. In 20 vol. – Vilnius, 1968–2002.

ЛІТАРАТУРА

Барычэўскі 1929 – Барычэўскі А.І. Пра I том “Літаратурнай энцыклапедыі” // Узвышша. – 1929. – № 4. – С. 109–114.

Баханькоў 1983 – Баханькоў А. (Рэц. на: СУМ, 1970–1980) // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 23. – Мн., 1983. – 76–77.

Бугаёў 1987 – Бугаёў Дз. Ці трэба адмаўляць выдавочнае? // Польшча. – 1987. – № 12. – С. 206–209.

Булахаў 1979 – Булахаў М.Г. Важная падзея ў навуковым жыцці. Да выхаду ў свет першых тамоў “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы” // Звязда. – 1979. – 25 ліпеня. – С. 2–3.

Булахаў 2007 – Булахаў М.Г. (Рэц. на: ВТССУМ, 2007) // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 59. – Мн., 2007. – С. 124–128.

Грабчыкаў 1973 – Грабчыкаў С. Тлумачальны слоўнік // Польшча. – 1973. – № 12. – С. 240–244.

Звязда 1928 – Бібліяграфія. “Малая советская энциклопедия” // Звязда. – 1928. – 4 снежня. – С. 4.

Каврус 1987 – Каврус А. Открываются сокровища (Рец. на: ТСБМ, 1977–1984) // Неман. – 1987. – № 11. – С. 162–166.

Камароўскі, Шадурскі 1978 – Камароўскі Я., Шадурскі І. Дарагі скарб // Настаўніцкая газета. – 1978. – 31 мая. – С. 3.

Красней 1978 – Красней В.П. Рэц. на: ТСБМ, т. 1, 1977) // Веснік БДУ. Серыя 4. – 1978. – № 2. – С. 84–85.

Лемцогова 2010 – Лемцогова В. Слова пра слоўнік // Роднае слова. – 2010. – № 12. – С. 31–34.

Микуцкий 1864 – Микуцкий С.П. Несколько слов по поводу Далева русского словаря // День. – 1864. – № 19.

Наркевіч 1997 – Наркевіч А. Новы тлумачальны слоўнік // Настаўніцкая газета. – 1997. – 12 сакавіка. – С. 7.

Паламарчук 1973 – Паламарчук Л.С. Тлумачний словник української мови в колі слов’янських словників цього типу : Доповідь на VII Міжнародному з’їзді славистів (Варшава, серпень 1973 р.). – К.: Наукова думка, 1973. – 20 с.

- Предисловие 1981 – Предисловие ко второму изданию // Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1981. – С. 5.
- Рагойша 1978 – Рагойша В. Скарб // Літаратура і мастацтва. – 1978. – 22 снежня. – С. 13.
- Рей, Делесаль 1983 – Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М., 1983. – С. 261–300.
- Садоўскі 1986 – Садоўскі П. Час одуму. Да выхаду 5-томнага Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы // Польша. – 1986. – № 5. – С. 168–180.
- Суднік 1987 – Суднік М.Р. “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” // Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 т. – Т. 5. – Мн.: БелСЭ, 1987. – С. 259.
- Супрун, Булахаў 1970 – Супрун А., Булахаў М. (Рэц. на: Slovar Slovenskega jezika, I, A-N, Ljubljana, 1970, LXII+846 str.) // Веснік БДУ. Серыя 4. – 1970. – № 3. – С. 85–86.
- Супрун 1992 – Супрун А.Я. (Рэц. на: Слоўнік славенскай літаратурнай мовы. Том 5. Любляна, 1991. Slovar slovenskega jezika. Knjiga V. Ljubljana, 1991) // Веснік БДУ. Серыя 4. – 1992. – № 3. – С. 76.
- Суша 1998 – Суша Т.М. (Рэц. на: ТСБЛМ, 1996) // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 1998. – № 3. – С. 121–123.
- Сцяцко 1976 – Сцяцко П. Кніга на кожны дзень // Народная асвета. – 1976. – № 2. – С. 91–93.
- Сцяцко 1979 – Сцяцко П. Наш агульны скарб (Рэц. на: ТСБМ. Т. 1, 1977; Т. 2, 1978) // Польша. – 1979. – № 6. – С. 245–250.
- Сцяцко 1998 – Сцяцко П. Набытае і страчанае. Да выхаду новага Тлумачальнага слоўніка // Польша. – 1998. – № 1. – С. 227–249.
- Чэкман 1976 – Чэкман В.М. (Рэц. на: LKZ, 1941-1973) // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 9. – Мн., 1976. – С. 64–65.
- Шчэрбін 2011 – Шчэрбін В.К. Тлумачальная лексікаграфія Беларусі // Украінська лексікаграфія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія / Відпов. ред. І.С. Гнатюк. – К., 2011. – С. 295–307.
- Юрэвіч 1978 – Юрэвіч У. Чытаюць слоўнік // Голас Радзімы. – 1978. – 12 кастрычніка. – С. 7.
- Landau 1996 – Landau S.I. Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography. – New York, 1996. – 370 p.

KRITIKA SLOVENSKÝCH SLOVNÍKOV A KONCEPT NORMY¹

Kritiku slovníkov je možné robiť z rozličných aspektov. V slovenskom jazykovom a jazykovednom kontexte sa ako rozhodujúci faktor ukazuje koncept normy a striedanie teoretických a ideologických rámcov, v ktorých fungoval. V oblasti slovnej zásoby je norma spojená s dobovým hodnotením vplyvu češtiny, pretože kultúrna a spisovná slovenčina sa od počiatku vyvíjala a delimitovala vo vzťahu k češtine.

Normu ako jazykovedný koncept vypracúvali predovšetkým predstavitelia pražského funkčného štrukturalizmu v reakcii na puristickú prax časopisu *Naše řeč*. V puristicky orientovanej jazykovede sa hovorilo najmä o „jazykovej správnosti“. V známej kolektívnej práci predstaviteľov pražskej školy *Jazyková kultura a spisovná čeština* B. Havránek ponúkol takéto chápanie normy: „súbor jazykových prostriedkov gramatických aj lexikálnych (štruktúrnych aj mimoštruktúrnych), ktoré sa pravidelne používajú“ [Havránek 1932: 33]. Pri teoretickom zdôvodňovaní spisovnej normy – ktorá nahradila priamočiara chápanú „jazykovú správnosť“ – vložili pražskí lingvisti veľkú explanačnú silu do pojmov „funkcia“ a „funkčnosť“.

Pojem normy sa v priebehu desaťročí modifikoval v závislosti od toho, ktorý aspekt tohto zložitého javu ten-ktorý jazykovedný smer zdôrazňoval. Istý stupeň abstrakcie nám dovoľí konštatovať, že v podstate ide o tri chápania.

Prístup, ktorý je blízky pôvodnému havránkovskému poňatiu vidí normu ako niečo, čo je v jazyku bežné, zaužívané, normálne, teda normu chápe ako úzus väčšiny používateľov daného jazyka. Takáto interpretácia dominuje aj v neskorších sociolingvistických prácach venovaných problematike spisovného jazyka.

Druhé bežné chápanie jazykovej normy sa opiera o hjelmslevovsko-coseriovskú triádu úzus – systém – norma a vidí v norme materializáciu systému, resp. realizovanú časť systému.

Tretie rozšírené ponímanie je blízke sociálnej norme a možno ho opísať ako záväzný predpis určujúci, čo je v jazyku správne a čo nie. Nechápe sa teda primárne ako jav imanentný jazyku, ale ako výsledok cieľavedomej kodifikácie určitých jazykových prostriedkov, ako záväzný predpis regulujúci jazykovú prax. Toto chápanie sa široko uplatňuje najmä v jazykovových publikáciách.

Historické a politicko-spoločenské špecifiká vývoja slovenčiny nás nútia, aby sme okrem štandardných lexikografických opisov slovnej zásoby v podobe výkladových slovníkov brali do úvahy aj pravopisné príručky, ktoré obsahovali pravopisné a gramatické slovníky. Tieto slovníkové prílohy celé desaťročia suplovali chýbajúce výkladové slovníky a boli objektom kritiky z rozličných pozícií.

---

¹ Príspevok bol vypracovaný v rámci grantového projektu VEGA č. 2/0018/11 Slovník súčasného slovenského jazyka – 4. etapa (koncipovanie a redigovanie slovníkových hesiel a tým súvisiaci lexikologicko-lexikografický výskum)

Prvé oficiálne pravidlá pravopisu ako výsledok kolektívnej kodifikácie vyšli v roku 1931, teda v období prvej Československej republiky (1918 – 1939), ktorá vznikla po rozpade Rakúsko-Uhorska. Pravidlá boli odrazom novej sociolingvistickej situácie po roku 1918 – života Čechov a Slovákov v spoločnom štáte – a odrazom novej jazykovopolitickej platformy – uplatňovania doktríny jednotného československého jazyka v hospodárskom a kultúrnom živote nového štátu. Pravidlá nespĺňali podmienku kodifikačnej kontinuity, pretože nenadväzovali na martinský úzus – neoficiálnu, avšak rešpektovanú kodifikáciu –, ale tento úzus fakticky popierali. Martinský úzus predstavoval podobu slovenčiny, ktorá sa ustalovala v poslednej tretine 19. storočia v Turčianskom Sv. Martine ako centre vydavateľskej činnosti podporujúcej a udržiavajúcej národný a jazykový život Slovákov. Martinský úzus bol kodifikovaný v rovine pravopisnej, hláskoslovnej, gramatickej a v obmedzenej miere aj v rovine lexikálnej v *Rukováti spisovnej reči slovenskej* [Czambel 1902; ďalšie vydania v redakcii J. Škultétyho]. Treba povedať, že tento úzus nebol z pochopiteľných príčin celoslovenský, pretože ho ovládala pomerne úzka skupina vzdelaných Slovákov.

Radikálne zmenená sociolingvistická situácia po prevrate v roku 1918 značila predovšetkým to, že slovenčina začala plniť funkcie štátneho jazyka v oblastiach, v ktorých sa dovtedy uplatniť nemohla. Vykonávala to v tesnom kontakte s diferencovanejšou a prepracovanejšou češtinou. Tento stav sa prejavil v masívnom preberaní českých slov fonologicky adaptovaných v duchu slovenčiny: *zemelstvo*, *strízlivý*, *padelateľ*, *kul'hať*, *skľudzeň*, *inkúst*, *silnica*, *péča*, *hrobitov*, *proťajší*, *páter* (chrbtica). V týchto podmienkach aj tá malá hŕstka slovenskej inteligencie, ktorá ovládala spisovnú slovenčinu strácala oporu v martinskom úze. Chaotický vývoj slovenčiny smeroval k akémusi jazykovému hybridu. V tejto situácii vznikli spomínané *Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným a pravopisným slovníkom* (1931; ďalej PSP31) pod redakciou V. Vážného, ktoré boli ako odrazom reálneho destabilizovaného úzu, tak aj koncepcie jednotného jazyka. Slovníková časť PSP31 kodifikovala bohemizmy, ktoré mali v slovenčine svoje ustálené ekvivalenty, napr. popri hesle *lacný* jestvuje aj heslo *levný*, popri *diakon* aj *jáhen*, popri *pomsta* aj *msta*, popri *fl'aša* aj *láhev/láhva*, popri *hradská* aj *silnica* a ďalšie. Mnohé z českých pomenovaní, ktoré sa od slovenských odlišovali len fonematicky alebo slovotvorne boli uvedené ako súčasť variantného záhlavia: *ak i jak*, *bitka i bitva*, *broskyňa i broskva*, *jelša i olša*, *sloboda i svoboda*, *cementáreň i cementárňa*, *háček i háčik*, *javište i javisko*.

Na zásadnú kritiku PSP31, ktoré redukovali charakteristické črty spisovnej slovenčiny a bohemizovali slovnú zásobu, sa podujal H. Bartek. Recenzent vyčíta PSP31 najmä absenciu jednotiaceho princípu, ktorým je hláskoslovný základ strednej slovenčiny [Bartek 1931: 585]. Prejavuje sa to napr. v zavádzaní variantov v typologicky významných dvojiciach: *rokyta – rakyta*, *lokeť – lakeť*, *lhať – luhať*, *rvat' – ruvat'*, *msta – pomsta*, *rtuť* (namiesto *ortuť*), *lví* (namiesto *leví*). Recenzent na viacerých miestach poukázal na to, že pravidlá neodrážajú „živú reč“, či už v slovníku, tvarosloví alebo vo výslovnosti.

Zhmotnením reakcie opozičného jazykového smeru bol roku 1932 vznik časopisu *Slovenská reč*. V jazykovo praktickej (poradenskej a normotvornej) činnosti sa prispievatelia zamerali na posilňovanie „svojskosti“ slovenčiny so

zreteľom na ľudový jazyk a s odvolaním sa na prirodzený jazykový cit Slovákov. Išlo o delimitačnú a výrazne nárečovo orientovanú puristickú prax.

Kodifikačnou odpoveďou na unifikačné PSP31 bolo v roku 1940 druhé oficiálne vydanie *Pravidiel slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom* (PSP40), v ktorých sa uplatnili, hoci nie úplne dôsledne, zásady navrhované H. Bartkom. Komisia na vypracovanie pravidiel zrušila české lexikálne dublety, takže kodifikovala do istej miery odlišný súbor lexikálnych prostriedkov ako PSP31. Pomyselné kodifikačné kyvadlo sa z unifikačnej, bohemizačnej polohy vrátilo k polohe reprezentovanej individuálnou kodifikáciou S. Czambela.

Slovenská verejnosť sa prvého moderného výkladového slovníka dočkala až v roku 1959, keď vyšiel prvý diel *Slovníka slovenského jazyka* (SSJ). Hlavný redaktor slovníka Š. Peciar sa pri formulovaní kritéria jazykovej správnosti a normy inšpiroval zásadami pražských funkcionalistov: „Proti puristickej požiadavke „národnej čistoty“ jazyka treba postaviť ako kritérium jazykovej správnosti časté používanie daného výrazu v praxi, jeho všeobecnú zrozumiteľnosť, jeho účelnosť a vhodnosť v danej funkcii“ [Peciar 1950/1951: 4]. Po vyjdení 4. zväzku SSJ v roku 1964 sa rozprúdila vášnivá diskusia na stránkach týždenníka *Kultúrny život*. Polemiku otvoril článok J. Ferencíka kritizujúci jazykovú prax Slovákov (najmä používanie bohemizmov) a poukazujúci na to, že SSJ absenciou normatívnosti túto situáciu nerieši, ale zhoršuje [Ferencík 1964: 8]. Článok mal príznačný názov *Na obranu starých materi* a apeloval na používateľov slovenčiny, aby nestrácali jazykový cit, ktorí mali naši predkovia („staré matere“). Tento cit treba urobiť kritériom jazykovej správnosti, teda normy vo Ferencíkovom chápaní. Š. Peciar odpovedal článkom *O nehatený rozvoj*, v ktorom konštatoval, že proces ďalšieho zblížovania češtiny a slovenčiny je objektívnou skutočnosťou a úlohou súčasnej jazykovedy je „neklásť tomuto prirodzenému vývoju prekážky, ale ho podporovať vhodnou kodifikáciou“ [Peciar 1964: 8]. Táto formulácia naznačuje, že „prirodzený vývoj“ by mal byť kodifikačne regulovaný. Usmerňované zblížovanie češtiny a slovenčiny (via facti išlo o približovanie slovenčiny k češtine) najmä v oblasti odbornej slovnej zásoby bola úloha, ktorú pred slovenskú jazykovedu postavili ústredné stranícko-štátne orgány. Väčšina diskutujúcich sa postavila proti Š. Peciarovi. Vyčítali mu nedostatok hodnotiaceho postoja k bohemizmom a zanedbávanie národnoreprezentatívnej funkcie jazyka. V situácii, keď bol na jazykovedu vyvíjaný silný politický tlak, aby napomáhala zblížovanie, bolo heslo „o nehatený rozvoj“ vnímané ako výzva nehatiť prílev bohemizmov do slovenčiny. Väčšina Peciarových kritikov vyžadovala od jazykovedcov usmerňovanie vývoja slovenčiny, ale v opačnom smere, ako to robí SSJ.

Táto vonkajšia kritika zo strany kultúrnej verejnosti (spisovateľov, prekladateľov, redaktorov) bola vystriedaná vnútornou kritikou na pôde vedeckej konferencie venovanej zhodnoteniu SSJ. Kritické hlasy poukazovali na nedostatočné plnenie normatívneho zreteľa v tom zmysle, že SSJ ako kodifikačná príručka nemal byť registráciou úzu v dielach slovenských spisovateľov za obdobie 80 – 100 rokov, ale mal mať normotvorný charakter. Išlo o to, že dobový literárny úzus obsahoval veľa bohemizmov, ktoré v slovníku boli v duchu koncepcie jeho hlavného redaktora označené ako slová *knižné, zriedkavé, zastarané*, prípadne

pomocou kombinácií týchto troch kvalifikátorov. E. Pauliny vo svojom oponentskom posudku vyčítal hlavnému redaktorovi, že nebral zreteľ na predchádzajúcu kodifikáciu. Konštatoval, že bohemizmy, ktoré uvádza SSJ s kvalifikátorom *kniž.* alebo *zastar.* vypadli zo slovnej zásoby nie preto, že zastarali, ale preto, že „sa začali pociťovať ako chybné“ [Pauliny 1966: 8]. Š. Peciar neprijal ani vonkajšiu kritiku, ani kritiku lingvistov. Za kritérium spisovnej normy možno podľa neho pokladať iba spoločenské (kolektívne) jazykové vedomie všetkých vrstiev aktívnych používateľov spisovného jazyka, a nie akési „dobré jazykové vedomie“ [Peciar 1966: 118]. Vyjadril presvedčenie, že normatívnu funkciu SSJ plní jediným vedecky prijateľným spôsobom: pomocou štylistických kvalifikátorov na rozdiel od nevedeckého kategorizovania na správne a nesprávne.

Po kritike SSJ stála pred slovenskými jazykovedcami úloha vypracovať novú teóriu spisovnej slovenčiny a jazykovej kultúry, ktorá sa bude uplatňovať pri koncipovaní plánovaného príručného slovníka normatívneho typu. J. Ružička, ktorý sa podujal túto novú teóriu rozpracovať sa na rozdiel od Š. Peciaru k zásadám pražskej školy explicitne nehlásil. S niektorými pražskými konceptmi (ustálenosť, ústrojnosť, norma, funkcia), pravda, pracoval, ale prispôbil si ich svojmu zámeru. Prameňom poznávania spisovného jazyka je podľa J. Ružičku „vybraná, vedome spisovná jazyková prax“ dopĺňaná „dobrým jazykovým povedomím“ a vedeckým opisom [Ružička 1967(a): 287]. Tým, že J. Ružička z prameňov zisťovania normy vylúčil priemerný úzus, a tým, že zo súboru kritérií spisovnej normy (funkcia, ustálenosť, ústrojnosť/systémovosť) vybral ako rozhodujúcu autoritu systémovosť, sa výrazne vymedzil voči postulátom funkcionalistickej teórie jazykovej kultúry, ktorá sa deklaratívne hlási k priemernej jazykovej praxi a ustálenosť i systémovosť podriaďuje kritériu funkčnosti (Matheisius, 1932: 23, 27; Havránek 1932: 40, 41, 74). E. Pauliny a F. Daneš poukázali na to, že hodnotiacim štandardom J. Ružičku je akýsi ideál jazyka, podľa ktorého sa má normovať prax [Pauliny 1967: 53 – 54; Daneš, 1967: 163]. J. Ružička sa explicitne k takému chápaniu prihlásil: „kodifikáciu chceme oprieť do istej miery o náš postulát – čo máme pred očami ako ideálny stav“ [Ružička 1967(b): 132]. S koncipovaním jednozväzkového normatívneho slovníka slovenčiny sa začalo až v roku 1977. Vyšiel po 10 rokoch pod názvom *Krátky slovník slovenského jazyka* (1987; ďalej KSSJ).

KSSJ svojou koncepciou nepochybne reaguje na „zblížovací“ prvok v SSJ a nastavuje prenikaniu bohemizmov „systémovú hrádzu“. Predstavuje preto návrat kyvadla k ideálu pravidelne štruktúrovanej slovenčiny a k vyznávaniu potreby regulačných zásahov nie v mene nárečovo podmienenej svojskosti, ani v mene funkcie, ale tentoraz v mene systému.

Prístup KSSJ je cielene normotvorný, na rozdiel od prístupu registrujúceho normu. Slovník „dotvára“ niektoré slová alebo varianty slov, ktoré vyhovujú predstave systémového utvorenia, resp. predstave o istej „progresívnej“ vývojovej tendencii. Napr. v slovníku sa uvádzajú prídavné mená *kolokvijný* a *kolokviový*, ktoré sa v reči prakticky nevyskytujú, ale sú utvorené „systémovjšie“ ako adjektívum *kolokviálny*, ktoré jediné sa reálne používa. Na základe epizodického výskytu bol kodifikovaný variant *bižutériový* popri bežnom *bižutérny*. V gramatickom aparáte niektorých substantív neživotného mužského rodu sa v Gen sg

pridáva „vývojovo progresívna koncovka“ *-a*, hoci jej výskyt je v daných substantívach úplne raritný (*pánt, rínok, biftek, ústrižok, bloček*) alebo naň nemáme doklady (*bajonet, decht, ión, kolt, meridián, odliatok*).

Z prostriedkov, ktoré autori považovali za nespisovné, sa rozhodli okrem slangizmov uvádzať aj tzv. *subštandardné výrazy*, pod ktorými chápali slová, pri ktorých sa „cudzí pôvod premieta do príznaku nespisovnosti“ (KSSJ: 31). Pre zavedenie kvalifikátora *subšt.* bola podnetom sociolingvisticke orientovaná koncepcia J. Horeckého, ktorý navrhol vertikálnu stratifikáciu celonárodných foriem jazyka od spisovnej formy cez štandardnú až po subštandard [Horecký 1979]. Často išlo o frekventované bohemizmy: *andulka, blbec, sranda, búračka, dopad, fandit', flákať sa, habadej, hecovať*. Časť bohemizmov bola v slovníku priamo označená ako nesprávny výraz: *lizatko, hmoždinka, vodítka, ješitný, čípok, baculatý, doprovod, pamätná doska, jedálničiek* a i.

Vonkajšiu kritiku KSSJ zo strany slovenskej literárnej obce v podstate tvorili dva okruhy pripomienok. Prvý typ kritických poznámok vyplýval z nespĺnených očakávaní verejnosti týkajúcich sa žánra slovníka. Verejnosť čakala viac-zväzkový slovník stredného typu a nebola pripravená na jednozväzkový slovník opisujúci jadro slovnej zásoby. Preto sa kritika v tomto bode vyčerpávala vyratúvaním všetkého, čo v slovníku chýba. Druhým miestom, na ktoré sa kritika zamerala, bolo zavedenie kvalifikátora *subštandardný výraz*. Kritici sa pri takto označených slovách dožadovali označenia „nesprávne“ s odkazom na spisovný ekvivalent [porov. Mihálik 1988: 51].

Vnútorňa kritika slovníka vychádzala zo strany sociolingvisticke orientovaných jazykovedcov, ktorých zaujímal reálny stav používania jazyka a prihovárali sa za kodifikáciu, ktorá by viacej reflektovala väčšinový úzus. Pripúšťali uvádzanie väčšieho množstva variantov a aj bohemizmov, s ohľadom na to, že mnohé z nich sa používali ako bežné kontaktné synonymá aj v tzv. spisovných situáciách.

Slovník súčasného slovenského jazyka (SSSJ 1; SSSJ 2) ako slovník, ktorý chronologicky (1 zv. 2006; 2. zv. 2011) nasleduje po KSSJ vzniká teda v istom kontinuálnom kodifikačnom prostredí charakterizovanom striedavým uplatňovaním protichodných kodifikačných postojov. SSSJ sa musel vyrovnávať s alternatívnymi teoretickými prístupmi a musel si vymedziť pojmovú náplň tradičných konceptov z oblasti teórie spisovného jazyka – funkcia, ustálenosť/vžitosť, systém, norma, úzus [Jarošová 2009]. Cenné podnety nachádzame v pragmatickolingvistickej teórii spisovného jazyka J. Dolníka založenej na interpretácii jazyka z pozície jeho používateľov [Dolník 2010]. Autor v tejto práci predložil originálny koncept slovenčiny ako prirodzeného jazyka, ktorého prirodzenosť je garantovaná okrem iného reálnou normou (na rozdiel od ideálnej), čo v praxi znamená väčšinový úzus. Môžeme teda povedať, že to, čo sa usiluje SSSJ zachytiť je reálna norma. V porovnaní s úzom je na vyššom stupni abstrakcie, je languová a vyhovuje povahe lexikografickej reflexie. Reálnu normu zisťujeme v kartotéke, korpusoch a na internete pomocou kritéria zaužívanosti lexikálnych prostriedkov bez ohľadu na komunikačnú sféru a v druhej aproximácii berieme zreteľ na ich nominačnú funkciu a komunikačnosituačnú ukotvenosť (ktorá do istej miery zrelativizuje frekvenčné údaje). Neusilujeme sa potlačiť variantnosť

uprednostňovaním jednej podoby v mene presadenia nejakej „perspektívnej“ vývojevej tendencie, v mene priamočiaro chápanej systémovosti a pravidelnosti jazyka. V SSSJ uvádzame zistené lexikálne a morfológické varianty v poradí určenom frekvenciou. Podstatne tak rozširujeme okruh variantných prostriedkov v porovnaní s aktuálnou kodifikáciou. Predmetom kritiky bolo najmä vytvorenie kvantitatívnych variantov pri slovách s príponou *-ár*; *-áreň* pred dlhou morférou (*bábkar/bábkár*), ktorých dlhú podobu (*bábkár*) predchádzajúca kodifikácia zrušila ako jednu z výnimiek z tzv. rytmického zákona.

Ďalšie členenie normy na spisovnú a inú (nespisovnú, prípadne nezaraditeľnú) je výsledkom použitia umelých lingvistických kritérií, na čo upozorňuje I. Nebeská, keď spisovnosť spája s tradičným a hlboko zakorenenými hodnotami signifikantnej časti českej populácie [Nebeská 1999: 134]. Takto chápaná spisovnosť je akceptovateľná a aplikovateľná aj v SSSJ. V slovníku uplatňujeme princíp kodifikačnej kontinuity so zreteľom na reálnu normu, a preto dúfame, že pozícia SSSJ na krivke pomyselného kodifikačného kyvadla je pre väčšinu používateľov akceptovateľná, aj keď sa ozvali kritické hlasy.

LEXIKOGRAFICKÉ PRÁCE

KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka. 1. vyd. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková. – Bratislava: Veda, 1987. – 592 s.

PSP31 – Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným a pravopisným slovníkom. 1. vyd. – Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, nákladom Štátneho nakladateľstva v Prahe, 1931. – 364 s.

PSP40 – Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. 1. vyd. – Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1940. – 482 s.

SSJ – Slovník slovenského jazyka. I. – VI. diel. Red. Š. – Peciar. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1959 – 1968. – 4320 s.

SSSJ 1 – Slovník súčasného slovenského jazyka. [1. zv.]. A – G. Red. K. Buzássyová – A. Jarošová. – Bratislava: Veda 2006. – 1134 s.

SSSJ 2 – Slovník súčasného slovenského jazyka. [2. zv.]. H – L. Red.: A. Jarošová – K. Buzássyová. – Bratislava: Veda 2011. – 1088 s.

LITERATÚRA

Bartek 1931 – Bartek H. Pravidlá slovenského pravopisu. In: Slovenské pohľady, 1931, roč. 47, č. 9, s. 579–586.

Czambel 1902 – Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej. – Turčiansky Sv. Martin: Kníhkupecko-nakladateľský spolok 1902. – 375 s.

Daneš 1967 – Daneš F. Kodifikace a hodnocení. In: Kultúra spisovnej slovenčiny. Ed.: J. Ružička. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967, s. 163–165.

Dolník 2010 – Dolník J. Teória spisovného jazyka so zreteľom na spisovnú slovenčinu. – Bratislava: Veda, 2010. – 301 s.

Ferenčík 1964 – Ferenčík J. Na obranu starých materií. In: Kultúrny život, roč. 19, 1964, č. 18, s. 8.
Havránek 1932 – Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura. In: Spisovná čeština a jazyková kultura. Ed.: B. Havránek – M. Weingart. – Praha: Melantrich, 1932, s. 32–84.

Horecký 1979 – Horecký J. Východiská k teórii spisovného jazyka. In: Z teórie spisovného jazyka. Zborník referátov a diskusných príspevkov. Red. J. Kačala. – Bratislava: Veda 1979, s. 13–22.

Jarošová 2009 – Jarošová A. Lexikálna norma a výkladový slovník. In: Slovo – Tvorba – Dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej. Ed.: M. Šimková. – Bratislava: Veda 2009, s. 180–208.

Mathesius 1932 – Mathesius V. O požadavku stability ve spisovném jazyce. In: Spisovná čeština a jazyková kultura. Ed.: B. Havránek – M. Weingart. – Praha: Melantrich, 1932, s. 14–31.

Mihálik 1988 – Mihálik V. Nad závažným dielom. In: Slovenské pohľady, 1988, roč. 104, č. 6, s. 43–55.

Nebeská 1999 – Nebeská I. Jazyk – norma – spisovnosť. – Praha: Nakladatelství Karolinum 1999. – 260 s.

Pauliny 1966 – Pauliny E. Oponentská správa o Slovníku slovenského jazyka. In: Slovenská reč, 1966, roč. 31, č. 1, s. 7–13.

Pauliny 1967 – Pauliny E. K otázkam kodifikácie a normy. In: Kultúra spisovnej slovenčiny. Ed.: J. Ružička. – Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1967, s. 51–53.

Peciar 1950/51 – Peciar Š. Úvodom. In: Slovenská reč, 1950/51, roč. 15, č. 1, s. 1–5.

Peciar 1964 – Peciar Š. O nehatený rozvoj. In: Kultúrny život, 1964, roč. 19, č. 24, s. 8.

Peciar 1966 – Peciar Š. Odpoveď na kritiku SSJ. In: Slovenská reč, 1966, roč. 31, č. 2, s. 113–119.

Ružička 1967(a) – Ružička J. Tézy o slovenčine. In: Kultúra spisovnej slovenčiny. Ed.: J. Ružička. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1967(a), s. 283–290.

Ružička 1967(b) – Ružička J. Záver diskusie k základnému referátu. In: Kultúra spisovnej slovenčiny. Ed.: J. Ružička. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967(b), s. 132–133.

Alexandra Jaroshova

CRITICISM OF SLOVAK DICTIONARIES AND THE CONCEPT OF NORMS

The decisive factor of the dictionary criticism within the Slovak language and linguistic context appears to be the concept of the standard language norms codified by the respective dictionary. As one of the problems of the standard Slovak norms is the presence of bohemisms (words of Czech origin), the lexicographic criticism has been mostly targeted either on the way of their description, or on the amount of bohemisms recognized by the norm. In our paper we follow the trajectory of codification movements in the Slovak lexis, as it can be observed in key codification works of the Slovak language in the 20th century, with three of them being the orthographical dictionaries within *The Rules of Slovak Orthography* and the other three explanatory dictionaries. This curve can be characterized as a pendular movement between two maxims that, though never being filled in their pure and maximal form, had served as a reference point to be observed. The first maxim has been part of the constitutional construct of the 1st Czechoslovak Republic, having the form of the so-called Czechoslovak language in the Slovak version. The second maxim has formed Slovak as an ideal, structurally highly regular and idiomatic language that is to be cleaned from foreign and non-system elements (i.e. mostly lexical bohemisms).

Від упорядників.

Проспекти-інструкції для укладання Словників як важливий документ та етап у їхньому створенні, на превеликий жаль, і досі залишаються обійденими увагою, хоча значення таких праць важко переоцінити. Без усвідомлення теоретичних засад неможливо зрозуміти сутності кінцевого продукту творчості великого колективу. Не раз такі праці було друковано обмеженим накладом без удоступнення його ширшому колу читачів. Ламаючи цю традицію, публікуємо важливий документ з історії української лексикографії останнього періоду. Зіставляючи Інструкцію зі Словником, читач зможе збагнути рух лексикографічної думки, виразніше окреслити ті обмеження й ускладнення, що їх наклали обставини і час.

В основу лексикографічної пам'ятки покладено "Проспект тлумачного словника" П. Й. Горещького, виданий 1958 року для обговорення в наукових колах. Згодом, у ході укладання багатотомного тлумачного Словника української мови, Проспект був значно доопрацьований і доповнений як авторами та редакторами перших томів, так і видавничими редакторами. Зведений та узгоджений варіант нової редакції Проспекту в середині 60-х років ХХ ст. видруковано ротاپринтним способом для службового користування. Досі він зберігався у відділі лексикології та лексикографії в кількох примірниках на правах рукопису. Завдяки публікації Проспект-інструкція увійде до наукового обігу.

Текст Проспекту-інструкції для укладання тлумачного Словника української мови подаємо в авторському стильовому й правописному оформленні.

Проспект-інструкцію готували до друку: Н. П. Затворна (комп'ютерний набір та вичитування), І. А. Прядко, О. М. Миронюк (редагування), І. С. Гнатюк (загальна редакція).

ПРОСПЕКТ (ІНСТРУКЦІЯ ДО УКЛАДАННЯ) СЛОВНИКА
УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (ТЛУМАЧНОГО)

(ДООПРАЦЬОВАНИЙ ЗА ДОСВІДОМ УКЛАДАННЯ І РЕДАГУВАННЯ
ПЕРШИХ ТОМІВ)

Поряд із словниками різного типу – перекладними, синонімічними, термінологічними та іншими, важливими як посібники для опанування мови, – велике значення мають тлумачні словники.

В цих словниках даються широкі відомості про кожне слово: найважливіше – пояснення, або тлумачення, слова в усіх його значеннях і відтінках, а також стилістична характеристика слів і зазначення сфер їх уживання; крім того – граматичні форми слова, наголоси, випадки відхилень у певних формах та ін.

Для наочного показу значень і відтінків слів при них наводяться приклади вживання їх у літературі або короткі словосполучення з цими словами.

В українській лексикографії нема тлумачного словника сучасної української літературної мови. Цю прогалину повинен заповнити “Словник української мови”, що видає Інститут мовознавства АН УРСР.

Завдання Словника – подати по можливості повну лексику і фразеологію сучасної української літературної мови, дати тлумачення цих елементів лексичного складу мови, а також ілюструвати їх уживання.

Відповідно до цих завдань побудований весь Словник: його реєстр, тлумачення загальномовних слів, термінології і фразеологічних зворотів, подавання ілюстративних прикладів та ін.

Словник має нормативний характер. Це досягається: 1) добором лексики його реєстру, подаванням до слів усталених граматичних форм та наголосів і додержанням сучасного правопису; 2) стилістичною характеристикою слів і визначенням сфер їх уживання; 3) показом тих значень (і відтінків значень), які мають слова в літературній мові; 4) ілюстраціями, що дають живі приклади правильного вживання слів і їх стилістичного характеру.

Етимологічних довідок до іншомовних слів, як і взагалі до всіх слів свого реєстру, Словник не дає.

Основою для реєстру Словника і для ілюстративних прикладів є матеріали картотеки Інституту мовознавства АН УРСР, які дають записи з народної творчості XIX – XX ст., з творів художньої української літератури від І. Котляревського до наших днів, а також із поживтневих науково-популярних, публіцистичних та наукових (не вузькоспеціальних) творів, з підручкової літератури для середньої школи і з сучасних періодичних видань.

Допоміжними джерелами до укладання Словника можуть бути такого ж характеру словники інших мов, різного роду (загальні і спеціальні) довідники і енциклопедії, перекладні словники загальні і термінологічні, правописні словники і словники іншомовних слів.

І. ЛЕКСИЧНИЙ СКЛАД СЛОВНИКА

§ 1. Якi слова включаються до реєстру Словника

1. Словник включає активну лексику (і фразеологію) всіх граматичних категорій сучасної української літературної мови від І. Котляревського до наших днів, відбиту в усіх різновидах художньої літератури вказаного періоду, в народній творчості, у працях публіцистичних, суспільно-економічних, науково-популярних і наукових. У Словник вноситься також і ширше вживана пасивна лексика літературної мови, відбита у творах української літератури того ж періоду. При цьому важливим критерієм у доборі лексики для Словника є реальне існування, в минулому чи тепер, того чи іншого слова в суспільному життєвому, його роль у житті як засобу спілкування.

2. Із спеціальної лексики різних наук і мистецтв, техніки і виробництва включаються в реєстр терміни і номенклатурні слова, що ввійшли в підручники з від-

повідних дисциплін загальноосвітньої середньої школи, а також термінологія, яку знаходимо в популярних виданнях, у загальній пресі і яка взагалі ширше вживається в книжній, письмовій і в усній мові (в доповідях, передачах радіо і т.д.), напр.: **автономія, безробіття, коаліція, націоналізація, обезземелення, пауперизм, федерація...** (суспільно-політична лексика); **агностицизм, апріорний, діалектика...** (філософія); **аташе, демарш, нота...** (лексика з ділянки дипломатії); **вирок, декрет, дотація, штати...** (офіційно-ділова мова); **автоген, бульдозер, домна, електросила, засій, прокатка, проходка, шихта...** (промисловість і техніка); **анемія, атропін, стрептоцид...** (медицина); **ацетон, бор...** (хімія); **алювій, делувій...** (геологія); **акрополь, ареопаг...** (історія); **інфінітив, неозначена форма, суфікс...** (граматика); **антена, заземлення, приймач...** (радіо); **алегро, інтродукція, увертюра...**; **акварель, натюрморт, панно...** (з ділянки мистецтва); **ампір, барельєф, барокко...** (будівництво); **алітерація, стопа, строфа, хорей, ямб...** (поетика); **авіаносець, бліндаж, броньовик...** (військова справа); **ангар, космонавт, пікірувати, пілотаж...** (авіація); **аут, баскетбол, гол...**; **шах, цейтнот...** (спорт).

3. З існуючих у сільському господарстві, у промисловості, техніці, науці і мистецтві та ін. професійних назв осіб за їх діяльністю у Словнику даються частіше вживані в художній літературі, в загальній пресі і в усній мові, як напр.: **бавовняр, бульдозерист, вагар, газовик, сталевар; газетяр, нарисовець, фейлетоніст, учитель, кондуктор, секретар; будівничий, художник** і т. ін., і такого ж характеру назви жіночого роду: **доярка, кондукторка, секретарка, учителька...**, а також назви жінок за званням або чином їх чоловіків: **головиха, полковнича** тощо.

4. Назви народів СРСР і назви племен східного слов'янства, а також загальновідомі назви інших народів (**китайці, негри, німці, поляки, угорці...**) і назви різних зниклих народів і племен, що відіграли певну роль у житті східного слов'янства або в світовій історії (**авари, гуни, печеніги, половці, ассирійці...**).

5. Слова, що служать на означення характерних предметів і явищ життя різних народів СРСР та інших країн, напр.: **акин, аул, кетмень, кишлак, улус; кулі, фанза; баркарола, тореадор, чічероне**, і зокрема – назви грошових одиниць у різних народів, напр.: **крона (корона), пезета, пенс, франк...**, а також слова на означення понять, явищ і т. ін. світової історії і античного світу, напр.: **васал, сюзерен, трубадур...; віги, торі, жирондист, якобінець...; вершники, патриції, плебей...**

6. Поширені і засвідчені джерелами назви людей (чоловіків і жінок) за назвою міста або місцевості проживання (**киянин, киянка, львів'янин, львів'янка, москвич, москвичка, полтавець, полтавка, сибіряк, сибірячка...**).

7. Поряд з назвами тварин самців (**ведмідь, вовк, заць...**) назви самок і малят цих тварин: **ведмедиця, вовчиця, зайчиця...; ведмежа, вовчєня, зайчєня (зайча)...**

8. Засвідчені джерелами іменники дієслівного походження на **-ння, -ття (блукання, будування, відбиття...)** і іменники на **-ість**, що утворюються від прикметників (**бадьорість, легкість, білість, близькість, великість...**).

9. Прикметники вищого ступеня, що утворюються з відхиленням від форми звичайного ступеня (**більший – від великий, краший – від гарний...**), а також наявні в матеріалах прикметники найвищого ступеня з префіксами **щонай-, якнай-, (щонайбільший, якнайбільший...)**.

10. Загальнозвживані, широко представлені матеріалами картотеки дієприкметники активні теперішнього часу (**існуючий, спрямовуючий...**), особливо ті, що вживаються в значенні прикметника або іменника (напр.: **керуючий, працюючий...**) або входять до складу термінологічного сполучення (**блукуючі вогні, крокуючий екскаватор...**), а також прикметники або іменники дієприкметникового походження на **-щий (тямущий, трудящий...)**.

11. Наявні в джерелах дієприкметники пасивні від дієслів доконаного виду на **-ний** (**записаний, засіяний, зроблений, вигосний...**) і на **-тий** (**забутий, почутий...**), а також пасивні дієприкметники на **-ний** від дієслів недоконаного виду (типу **висловлюваний, гнаний, розгляданий, здійснюваний, ведений...**) і віддієслівні прикметники на **-ánний, -énний** (типу **здійснénний, подолánний...**) і такі ж утворення з запереченням **не-** (**нездійснénний, неподолánний, незлічénний...**). Зокрема з дієприкметників пасивних на **-ний, -тий** вносяться до реєстру ті, які: 1) мають особливості в утворенні (**замкнений і замкнутий; змелений і змолотий**); 2) набули значення прикметника або іменника (**битий, відкритий, вихований...**); 3) мають розгалужений ряд значень (**вироблений, зароблений...**); 4) мають проти відповідного прикметника (що утворився від дієприкметника) інший наголос (напр.: **варений, пéчений, сма́жений ...** – дієприкметники, а **варéний, печéний, смажéний ...** – прикметники).

12. Засвідчені матеріалами зменшені, пестливі, збільшені і зневажливі іменники (**обідок, річенька, дідуган, вітрюга, бабище...**), прикметники типу **меншенький, манюній, білесенький, білісінький, близенький, далеченький** і похідні від них прислівники (**близенько, далеченько** та ін.), а також присвійні прикметники від слів на означення спорідненості або свояцтва (**братів, доччін...**) і ті прикметники від власних назв, які входять у склад фразеологічних висловів (**дамоклів меч**) або термінологічних сполук (**адамове яблуко, базедова хвороба, лейденська банка, магдебурзьке право**).

13. Наявні в матеріалах складноскорочені слова (напр.: **колгосп, комсомол, місцевком...**), а так само й широко вживані в художній літературі, в загальній пресі і в усній мові буквені скорочення (**КПРС, СРСР, УРСР...**) і складні лексичні одиниці з двох слів, як **марксизм-ленінізм, хата-читальня** і под., крім тих, друга частина яких є прикладка (напр.: **мати-героїня, учений-ентузіаст...**).

14. Продуктивні у словотворенні складові частини складних і складноскорочених слів з поясненням кожної з цих складових частин і з деякими прикладами, напр.: **авіа-** (**авіабаза, авіабомба...**), **багато-** (**багатоагрегатний, багатобарвний**), **держ-** (**держбанк, держкредит...**), **парт-** (**партдисципліна, партквиток...**) або **-знавство** (**красзнавство, мовознавство**).

Найширше вживані складні і складноскорочені слова з такими складовими словотворчими частинами подаються окремими словниковими статтями.

П р и м і т к а: При розробці складних слів з другою частиною **...подібний, ...видний**, надавати перевагу формам з **...подібний**.

15. Засвідчені джерелами прикметники типу **завеликий, замалий** і т. ін.

16. Прислівники (**вночі, зараз...**), в тому числі прислівники на **о, е**, що походять від прикметників (**багато, гарно..., байдуже, гаряче...**). З прислівників, утворених з префіксом **по-** (що пишуться через риску), напр.: **по-братньому, по-вашому, по-українському і по-українськи...**, вносяться до реєстру тільки ширше вживані.

17. Слова історичного фонду літературної мови, які в свій час належали до широко вживаних у дожовтневих авторів і вживаються й тепер у художньо-історичних, науково-популярних, наукових і публіцистичних творах на теми з історичного минулого, а саме: слова на означення установ, явищ і осіб і т. д., що існували до Жовтня (напр., **земство, кріпацтво, панщина, губернатор, дідич, поміщик...**), а також слова на означення різних предметів давнього життя і побуту: назви зброї (**булдимок, фузія...**); назви одягу (**жупан, кобеняк, намітка...**); назви грошей (**алтин, гривня, шаг...**); назви мір (**аршин, берковець, лікоть...**) та ін.

18. Уживані в художній літературі старорусизми (**витязь, віщати, комоні...**) і церковнослов'янзми (**брань і бранний, глава, глагол, глашатай, злато, лепта, рать, ратний, торжество, торжествувати, чертог...**).

19. Із числа слів, що пов'язані з релігійними культами і церковним побутом і належать в основному до церковної літератури, подаються тільки більш відомі в широкому вжитку, напр.: **дяк, ксьондз, великдень, різдво** і т. ін.; з інших – ті: 1) які ширше вживалися у творах дожовтневої літератури і вживаються й тепер у художньо-історичній і науково-популярній літературі (**коран, мітра, псалом, тіара...**); 2) які набули, крім прямого значення, значення переносного (**апостол, вітвар, євангеліє, патріарх...**).

20. Лексичні діалектизми, записи яких є в різних авторів або з творів авторитетного письменника. Діалектизми – омоніми до літературних слів вносяться незалежно від указаних вище умов і розробляються за зразком:

но́ша¹... (Дається тлумачення і приклад).

но́ша², *діал.* (Дається відповідник літературної мови “одяг” і приклад).

гей¹, *виг.* (Дається визначення і приклад).

гей², *спол., діал.* Наче, ніби, немов. (Приклад).

§ 2. Не включаються до реєстру Словника

1. Вузькоспеціальні терміни, що не набули поширення в літературній мові, хоч би вони вживалися в окремих художніх творах, напр.: **глибинофон** (у Трублаїні), або в статтях загальних (не фахових) газет і журналів, напр.: **порядовник** (у будівництві); **шарнірно** (в техніці); **фосфатидні концентрати** (харчова промисловість); **аероїни, бутадієн** (хімія); **фотарій** (охорона здоров'я); **аластрим** (медицина); **анакруза, анаколуф** (поетика); **арагоній** (мінералогія); **каурі, мофета, монгольф'єр** та ін.

2. Власні імена і прізвища людей (**Андрій, Петро, Когляревський, Щоголів...**), крім тих, які стали називними (**дон жуан, іуда**), також власні імена з міфології різних народів (**Аполлон, Венера, Зевс, Ізіда...**).

3. Назви країн чи держав (**Радянський Союз, Польща, Україна,**

Чехословаччина) і географічні назви міст, морів, річок, гір, островів, зірок, планет і т. ін., крім тих, які можуть входити до складу фразеологічних зворотів, напр.: **Содом**: ◊ **Содом і Гоморра...**; **Америка**: ◊ **Відкриті Америки...**

4. Прикметники, утворені від назв міст, морів, річок, гір, островів і т. ін., напр.: **київський, московський, варшавський...**; **біломорський, волзький, кримський...**

5. Слова, що є образливими назвами народів, а також взагалі слова натуралістичного характеру.

6. Прикметники вищого ступеня, що нормально творяться суфіксом **-іш-** (**білий: біліший**, а, е; **новий: новіший**, а, е), і прикметники найвищого ступеня нормального творення з префіксом **най-** (**найбіліший**, а, е; **найновіший**, а, е).

7. Прислівники вищого і найвищого ступеня нормального творення.

8. Складні прикметники на означення поєднання двох чи більше кольорів, напр.: **жовто-синій, червоно-блакитний, червоно-жовто-синій...**, а також інші прикметники, утворені з двох чи більше основ, коли названі цими основами поняття не підпорядковуються одно одному (ці слова пишуться через риску), напр.: **мовно-літературний, порівняльно-історичний, видовжено-ланцетоподібний, народно-розмовний...** Але в тлумаченнях і в цитатах такі слова можна давати.

9. Дієприслівники нормального творення теперішнього часу на **-ачи (-ячи), -учи (-ючи)** (**бачачи, доячи, кажучи, знаючи, поспішаючи...**) і минулого часу на **-ши** (**прибувши, віднівши...**). Але ці форми можуть бути в цитатах-ілюстраціях до відповідних дієслів.

10. Слова разового вжитку або індивідуального утворення, які, хоч би вони й зустрілися в якомусь творі, не закріпилися в суспільному вжитку, напр.: **виявець** (у знач. “виразник” – у Нечуя-Левицького), **поспівний** (у знач. “поетичний”), **рвія**

(“старанність”) (у Старицького), **безтонний** (у знач. “невизначний”) і **безіменний** (у знач. “невимовний”) – кальки з німецької мови у Кобилянської, **брунькоцвіт, прозор, злотозор, підхмар’я, цвіт, голодень і холодень, вечорінь, громолунний, золотолістя, снігопадний** і багато інших.

11. Слова, що були штучно утворені при складанні різних лексикографічних праць: слова-кальки з російських слів (напр.: **безчасся** до рос. б е з в р е м е н ь е; **безвідплатний** до рос. б е з в о з м е з д н ы й; **новомісяччя** до рос. н о в о л у н и е т а і н.); транскрибовані російські слова (напр.: **кістень** до рос. к и с т е н ь; **кулич** до рос. к у л и ч; **кумушка** до рос. к у м у ш к а; **половий** (ім.) до рос. п о л о в о й; **ямщик** до рос. я м щ и к т а і н.) або транскрибовані деякі іншомовні слова загальної мови (не фахової), які не засвоєні в українській мові, напр.: **ватерпруф** – з англійської мови – “непромокальний плащ”, **шампінйон** – з французької мови – “печериця”; **конак** – назва поліцейського управління в Туреччині і т. ін.

12. Вузькодialeктні слова, які в літературній мові не набули ширшого вжитку, зокрема – варіанти загальнолітературних слів з місцевими фонетичними відмінностями, напр.: **дек, тєгги, шінувати** (дяк, тягги, шанувати), **віносити** (виносити), **горівка, орев, стів** (горілка, орел, стіл), **дзигарі** (годинник), **мід** (мед), **келеф** (келих), **тріматі, богач, кожан** і т. ін.

П р и м і т к а: Коли фонетичний діалектизм із зміною першого складу є у творах не одного автора, то такий варіант слова вноситься в реєстр Словника, напр.: **вісень** (осінь) у Марка Вовчка і Лесі Українки, **ятіль, ятель, ятел** (дятел) – у Л. Глібова, С. Руданського, М. Рильського, А. Шияна.

II. БУДОВА СЛОВНИКА, ГРАМАТИЧНІ ФОРМИ І ГРАМАТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА СЛІВ РЕЄСТРУ

§3. У Словник вносяться в алфавітному порядку вказані вище (див. §1, пп. 1-20) лексичні елементи – слова сучасної літературної мови. При цих словах даються зв’язані з ними сталі звороти, термінологічні та номенклатурні сполуки і фразеологізми.

П р и м і т к а: З двох слів, що пишуться однаково, але різняться наголосами, першим у реєстрі дається те, яке має наголос ближче до початку слова, напр.: **зámок і замóк, тéпло (присл.) і теплó (ім.)** та ін.

§4. Фонетичні варіанти реєстрових слів, однаково вживані, даються в одній статті за алфавітом, напр.: **життєвий, життьовий; дієвий, дійвовий...** Варіанти структурні (що різняться між собою будовою) даються кожний окремо; **байдужість і байдужність; знання і знаття; дрімливий і дрімотний; баклажаний і баклажановий.**

П р и м і т к а: Паралельні форми дієприкметників типу **замкнений – замкнутий, розгорнений – розгорнутий,**

обгорнений – обгорнутий даються і тлумачаться в одній статті за алфавітом.

§5. Видові пари дієслів недоконаного і доконаного виду (крім тих, що різняться початком основи, напр.: **писати – написати, брати – взяти**) даються в одній словниковій статті, напр.: **вибачати, вибачити; випитувати, випитати...** Зокрема в одній словниковій статті даються дієслова недоконаного виду з різними суфіксами, напр.: **виробляти і вироблювати; стискати і стискувати; тягти і тягнути** і под. (на першому місці дається ширше вживана форма), а також дієслова підсиленої дії з суфіксами **-ота-, -оті-,** напр.: **булькотати і булькотіти; гуркотати і гуркотіти** і т. ін.

Дієслова з суфіксом **-ну** доконаного виду однократної дії даються окремо од відповідних дієслів недоконаного виду, напр.: **бризнути, стукнути...** (відповідно до **бризкати, стукати...**). Окремо вносяться в реєстр також дієслова доконаного

виду з суфіксом **-ону-** із значенням підсиленої дії, відповідні до дієслів однократних з суфіксом **-ну-**, напр.: **гримонути, гуконути...** (відповідно до **гримнути, гукнути...**).

§ 6. Слова-омоніми (що пишуться однаково, але мають різні значення) даються в окремих статтях з позначками зверху над словом арабськими цифрами 1, 2, напр.: **мати¹** – іменник і **мати²** – дієслово; **коло¹** – іменник і **коло²** – прийменник; **схожість¹** – у значенні “подібність” і **схожість²** у значенні “здатність (зерна) простати”...

§ 7. Окремі значення слів виділяються під арабськими цифрами 1, 2 і т.д., а відтінки значень відділяються від значень основних похилими рисками (//). Кожне нове значення дається з абзаца.

Так само в окремі абзаци виділяються різного типу сполуки: сталі звороти, термінологічні та номенклатурні сполуки і фразеологізми.

§ 8. Всі слова, крім односкладових, даються в Словнику з наголосами – одним або двома (**ба́лка, землі́я; ба́йдуже́, по́милка**). У складних словах, що пишуться через риску (дефіс), так само може бути один або два наголоси (**ві́це-президе́нт, марксі́зм-леніні́зм, сон-трава́**). Наголоси позначаються також у формах відмінюваних слів (напр.: **бич, а́; бі́гти, біжу́, біжі́ш; хто, ко́го**) і в додаткових граматичних формах.

§ 9. Всі відмінювані слова вносяться в реєстр Словника в початковій граматичній формі: іменники, кількісні числівники і займенники неприкметникової форми – в називному відмінку однини (множинні іменники – в називному відмінку множини) (**дві́р, рі́чка, море; сани; чо́тири, ві́сім; хто**); прикметники і дієприкметники, порядкові числівники і займенники прикметникової форми – в чоловічому роді однини (**гарний, синій; засіяний; перший, третій; твій, який**); дієслова – в інфінітиві (**бажати, будувати**).

§ 10. Іменники, що вживаються в сучасній мові тільки у складі прислівників або фразеологічних зворотів, даються в можливому називному відмінку, і при них (після двокрапки) наводиться самий зворот, напр.: **бе́зрік: На бе́зрік, присл.**; **ба́йдики, ів: ◇ Ба́йдики бі́ти...**

§ 11. При відмінюваних іменниках, а також кількісних числівниках і займенниках неприкметникової форми наводиться скорочено або повністю форма родового відмінка однини, напр.: **бук, а, межа́, і; ві́кно, а; день, дня; ніж, ножа́; бистрі́нь, і; близькі́сть, кості; о́сінь, о́сені...; п'я́ть, й; шість, шесті; що, чо́го; я, мене́...**

П р и м і т к а 1 : Закінчення форм реєстрових слів наводяться без дефіса.

П р и м і т к а 2 : Граматичні форми відмінюваних слів реєстру найчастіше даються не повністю, а скорочено, тільки в кінцевих змінних частинах, які потрібні для показу основи слова, належності його до певної граматичної категорії, типу його відмінювання і його наголошення, напр.: **дуб; а, ліс, у; пра́ця, і; се́ло, а́; лоша́, а́ти; щипці́, ів**. Але часто, у зв'язку зі змінами в родовому відмінку основи слова, форма цього відмінка дається з такою найкоротшою частиною основи слова, яка показує ту чи іншу з цих змін, напр.: **ті́ждень, жня; хло́пець, пця; ва́жіль, желя; весе́лість, лості...** Іноді граматична форма родового відмінка дається повністю, напр.: **кінь, коня́; рік, ро́ку; вісь, о́сі; про́стір, про́стору** і т. ін.

§ 12. Коли родовий відмінок іменника чоловічого роду може мати два закінчення **а** і **у**, то вони даються обидва, напр.: **міст, моста́ і мб́сту; сті́л, стола́ і сто́лу...** Якщо ці закінчення виступають залежно від різного значення слова, то стаття оформляється за зразком:

апа́ра́т, ч. 1. род. а. Прилад, пристрій для виконання якої-небудь роботи...

2. род. у. Установа, що обслуговує яку-небудь ділянку державного управління або господарства...

§ 13. Коли два (або три) іменники, що даються разом (в одній статті), мають однакову форму род. відм., то вона наводиться тільки при останньому слові, напр.: **бескід і бескєд, бескєт, у...**

§ 14. Для іменників, що пишуться через дефіс, форма род. відм. подається за таким зразком: **ві́це-президє́нт, а; генерáл-майóр, а** і т. д. (тобто за загальним правилом). Але – інакше для тих, у яких відмінюються обидві складові частини, напр.: **хáта-читáльня** (~и ~і) (з позначенням скорочень тильдою).

§ 15. Коли реєстрова одиниця складається з іменника і прикметника (або навпаки), то форма род. відм. не дається; напр.: **базéдова хворóба**.

§ 16. Закінчення родового відмінка іменників прикметникової форми дається із збереженням попереднього приголосного основи, напр.: **верхові́й, вóго, ч.; подорóжній, нього, ч.; майбúтнє, нього, с.; керúючий, чо́го, ч.; хвóра, ро́ї, ж...**

§ 17. При іменниках, які не відмінюються, ставиться позначка “невідм.”. (**ательє́, невідм., с.; кашне́, невідм., с.**).

§ 18. Після наведення потрібних граматичних форм іменників дається означення їх роду: *ч.* (чоловічий), *ж.* (жіночий), *с.* (середній) (напр.: **ліс, у, ч.; порáда, и, ж.; селó, á, с.**), а при іменниках, які можуть мати значення чоловічого і жіночого роду, ставиться позначка: *ч. і ж.* напр.: **базі́ка, и, ч. і ж. ...; сиротá, í, ч. і ж.**).

§ 19. При іменниках, що мають одну і множину, граматичне значення числа не вказується.

При однозначних іменниках, які не мають множини і в яких про це не свідчать інші їх ознаки (збірність, часто суфікси: **-ість, -ство, -зм** тощо), позначка “*мн. нема*” не ставиться (напр.: **кукурудза, и, ж.; корóзій, í, ж.**).

У полісемічних словах при характеристиці окремих значень при потребі ставляться позначки *тільки одн., тільки мн.*

У багатозначних іменниках після ремарки *тільки мн.* або *перев. мн.* форма множини цього іменника не ставиться, а тлумачення подається в множині.

Іменники, що вживаються тільки у множині, вносяться в цій формі. При них дається, скорочено або повністю, родовий відмінок множини і ставиться позначка “*мн.*” (**двері́, ёй, мн.; щипці́, ів, мн.; я́сла, я́сел, мн.**).

Іменники, які частіше вживаються у множині, даються в цій формі, а в дужках наводиться форма однини з відповідним граматичним оформленням, напр.: **вúса, ів, мн. (одн. вус, а, ч.); гётри, гетр, мн. (одн. гётра, и, ж.)**... За таким зразком оформлюються і назви народів, напр.: **украї́нці, ів, мн. (одн. украї́нець, нця, ч.; украї́нка, и, ж.)**.

При іменниках збірного значення ставиться (після їх граматичних форм) позначка “*збірн.*” (напр.: **грошва́, í, ж., збірн.; лушпíння, я, с., збірн.**), а позначка про граматичне значення числа при них не дається.

§ 20. Прикметники, дієприкметники і порядкові числівники даються в називному відмінку однини чоловічого роду; далі наводяться закінчення їх жіночого і середнього роду, напр.: **чóрний, а, е; сіній, я, е; пóвний, а, е; пéвен, вна, вне; напі́саний, а, е; діючий, а, е; пёрший, а, е; трегі́й, я, е...**

§ 21. Вищий ступінь прикметника, утворений з якимись особливостями або від іншої основи, наводиться як додаткова форма при відповідному прикметнику звичайного ступеня за зразком: **висóкий, а, е; вищ. ст. ви́щий; гáрний, а, е; вищ. ст. кра́щий, а** самі ці додаткові форми вищого ступеня вносяться в реєстр за алфавітом, напр.: **ви́щий, а, е. Вищ. ст. до висóкий; кра́щий, а, е. Вищ. ст. до гáрний.**

Так само оформляються прислівники відповідного творення, напр.: **ві́соко.** Присл. до **висóкий, вищ. ст. ви́ще...**; **ві́ще, присл.** Вищ. ст. до **ві́соко.**

§ 22. Порядкові числівники оформлюються, як прикметники, а числівники кількісні різних категорій – як іменники і супроводяться відповідними граматичними позначками, напр.: **два, двох, числ. кільк.; кіль́ка, ко́х, числ. неознач...**

§ 23. Займенники прикметникової форми оформлюються, як прикметники, і даються з позначкою “займ.” і визначенням їх категорій, напр.: **твій**, тво́я, твоє, *займ. присв...*; **чий**, я́, є́, *займ. 1. присв. ...*

2. *відносн. ...*

При займенниках не прикметникових наводиться форма родового відмінка однини і відповідне визначення їх категорії, напр.: **ти**, тебе́ (з *прийм.*: від тебе́, до тебе́...), *займ. особ. 2 ос. одн. хто*, кого́ (з *прийм.*: від ко́го, до ко́го...), *займ. 1. пит...*

2. *відносн...* і т. ін.

§ 24. До прислівників (**вночі**, **дале́ко**, **за́раз**) дається позначка “*присл.*” – і далі – тлумачення.

§ 25. Дієслова вносяться до реєстру в інфінітиві, і до них даються (скорочено або повністю) їх основні форми: для особових дієслів – форми 1-ої і 2-ої ос. однини теперішнього часу (дієслів недоконаного виду) або майбутнього часу (дієслів доконаного виду), напр.: **бра́ти**, беру, береш; **бря́знути**, ну, неш; **взя́ти**, візьму́, візьмеш; **пита́ти**, аю, аєш; **бо́ятися**, бою́ся, бої́шся...

П р и м і т к а 1: Скорочення особових форм дієслова даються з останнього незмінного звука основи його теперішнього (майбутнього) часу, напр.: **будува́ти**, у́ю, у́єш; **ляка́ти**, а́ю, а́єш; **гри́зти**, зу́, зе́ш і т. ін. Але не скорочено, а повністю даються ці форми:

а) коли їх основа відрізняється від основи інфінітива, напр.: **гна́ти**, жéну, женéш; **сі́сти**, сяду, сядеш;

б) коли зміни (проти інфінітива) відбуваються у префіксі дієслова, напр.: **зібра́ти**, зберу́, збереш; **розбі́ти**, розбі́ю, розбі́єш;

в) коли в них виникає зміна (проти основи інфінітива) перед особовим закінченням, напр.: **могти́**, мо́жу, мо́жеш, але **допомогти́**, ожу́, о́жеш; **сікти́**, січу́, січе́ш; **пла́кати**, пла́чу, пла́чеш; **пусті́ти**, пу́щу, пу́стиш.

П р и м і т к а 2: Коли між формами 1-ої і 2-ої ос. є відмінність у наголошенні, це повинно бути відображене у їх скороченні,

причому скорочення в обох формах треба робити з того самого звука основи, напр.: **переробі́ти**, роблю́, роби́ш (а не: блію, роби́ш, або блію, би́ш); **ході́ти**, ходжу́, ходи́ш (а не: джу́, ходи́ш або джу́, ди́ш). Не можна також при скороченні форм дієслів відривати від скороченої форми один або кілька приголосних без голосного, напр.: **мрі́яти**, мрію́, мріє́ш (а не: ію, іє́ш; але **помрі́яти**, ію, іє́ш); **платі́ти**, плачу́, платі́ш (а не: ачу́, а́тиш, але **заплаті́ти**, ачу́, а́тиш).

П р и м і т к а 3: При дієсловах, що практично не мають форм 1-ої і 2-ої ос. теперішнього (майбутнього) часу однини, а також при деяких дієсловах на **-ся** (середньо-зворотного стану) дається форма 3-ої ос. однини, напр.: **бракува́ти**², у́є (у знач. “не вистачати”); **свербі́ти**, біть; **вляга́ти**, а́є; **криші́тися**, кри́шиться.

П р и м і т к а 4: Коли дієслово має паралельні форми 1-ої і 2-ої ос. однини теперішнього (майбутнього) часу, то наводяться (повністю) обидві форми, напр.: **клепа́ти**, клепа́є, клепа́єш і кле́плю, кле́плеш...

П р и м і т к а 5: Коли дієслово в інфінітиві має паралельні форми, від яких у теперішньому (майбутньому) часі виступають однакові особові форми, ці форми (у скороченні, яке відповідає основам обох паралельних форм) наводяться тільки при останньому варіанті інфінітива, напр.: **напну́ти** і **нап’ясти**, пну́, пне́ш....

§ 26. При безособових дієсловах дається форма 3-ої особи теперішнього (майбутнього) часу однини і ставиться відповідна позначка “*безос.*”, напр.: **світа́ти**, а́є, *безос...*

§ 27. Після граматичних форм дієслова означається його вид: “*недок.*” (недоконаний) або “*док.*” (доконаний), напр.: **випісува́ти**..., *недок.*; **виписа́ти**..., *док.*; **бо́ятися**..., *недок.* При дієсловах, які мають значення недоконаного і доконаного

видів, дається відповідне позначення: “недок. і док.”, напр.: **женіти...**, *недок. і док.*; **мобілізувати...**, *недок. і док.*

§ 28. При дієсловах, що вживаються з прямим додатком (із знахідним відмінком іменника або займенника без прийменника), дається позначка “*перех.*” (перехідне дієслово), напр.: **бачити...**, *перех.*; **питати...**, *перех.*

§ 29. Неперехідність дієслова не позначається, але коли перехідне дієслово може вживатися в якомусь значенні і як неперехідне, то при кожному з цих значень (під окремими цифрами) даються відповідні позначки: 1. *перех.*... 2. *неперех.*...

§ 30. Додаткові форми при дієсловах

Крім основних граматичних форм теперішнього (майбутнього) часу, при деяких дієсловах даються їх додаткові форми (але в реєстр словника вони не вносяться), а саме:

А. Форми минулого часу однини (чоловічого, жіночого і середнього роду) в таких випадках:

1. Коли основа форми минулого часу відрізняється, внаслідок певних фонетичних змін, від основи інфінітива, напр.:

нести, сý...; *мин. ч.* ніс, несла́, ло́...

могти, мо́жу...; *мин. ч.* міг, могла́, ло́...

лягти, ля́жу...; *мин. ч.* ліг, лягла́, ло́...

іти, іду́...; *мин. ч.* ішов, ішла́, ло́...

2. Коли форма минулого часу в чоловічому роді не закінчується на **в**, напр.:

бігти, біжу́...; *мин. ч.* біг, ла, ло...

пасти, сý...; *мин. ч.* пас, ла, ло...

терти, тру...; *мин. ч.* тер, ла, ло...

3. Коли дієслово з суфіксом **-ну-** в минулому часі має дві форми – з цим суфіксом і без нього, напр.:

гаснути, ну...; *мин. ч.* гас і гаснув, ла, ло...

киснути, ну...; *мин. ч.* кис і киснув, ла, ло...

4. Коли є потреба визначити нормативний наголос у цих формах, напр.:

бути, бу́ду...; *мин. ч.* був, була́, ло́; *мн.* були́...

жити, живі́у...; *мин. ч.* жив, жила́, ло́; *мн.* жили́...

літи, ллю́...; *мин. ч.* лив, лила́, ло́; *мн.* лили́...

Б. Форма однини наказового способу дається в тих випадках, коли в утворенні її є якісь особливості або зміни звуків проти основи теперішнього часу, напр.:

стояти, стою́...; *наказ. сп.* стій...

біти, б’ю́...; *наказ. сп.* бий...

літи, ллю́...; *наказ. сп.* лий...

їсти, їм...; *наказ. сп.* їж...

В. Для дієслів **да́ти**, **ї́сти** (так званого архаїчного дієвідмінювання), а також для дієслова **бу́ти**, крім форми 1-ої і 2-ої ос. однини теперішнього (майбутнього) часу, даються форми всіх інших осіб однини і множини, напр.:

да́ти, дам, да́си, дасть; дамó, дастé, даду́ть...

ї́сти, їм, їси́, їсть; їмо́, їсте́, їда́ть...

бу́ти, бу́ду, бу́деш, бу́де; бу́демо, бу́дете, бу́дуть...

Але в похідних префіксованих дієсловах даються тільки форми 1-ої і 2-ої ос. одн. (**ві́дда́ти**, да́м, да́си...; **дої́сти**, їм, їси́...).

Г. Додатково дається форма 3-ої ос. множини теперішнього (майбутнього) часу дієслів 2-ої дієвідміни, основа інфінітива яких закінчується на губний приголосний і які в 1-й ос. однини і в 3-й ос. множини мають перед флексією вставне **л**, напр.:

ро́біти, роблю́, ро́биш; *мн.* ро́блять...

бáвити, влю, виш; *мн.* бáвлять...

купíти, куплю́, кúпиш; *мн.* кúплять...

§ 31. Про граматичне оформлення дієприкметників див. § 20.

§ 32. Прийменники даються з позначкою “*прийм.*”, сполучники з позначкою “*спол.*”, частки – з позначкою “*част.*”, вигуки – з позначкою “*виг.*”.

III. СТИЛІСТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА СЛІВ

§ 33. Величезну частину лексики літературної мови становлять слова, з погляду стилістичного нейтральні, тобто такі, що можуть уживатися в будь-яких стилях (розмовному, книжному, науковому та ін.) писемної і усної мови (напр., слова **бáйка**, **байка́р**, **держáва**, **держáвний**, **десáнт**, **десáнтний**, **житт́я**, **журна́л** і т. ін.).

Разом з тим є багато слів, які виразно виступають як властиві певним стилям літературної мови: з одного боку – слова розмовного характеру, вживані переважно в усному мовленні, з другого – слова переважно книжного вжитку (слова абстрактного значення, терміни і назви з різних галузей науки і т. ін.). Показати стилістичний характер слів реєстру – важливе завдання Словника.

§ 34. Відповідно до сказаного про нейтральну лексику – при словах такого характеру ніяких позначок не ставиться.

§ 35. До слів розмовного характеру дається позначка “*розм.*” – розмовне, тобто слово, вживане переважно в усній мові, а разом з тим і взагалі в літературній мові художніх творів у розмовах дійових осіб, зокрема в драматичних творах, особливо в творах побутового змісту. Такі слова при введенні їх у книжну мову (науково-популярну, наукову та ін.) вносять в неї елементи усно-розмовного характеру.

Розмовні слова даються за зразком:

бігáнйна, *и, ж.*, *розм.* **бігáти**. (Приклад. Джерело).

бідолáха, *рідко бідолáга*, *и, ч. і. ж.*, *розм.* Нещаслива, нещасна людина; бідняга, нещасний. (Приклад. Джерело).

§ 36. Різновиди розмовної лексики – слова фамільярні, лайливі, іронічні та ін. При них не ставиться “*розм.*”, а даються відповідні до їх емоційного характеру такі стилістичні позначки (які самі показують належність слова до розмовної лексики);

“*фам.*” – фамільярне слово, тобто слово, що може бути в розв’язній, “пані-братській” розмові, напр.:

братва, *й, ж.*, *збірн.*, *фам.* Товариші, друзі. – *Ей, братва, розсувайся! Що це ви розляглися, як на пляжі?* (Ткач. Кр. хвиля, 1956, 88).

“*вulg.*” – вульгарне, тобто грубе і безцеремонне слово, якого, через його грубість, слід уникати в літературному вжитку, напр.:

ба́нькй, **ба́ньок**, *мн.*, *вulg.* Очі. *Один Гусак загомонів, – чого ви, братця, так баньки повитріщали?* (Греб., I, 1957, 44).

“*лайл.*” – лайливе слово, тобто слово, що вживається як лайка, напр.:

барáн, *а, ч.* 1...

2...

3. *лайл.* Про нерозумну, слабоумну людину. [Н а р т а л.] *Чому він їм не наступив на шій? Ото б то дякували!... Барани!...* (Л. Укр., II, 1951, 489).

“*зневажл.*” – зневажливе слово, напр.:

базі́ка, *и, ч. і. ж.*, *зневажл.* Той, хто говорить багато, але беззмістовно...

“*жарт.*” – жартівливе слово, напр.:

благові́рний, *ного, ч.*, *жарт.* Про чоловіка (мужа). – *Оце я одна сиділа-сиділа, дожидала-дожидала свого благовірного* (Мирний, III, 1954, 158).

“*ірон.*” – іронічне слово, тобто слово з забарвленням іронії, намішки, напр.:

борзопі́сець, *сця, ч.*, *ірон.* Плодовитий, але поганий письменник, журналіст.

Борзописці буржуазної преси .. на всі лади розхвалюють "демократичні" порядки свого світу (Літ. газ., 2. IV, 1957, 1).

До розмовної лексики належать також слова т. зв. дитячої мови (що вживають діти, а також і дорослі, коли підробляються під дитячу мову). Ці слова подаються так (без зазначення "розм."):

біця..., *дит.* Корова, бик, теля...

мо́ня..., *дит.* Молоко...

§ 37. Слова місцеві, діалектні даються з позначкою "*dial.*", напр.: **багнути...**, *dial.* Дуже хотіти, бажати...

банітува́ти..., *dial.* Журитися, сумувати...

П р и м і т к а: Деякі недіалектні слова, вживані у творах авторів із західних земель, але не відомі в загальноукраїнській літературній мові, вносяться в реєстр в позначкою "*зах.*", напр.:

ві́дчит..., *зах.* Лекція, реферат; **сепара́тка...**, *зах.* Окрема кімната...

§ 38. Слова, що вживаються переважно в книжній (писемній) літературній мові, даються з позначкою "*книжн.*" – книжне, напр.:

аде́пт, а, ч., *книжн.* Прибичник, послідовник якого-небудь учення або ідеї...

аполо́гія, ї, ж., *книжн.* Твір, усний або писаний, в якому автор вихваляє кого-або що-небудь...

§ 39. Слова з забарвленням урочистості, піднесеності вносяться з позначкою "*уроч.*", напр.:

високочо́лий, а, е, *уроч.* Який має високий лоб, високе чоло; поважний, гордий. *Мов ті діди високочолі, Дуби з гетьманщини стоять* (Шевч., I, 1951, 41).

воздві́гнути, ну, неш..., *книжн., заст., уроч.* Збудувати що-небудь високе, велике. *Ти пам'ятник воздвиг собі нерукотворний*. (Рильський, 300 літ, 1954, 48).

§ 40. Лексичні елементи, властиві поезії, поетичній мові, тобто слова з емоцією певної небуденності, що вживаються в художніх творах як паралелі-синоніми замість загальноприйнятих "буденних", нейтральних слів (напр., **звитяга** замість **перемога**; **блакить** зам. **блакитне небо**; **линнути** зам. **летіти**; **година** зам. **пора**, **час**; **юний** зам. **молодий**; **юнь** зам. **молодість**, **молодь** і т. ін.) супроводяться позначкою "*поет.*", напр.:

бо́рвій, ю, ч., *поет.* Великий вітер, буря (Приклад. Джерело).

Відповідні елементи народної поетичної творчості позначаються ремаркою "*нар.-поет.*" напр.:

білозі́р, зора, ч., *нар.-поет.* Загальний і постійний епітет білорих, світлооких людей, тварин, птахів...

§ 41. Церковнослов'янські лексичні елементи, наявні в літературній мові і вживані в ній з певною стилістичною метою, супроводяться позначкою "*ц.-с.*", напр.: **глаго́л...**, *ц.-с.*, **сто́гна...**, *ц.-с.* та ін.

§ 42. При словах номенклатурних і термінологічних ніяких ремарок звичайно не дається. Сфера їх уживання, тобто належність до певної ділянки науки, мистецтва, до техніки і т. ін., розкривається в тлумаченні цих слів. Але при відсутності такого розкриття в тлумаченні дається відповідна позначка: "*фіз.*" (фізика), "*хім.*" (хімія), "*бот.*" (ботаніка), "*муз.*" (музика), "*техн.*" (техніка) і т. ін.

Коли слово вживається у близькому значенні в кількох галузях, то здебільшого при ньому ставиться позначка "*спец.*". Відповідно до сказаного даються, наприклад, слова:

абулі́я... (без позначки "*мед.*"). Ослаблення волі на ґрунті нервового захворювання або великої перевтоми; безвілля...

ага́ва, и.... (без позначки "*бот.*"). Багаторічна тропічна рослина і т. д.

абсорбува́ти..., *фіз., хім.* Вбирати, всисати, всмоктувати...

акомодация..., *спец.* Пристосування до чого-небудь...

апогей... 1. *астр.* Найвіддаленіша від центра Землі точка орбіти Сонця, Місяця та інших планет...

трансплантація..., *спец.* Пересаджування тканин або органів організму (чи рослини) на інше місце або в інший орган (чи рослину).

§ 43. В стилістичних групах розмовної і книжної лексики з їх різновидами можуть бути також слова застарілі (архаїчні), які, хоч у сучасній мові вживаються рідко, були звичайні в творах української літератури ХІХ ст. Частина цих слів виїшла або виходить з літературної мови (хоч іноді і залишається в діалектах), бо їх витіснили інші назви тих предметів, на означення яких вони вживалися, напр.:

атрамент витіснилося словом **чорнило**; **ретьязь** – словом **ланцюг** і т. ін.

Архаїчні слова даються з позначкою “*заст.*”, напр.:

атрамент..., *заст.* Чорнило...

бая..., *заст.* Байка...

§ 44. У числі застарілих лексичних елементів (архаїзмів) є слова – найменування предметів побуту, понять і явищ із давнього історичного, суспільно-економічного і політичного життя українського та інших народів. Хоч ці слова вийшли з лексичного складу сучасної української літературної мови, але предмети, поняття і явища, які вони означають, мали в минулому певне значення в розвитку духовної і матеріальної культури українського народу. Вони, таким чином, є ніби словами-термінами і потребують пояснення з зазначенням хронології (позначка “*заст.*” або “*іст.*” при них не ставиться), напр.:

бердіш, *а, ч.* Старовинна зброя-сокира з лезом довгастою і напівкруглою форми, насаджена на довгий держак...

віче, *а, с.* 1. У давній Русі – народні збори, що були вищим органом влади в деяких містах...

акрѡполь, *я, ч.* У давній Греції – укріплена центральна частина міста, розміщена звичайно на горі; замок.

ІV. ТЛУМАЧЕННЯ СЛІВ

§ 45. Дуже важливою частиною такого Словника, як тлумачний, є з’ясування змісту кожного слова, що може мати не одно, а кілька значень і відтінків.

§ 46. Тлумачення даються по змозі послідовно однотипно для слів кожної граматичної категорії. Вони повинні коротко, але ясно розкривати значення слова і його відтінки.

П р и м і т к а : Пояснення, що може бути як додаток до тлумачення (напр.: “про людину”, “про птахів” та ін.) ставиться в кінці тлумачення (в круглих дужках, звичайним, “своім” шрифтом) (див. приклад § 48, слово **відгустити**..., *перен.*...).

§ 47. Тлумачення даються засобами загальноновживаної літературної мови, без спеціальної лексики, без рідких, діалектних або вульгарних слів. У тлумаченнях треба також уникати таких слів або виразів, які не включені або не будуть включені в реєстр Словника і не будуть у ньому пояснені.

У тлумаченнях можна використовувати неозначені займенники з часткою **-небудь** і **-сь** (кого-, чого-небудь і когось, чогось), надаючи перевагу першим, коли це не погіршує стилю тлумачення.

§ 48. Коли слово має кілька значень, то на першому місці ставиться значення найуживаніше в мовній практиці. Зокрема, коли слово має пряме і переносне значення (чи відтінок значення), то пряме дається і тлумачиться першим; переносне дається з позначкою “*перен.*”, причому воно звичайно подається під окремою цифрою. Але коли воно близько зв’язується з прямим значенням, його доцільніше подати як відтінок прямого, напр.:

автомат..., а, ч. 1. Апарат, машина, прилад, що виконує роботу за допомогою особливого механізму без участі людини...

2...

3. *перен.* Про людину, що діє механічно, машинально...

відгустити... Перестати густити, гудіти. *Веселі бджоли відгули* (Рильський, I, 1956, 27). // *перен.* Закінчитися (про що-небудь бурхливе). *Відгриміло минуле війною, в переможних боях відгуло* (Гончар, Вибр., 1958, 97).

Назви народів переважно тлумачаться при формі множини, тому й переносні значення, якщо вони є, слід тлумачити у множині, напр.:

ванда́лі, ів, мн. (*одн.*, **ванда́л**, а, ч.).

1. *іст.* Східногерманське плем'я, яке, завоювавши частину Римської імперії і Рим, знищило велику кількість цінних пам'яток мистецтва та архітектури.

2. *перен.* Про людей, які нищать, руйнують культурні цінності.

§ 49. Коли слово поряд із загальноновживаним значенням має і значення фахового терміну, то загальноновживане дається першим, напр.:

ва́бити... 1. Притягати до себе; викликати потяг...

2. ...

3. *мисл.* Приманувати птахів чи звірів ваби́ком або голосом, підробленим під їх голос...

Протилежно цьому термінологічне (спеціальне) значення дається і тлумачиться першим у тих випадках, коли загальноновживане становить перенесення або розширення значення термінологічного (спеціального), напр.:

апоге́й... 1. *астр.* Найвіддаленіша від центра Землі точка орбіти Сонця, Місяця та інших планет...

2. *перен.* Найвищий ступінь чого-небудь; вершина, розквіт...

§ 50. Як додаток до тлумачення реєстрового слова даються його синоніми, що становлять слова рівнозначні і загальноновживані, напр.:

бузко́вий... 1...

2. Такого кольору, як квіти бузку; світло-ліловий.

абориге́н... Корінний житель країни або місцевості; тубілець...

§ 51. Синоніми як самостійний елемент замість тлумачення слова даються в таких випадках:

1. Коли реєстрове слово або яке-небудь його значення застаріло і становить дублет до слова сучасної літературної мови, напр.:

ла́нґа..., *книжн.*, *заст.*, *поет.* Щока...

2. Коли реєстрове слово є широкоживаний діалектизм, рівнозначний до загальноновживаного слова літературної мови, напр.:

лі́ця, лиць, *мн.*, *діал.* Щоки...

3. Коли реєстрове слово має виразне стилістичне забарвлення, а до нього є рівнозначний або близький загальноновживаний синонім, напр.:

ді́яння..., *книжн.*, *уроч.* Дія, діло.

§ 52. В окремих випадках при тлумаченні реєстрового слова наводиться як додатковий елемент його антонім, напр.:

білий... Який має колір крейди, снігу; світлий; протилежне ч о р н и й...

живій... Який живе, який виявляє ознаки життя; протилежне м е р т в и й...

спілий... Цілком достиглий, дозрілий; протилежне з е л е н и й...

§ 53. Коли два варіанти слова даються з потрібним тлумаченням в одній статті (**баба́к і байба́к**; **білі́ння і бі́лення**; **бу́бон і бу́бен** і т. ін.), то другий, рідше вживаний варіант, наводиться у відповідному місці за алфавітом без граматичних форм і без тлумачення і при ньому – посилання "див.", на перше слово статті, напр.:

байба́к *див.* **баба́к**.

Похідні форми від фонетичних варіантів розробляються так:

бабаківий, *рідко байбаківий*... Прикм. до **бабáк**, **байбáк** 1.

бабачок, *рідко байбачок*... Зменш.-пестл. до **бабáк**, **байбáк** 1.

Форми **байбаківий** і **байбачок**... фіксуються за алфавітом у відповідному місці реєстру без розробки, а тільки з посиланням “*див.*”:

байбаківий *див.* **бабаківий**.

байбачок *див.* **бабачок**.

Коли ж слова-варіанти розробляються кожне окремо (напр., **брязк** і **брязкіт**), то одно з них не тлумачиться (але граматичні форми вказуються) і при ньому дається посилання на друге слово за формулою: “Те саме, що...”, напр.:

брязк, *у, ч.* (Дається тлумачення і приклад).

брязкіт, *коту, ч.* Те саме, що **брязк**. (Дається тільки приклад).

Похідні форми від морфологічних варіантів розробляються так, щоб показати словотворчу залежність від першооснови. Наприклад: морфологічний варіант до **офіційний** – **офіціальний** тлумачиться так: **офіціальний**, *а, е.* Те саме, що **офіційний**, а похідне від нього **офіціальність**, слід пояснювати з використанням при тлумаченні першооснови: **офіціальність**, *ності, ж.* Абстр. ім. до **офіціальний** (а не **офіціальність**, *ності, ж.* Те саме, що **офіційність**).

Похідні форми від діалектних слів розробляються так само, як і від загально-вживаних. Наприклад:

охвітний, *а, е, діал.* 1. Приємний.

2. Бадьорий.

3. Зручний.

Похідне від нього: **охвітність**, *ності, ж., діал.* Абстр. ім. до **охвітний** (а не – **охвітність**, *ності, ж., діал.*

1. Приємність.

2. Бадьорість.

3. Зручність).

§ 54. Залежно від змісту пояснюваних слів у Словнику застосовуються такі визначення-тлумачення:

1. Назви літер українського алфавіту тлумачаться так:

а. Перша літера українського алфавіту на позначення голосного звука “а”.

б. Друга літера українського алфавіту на позначення приголосного звука “б” (вимовляється “бе”).

П р и м і т к а: Особливості використання літер замість чисел у Словнику не розглядаються.

2. До загальномовних повнозначних слів – дієслів, іменників, прикметників та ін. – даються тлумачення на зразок:

бажáти... 1. *чого, кого або з інфін.* Прагнути що-небудь здійснити, одержати, здобути, мати бажання; хотіти...

2...

бо́ятися... Зазнавати страху, почувати страх, боязнь...

берéза... 1. Лісове білокоре дерево з тонким довгим гіллям і серцевидним листям...

2. *збірн.* Дрова або будівельний матеріал з цього дерева...

білка... 1. Невеличкий лісовий гризун з пухнатим хвостом, що живе на деревах...

2. Хутро з цього звірка...

боронá... Знаряддя для розпушування верхнього шару ґрунту (ріллі)...

бентéжний... Який викликає хвилювання, тривогу; хвилюючий, тривожний...; // Проїнятий, охоплений хвилюванням, схвилюваний, неспокійний.

3. При іменниках-абревіатурах (літерних і інших скороченнях) типу **СРСР, КПСР, УРСР, ЦК, вуз, партком** і т. ін. після граматичного означення дається розкриття за зразком: **СРСР, невідм., ч.** Скорочення: Союз Радянських Соціалістичних Республік; **вуз, у, ч.** Скорочення: вищий навчальний заклад.

Перші частини складних слів з двома і більше значеннями розробляти так:

вєрхньо... Перша частина складних слів, що відповідає слову **вєрхній** у 1 знач., напр.:

вєрхньопа́лубний..., у 2 знач., напр.: **вєрхньотрико-та́жний** у 5 знач., напр.: (приклад).

§ 55. До слів термінологічних тлумачення даються згідно з визначенням цих термінів у відповідних авторитетних джерелах – науково-технічних словниках, енциклопедіях, довідниках, напр.:

ампєр... Одиниця, якою вимірюють силу електричного струму...

базальт... Вулканічна гірська порода щільної або пористої будови переважно темного кольору...

глієсер... Плоскодонне швидкохідне судно (човен) з пропелером, яке рухається по поверхні води...

Коли слово в спеціальному і в загальному літературному вжитку має однакове основне значення, то воно тлумачиться в погодженні з науковим його визначенням, напр.:

сріблє... Благородний м'який блискучий метал сірувато-білого кольору...

§ 56. При ботанічних і зоологічних назвах не загального вжитку перед тлумаченням даються найменування латинською мовою, напр.:

брусніця... 1. (*Vaccinium vitis-idaea*). Напівкущова вічнозелена рослина...

2. Ягоди цієї рослини.

бурундук... (*Eutamias*). Дрібний звірок-гризун з родини білячих, що живе в норах на землі і поширений у тайговій зоні Європи і Північної Азії...

П р и м і т к а: До загальновідомих ботанічних і зоологічних назв (бєрєзє, вєрбєлє, бєлєкє, вєвєкє...) латинські назви не даються.

§ 57. Значення багатьох категорій похідних слів розкриваються через посилання, за встановленими формулами, на основні слова, з якими вони пов'язані етимологічно і які витлумачені у відповідних місцях реєстру (див. §§ 58-66, 87, 89-90).

§ 58. Дієслівні іменники на **-ння, -ття**, які мають значення дії, тлумачаться через відповідні дієслова, напр.:

біління і білення... Дія за знач. **біліти** 1, 2 і **білітися**.

блукання... Дія за знач. **блукати**...

бриття... Дія за знач. **брити** і **бритися**...

Інші значення дієслівних іменників на **-ння, -ття** тлумачаться під окремими цифрами, напр.:

асигнування... 1. *Тільки одн.* Дія за знач. **асигнувати**.

2. Асигнована сума...

§ 59. Віддієслівні іменники, у значенні яких тісно сполучаються дія і звуки, поєднані з цією дією, пояснюються за зразком:

булькання... Дія за знач. **булькати** і звуки, утворювані цією дією...

§ 60. Похідні іменники на **-ість** і на **-ина, -зна, -ота**, що утворені від прикметників і мають значення властивості, якості, стану та ін., тлумачаться через відповідні прикметники, напр.:

безвіхідність... Абстр. ім. до **безвіхідний** 2...

бережливість... Властивість за знач. **бережливий**...

бідність... Стан за знач. **бідний** 1, 3.

білизна... Абстр. ім. до **білий** 1.

гіркість... 1. Якість за знач. **гіркий** 1.

доброта... Властивість за знач. **добрий** 1.

§ 61. Похідні іменники жіночого роду, утворені суфіксами **-ка**, **-ниця** від іменників чоловічого роду, тлумачаться через відповідні слова чоловічого роду:

бібліотéкарка, и, жс. Жін. до **бібліотéкар...**; **викладáчка**, и, жс. Жін. до **викладáч...**; **колгóспниця**, і, жс. Жін. до **колгóспник...**; **ученíця**, і, жс. Жін. до **учень...**

П р и м і т к а: Іменники жіночого роду, семантично відповідні до іменників чоловічого роду, але утворені різними суфіксами, напр., **красуня** і **красень**, **балакуха** і **балакун** та ін., тлумачаться як самостійні.

§ 62. Іменники жіночого роду із значенням “жінка, дружина кого”, утворені від іменників чоловічого роду, тлумачаться через ці іменники:

полкóвниця, і, жс. жінка полковника...; **головíха**, и, жс. жінка голови (у 6 знач.).

П р и м і т к а: Іменники жіночого роду на означення професії чи спеціальності людини, не пов’язані з формою чоловічого роду тлумачаться як самостійні, напр.:

манікю́рниця, і, жс. Спеціалістка, що робить манікюр...

§ 63. Похідні іменники із значенням назв самок тварин пояснюються за зразком:

голúбка... 1. Самиця голуба...

перепелíця... Самиця перепела...

§ 64. Похідні іменники, що означають назви малят тварин, пояснюються через назви відповідних дорослих тварин:

галчєн́я... Пташка галки...

теля... Маля корови...

§ 65. Похідні іменники з суфіксами зменшеності, збільшеності та ін. тлумачаться через відповідні іменники, а при наявності різних значень таких похідних іменників значення емоційної оцінки дається першим.

Якщо іменники з цими суфіксами дають чіткі уявлення про кількісні відношення: розмір, величину, ступінь якості предмета і т. ін. і якщо суфікси цих іменників можна замінити лексичними синонімами, що виражають розмір, величину, ступінь (маленький, невеликий, короткий, мілкий, слабкий і т. ін.), вони в Словнику тлумачаться так:

дзёркальце... Зменш. до **дзёркало**.

бар’єрчик... Зменш. до **бар’єр**.

брошúрка... Зменш. до **брошúра**.

гві́нтик... Зменш. до **гвінт**.

бу́рячіще... Збільш. до **бу́ряк**.

Якщо іменник із суфіксом зменшеності або збільшеності викликає, з одного боку, уявлення про розмір предмета, явища або ступінь виявлення однієї з ознак, а з другого боку, це уявлення про розмір забарвлене певними почуттями – емоційністю, в Словнику використовуються такі тлумачення:

ватру́шечка... Зменш.-пестл. до **ватру́шка**.

волосóчок... Зменш.-пестл. до **волосóк**.

Деякі іменники з цими суфіксами не викликають уявлення про величину предмета, явища, а лише виражають ставлення мовця до значення, яке містить корінь:

бідолáшка... Пестл. до **бідолáха**.

вдівонька... Пестл. до **вдова**.

годíнонька... Пестл. до **годíнка**.

При тлумаченні зменшених утворень із складними суфіксами відсилання треба робити послідовно на проміжну стадію, а не на основне безсуфіксне слово одразу:

волосóк... Зменш. до **вóлос**.

волосóчок... Зменш.-пестл. до **волосóк**.

горбóк... Зменш. до **горб**.

горбóчок... Зменш.-пестл. до **горбóк**.

Ремарка *розм.* при тлумаченнях “Зменш. до...”, “Зменш.-пестл. до...”, “Пестл. до...” не ставиться.

Дуже часто утворення з суфіксами зменшеності є елементами народної поетичної творчості і в Словнику позначаються ремаркою “*нар.-поет.*”:

війно́нька, и, *ж.*, *нар.-поет.* Пестл. до **війна́**.

долинóнька, и, *ж.*, *нар.-поет.* Пестл. до **доліна**.

ніченька, и, *ж.*, *нар.-поет.* Пестл. до **ніч**.

Якщо від однієї першооснови твориться з участю різних суфіксів на означення зменшеності чи пестливості декілька слів, то всі вони тлумачаться з використанням наведених вище формул. Наприклад:

пагі́нчик, а, *ч.* Зменш.-пестл. до **пагі́н**.

па́гонєць, нця, *ч.* Зменш. до **пагі́н**.

па́гонок, нка, *ч.* Зменш. до **пагі́н** (а не: Те саме, що **па́гонєць**).

§ 66. Похідні іменники з суфіксами зменшеності або пестливості та ін., що втратили емоційне забарвлення, а іноді й безпосередній семантичний зв'язок з основним своїм словом, тлумачаться як самостійні, напр.:

ру́чка... 1. Зменш.-пестл. до **рука** 1.

2. Частина предмета, за яку держать або беруть...

3. Прилад до писання...

берéзка... Багаторічна витка рослина-бур'ян...

§ 66 а. Збірні іменники розробляються за таким зразком:

а) Похідні збірні іменники тлумачаться способом відсилання на відповідний іменник у формі однини:

Наприклад: **вороння**, я, *с.* Збірн. до **воро́на**.

куркульня́, і, *ж.*, *зневажл.* Збірн. до **курку́ль**.

студéнтство, а, *с.* Збірн. до **студéнт**.

б) Якщо до збірного іменника немає відповідного щодо змісту й форми іменника в однині, то при ньому після його граматичних форм ставиться позначка *збірн.*; тлумачення до такого іменника, як правило, подається у формі множини. Наприклад: **дрі́б**, дрóбу, *ч.*, *збірн.* Дрі́бні свинцеві кульки для стрільби з мисливської рушниці; шрít.

дрі́бно́та, и, *ж.*, *збірн.*, *розм.* 1. Маленькі, дрі́бні істоти чи предмети.

бідно́та, бідно́ті, *ж.*, *збірн.* Бідні, убогі, незаможні люди.

П р и м і т к а: Якщо в тлумаченні треба використати слово, яке в реєстрі виступає як омонім, тлумачення слід оформляти так: **валовій**², á, é. Зробл. з валу (*див. вал*²).

Зокрема потребують ширшого розгляду тлумачення іменників-назв різних груп рослин і тварин.

§ 67. При тлумаченнях назв рослин і тварин їх родинна назва вказується тільки в тих випадках, коли родина в цілому має велике господарське (позитивне або негативне) значення (напр., злакові, гризуни) або коли це назва рідкої і маловідомої у нас рослини чи тварини (напр.: **білу́ха...** Ссавець з родини дельфінових...).

§ 68. При тлумаченні назв рослин указується належність їх (без позначення “клас”) до дерев, чагарників, трав'янистих рослин, а також перехідні типи рослин, напр.:

азáлія... Південна гірська чагарникова рослина з великими квітами різного забарвлення; вирощується як декоративна...

§ 69. При тлумаченні назв дерев зазначається, листяне дерево чи хвойне, причому коли воно вічнозелене, то вказівка на це додається до перших означень (напр.:

яліна... Хвойне вічнозелене дерево), а для плодових дерев дається тільки вказівка “плодове”, напр.: **яблуня**... Плодове (фруктове) дерево...

§ 70. Для трав'янистих рослин у тлумаченні ще вказується: отруйна (**блекота, молочай**...); бур'ян (**кропива, березка**...); витка (**хміль, плющ**...); сланка (**огірки, кавуни**...).

§ 71. Для рослин рідких або таких, які не ростуть у нашій країні, вказується, де переважно вони поширені, напр.: **бамбук**... Висока тропічна і субтропічна деревовидна рослина з порожнистим колінчастим стеблом і видовженим листям...; **лавр**... Південне листяне вічнозелене дерево...

Примітка: Такі визначення у тлумаченнях, як **болотна, лугова, степова** рослина не даються, бо ці вказівки іноді можуть не відповідати дійсності.

§ 72. При тлумаченні назв рослин указується також на їх використання:

1) вживається як їжа (для їжі, на їжу), напр.: **морква**... 1. Городня рослина; овоч...

2. Корінь цієї рослини, що вживається як їжа...

2) використовується як кормова рослина, напр.:

віка... Трав'яниста бобова кормова рослина...

3) становить сировину для промисловості, напр.:

коноплі... Висока трав'яниста рослина, із стебел якої виробляється прядиво, а з насіння – олія...

4) використовується в медицині (або парфюмерії), напр.: **шавлія**... Трав'яниста рослина; використовується в медицині і парфюмерії...

5) вирощується як декоративна рослина, напр.: **півники**... (*одн. півник, а*). ... Багаторічна трав'яниста рослина з великими жовтими або фіолетовими квітами; вирощується як декоративна; корінь деяких сортів використовується в парфюмерії...

§ 73. Різні значення, що виникли від назв рослин шляхом перенесення, – назви плодів рослин, виготовлених з них продуктів, – даються під окремими цифрами, напр.:

какао... 1. Тропічне дерево, з насіння якого виготовляється шоколад; шоколадне дерево...

2. Порошок з насіння цього дерева...; // Поживний напій (з цукром і молоком) із цього порошку...

§ 74. Такі ж визначення даються при тлумаченні назв плодових рослин усіх груп (дерев, чагарників, трав'янистих рослин) за зразком:

ананас... 1. Тропічна трав'яниста рослина...

2. Великий, овальної форми, соковитий і запашний плід цієї рослини...

малина... 1. Чагарникова ягідна рослина...

2. Звичайно темно-червона кисло-солодка ягода (плід) цієї рослини...

§ 75. У тлумаченнях рослин (дерев, кущів, трав, грибів) указуються не тільки загальні їх ознаки, але й характерні індивідуальні їх прикмети, напр.:

бузók... 1. Чагарникова декоративна рослина, найчастіше з світло-ліловими або з білими запашними квітами-гронами...

2. Квіти цієї рослини. *Букет бузку.*

§ 76. Для грибів у визначенні вказується колір шапки, розмір (тонка, товста, коротка, довга) і форма ніжки (стебла), а також неістівність (отруйність), коли гриб неістівний, напр.:

груздь... Гриб на короткій товстій ніжці з широкою, трохи вгнутою слизистою білою або жовтою шапкою...

§ 77. У тлумаченні назв тварин указується належність тварин до таких класів: 1) найпростіші, 2) кишечнопорожнинні, 3) черв'яки, 4) молюски, 5) комахи, 6) павукоподібні, 7) ракоподібні, 8) риби, 9) земноводні, 10) плазуни, 11) птахи, 12) ссавці, напр.:

амéба... Найпростіша одноклітинна тварина, яка не має сталої форми...

бобёр... Великий водяний (річковий) рідкісний гризун-ссавець з широким пласким хвостом; дає цінне хутро...

краб... Морська ракоподібна тварина з десятьма ніжками...

§ 78. При тлумаченні назв тварин-ссавців указуються такі характерні ознаки: свійська тварина (**корова...**); хижа (**вовк, тигр...**); з цінним хутром (**єнот, лисиця...**); шкідник (**миша, пацюк...**); корисна або яка використовується в господарстві (**вівця, кінь...**).

§ 79. У тлумаченні назв комах указуються такі характерні ознаки: завдає шкоди в господарстві (**вовчок, довгоносик...**); паразитує (**блоха, овід...**); отруйна (**фаланга, скорпіон...**).

§ 80. Для назв птахів у тлумаченні вказується: болотний (**бугай, журавель...**); лісовий (**дятел, сорока...**); степовий (**дрохва...**); морський (**альбатрос, чайка...**); південний (**ібіс, фламінго...**); тропічний (**марабу, папуга...**); північний (**гагарка...**); свійський (**курка, індик...**); дикий (**куріпка, перепілка...**); співочий (**жайворонок, соловей...**); перелітний (**грак, лелека...**); водоплавний (**качка, лебідь...**); хижий (**орел, сова...**); нічний (**сич, сова...**).

П р и м і т к а: Коли птах має кілька характерних ознак, то вони даються всі, напр.: **гуска...** Водоплавний свійський і дикий птах...

чиж... Лісовий співочий птах...

§ 81. Для назв риб у тлумаченні вказується: прісноводна (**в'юн, в'язь, лин, лящ...**); морська (**акула, кефаль...**); перехідного типу (напр.: **вобла...** Морська риба, що заходить у річки для нерестування...); промислова (**кілька, тріска...**); вживається для їжі консервована (**сардинки, шпроти...**); засолена (**оселедці...**); в'ялена (**вобла, таранка...**); цінна своїм м'ясом чи ікрою (всі осетрові і лососеві).

П р и м і т к а: При визначенні риб не вказується "їстівна", бо всі риби, як правило, їстівні.

§ 82. Коли в господарстві мають цінність самець і самиця тварини, то в тлумаченні вказуються характерні особливості (найголовніші) кожної з них, напр.:

бик... Велика свійська рогата тварина-ссавець; самець корови... **коро́ва...** Велика свійська рогата молочна тварина-ссавець; самиця бика...

При тлумаченні деяких дієслів треба додержуватись таких вимог:

§ 83. До дієслів недоконаного і доконаного виду, що ризняться суфіксами і вносяться в одну статтю, тлумачення дається тільки до форми недоконаного виду, але ілюструються обидва види, а при дієслові доконаного виду, що вноситься до реєстру окремо, дається лише посилання на відповідне дієслово недоконаного виду, напр.:

віконати *див. викóнувати.*

викóнувати, ую, уєш, *недок.*, **віконати,** аю, аєш, *док.* (Дається тлумачення і ілюстрації).

забува́ти, аю, аєш, *недок.*, **забу́ти,** б́уду, б́удеш, *док.* (Дається тлумачення і ілюстрації).

забу́ти *див. забува́ти.*

П р и м і т к а 1: У тих випадках, коли значення обох видів збігається в одній формі, тлумачення дається теж до недоконаного виду:

автоматизува́ти, ую, уєш, *недок. і док.*, *перех.* 1. Застосовувати в роботі автоматичні прилади, машини (Приклад. Джерело).

П р и м і т к а 2: Коли якийсь із значень багатозначного дієслова має лише форму доконаного виду, це відповідно позначається і тлумачення дається в формі доконаного виду.

§ 84. Префіксовані дієслова доконаного виду і відповідні до них дієслова недоконаного виду без префіксів вносяться в реєстр кожне окремо за алфавітом, при-

чому тлумачення дається тільки до форми недоконаного виду, а при доконаному вказується: “Док. до...”, граматична ремарка *док.* у таких випадках уже не ставиться, напр.:

марнува́ти, *ю, уєш, недок., перех.* (Дається тлумачення і ілюстрації). **змарнува́ти**, *ю, уєш, перех.* Док. до **марнува́ти**. (Даються тільки ілюстрації).

раді́ти, *ю, ієш, недок.* (Дається тлумачення і ілюстрації).

зраді́ти, *ю, ієш.* Док. до **раді́ти**. (Даються тільки ілюстрації).

П р и м і т к а: Коли префіксоване дієслово доконаного виду співвідносне не до всіх значень багатозначного дієслова недоконаного виду без префікса, це відповідно позначається.

§ 85. При дієсловах пасивного стану дається позначення з посиланням на відповідне дієслово активного стану, напр.:

сқбуватися; *ується, недок.* Пас. до **сқбувати**.

Коли дієслово має два (або більше) значення, то пасивний стан виділяється під окремою цифрою після всіх інших значень за зразком: **автоматизуватися**, *ується, недок. і док.* 1. Ставати автоматичним...

2. *тільки недок.* Пас. до **автоматизува́ти**...

мі́тися, *міюся, мієшся, недок.* 1. Мити себе...

2. Пас. до **міти**...

§ 86. Дієслова, що мають перехідне значення і друге – неперехідне, а також можуть вживатися і безособово, тлумачаться за таким зразком: **пекти**... 1. *перех.* Готувати їжу сухим нагріванням на вогні або на жару (в жару) і т. ін. *Олександра пекла хліб* (Коцюб., I, 1955, 67).

2. *неперех.* Надмірно гріти, надмірно палити. *Сонце пекло, пшениця сохла, от-от буде текти* (Коцюб., II, 1955, 62); // *безос.* *Ну, та й пече! Аж потом обливає* (Мирний, V, 1955, 141).

П р и м і т к а: При самостійних безособових дієсловах дається їх тлумачення в інфінітиві, напр.: **вечоріти**, *іє, недок., безос.* Наближатися, наставати (про вечір); смеркатися.

світа́ти, *ає, недок., безос.* Наближатися, наставати (про світанок); розвиднятися, дніти...

§ 87. Тлумачення багатьох похідних прикметників даються однотипно, за певними зразками. Так, похідні прикметники із загальним значенням відношення до предмета, явища або особи тлумачаться за формулами “Прикм. до...”.

Цим узагальнюючим структурно-семантичним тлумаченням позначаються відіменникові прикметники, в яких іменник повністю зберігає своє предметне значення, тобто такі прикметники, які відрізняються від вихідного слова-іменника лише граматично. Словосполучення з такими прикметниками співвідносні з безприймениковими конструкціями “іменник+іменник у род. в. однини”, наприклад: аденоїдне розрощення – розрощення аденоїдів, берилєві поклади – поклади берилію і т. ін.

Крім того, цією формулою позначаються найбільш типові для відносних прикметників відношення належності, зокрема до певного народу, країни (американський, арабський), до певного розряду, виду, класу предметів, сорту товарів (бавовняні тканини, бакалійні товари), ця формула використовується при поясненні відносних прикметників на позначення частин тіла (акуляча голова, вовчий хвіст), на позначення осіб, що перебувають з ким-небудь у родинних стосунках (куркульський син).

У прикметниках, похідних від назв предметів, формула ”Прикм. до...” відбиває відношення частини до цілого, наприклад: автомобільний двигун, березова гілка і т. ін. У неї входить і значення “Який складається з чого” (березовий гай, бандитська ватага). Загальне тлумачення “Прикм. до...” слід доповнювати додатковими семантичними відтінками, що подаються за // – а) “Зробл. з чого” (бамбу-

кове вудилище), “Вигот. з чого” (металеві деталі), “Пригот. з чого” (абрикосове варення), “Пошитий з чого” (батистова сукня); “Який добув. з чого” (деревний спирт, березовий дьоготь); б) “Який має форму чого” (аркушеве залізо), “Який обсягом (розміром) дорівнює чому” (аршинні кроки); в) “Схожий на що, подібний до чого” (анекдотичний випадок), “Який являє собою що” (абсурдне твердження); г) “Який має у своєму складі (містить у собі) що” (азотні добрива, алкогольні напої); д) “Який здійснюється чим (за допомогою чого)” (автобусні перевезення, болтове з’єднання (деталей), “Виконаний (намальований, вишитий і т. ін.) чим” (акварельний малюнок), “Який працює на основі чого (за принципом чого)” (абсорбційний холодильник); е) “Признач. для чого” (арматурний дріт, буксирний флот, базарна площа), “Який уживається (застосовується) в чому, де” (радіотехнічна апаратура), “Визначений для чого” (банний день, базарний день), “Який виготовляє (випускає) або лагодить що” (автомобільний завод, беконна фабрика); є) “Який перебуває (живе, росте, здійснюється і т. ін.) де” (акваріумні риби, артеріальна кров, баштанні культури, амбулаторне лікування), “Який походить з...” (заморські гості); ж) “Який буває (відбувається, виходить) коли” (березневий сніг, тижнева газета, Січневий пленум); з) “Викликаний (зумовлений) чим” (інфекційна хвороба, алкогольне отруєння), “Який викликає що (призводить до чого)” (апетитна страва, смертельна хвороба, антипатична людина і т. ін.); і) “Який робить (дає, виділяє, справляє) що” (ароматична квітка, бальзамічні дерева, ароматичні речовини; впливова людина, результативний захід і т. ін.).

Для прикметників, утворених від назв людей або тварин-носіїв певних характерних особливостей або рис характеру та від назв неживих об’єктів, яким притаманна якась стала ознака, характерним є групове значення, що подається в Словнику формулою “Власт. кому” (бухгалтерська точність, лисяча хитрість, бібліотечний режим, аптечний запах, архівна тиша і т. ін.). Наприклад: **бібліотечний**, а, е. Прикм. до **бібліотека**. *Бібліотечна справа*.

боровий, а, є. Прикм. до **бір**.

організаційний, а, е. Прикм. до **організація** 1.

англійський, а, е. Прикм. до **англійці** і **Англія**.

комсомольський, а, е. Прикм. до **комсомол** і **комсомолец**. *Комсомольський рух*;

// Власт. комсомольцеві, членові комсомолу. *Комсомольське ставлення до роботи*.

березовий, а, е. Прикм. до **береза**. *Низькоросла ліщина темною крайкою облямовувала світлі березові гаї* (Бойч., Молодість, 1949, 27); // Зробл. з берези. *Березові меблі*; // Який добув. з берези. *Березовий дьоготь*.

ведмежий, а, е. Прикм. до **ведмідь**. *Шарпали таки не мало І мене ведмежі кігті*. (Л. Укр., IV, 1954, 162); // Зробл. з шкури ведмедя. *Ведмежа шуба*.

Іноді відтінок може виступати як основне тлумачення, наприклад:

віртуозний, а, е. Власт. віртуозові. *Віртуозна техніка виконання*.

Іноді відносні прикметники групового значення набирають такого ступеня узагальнення, що можуть виступати означенням не до однієї риси або особливості, а до багатьох понять чи ознак. Вони набувають якісного значення, яке слід розглядати не як відтінок (після //), а виносити в окрему рубрику словникової статті, додаючи до типового тлумачення – “Власт. кому” – відповідні синоніми, напр.:

батьківський, а, е... 2. Власт. батькові, батькам; пройнятий любов’ю.

богатірський, а, е... 2. Такий, як у богатиря, власт. богатиреві, богатирям; могутній.

Крім того, окремим значенням подаємо:

а) Коли відносний прикметник позначає колір (барвінкове небо, малинові уста).

Наприклад: **барвінковий**, а, е. 1. Прикм. до **барвінок** // Зробл. з барвінку. *Барвінковий вінок квітчав граціозну голівку* (Ільч., Серце жде, 1939, 49).

2. Який має колір квітів барвінку; голубуватий. *Білясті хмаринки .. тануть у барвінковому небі* (Коз., Сальвія, 1956, 65).

бурякóвий, а, е. 1. Прикм. до **буряк**. *Бурякові плантації*; // Вигот. з буряків. *Буряковий морс*.

2. розм. Який має колір буряків; лілово-червоний.

б) Коли відносний прикметник утворився від іменника, що мав пряме і переносне значення.

Наприклад: **абеткóвий**, а, е... 2. Загальновідомий, елементарний.

Це значення слова **абеткóвий** виникло на основі переносного значення слова **абéтка**: “Основні відомості з якої-небудь науки; найпростіші, загальновідомі положення, основи чого-небудь”.

в) Коли відносний прикметник може походити від двох рівних іменникових основ.

Наприклад: **акробатічний**, а, е. 1. Стос. до акробатики. *Акробатичні вправи*.

2. Власт. акробатові; спритний. *Акробатичні рухи*.

Відношення до певних галузей знань, ділянок культури, наукових і філософських напрямів, суспільних рухів, до сфери людських емоцій – загалом до абстрактних понять, позначаються тлумаченням “Стос. до...”, напр.: біологічний, агротехнічний, антропологічний, архітектурний і т. ін.

виховні́й, а, е. Стос. до виховання. *Виховна година*. Коли в прикметниках треба показати стосовність до однини та множини іменника, це відповідно і здійснюється:

валу́нний, а, е. Стос. до валуна́, валу́нів.

ба́тьківський, а, е... 2. Власт. батькові, батькам.

Відносні прикметники, похідні від назв осіб, відбиваючи відношення індивідуального володіння певним майном, стоять на межі між присвійними та відносними. До таких прикметників після типового тлумачення “Прикм. до...” додаємо як відтінок (після //) “Належний кому”, напр.:

ба́тьківський, а, е. Прикм. до **ба́тько**; // Належний батькові. *Батьківське майно*.

§ 88. Уживання прикметників і дієприкметників у значенні іменників відбивається в Словнику. Якщо прикметник або дієприкметник уживається в значенні іменника і між ними немає семантичної відмінності, то останній подається як відтінок (після знака //) за формулою “у знач. ім.”; при наявності ж семантичної відмінності – окремих значенням. Наприклад:

бага́тий, а, е. 1. Який має багатство; заможний...: // у знач. ім. **бага́тий**, того, ч. Заможна людина; багач.

віру́ючий, а, е. Дієпр. до **вірувати**... // у знач. ім. **віру́ючий**, чого, ч. Той, хто дотримується релігійних поглядів; релігійна людина.

Субстантивовані прикметники з однаковим значенням у формі чоловічого та жіночого роду розробляються поряд, тлумачення підбирається таке, яке відповідає обом цим формам. Наприклад: **негра́мотний**, а, е... // у знач. ім. **негра́мотний**, ного, ч., **негра́мотна**, но́ї, ж. Людина, яка не вміє читати й писати.

§ 89. Дієприкметники тлумачаться за зразками:

зроста́ючий, а, е. Дієпр. акт. теп. ч. до **зроста́ти**.

викóнуваний, а, е. Дієпр. пас. теп. ч. до **викóнувати**.

ві́конаний, а, е. Дієпр. пас. мин. ч. до **ві́конати**.

гна́ний... Дієпр. пас. теп. і мин. ч. до **гна́ти**.

керóваний... Дієпр. пас. теп. і мин. ч. до **керува́ти**.

закві́тчаний... Дієпр. пас. мин. ч. до **закві́тча́ти**.

Форми на **-но**, **-то** подаються при пасивних дієприкметниках так: // **вші́то**, *безос. присудк. сл.* (далі приклад). Вони подаються в кінці розробки відповідного значення дієприкметника (після всіх відтінків). Наприклад:

наспіваний, а, е. Дієпр. пас. мин. ч. до **наспівати**. (приклад); // у знач. прикм. (приклади); // **наспівано**, *безос. присудк. сл.* (приклади).

§ 90. Прислівники тлумачаться за зразками: **вранці**, *присл.* В ранішній час; ранком...

незабаром, *присл.* Через невеликий час; скоро...

Прислівники на **о**, **е**, що походять від прикметників, тлумачаться через відповідні прикметники; напр.:

брідно. Присл. до **брудний**...

Уживання таких прислівників у значенні присудкового слова позначається відповідно за формулою у знач. *присудк. сл.*; подаються вони як відтинки (після //) або як окремі значення, залежно від семантичної близькості чи відмінності.

Коли такий прислівник утворений від багатозначного прикметника і співвідносний не до всіх його значень, це відповідно позначається, напр.:

близько. Присл. до **близький** 1, 2, 5.

Уживання таких прислівників у значенні присудкового слова виділяється в окреме значення.

При словах типу **слід**, **треба**, **можна** ставиться ремарка *присудк. сл.*, а далі дається відповідне тлумачення.

§ 91. Числівники тлумачаться за такими зразками: **три**, *трьох, числ. кільк.* Назва числа і цифри 3; // Кількість із 3 одиниць (так тлумачаться кількісні числівники до 9 включно).

п'ятнадцять, *и, числ. кільк.* Назва числа 15 і його цифрового позначення; // Кількість із 15 одиниць (так тлумачаться кількісні числівники, починаючи з 10).

другий, а, е. 1. Числівник порядковий, відповідний до кількісного числівника **два**...

2. Не перший, не головний; другорядний...

§ 92. До займенників даються тлумачення за зразками: **ти**, *тебе (з прийм. від тебе, до тебе...)*, **займ. особ. 2-ої ос. одн.** Уживається при звертанні до однієї особи...

ви, *вас, займ. особ. 2-ої ос. мн.* Уживається при звертанні до кількох осіб або, як форма ввічливості, до однієї особи...

твій, *твоя, твоє, займ. присв.* Належний тобі...

який, *а, е, займ.* 1. *пит.* Уживається при запитанні про якість, властивість і інші ознаки предмета.

2. *відносн.*...

§ 93. Прийменники, сполучники, частки і вигуки тлумачаться за такими зразками:

без, *прийм., з род. в.* 1. Уживається при зазначенні відсутності кого-, чого-небудь.

2....

або, *спол.* 1. *розділ.*...

2. *поясн.* Уживається у знач. *т о б т о, і н а к ш е к а ж у ч и*...

бо², *част.* 1. *спонук.* Уживається переважно при дієслівних формах і інших, близьких до них значенням...

2. *підсил.* ...

ах, *виг.* Уживається при вираженні переляку, здивування, радості і т. ін....

бух, *виг.* 1. Звуконаслідування, що означає звук від удару, падіння, пострілу...

2. *розм.* Уживається як присудок за знач. **бұхати** 1, 3, 4, **бұхнути** 1, 3, 5, **бұхатися**, **бұхнутися**. *Заридала Катерина та бух йому в ноги.* (Шевч., I, 1951, 33).

§ 94. Вставні слова розробляються за такими зразками: **ма́бу́ть**, *вставн. сл.* Уживається для вираження непевності у чому-небудь.

зрозуміло. 1. Присл. до **зрозумілий**...

2. у знач. *вставн. сл.* Уживається для потвердження висловлення.

здаватися... **зда́тися**²... 1. Мати який-небудь вигляд...

2. З'являтися в думках, в уяві.

3. У знач. вставн. сл. **здається**. Уживається для вираження непевності в чому-небудь.

§ 95. У Словнику відзначаються також типові випадки образного вживання слова і звичайні, усталені в мові випадки вживання його в порівнянні. Вони вносяться в текст розробки певного значення слова з позначками “Образно” і “У порівн.” після зірки (*) в указаній послідовності, напр.:

На слово **буревісник** (птах альбатрос), після прикладів на 2-е значення “провісник бурі”; *Образно, *Мчать* [“Катюші”]..., *посилаючи народам Європи радісних червоних своїх буревісників* (Гончар, I, 1954, 36); або на слово **буря**, після прикладів на пряме значення; *Образно. *Воєнна буря закрутила, Латинське серце замутила* (Котл., I, 1952, 192). На слово **барс**, після прикладів на це слово; *У порівн. *І ніч повзла, як барс, по кручах* (Бажан, Вибр., 1940, 186); на слово **бóчка**, після прикладів на це слово; *У порівн. *Бурхнуло з неба, як із бочки* (Котл., I, 1952, 106).

П р и м і т к а 1: Порівняння може бути виражене без слів **як**, **наче** та ін., а орудним відмінком іменника, напр., при слові **бліскавка**: *Через його голову перемкнула блискавкою думка* (Фр., V, 1951, 224).

П р и м і т к а 2: Під позначкою “У порівн.” можна давати лише речення з тим реєстровим словом, що лежить в основі порівняння.

Слова такого ж характеру (в орудному відмінку) іноді доцільно розглядати як прислівники і подавати окремим значенням відповідного іменника, напр.:

віхор, хору і хру, ч. 1. **Круговий рух вітру...**

2. ...

3. у знач. присл. **віхором і віхром**. Дуже швидко.

V. ПОЗНАЧКИ ПРИ ДІЄСЛОВАХ ТА ІНШИХ СЛОВАХ ДЛЯ ПОКАЗУ КЕРУВАННЯ

§ 96. При дієсловах (найчастіше) як перехідних, так і неперехідних, що вживаються з непрямим додатком, для показу їх керування даються потрібні вказівки синтаксичного характеру, напр.:

бажати... 1. *кого, чого, з інфін.* (Тлумачення. Приклади).

2. *кому чого...* (Тлумачення. Приклади).

Коли для дієслова типове вживання в головному реченні, яке вимагає підрядного із сполучниками **що**, **щоб**, **як** та ін., це відповідно позначається в розробці “із спол. **що**”, “із спол. **щоб**”, “із спол. **як**” та ін., напр.:

прагнути... 1. *кого, чого, з інфін.* (Тлумачення).

І кожний цех, і кожний лан нових здобутків прагне (Заб., Одна сім’я, 1950, 27); *Франко все життя прагнув “з народним болем в один такт горіти”* (Козл., Відр. народу, 1950, 34);

2. *до чого, також із спол. щоб.* (Тлумачення). *Іван Франко свідомо прагнув до єдиної літературної мови* (Рильський, III, 1956, 79); *Прагне гаряче вона, Щоб цей арик був скінчений сповна* (Бажан, II, 1947, 244).

Керування визначається, крім дієслів, також і при інших словах, зокрема – при іменниках і прикметниках, напр.:

боротьба... 1....

2. *з ким-чим, проти кого-чого.* (Тлумачення. Приклад). **багатий**... 1....

2. *на що, чим.* Який має багато, в достатку чого.

Багатий на лати та на дрібні сльози (Шевч., I, 1951, 85).

Відображаючи дієслівне керування, необхідно подавати при потребі і його стилістичну характеристику або характеристику щодо широти вживання, наприклад:

журітися..., *про кого-що, за кого-що, розм. за ким-чим, заст. ким, чим.*

докоп'ятися..., *до чого, розм., рідко, чого.*

Іноді необхідно відзначати, що для даного значення характерне вживання з якоюсь частиною мови чи певним словом. У таких випадках перед тлумаченням уживаються ремарки:

у сполуч. з ім., також із сл. з а м і ж, перев. з запереч. не і т. ін.

VI. ФРАЗЕОЛОГІЯ І ПОДАВАННЯ ЇЇ В СЛОВНИКУ

§ 97. До Тлумачного Словника включається пов'язана з певними словами фразеологія. До цієї ділянки мови належать різного роду словосполучення переважно образного і емоційного характеру, властиві найбільше розмовній мові і, відповідно, ширше чи вужче вживані в різних стилях літературної мови – в художній літературі (XIX ст. і сучасній), публіцистичній, суспільно-економічній і науково-популярній. Це так звані фразеологічні зрощення (абодіоми) (напр.: **впадати в око; ні пари з уст; припасти до серця; точити яси** і т. ін.), фразеологічні і єдності (напр.: **розбити глек; чужими руками жар загрібати; оглядатися на задні колеса; дивитися крізь пальці** та ін.), різні словосполучення літературного походження (напр.: **А хура й досі там; Прийшов, побачив, переміг; Спалити кораблі** і т. ін.), “крилаті вислови” (напр.: **Чуття єдиної родини** (Тичина); **Людина – це звучить гордо** (Горький)). Крім того, в розробці словникової статті даються різні усталені сполуки: усталені форми привітань (**доброго ранку!; здоровенькі були!; на все добре!**), формули ввічливості при звертанні до інших (**будь ласка, будьте ласкаві** і т. ін.), мовні штампи (кліше) (**до речі; у всякому разі**), усталені звороти ділової мови (довести до відома, висловити догану і т. ін.) і словосполучення, складові елементи яких є окремі слова з певним значенням, але одно з них може сполучатися з обмеженим колом інших слів (напр.: **нагла смерть; ходяча мораль; ходяча енциклопедія** та ін.).

Окремо подаються складні одиниці термінологічної і номенклатурної лексики, напр.: **борна кислота; красна риба** і т. ін.

Примітка 1: Приказки і прислів'я у Словнику до фразеології не включаються. Але вони можуть використовуватися як ілюстративні приклади до слів реєстру.

Примітка 2: Сполуки типу **Радянська Армія, Чорне море** становлять неподільні лексеми і можуть бути безпосередньою ілюстрацією до відповідного реєстрового слова (**Радянська Армія – на армія, Чорне море на море**).

§ 98. Фразеологія найбільше властива розмовному стилеві (хоч вона може входити і в інші стилі), і тому при наведенні її в Словнику позначка “розм.” не дається. Але при фразеологічних одиницях книжного характеру, а також при фразеологізмах із забарвленням іронії, жартівливості чи зневажливості відповідні позначки даються за зразком: **Як в аптєці, жарт.** – дуже точно; **Як корові сідло, зневажл.** – зовсім, аж ніяк не пасує комусь.

§ 99. Фразеологічні звороти в своїй масі мають не пряме, а переносне значення, а тому при них позначка “перен.” не ставиться: подавання цих зворотів після ромба ясно показує, що вони не пов'язуються безпосередньо із значеннями слова, яке розробляється в тій словниковій статті, до якої вони включені, а переносність їх значення розкривається тлумаченням.

§ 100. Різноманітні усталені словосполучення (з тлумаченнями і ілюстраціями) даються з абзаца після розробки реєстрового слова.

Окремим абзацом подаються, після світлого трикутника (Δ), словосполучення термінологічного і номенклатурного характеру; при таких сполуках даються вказівки про належність їх до певної галузі науки тощо, коли це не розкривається в самому їх тлумаченні.

Фразеологічні зрощення (ідіоми), фразеологічні єдності, словосполучення літературного походження і “крилаті вислови” наводяться після світлого ромба (◇) з нового абзаца.

§ 101. Коли реєстрове слово поділяється на кілька значень, відокремлених цифрами, то сталі словосполуки і фразеологія подаються відповідно при кожному з тих значень, до яких вони належать.

га́ва... 1. (Тлумачення. Приклад).

◇ **Га́ва [гави] лови́ти.** (Тлумачення. Приклад).

2. *перен.* Про неуважну людину; роззява...

§ 102. Коли серед фразеологічних зворотів до багатозначного слова є такі, що їх важко пов'язати з тим або іншим значенням даного слова, то такий фразеологічний матеріал дається після розробки всіх значень після жирного ромба (◆) (див., напр., слово **брати** в І т. Словника). Так само на кінець розробки за жирний ромб (◆) виноситься фразеологічна сполука, що має декілька значень, які семантично співвідносяться з різними значеннями багатозначного слова.

§ 103. Коли у фразеологічному звороті ясно виступає його основне слово, його змістовий центр, то зворот дається при цьому слові.

Наприклад, звороти **скла́сти ру́ки, згорну́ти ру́ки, не поклада́ючи рук, скла́сти збро́ю** (визнати себе переможеним) і т. ін. даються відповідно при дієсловах **скла́сти, згорну́ти, поклада́ти**; тут же даються пояснення їх значень (тлумачення) і ілюстрації; при словах **рука́ і збро́я** теж наводяться ці звороти, але без пояснень і прикладів, лише з відсиланням (ремарка *див.*) до основних слів (**скла́сти, згорну́ти, поклада́ти**).

§ 104. За принципом основного слова подається різного змісту і складу фразеологічний матеріал, а саме:

1. Фразеологічні словосполучення, в яких прикметники,

дієприкметники або займенники надають їм основного змістового значення, наводяться і розробляються при цих основних словах. Наприклад: фразеологізми **телячі ніжності, кисла міна, в такому разі, зачароване коло** наводяться при словах **телячий, кислий, такий, зачарований**, а при іменниках **ніжність, міна, раз, коло**, де повторюються ці звороти, даються лише посилання на основні слова.

2. Словосполучення, що складаються з іменника + іменник, який

є непрямим означенням до першого іменника, доцільно розробляти під першим іменником; напр.: **точка зору, на точці замерзання, яблуко роззбрату (яблуко свар)** – під словами **точка і яблуко**.

3. Сполучення дієслова з іменником розробляються при дієсловах або при іменнику – залежно від змістової ваги кожної з цих складових частин звороту. Напр., звороти **занепадати на здоров'ї, занепадати духом** і под. розробляються під дієсловом **занепадати**, а звороти **піймати облизня, ловити гави, брати гору** – під словами **облизень, га́ва, гора**.

П р и м і т к а: Звороти, в яких з двох основних змістових (повнозначних) слів одно може заступатися іншим, утворюючи паралельний рівнозначний зворот, подаються під словом, яке не замінюється. Наприклад: **рукою подати і рукою докинути** (у знач. “близько”) наводяться під словом **рука [рукою подати (докинути)]**, а **убитися в пір'я і убитися в колодочки** – під словом **убитися [убитися в колодочки (в пір'я)]**; **напнути мокрим рядном і накрити мокрим рядном** – на слово **рядно [накрити (напнути) мокрим рядном]**.

4. Фразеологічні сполучення, що складаються з дієслова і прислівника, розробляються при прислівниках, як таких частинах зворотів, що є змістовим центром їх. Напр., вирази **дорого дав би, мілко плавати, іти в ногу** (з ким – чим), **на широку ногу** і подібні наводяться при відповідних прислівниках **дорого, мілко та**

при прислівникових утвореннях від іменників: **в ногу, на широку ногу**, тобто при відповідному іменнику (**нога**).

Коли в таких словосполученнях замість звичайного прислівника буває дієприслівник із значенням прислівника, то зворот подається при відповідному дієслові. Напр.: вирази **працювати (робити) закачавши рукава, (сидіти) згорнувши руки** і под. розробляються при дієсловах **закачати, згорнути** (точніше, в статтях **зака́чувати, згорта́ти**).

§ 105. Коли в певному фразеологічному звороті не можна визначити центральне, головне в змістовому відношенні слово, то такий зворот подається в Словнику за принципом граматично (а не змістово) провідного слова або за першим його повнозначним (не службовим) словом.

За принципом граматично провідного слова подаються в Словнику такі групи фразеологічних зворотів (причому, як звичайно, вони наводяться і при інших повнозначних словах звороту з посиланням на провідне слово):

1. Словосполучення, що складаються з двох взаємодоповнюючих дієслів, з яких друге є додатковим членом при першому, а також аналогічні звороти з дієслова + прислівник або іменник, як, напр., **да́ти зна́ти, да́тися зна́ти, да́ти себе́ зна́ти, да́тися визна́ти, на́кива́ти п'я́тами** і под., розробляються при першому слові, як граматично провідному в сполученні.

2. Словосполучення, що становлять з погляду граматичного двоскладне речення (напр.: **[як] кіт напла́кав, ду́ша схова́лася в п'я́ти** і под.), розробляються при відповідних дієсловах-присудках.

3. Словосполучення, що становлять безособові речення, як, напр.: **що б не бу́ло, ші́ла в мі́шкú не вта́їти, на́че нічо́го й не бу́ло, ко́лі на те пі́шло** і под., розробляються при відповідних дієсловах.

4. При повнозначному слові розробляються:

1) Такого типу фразеологізми, як сполучення іменника з прийменником: **до лиця́, на ру́ку (кому); до ре́чі, не до со́лі, без жа́ртів, не до жа́ртів** і т. ін.; 2) фразеологізми, що становлять повторення того самого слова (іноді в різних формах), напр.: **сам на са́м; раз у ра́з; день у де́нь...**; 3) звороти, що складаються з рівноправних з погляду синтаксичного слів, як: **ча́сто й гу́сто, так і ся́к, ні ри́ба ні м'ясо́**; 4) звороти вигукowego або прислівникового характеру, як: **де́ там!, куди́ там!, на́ тобі!, оце́ та́к!, ко́лі це..., аж о́сь** і под.

5. Словосполучення, що становлять порівняльні звороти, напр.: **як горóх при до́рбі, мов у во́ду опу́щений, на́че в прі́рву, як сіль в о́ці** і т. ін. (при словах **горóх, вода́, прі́рва, сіль**).

§ 106. Словосполучення-ідіоми, до складу яких входять архаїчні або взагалі рідко вживані слова, напр., вирази: **точі́ти (верзті́, правіти) тереве́ні, узя́ти в шóри, попа́сти в кросна, увірва́вся терпе́ць** і под., розробляються при цих словах (**тереве́ні, шóри, кросна, терпе́ць**).

§ 107. Коли якесь олово з фразеологічного звороту може заступатися іншим, то це друге слово ставиться в круглі дужки поряд з першим, напр.: **точі́ти (верзті́, правіти) тереве́ні; накрі́ти (напну́ти) мо́крим ря́днóм; припа́сти до се́рця (до душі́, до впо́доби)** і т. ін.

Коли у фразеологічному звороті якесь слово не є обов'язковим (тобто коли зворот уживається і без цього слова), то воно ставиться в квадратні дужки, напр.: **[аж] па́льці зна́ти; ски́нути (струсі́ти) [з себе́] ве́тхого Ада́ма; пі́ти гіркú [ча́шу]; намота́ти [собі́] на ву́с (на ву́са)** і т. ін.

При розробці фразеологічних сполук потрібно стежити, щоб при реєстровому слові не подавалися варіанти до нього в дужках. Наприклад, недоцільно при

слові **волосіна** подавати фразеологічну сполуку у формі – **Висіти на волосіні (волосінці, волоскѣ)**. Кожна така сполука подається при своєму реєстровому слові. Найширше вживана **Висіти на волосіні** тлумачиться повно при слові **волосіна**, **Висіти на волосінці** – при слові **волосінка**, з відсиланням на найширше вживану – те саме, що **Висіти на волосіні** (*див. волосіна*); **Висіти на волоскѣ** – при слові **волосѣк** також з відсиланням – те саме, що **Висіти на волосіні** (*див. волосіна*).

Однотипні фразеологічні сполуки, що подаються при безпрефіксовому дієслові недоконаного виду і при відповідному префіксальному дієслові доконаного виду, розробляються кожна на своєму місці. Наприклад: **дѣрти гѣрло** розробляється при дієслові **дѣрти, надѣрти гѣрло** – при дієслові **надѣрти**.

§ 108. Коли словосполучення може вживатися з дієсловом недоконаного і доконаного виду, що різняться суфіксами, то такий зворот дається при дієслові недоконаного виду, а форма другого виду ставиться в круглі дужки, напр.: **завдвѣти (завдѣти) чѣсу** і т. ін. Тлумачення в таких випадках дається тільки до недоконаного виду.

§ 109. Коли фразеологічне словосполучення має кілька значень, то ці значення даються в послідовності, залежній від їх уживаності, і позначаються літерами а), б); тлумачення подаються з малої літери; ремарки, якщо є, беруться в дужки.

Напр.: при слові **впадѣти: впадѣти (впѣсти) в ѓко (в ѓчі)**:

а) (*звич. в 3-й ос.*) бути помітним, привертати увагу...;

б) (*кому, звич. в мин. ч. док. виду*) сподобатися, припасти до серця...

§ 110. Коли при одному слові або при окремих значеннях слова є ряд сталих сполук або фразеологічних зворотів, то вони подаються в своїх абзацах за алфавітом.

Так само за алфавітом подаються і фразеологізми, винесені в розробці слова за жирний ромб.

Порушення алфавітного порядку можна робити тільки в тих випадках, коли треба подати поряд близькі між собою (змістом і граматичним складом) фразеологічні конструкції.

Різноструктурні, але однакові змістом сполуки даються разом і відділяються між собою крапкою з комою. Кожна фразеологічна сполука пишеться з великої літери. Розроблені в одному місці різноструктурні сполуки на своїх місцях (у цій же статті) за алфавітом не подаються. Наприклад: при слові **дѣмка** словосполучення – **Вікинути з дѣмки кого, що; Покінути дѣмку про кого-що** – забути, перестати думати – розробляються в одному місці; при слові **зваліти** – **Ніби гѣру з плечѣй зваліи (зваліла); Ніби кáмiнь з душі зваліи (зваліла)** – уживається для вираження відчуття полегшення після звільнення від чогось обтяжливого – також розробляються разом і т. ін.

VII. ПРИКЛАДИ-ІЛЮСТРАЦІЇ ДО РЕЄТРОВИХ СЛІВ

§ 111. Для потвердження існування слова в мові, для наочного і повнішого розкриття його значення, його вживання в певній ділянці, в певному словесному оточенні і з певним стилістичним забарвленням у Словнику даються цитати-приклади вживання слова в літературній мові.

§ 112. Ілюстрації, що подаються в Словнику, беруться з усіх наявних джерел: з художньої літератури (починаючи від Котляревського), з творів класиків марксизму-ленінізму, з літератури публіцистичної, науково-популярної, з підручників для середньої школи, з журналів і газет та ін.

§ 113. При кожній цитаті-ілюстрації позначається її джерело: для художніх творів – автор, назва твору або – позначення тому, рік видання, сторінка; для творів класиків марксизму-ленінізму – автор, позначення тому, рік видання, сторінка; для наукової, науково-популярної літератури і підручників – назва, рік, сторінка;

для журнальної літератури – назва журналу, номер, рік, сторінка; для матеріалів із газет – назва газети, дата, сторінка.

Прізвища авторів і всі назви творів (джерел) даються в скороченні, обумовленому спеціальним показником скорочень використаних джерел. Прізвища авторів-класиків марксизму даються повністю.

§ 114. Приклади-ілюстрації наводяться по змозі короткі, але такі, які б ясно розкривали значення ілюстрованого слова.

Вони звичайно становлять одно закінчене речення (рідко – два речення); надто довге речення скорочується.

П р и м і т к а 1: У прикладах-ілюстраціях не повинно бути слів, які не будуть внесені до реєстру Словника (крім тих, кількість яких у Словнику спеціально обмежується Проспектом, типу **по-різному, по-хазяйському, понамальовувати, понаносити** тощо).

В окремих випадках, коли приклад-ілюстрація з таким словом дуже потрібен і його нічим замінити, він використовується, але значення слова, що не буде внесене до реєстру, розкривається в квадратних дужках.

П р и м і т к а 2: Іноді (у крайніх випадках) можна використовувати ілюстративний матеріал, у якому окремі слова зафіксовані з відхиленням від сучасної правописної норми. У таких випадках після слів з відхиленнями в квадратних дужках другий раз записуються ці слова за сучасними правописними нормами. Наприклад: *До того люд домуштровали* [домуштрували], *Що сам фельдфебель дивовались* [дивувались] і *маршировкою і всім* (Шевч., III, 1953, 280).

§ 115. Коли в цитаті при її скороченні підмет, то він вноситься в квадратних дужках, напр.: *”Довго крутилась* [жінка] *по бескетам та по ярках”* (Сл. Гр.).

Аналогічно до цього, коли береться ілюстрація, в якій взагалі немає підмета, він наводиться в квадратних дужках на підставі ширшого тексту, напр., на слово **мрія**: *”Пестила* [Маланка] *мрію про землю, а земля встала проти неї ворожа”* (Коцюб., II, 1955, 105).

§ 116. Коли в середині цитати підмет буває виражений займенниками **він, вона, воно, вони, сам, сама** та ін. або час чи місце дії визначається прислівниками **тоді, там, туди** тощо, в разі потреби, для ясності ці займенники і прислівники розкриваються в квадратних дужках, напр.: на слово **бїтися**: *”Довго билася вона* [учителька] *на цьому слові з Романом, доки вкрай вимучила себе і хлопця”* (Вас., I, 1959, 63).

Розкриваються в цитатах також клички тварин, прізвиська людей – звичайно, в тих випадках, коли відповідні слова, залишившись без пояснення в дужках, можуть спричинитися до двозначності або неясності.

П р и м і т к а: Розкриття-пояснення, що даються в квадратних дужках, не слід ставити на початку цитати.

§ 117. Ілюстрації-цитати даються (як загальна вимога) при таких групах слів: а) при словах, які, крім прямого значення, мають і значення переносне (або переносні); б) при словах, що мають взагалі кілька значень; в) при словах, які мають певні стилістичні позначки, для потвердження цих позначок.

§ 118. Ілюстрації треба давати до окремих значень слова, їх відтінків, до сталих сполук і фразеологізмів.

§ 119. При похідних словах з посиланням до основного слова, замість спеціальної розробки, цитати-ілюстрації даються в порядку значень, причому належність ілюстрації до того чи іншого значення ніяк не позначається, незалежно від того, чи на всі ці похідні значення є потрібний ілюстративний матеріал, чи нема.

§ 120. Приклади-ілюстрації беруться з джерел відповідно до характеру пояснюваних слів (або окремих їх значень). Тому до слів загальномовних (не спе-

ціального вжитку) приклади-цитати даються з художньої літератури, з народної творчості, з популярно-наукових і публіцистичних творів і под. Навпаки, для ілюстрування реєстрових слів спеціального характеру приклади даються переважно з фахових праць, з підручників для школи і под.

Відповідно до цих вимог даються також приклади-цитати до сталих сполук і до фразеологізмів.

П р и м і т к а: При словах-термінах і номенклатурних назвах, коли в матеріалах є приклади на такі слова з спеціальної літератури і з художньої літератури, для показу ширшого вживання слова даються приклади з обох джерел (на першому місці приклади з спеціальної літератури, а після них - з художньої літератури).

§ 121. Коли до реєстрового слова або окремих його значень дається дві або більше ілюстрацій, ці ілюстрації бажано добирати з літератури різних періодів (дожовтневої XIX і XX ст. і пожовтневої), а також, по можливості, з письменників різних територіальних частин України.

П р и м і т к а: Образне вживання слова, вживання у порівнянні, а також різнотипні сполуки, крім термінологічних і номенклатурних, ілюструються, як правило, одним прикладом.

§ 122. Коли при одному слові чи його значенні є дві чи більше цитат-ілюстрацій з різних періодів літератури, вони даються за часовою послідовністю: спочатку з давніших авторів, а потім – з новіших.

П р и м і т к а 1: При наявності в матеріалах цитат-ілюстрацій з народної творчості (Номиса, Чубинського та ін.) і з художньої літератури першими звичайно даються цитати з народної творчості.

П р и м і т к а 2: Додержання хронологічного принципу наведення ілюстрацій не повинне порушувати семантичної послідовності в розробці матеріалу, а саме: в дієслівній парі даються спочатку цитати на недоконаний вид, а потім – на доконецький; у похідних словах – за порядком значень основного слова.

П р и м і т к а 3: Ілюстрації при фразеологічних сполуках із синонімічними варіантами подаються в порядку розміщення цих варіантів, а не в хронологічному плані.

Наприклад: **Як (мов, ніби, ніаче і т. ін.) найнявся (найнялася, найнялося і т. ін.)** – тлумачення. *А дощ переїщить, як найнявся* (Кучер, Голод, 1961, 279); *Рубав дрова] до самого вечора, мов найнявся* (Л. Укр., III, 1952, 640); *Сонце, неначе найнялося, так немилосердно пече* (Хижняк, Килимок, 1961, 46).

§ 123. Замість прикладів-цитат з різних джерел іноді до слів реєстру даються як ілюстрації короткі словосполучення з двох-трьох слів з пояснюваним реєстровим словом. Словосполучення рідко можуть бути при словах загальноновживаних (бо на них звичайно є потрібні приклади-цитати), а застосовуються вони переважно при інших словах – термінологічних і номенклатурних, при словах спеціальних і вузкого вжитку, коли до них рідше може бути відповідний змістом і формою цитатний матеріал, напр.:

блискавічний... 1. Прикм. до **бліскавка**. *Блискавичне сяйво* (без посилання на джерело).

2. Швидкий, як блискавка (Цитата. Джерело).

П р и м і т к а: Словосполучення до пояснюваних слів беруться, як правило, з наявних матеріалів, на підставі яких укладається Словник.

§ 124. Без прикладів-цитат і без словосполучень можна давати в Словнику такі, напр., лексичні одиниці, як назви народів, племен, назви професій, знарядь виробництва і інші подібні, особливо слова такого ж характеру без розгалужених значень.

VIII. ТЕХНІЧНЕ ОФОРМЛЕННЯ ТЕКСТУ СЛОВНИКА

§ 125. Розміщення тексту в кожній словниковій статті

Весь словниковий текст при кожному слові розміщується в такому порядку.

Після наведення реєстрового (заголовного) слова даються основні (а при потребі – і додаткові) його форми (скорочено або повністю); після них – потрібні позначки до слова: визначення роду, стилістичні та ін. Потім дається тлумачення слова і тут же наводиться приклад-цитата (або приклади-цитати) чи приклад-словосполучення. Цитата супроводиться посиланням на джерело.

Після розробки заголовного слова подаються з абзаца різні сталі сполуки.

Другим елементом, що дається після розробки заголовного слова, можуть бути термінологічні сполуки; вони даються з абзаца після трикутника (Δ). Галузеві сполуки, що конкретно не стосуються жодного із значень слова, при якому вони подаються, виносяться за жирний трикутник ($\blacktriangle$) на кінець розробки.

Нарешті, з реєстровим словом можуть пов'язуватися фразеологічні сполуки; даються вони в словниковому тексті з абзаца після світлого ромба ($\diamond$), а фразеологічні звороти, які наводяться після всіх значень слова, даються після жирного ромба ($\blacklozenge$).

§ 126. Шрифти в Словнику

У всьому Словнику вживаються шрифти: жирний, світлий, курсив і розбивка.

1. Жирним прямим шрифтом даються в Словнику всі заголовні реєстрові слова. Цим же шрифтом даються термінологічні сполуки і фразеологічні звороти, що можуть бути при реєстрових словах, а також ті слова, на які робиться посилання ремаркою “*див.*” (напр.: **байбáк** *див.* **бабáк**; **бúбен** *див.* бúбон і т. ін.), ті слова, на які в тлумаченні вказується як на основні до реєстрових похідних слів (напр.: **краще**. Присл. до **кращий**; **хвилюючий**... Дієпр. акт. теп. ч. до **хвилювати**), а також слова, на які в тлумаченні вказується за формулою “Те саме, що...” (напр.: **брязкіт**... Те саме, що **брязк**).

2. Світлим прямим шрифтом (так званим “своїм”) даються в Словнику всі граматичні (основні і додаткові) форми слів (тобто флексії або скорочені чи повні граматичні форми), тлумачення реєстрових слів, вставки, які для більшої ясності вносяться в текст цитати, а також слова, які можуть бути внесені в цитату для пояснення в ній якогось слова, і, нарешті, позначення джерел наведених прикладів-цитат.

3. Курсивом (світлим) даються в Словнику всі інші (крім указаних вище в п. п. 1, 2 і далі в п. 4) елементи словникового тексту, тобто: визначення роду слів або їх належності до певної граматичної категорії, позначки *мн.*, *невідм.*, визначення стилістичного характеру слова (*розм.*, *книжн.* та ін.), визначення керування (*кого, що, з інфін.*, *із спол. як* та ін.), визначення належності до якоїсь ділянки знань (напр.: *техн.*, *хім.*, *спец.* і т. ін.); посилання на інше слово (позначка *див.*) і т. ін., а також приклади-цитати з джерел і приклади-словосполучення.

Примітка: Але такі визначення при словах, які дорівнюють їх тлумаченню, наводяться не курсивом, а світлим шрифтом, напр.: **білячий**... Прикм. до **білка**...; **буяння**... Дія за знач. **буяти**.

4. Розбивкою даються слова: 1) які в тлумаченні наводяться як приклади, напр., **абрєвіа́тура**... Слово, що становить скорочення двох або кількох слів, напр.: колго сп, райвиконком...; 2) які називаються у тлумаченні, напр.: **а²**, *спол.* 1. *протистав.*: а)...; за значенням близький до слів: а л е, п р о т е, н а в п а к и... Розбивкою даються також назви дійових осіб, коли наводиться приклад-цитата з мови дійової особи драматичного твору.

§ 127. Розділові знаки в Словнику

1. К о м а (,) ставиться: 1) після наведення реєстрового слова перед його граматичними формами; 2) між кількома (при їх наявності) граматичними формами, що можуть бути при реєстровому слові; 3) перед стилістичною чи іншою позначкою (після наведення граматичних форм), що може стояти перед тлумаченням; 4) між окремими різнотипними позначками, що можуть бути при реєстровому слові або при його значеннях.

2. К р а п к а (.) ставиться: 1) після граматичного і стилістичного оформлення слова перед його тлумаченням (або, при відсутності граматичних форм і стилістичних та інших позначок, – взагалі перед тлумаченням слова); 2) після тлумачення перед прикладом-цитатою або прикладом-словосполученням; 3) після цифр 1, 2 і т. д., якими позначаються окремі значення слова; 4) в кінці абзаца; 5) в кінці словникової статті (словникового гнізда).

3. К р а п к а з к о м о ю (;) вживається в тексті Словника в таких випадках: 1) після наведення основних граматичних форм і стилістичних та інших позначок перед можливими позначками *мн.* (множина), *мін. ч.* (минулий час), *наказ. сп.* (наказовий спосіб); 2) перед можливим додатком або розширенням тлумачення і синонімом або антонімом до реєстрового слова або його відтінків; 3) між окремими прикладами-цитатами або словосполученнями до реєстрових слів, а також між окремими фразеологічними зворотами або термінологічними сполуками, коли їх дається кілька; 4) перед знаком // (двома похилими рисками), тобто коли виділяється не нове значення слова, а тільки відтінок його значення; 5) перед позначками: “у *знач. ім.*” (у значенні іменника), “*безос.*” (безособове вживання дієслова), “*безос. присудк. сл.*” (як безособове присудкове слово), перед якими ставиться знак // (дві похилі риси); 6) перед позначками “*Образно*” (в образному вживанні) і “*У порівн.*” (у порівнянні), перед якими ставиться зірка (*).

4. Д в о к р а п к а (:;) вживається в тексті Словника в таких випадках: 1) після відтвореного називного відмінка складного прислівникового або фразеологічного звороту (напр.: *бэзцінь, невідм.: За бэзцінь, присл. – дуже дешево...; байдики, ів, мн.: ♠ Байдики біти – нічого не робити*; 2) після слова (або звороту), що може мати кілька відтінків у значенні (напр.: *впадати (впасти) в око (в очі): а) (звич. в 3-й ос.) бути, ставати помітним, привертати увагу...; б) (кому, звич. в мін. ч. док. виду) сподобатися, припасти до серця...; 3) після назви дійової особи драматичного твору, коли далі наводиться пряма мова цієї особи (назва дійової особи ставиться в квадратних дужках) [І в а н:], [М и к о л а С т е п а н о в и ч:].*

П р и м і т к а 1. Ремарки, що використовуються в драматичних творах, звичайно опускаються. Якщо є необхідність їх використовувати в Словнику – оформляються так: [М а р і я (*виходить на середину кімнати*):].

5. Знак д в і к р а п к и (..) вживається: 1) в цитатованому тексті на місці пропущеної частини його в середині цитати; 2) на місці скорочення цитати на початку, в кінці або в середині її, коли цитата взята з творів класиків марксизму.

6. Т и р е (–) ставиться: 1) в тексті Словника перед розкриттям (тлумаченням) термінологічного сполучення або фразеологічного звороту (саме тлумачення в цих випадках дається з малої літери); 2) у цитатах перед прямою мовою (не авторською). Коли в оригіналі цитати пряма мова подана в лапках, то цитата вноситься без лапок, а перед початком прямої мови так само ставиться тире.

7. Д у ж к и вживаються в таких випадках: а) у круглих дужках даються: 1) джерела прикладів-ілюстрацій; 2) паралельно вживані синоніми у фразеологічних зворотах (напр.: *точіти (верзті, правити) теревені*); 3) дієслова доконаного виду при дієсловах недоконаного виду у фразеологічних зворотах, коли вони

можуть бути з дієсловами обох видів (напр.: **завдавати (завдати) чо́су** і т. ін.); 4) слова, які у фразеологічних зворотах можуть бути в різній формі (напр.: **намотати на вус (на ву́са)**); б) у квадратних дужках даються: 1) вставки, які для більшої ясності вносяться (від автора словника) в текст цитати, напр.: *Пестила [Маланка] мрію про землю...*, а також слова, що можуть бути внесені в цитату для пояснення в ній якогось слова; 2) у фразеологічних зворотах слова, які не є в них обов'язковими (напр.: **намотати [собі] на вус (на ву́са)**); 3) назва дійової особи драматичного твору, коли цитується пряма мова цієї дійової особи.

П р и м і т к а 1: У прикладах-цитатах зберігається, звичайно, та їх пунктуація, що є в оригіналі. Зокрема у прикладах із творів класиків марксизму-ленінізму зберігаються і підкреслення, які можуть бути в оригіналі. Ці підкреслення подаються в Словнику жирним курсивом (або жирним прямим шрифтом, бо цитати взагалі даються завжди світлим курсивом).

П р и м і т к а 2: При скороченні цитати на її початку цитата пишеться з великої літери. Але коли скорочується на початку цитата з творів класиків марксизму, то вона пишеться з малої літери – після знака скорочення – двох крапок (...). Скорочення в кінці цитати з творів класиків марксизму так само позначається двома крапками. Коли в кінці цитати, що скорочується, є знак питання або знак оклику, треба ці знаки залишати в кінці скороченої цитати.

§ 128. П р а в о п и с. Н а г о л о с.

В орфографічному оформленні свого тексту, тобто в подаванні заголовних слів та їх форм, у тлумаченнях і в ілюстративному та фразеологічному матеріалі Словник додержується “Українського правопису” 1960 р. У зв'язку з цим і в цитатному матеріалі з джерел, виданих до 1960 року, текст дається відповідно до останнього видання правопису.

З наголосами даються в Словнику реєстрові слова і можливі при них стали та термінологічні сполучення або фразеологічні звороти. Проставляються також наголоси на основних і додаткових граматичних формах заголовних слів, коли це потрібно для показу наголошення їх проти початкових форм (напр.: **бик**, **а́**; **бі́р**, **бо́ру**; **бі́гти**, **бі́ж**, **бі́ж**, **бі́ж**...). З наголосом даються і слова, на які робиться посилання “див.” (напр.: **ві́бити див. ви́бивати**) або на які вказується в тлумаченні як на основні до похідних реєстрових слів (напр.: **ба́нальний...** Абстр. ім. до **ба́нальний...**; **бандури́стка...** Жін. до **бандури́ст...**; **блі́жче**. Присл. до **блі́жчий...** і т. ін.), а також слова, які в тлумаченні вказуються за формулою “Те саме, що...” (напр.: **арф'я́рка...** Те саме, що **арфі́стка**).

Коли неодноскладове слово може мати два наголоси, то вони показуються обидва (напр.: **ба́йду́же**, **по́милка** і т.ін.). У складних словах, що пишуться через дефіс, наголоси подаються на обох складових частинах, напр.: **марксі́зм-леніні́зм**, **робі́тничо-се́лянський**, **ча́сто-гу́сто...** В такого ж типу словах, у склад яких входить два або три односкладових слова, наголос дається звичайно один, напр.: **бу́дь-хто́**; **бу́дь-чий**, **бу́дь-що-бу́дь**.

В цитатному тексті наголоси звичайно не ставляться, але зберігаються, коли вони є в самому джерелі, в оригіналі (напр., на слово **шкода́**: *Шкода́ з тобою розмовляти* (Гл., Вибр., 1957, 200); *Підмога сильна підійшла, Але шкода́, вже пізно!* (Л.Укр., I, 1951, 359).

А В Т О Р И

Алексієнко Людмила Антонівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри сучасної української мови Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; e-mail: labacompli@gmail.com

Бибик Світлана Павлівна – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу стилістики та культури мови Інституту української мови НАН України; e-mail: sbybyk@mail.ru

Бондар Олександр Іванович – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; e-mail: ladumyrb@yahoo.com

Винник Василь Олексійович – кандидат філологічних наук, професор.

Галас Борис Кирилович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови Ужгородського національного університету; e-mail: bhalas@i.ua

Гнатюк Ірина Святославівна – кандидат філологічних наук, доцент, заступник директора з наукової роботи Інституту української мови НАН України, завідувач відділу лексикології та лексикографії; e-mail: iryna.gnatyuk@gmail.com

Городенська Катерина Григорівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач відділу граматики Інституту української мови НАН України; e-mail: ukr.grammar@rumbler.ru

Гриценко Павло Юхимович – доктор філологічних наук, професор, директор Інституту української мови НАН України, завідувач відділу діалектології; e-mail: hrytsenko_pavlo@ukr.net

Данилюк Ніна Олексіївна – доктор філологічних наук, професор кафедри української мови Волинського національного університету імені Лесі Українки; e-mail: nina_daniljuk@ukr.net

Дарчук Наталія Петрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри сучасної української мови, керівник лабораторії комп'ютерної лінгвістики Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; e-mail: labacompli@gmail.com

Драгићевић Рајна – доктор филолошких наука и професор Филолошког факултета Универзитета у Београду, Ради на Катедри за српски језик и јужнословенске језике; e-mail: rajnad@yahoo.com

Дубічинський Володимир Володимирович – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української, російської мов і прикладної лінгвістики Національного технічного університету “Харківський політехнічний інститут”; e-mail: vovodu@bk.ru

Єрмоленко Світлана Яківна – член-кореспондент НАН України, доктор філологічних наук, професор, завідувач відділу стилістики та культури мови Інституту української мови НАН України; e-mail: kultura-slova@ukr.net

Жуйкова Маргарита Василівна – доктор філологічних наук, професор кафедри прикладної лінгвістики Волинського національного університету імені Лесі Українки; e-mail: mzhujkova@gmail.com

Івановић Ненад – магистар филолошких наука, докторанд, Сарадник Института за српски језик САНУ, Помоћни уредник Речника САНУ; e-mail: nenad.ivanovic@isj.sanu.ac.rs

Калашиник Володимир Семенович – доктор філологічних наук, професор кафедри української мови Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; e-mail: ukrmova.svobody4@gmail.com

Карпіловська Євгенія Анатоліївна – доктор філологічних наук, професор, завідувач відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України; e-mail: karpilovska@gmail.com

Клименко Ніна Федорівна – член-кореспондент НАН України, доктор філологічних наук, професор, провідний науковий співробітник відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України; e-mail: vismaling@gmail.com

Ковалевська Тетяна Юріївна – доктор філологічних наук, професор кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; e-mail: kovalevska@arstv.od.ua

Колоїз Жанна Василівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української мови Криворізького педагогічного інституту ДВНЗ “Криворізький національний університет”; e-mail: koloiz_zv@gmail.com

Кочерган Михайло Петрович – доктор філологічних наук, професор.

Кравченко Євдокія Григорівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови та прикладної лінгвістики Донецького національного університету; e-mail: evdok98@rambler.ru

Левченко Олена Петрівна – доктор філологічних наук, доцент, завідувач кафедри прикладної лінгвістики Інституту комп'ютерних наук та інформаційних технологій Національного університету “Львівська політехніка”; e-mail: levchenko.olena@gmail.com

Лемцюгова Валянцина Пятроўна – доктор філологічних наук, професор, галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі; e-mail: ira175@tut.by

Лозова Ніна Євгенівна – науковий співробітник відділу лексикології та лексикографії Інституту української мови НАН України; e-mail: slovsprava@ukr.net

Максимович Кирилл Александрович – доктор філологічних наук, ведучий научний співробітник Інституту російської мови ім. В. В. Виноградова РАН; e-mail: kmaksimovic@rambler.ru

Малышева Ірина Алексеевна – доктор філологічних наук, професор, ведучий научний співробітник Інституту лінгвістических досліджень РАН; e-mail: iamalysheva@mail.ru

Малюга Наталія Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент Криворізького педагогічного інституту ДВНЗ “Криворізький національний університет”; e-mail: Maliuga_Natalia@ukr.net

Мартинова Ганна Іванівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри українського мовознавства Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького; e-mail: ganmart@meta.ua

Марченко Тетяна Яківна – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу західно- і південнослов'янських мов Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні; e-mail: tetymarch@ukr.net

Merše Majda – PhD, Associate Prof., Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša; e-mail: mmerse@zrc-sazu.si

Мызников Сергей Алексеевич – доктор філологічних наук, завідувач Словарним відділом Інституту лінгвістических досліджень РАН; e-mail: myznikovs@rambler.ru

Мялковська Людмила Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент, докторант відділу стилістики та культури мови Інституту української мови НАН України; e-mail: myalkovska@gmail.com

Пелепейченко Людмила Миколаївна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри філології, перекладу та мовної комунікації Академії внутрішніх військ МВС України; e-mail: Pelepeychenko@mail.ru

Плюц Марія Яківна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української мови Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова.

Пономарів Олександр Данилович – доктор філологічних наук, професор кафедри мови та стилістики Інституту журналістики Київського національного університету імені Тараса Шевченка; e-mail: odoron@mail.ru

Прадід Юрій Федорович – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри українського мовознавства, декан факультету української філології Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського; e-mail: praid1@rambler.ru

Ристий Стана – др Стана Ристий, научни саветник, Институт за српски језик САНУ, руководаца пројекта *Лингвистичка истраживања савреног српског језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*; e-mail: stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

Рычкова Людмила Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета им. Янки Купалы; e-mail: rynchkova@grsu.by

Ройтер Тільманн – доктор філологічних наук, професор Інституту Славістики Клагенфуртського університету; e-mail: tilmann.reuther@uni-klu.ac.at

Самойлова Ірина Анатоліївна – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу лексикології та лексикографії Інституту української мови НАН України; e-mail: slovsprava@ukr.net

Симоненко Людмила Олександрівна – кандидат філологічних наук, професор, провідний науковий співробітник відділу термінології Інституту української мови НАН України; e-mail: terminolog@ukr.net

Сніжко Наталя Володимирівна – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу лексикології та лексикографії Інституту української мови НАН України; e-mail: slovsprava@ukr.net

Старко Василь Феодосійович – кандидат філологічних наук, доцент, Волинський національний університет імені Лесі Українки; e-mail: vstarko@hotmail.com

Tafra Branka – Dr. sc. Branka Tafra, redoviti profesor u trajnom zvanju Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu; branka.tafra@hrstud.hr

Чернышева Маргарита Ивановна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; e-mail: chernysheva@bk.ru

Шаповал Виктор Васильевич – кандидат филологических наук, доцент Московского городского педагогического университета; e-mail: liloro1@yandex.ru

Шестакова Лариса Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; e-mail: lara.shestakova@mail.ru

Шчэрбін Вячаслаў Канстанцінавіч – кандыдат філалагічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі; e-mail: slavalex@mail.ru

Ярмак Вероніка Іванівна – кандидат філологічних наук, доцент, старший науковий співробітник відділу загальнослов'янської проблематики і східнослов'янських мов Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України; e-mail: yuveronika@gmail.com

Jarošová Alexandra – Mgr. Alexandra Jarošová, CSc., Vedúca projektu a hlavná redaktorka viacvzäzkového akademického Slovníka súčasného slovenského jazyka, Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied; e-mail: sasaj@juls.savba.sk

УДК 81(092)(082)
ББК 81д.я43
Н12

До друку рекомендувала вчена рада Інституту української мови НАН України (протокол № 12 від 10 серпня 2012 р.).

Рецензенти:

доктор філологічних наук, професор Л.Т. Масенко;
доктор філологічних наук, професор Н.П. Шумарова.

Редколегія:

П.Ю. Гриценко, доктор філологічних наук, професор (відп. ред.);
О.О. Микитенко, кандидат філологічних наук, провідний науковий співробітник;
Л.М. Хоменко, кандидат філологічних наук, доцент;
Н.С. Вербич, кандидат філологічних наук;
О.С. Іщенко, кандидат філологічних наук (секретар).

Н12 Критика у слов'янській лексикографії. Паламарчуку Леоніду Сидоровичу / Ін-т укр. мови НАН України: упорядн.: І. С. Гнатюк. – К.: КММ, 2012. – 280 с.: портр. – (Серія «Не все сплива рікою часу ...»).

ISBN 978-966-1673-10-5

Цією книгою вчені України, Білорусі, Польщі, Росії вшановують пам'ять відомого українського мовознавця – фонетиста, славіста, термінолога, лексикографа, перекладача – Алли Йосипівни Багмут (1929–2008). У статтях висвітлено проблеми української, інших слов'янських і германських мов, зокрема аспекти теоретичної та експериментальної фонетики, лексикографії, лексикології, термінології, соціолінгвістики, історії мови тощо.

Подано спогади про життя і наукову творчість та бібліографію праць А.Й. Багмут.

In this book the commemoration of Alla Yosypivna Bahmut (1929–2008) – famous Ukrainian linguist, viz. phonetician, Slavicist, terminologist, lexicographer and translator is intended by scientists of Ukraine, Belarus, Poland and Russia. The issues in Ukrainian, other Slavic and Germanic languages are raised in given studies of philology researchers; in particular there are aspects of theoretical and experimental phonetics, lexicography, lexicology, terminology, socio-linguistics, language history etc.

A remembrance stories about life and scientific effort of A.Y. Bahmut is filed, a bibliography of her publications is presented.

Інститут української мови НАН України © 2012
Колектив авторів © 2012
М ТОВ «КММ» © 2012

Науковий збірник
КРИТИКА У СЛОВ'ЯНСЬКІЙ ЛЕКСИКОГРАФІЇ
ПАЛАМАРЧУКУ ЛЕОНІДУ СИДОРОВИЧУ

Авторський колектив:

В.М. Абашина, О.В. Антоненко, О.В. Бас-Кононенко,
В.В. Бондаренко, В.М. Бріцин, О.Ю. Бріцина, Ю.Л. Булаховська,
Н.О. Валатовська, Л.П. Васильєва, Н.С. Вербич, В.В. Гаврилук,
Л.Н. Головка, П.Ю. Гриценко, М.К. Губарев, Л.І. Даниленко,
М.П. Дворжецька, С.С. Єрмоленко, М.І. Зубов, О.С. Іщенко,
О.А. Казанцева, Л.Е. Калнинь, М.О. Карпенко, А.А. Кожінова,
Т.М. Корольова, А. Коритовська, О.М. Корсак, Т.А. Космеда,
Т.Б. Лукінова, В.І. Могилевський, Л.О. Науменко,
Л.В. Непоп-Айдачич, В.В. Німчук, О.Л. Паламарчук, Н.П. Плющ,
Л.М. Процак, О.М. Руденко, Л.Ю. Сваричевська, І.А. Стоянов,
В.Г. Таранець, Л.М. Хоменко, Т.О. Черниш, І.А. Черняєва,
О.Р. Чмир, О.В. Ясіновська

Упорядник: І.С. Гнатюк

Художній редактор: Л.М. Чуприна

Технічний редактор: І.П. Тарасов

Комп'ютерна верстка: І.І. Тарасов

Підписано до друку 24.08.2012. Формат 70x100/16.
Друк офсетний. Папір офсетний. Ум. др. аркушів 17,5.
Шрифт Times. Наклад 500 прим.

Видавництво ТОВ “КММ”

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК №2373

Надруковано в типографії ТОВ “Атопол”
м. Київ, просп. Московський, 9

Серія «*Не все спливає рікою часу...*»

1. У силовому полі мови. Інні Петрівні Чепізі. – Київ: КММ, 2011: портр.

2. На хвилях мови. Аллі Йосипівні Багмут. – Київ: КММ, 2011: портр.

3. Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія. Ларисі Григорівні Скрипник. – Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011: портр.